О.Г. БОЛЬШАКОВ

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

IV

Апогей и падение арабского Халифата 695–750

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

О.Г.БОЛЬШАКОВ

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

Апогей и падение арабского Халифата 695*750

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2010

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Б79

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Большаков О.Г.

История Халифата : в 4 т. / О.Г. Большаков ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 1988–. — ISBN 5-02-018165-X

Т. IV. — 2010. — 367 с.: ил. — ISBN 978-5-02-036415-8 (в пер.)

В IV томе «Истории Халифата» (предыдущие вышли в свет в 1988, 1992, 1998 гг., I и II тт. переизданы в 2000 и 2002 гг.) излагаются события 695–750 гг. Это был период наивысшего внешнего могущества единого мусульманского государства, раздвинувшего свои границы до Южной Галлии, Ферганы и долины Инда, но постепенно терявшего внутреннее единство под давлением оппозиционных движений — шиитского, хариджитского и аббасидского. Верхнюю границу этого периода определило восстание сторонников Аббасидов, сменивших династию Умаййадов.

ISBN 978-5-02-036415-8

ВВЕДЕНИЕ

Восстановление политического единства Халифата после уничтожения в 694 г. Абдаллаха б. аз-Зубайра открыло новый этап в его истории. Поражение Ибн аз-Зубайра было не провалом претензий на верховную власть какого-то отдельного честолюбца: это было поражение претензий на первенство в мусульманской общине старой элиты ислама, потомков сподвижников Мухаммада и одновременно — курайшитской знати. В ходе гражданской войны в значительной степени утратила свое прежнее влияние группа мусульманской элиты, ансары, считавшие себя главными арбитрами в спорах о власти и носителями заветов пророка. Вместе с этим окончательно утратили ведущее политическое положение в государстве и священные города, Мекка и Медина. Первая сохранила только неоспоримую культурную значимость, вторая — роль хранителя и толкователя сунны пророка.

Восстановление единства Халифата сопровождалось усилением власти халифа в провинциях, осуществляемой через его наместников. Сирия и Палестина были вотчиной Умаййадов, большинством их округов управляли представители этого рода, а наместником всей восточной половины империи впервые стал не потомок сподвижников пророка и не представитель мусульманской знати Ирака, а мало кому прежде известный ал-Хаджжадж б. Йусуф из Таифа, прославившийся победой над Абдаллахом б. аз-Зубайром и безоговорочно преданный халифам. Он беспощадно расправился с вооруженной оппозицией мусульманской аристократии Ирака и стал править, опираясь на сирийскую гвардию, переселившись в основанную им новую столицу Ирака, Васит. Богатый Египет, отданный сначала во власть брата халифа, после его смерти также стал управляться ставленниками халифов. Укрепление непосредственной власти халифов в провинциях лишало их расположения и поддержки со стороны главной силы, обеспечивавшей господство над огромной территорией, — арабов-воинов, привыкших считать себя хозяевами.

Восстановление политической стабильности позволило Халифату возобновить территориальную экспансию, достигшую максимальных успехов в 712–713 гг., когда на востоке мусульманские армии завоевали земли по среднему и нижнему течению Инда и перешли Сырдарью,

а на западе — овладели столицей вестготского королевства на Пиренейском полуострове. Новые завоевания приносили богатую добычу и увеличивали размер суммы ежегодных налоговых поступлений, но растягивали коммуникации и усложняли управляемость, а главное — все больше обособляли арабов окраин от центра и друг от друга. К концу второго десятилетия VIII в. Халифат достиг максимальных размеров и больше не был в состоянии расширяться. Эти отдаленные области притягивали к себе противников существующей власти. Постоянные пограничные войны создавали здесь многочисленные группы воинов-добровольцев — газиев, к которым присоединялись выдавленные из центра хариджиты. Так здесь складывалась опасная для центральной власти вооруженная оппозиция.

Победа Умаййадов в десятилетней гражданской войне и последовавшие затем военные успехи не разрешили внутренних противоречий, превращавших эту обширнейшую империю в колосса на глиняных ногах. Главным было, конечно, противоречие интересов завоевателей и покоренных народов, обострявшееся по мере усиления государственного аппарата Халифата. Как уже не раз отмечалось нами ранее, арабы-мусульмане не платили подушной подати, а налог с земли был в 2–2,5 раза меньше, но пока на первых порах покоренное население несло примерно то же налоговое бремя, что и при прежних правителях, отношение к новой власти было спокойным. Но постепенно новые властители входили во вкус роскошной жизни, и то, что в первые десятилетия казалось верхом богатства, стало недостаточным, расширялось халифское окружение, каждый халиф стремился построить новый дворец, и не просто дворец, а целое поместье с садами, зверинцем и другими радостями жизни по собственному вкусу. Для строительства мобилизовывались мастера и рабочие, и, хотя оплата их содержания вычиталась из совокупной суммы налога соответствующих провинций, такая мобилизация дополнительно отягощала податное население. Кроме того, были мобилизации на строительство военных судов и даже в экипажи этих судов, воевавших с византийцами. Денег требовалось все больше, и финансистам приходилось придумывать новые поборы кроме подушного и поземельного налогов; приходилось искать и новые группы налогоплательщиков, так лишились налогового иммунитета христианское духовенство, церкви и монастыри.

Чем изощреннее становилось финансовое ведомство, тем больше оказывалось пытающихся уклониться от уплаты налогов, тем жесточе становились преследования и наказания.

Иногда некоторые ревнители распространения ислама пытались использовать тяжелое положение иноверцев для обращения их в ис-

лам, однако и принятие ислама не делало инородца ровней мусульманину-арабу. Когда идеалистически настроенный халиф Умар б. Абдал‘азиз решил восстановить чистоту ислама, отменить не предусмотренные им налоги и уравнять в фискальном отношении всех мусульман вне зависимости от происхождения, то сразу возник финансовый дефицит, и пришлось восстановить прежний неправедный, но выгодный фискальный режим. Терпели провал и другие попытки согласовать массовое обращение в ислам с интересами казны — интересы последней перевешивали интересы сохранения чистоты религиозных предписаний, обманутые новообращенные мстили властям восстаниями. Неравноправными оставались даже те мусульмане-неарабы, которые вместе с арабами несли военную службу. Проблема правового неравенства внутри мусульманской общины только обострялась с увеличением численности в ней неарабов.

Опаснее, чем стихийные восстания крестьян и даже мятежи вассальных владетелей, располагавших вооруженными силами, были враги династии внутри самой мусульманской общины. Первую группу, которую можно условно назвать демократической, составляли различные отряды хариджитов, которые были рассеяны по Ирану, Ираку и Магрибу. Все они действовали независимо друг от друга, в спокойное время не доставляли особых хлопот, но стоило где-то ухудшиться ситуации, как они становились дрожжами, на которых поднимались народные восстания. Они были опасны тем, что для воинов в правительственном стане не были врагами ислама и могли вызвать их сочувствие. Второе течение можно (также условно) назвать аристократическим, поскольку его возглавляли представители наивысшей мусульманской аристократии, потомки и ближайшие родственники пророка, Алиды. Они также ратовали за возврат к идеалу первоначального ислама, но связывали его с приходом к власти имама из рода пророка, т.е. из потомков Али б. Абу Талиба. В 20-х годах VIII в. идею прихода к власти праведного имама из рода пророка перехватили потомки дяди Мухаммада ал-Аббаса, подразумевая в данном случае приход к власти представителя своего рода. Не заявляя об этом открыто, Аббасиды создали тщательно законспирированную организацию в Ираке и Хорасане, которая включила в свои ряды и часть шиитов, полагавших, что под неназываемым «имамом из рода пророка» разумеется кто-то из Алидов.

Эта организация перешла к активным действиям, когда после смерти халифа Хишама в 743 г. в Сирии обострилась борьба за престол между Умайййадами, а в Хорасане на этом фоне началась открытая война между северными и южными арабскими племенами. Уполномоченный аббасидского имама Ибрахима б. Мухаммада, Абу Муслим,

направленный в Хорасан, воспользовался этой ситуацией и весной 747 г. поднял восстание в Мервском оазисе, опираясь на южноарабскую группировку, противостоявшую наместнику Хорасана Насру б. Сайяру. К восстанию присоединились различные группы местного населения, от рабов до иранских феодалов. Более полугода Наср удерживал в своих руках Мерв, не получая помощи от центра, но в начале 748 г. был вынужден его покинуть. Дальнейшие попытки организовать сопротивление восставшим в Хорасане потерпели неудачу. Ни наместник Ирана, ни халиф Марван, занятый борьбой со своими противниками в Сирии, не придали особого значения восстанию в далеком Мервском оазисе — мятежи разного рода были для Халифата делом привычным. Однако на этот раз все повернулось иначе: армия, посланная с запозданием против восставших, потерпела поражение, и враги династии подошли к границам Ирака. После очередной победы повстанцев под Нихавендом, армию, вышедшую им навстречу, возглавил сам наместник Ирака, но и это войско, вобравшее в себя основные силы Ирака, потерпело поражение. Определенную роль в этом сыграл умелый маневр командующего хорасанской армией, но главным было то, что каждый раз на поле боя сталкивались люди, глубоко убежденные в своей правоте, с воинами, равнодушными, а то и враждебными тому, что им приходилось защищать.

29 августа 749 г. хорасанская армия, приветствуемая горожанами, вступила в Куфу, центр шиитской оппозиции. Настала пора открыть победителям, кому они принесли победу. Проалидски настроенный руководитель пропаганды в Ираке, Абу Салама, предложил возглавить Халифат двум старейшинам Алидов, и только когда они отказались, открыл куфийцам, что имам рода пророка — Аббасид Абу-л-Аббас Мухаммад. 28 ноября Абу-л-Аббас предстал перед народом в пятничной мечети с тронной речью, в которой возвестил о конце умаййадского беззакония, обещал править без притеснений и обид, не угнетать строительством дворцов и проведением новых каналов. Для полноты счастья не хватало только уничтожения последнего умаййадского халифа, который в январе 750 г. пытался во главе двенадцатитысячной армии преградить на реке Большой Заб путь аббасидской армии в Сирию, был разгромлен, не нашел поддержки в Сирии и, наконец, летом того же года был настигнут и убит в Египте. Марван не был единственной жертвой Аббасидов — они уничтожили весь род Умаййадов, не оставив в покое даже мертвых: тела халифов были выкинуты из могил. Сладок был запах трупов врагов, приятен был и вид их собственности, движимой и недвижимой, которую новые правители не обратили на всеобщее благо, а взяли себе. Известно, чем больше надежды, тем горше разочарование: новый режим, обещавший праведность, ока-

зался хуже прежнего. Не ушли от новой карающей руки и те, кто привел Аббасидов к власти. Абу Муслим в Хорасане расправился с прежними союзниками и по инициативе Абу-л-Аббаса организовал убийство Саламы, а чуть позже второй аббасидский халиф собственноручно зарубил Абу Муслима (но это уже выходит за пределы рассматриваемого периода). Стоит ли говорить, что налоги не снизились, и строительство не прекратилось. Тем не менее смена власти произвела кардинальный переворот в Халифате: ислам перестал быть религией арабов, в которую другие народы принимались на вторых ролях. Теперь они стали равноправны, ислам интернационализировался, и это открыло путь к его мирному распространению. Арабы лишились господствующего положения, трон окружили совсем недавно третировавшиеся ими иранские феодалы.

Сведения арабских историков об этом периоде точнее и надежнее, чем о более ранних событиях, в силу того, что он был отдален от историков, собиравших материалы о нем во второй половине VIII и начале IX в., небольшим промежутком времени. Такие историки, как Абу Михнаф (ум. в 775–776 г.) или ал-Мадаини (752–830/831 г.), могли фиксировать непосредственно рассказы очевидцев и участников событий; более того, Абу Михнаф был современником и очевидцем аббасидского переворота, но к сожалению не написал о том, что он сам видел и знал, так как ценным для историка считалось только то, что узнано от кого-то и известно другим. Понимание ценности фиксации собственных впечатлений появилось в мусульманском мире несколько позже. К сожалению, материал, собранный историками второй половины VIII — первой половины IX в., дошел до нас в выдержках в сочинениях более поздних компиляторов, и самое раннее сочинение, дающее систематическое изложение истории Халифата, «История Халифы ибн ал-Хаййата», написана в середине IX в. Несмотря на незначительный объем по сравнению с капитальной компиляцией ат-Табари, написанной спустя 60 лет, она содержит немало сведений, отсутствующих у ат-Табари и других историков конца IX — первой половины X в. Возможно, это объясняется тем, что он был представителем иной, басрийской, исторической традиции, к которой принадлежало и «Завоевание Сирии» ал-Азди, упомянутое нами в предисловии ко второму тому. Именно по этой линии Халифа получил оригинальные сведения о войнах с хазарами на Кавказе и о морских набегах арабов на Сицилию и Сардинию из книги басрийского историка Абу Халида о завоеваниях. Сведения Абу Халида отличаются хронологической четкостью, которая характерна и для Халифы. Любопытно, что ат-Табари, широко использовавший материал современника Халифы, Сайфа б. Умара, совершенно не упоминает Халифу. Лишь в одном случае, в сообщении

о походе Марвана б. Мухаммада на горцев в 117/735 г., он воспроизводит тот же текст, который приводит Халифа[1], однако в сообщениях о 118 и 119 гг. х. другие сообщения того же автора отсутствуют. Встречаются они только у автора XIII в. Ибн ал-Асира. Халифу, как и Абу Халида, отличает стремление точно датировать описываемые события. Прямую противоположность ему в этом отношении представляет автор «Книги завоеваний» Ибн ал-А‘сам ал-Куфи, современник ат-Табари, умерший около 925 г., который, приводя много интересного, уникального материала посюжетно, пренебрегает точными датировками, не склонен он и приводить ссылки на свои источники. Однако не отсутствие дат и указаний на источники затрудняет использование богатого материала этого автора, а включение многочисленных полулегендарных рассказов, которые легко могут ввести в заблуждение доверчивого исследователя, а излишне критичного заставят заподозрить в недостоверности вполне реальное, но необычное сообщение.

К числу сравнительно новых, не до конца проанализированных источников можно отнести анонимную историю аббасидского движения, текст которой по петербургской рукописи был издан факсимильно с русским переводом П.А. Грязневичем в 1960 г., с прекрасным введением и комментариями[2]. Эта публикация активизировала изучение аббасидского движения, предоставив исследователям новый материал. Более того, эта публикация, вызвавшая интерес к сочинению, привела к обнаружению еще одной рукописи, текст которой был опубликован в Бейруте Абдал‘азизом ад-Дури в 1971 г.[3]. Он несколько отличается от изданного П.А. Грязневичем: кроме мелких разночтений в нем есть некоторые перестановки и дополнения. Издатель, отметив многие мелкие отличия, в целом сопоставления не провел, и, насколько мне известно, этого не сделал никто другой. Сделать это хотелось самому П.А. Грязневичу, но занятость многими другими делами не позволила ему осуществить свое намерение. В начале той же петербургской рукописи содержится анонимная «История халифов» с правления халифа Умара б. ал-Хаттаба (начало рукописи утрачено) до конца правления Умаййадов. Целиком вся рукопись, включая «Историю халифов» и «Историю аббасидского движения», была опубликована факсимильно в 1967 г.[4] с кратким пересказом содержания. П.А. Грязневич считал «Историю халифов» первым томом того же сочинения, хотя по структуре и характеру изложения это явно иное сочинение. Несмотря на лаконичность, в нем можно найти некоторые детали и варианты, отсутствующие в более пространных сочинениях.

Историческая значимость аббасидского переворота, определившая наличие большого объема сведений о нем в арабских источниках, обу-

словила появление нескольких серьезных специальных исследований[5], из которых следует особо отметить двухтомную монографию израильского историка М. Шарона «Черные знамена с Востока». В ней детально рассматриваются события тридцати последних лет правления Умаййадов, связанные с аббасидским движением; большой список литературы избавляет нас от необходимости останавливаться на ней.

Письменные источники, давая материал, достаточный для представления об общей картине военно-политической истории, чрезвычайно скупо освещают повседневное материальное окружение людей того времени. К счастью, от интересующего периода до нас дошло несколько значительных памятников архитектуры, позволяющих судить о материальном окружении халифов, о художественных вкусах верхушки мусульманского общества[6]. Краткая характеристика этих памятников, хотя и несколько выпадающая из общего направления нашей книги, представляется логически оправданным дополнением тома.

Когда в начале 80-х годов XX в. у меня появилась решимость написать для советского читателя доступную объективную историю возникновения ислама и первых двух веков существования единого мусульманского государства, Халифата, то она виделась как три тома. В первом предполагалось изложить историю возникновения ислама и правления четырех первых халифов, во втором — историю Умаййадов, в третьем — историю Аббасидов до середины IX в., когда Халифат превратился в конгломерат полунезависимых вассальных государств, а халифы стали превращаться в ставленников и марионеток собственной тюркской гвардии. Я полагал, что при наличии в мировом востоковедении множества частных исследований можно будет, не углубляясь в анализ источников, выполнить этот замысел за 12 лет. Оказалось, что для того чтобы смотреть на события прошлого собственными глазами, не обойтись без погружения в мир первичной информации. В результате из двух первых томов получились четыре, и на их написание потребовалось более 20 лет, а главное, испортившееся с годами зрение поставило предел дальнейшей работе; даже этот, четвертый том не удалось довести до того вида, которого хотелось бы достичь. Он был завершен только благодаря большой помощи моей жены, К.Г. Большаковой, и сына, А.О. Большакова.

Глава 1
МИРНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ АБДАЛМАЛИКА

ОТГОЛОСКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Административно-финансовые реформы Абдалмалика, начавшиеся около 696 г., знаменовали конец периода борьбы за власть и разброда в мусульманском обществе, но о мире приходится говорить только в самом общем плане, как об отсутствии военных действий в центре Халифата. На окраинах состояние войны было постоянным: кончалось подавление мятежей или сепаратистских выступлений — начинались завоевательные походы.

Заканчивая предыдущий том рассказом о реформах Абдалмалика, мы несколько опередили рассказ о ситуации на востоке Халифата, и сейчас придется вернуться несколько назад, ко времени непосредственно после победы ал-Мухаллаба б. Абу Суфры над хариджитами под Рамхурмузом (т. III, с. 272).

После этой победы весь Южный Иран к востоку от Казеруна все же оставался во власти хариджитов. В Фарсе распоряжался Катари б. Фуджа‘а, провозгласивший себя халифом, что подтверждает титул «амир верующих», сопровождающий его имя на монетах. Чеканку своей монеты — важнейший прокламационный акт любой новой власти — он начал в 69/688–89 г. и продолжал довольно интенсивно в течение девяти лет. Полтора десятка его серебряных монет свидетельствуют не только о титуле, но и о примерном размере территории под его контролем — Ардашир Хварре (Истахр), Бишапур, Йезд, Дарабджерд, Таввадж.

За Дарабджердом начинались владения другого хариджитского вождя, Атийа б. ал-Асвада, изгнанного из Омана (т. III., с. 265). Чеканить свою монету он начал, видимо, в 70/689–90 г. Она чеканилась в Джируфте, Хурмузде (?), Вардашире (Бардасире) и Хабидже. О взаимоотношениях между этими двумя вождями ничего не известно. На монетах Атийи титул «амир верующих» отсутствует, свидетельствуя о его меньших политических амбициях, но никаких признаков вассальной

зависимости от Катари не имеется. Наконец, можно отметить, что вес большинства монет обоих правителей соответствует обычному стандарту арабо-сасанидских драхм — 3,7–4 г, свидетельствуя о нормальном состоянии экономики этих областей[1].

О том, что творилось на самой дальней восточной окраине Халифата, в Синде, ничего не известно. Синд был отрезан хариджитскими владениями, и связь с ним была возможна только по морю, из Омана или Басры.

Принимаясь за борьбу с хариджитами, ал-Хаджжадж не ограничился посылкой подкреплений ал-Мухаллабу, но сам встал со значительным войском в Рустукбаде для обеспечения тыла и необходимой помощи в экстренном случае.

Ал-Мухаллаб, продвинувшись в начале 695 г. до Казеруна, долго не мог сдвинуться с места. Ему противостояло не менее чем пятнадцатитысячное войско Катари, обеспечивавшееся ресурсами богатой области, а не разрозненные отряды религиозных фанатиков. Осторожный военачальник, ал-Мухаллаб не рисковал необдуманно углубляться во вражескую территорию. Это раздражало ал-Хаджжаджа, бесцельно терявшего время в Рустукбаде, и он требовал решительных действий.

Беспокойство ал-Хаджжаджа имело под собой веские основания: для войны с хариджитами из Куфы и Басры были выведены лучшие воины, остававшиеся в распоряжении наместников этих городов силы могли оказаться недостаточными в случае обострения обстановки. Особенно ненадежной была Басра с пестрым по национальному составу населением, с многочисленным портовым людом. Пока ал-Хаджжадж стоял в Рустукбаде весной 694 г., некий хариджит из Бахрейна по имени Дауд б. ан-Ну‘ман поднял восстание на степном плато около Басры (Тафф ал-Басра), объявил себя халифом, а свою резиденцию назвал «Дар ал-хиджра». Впрочем, его претензии оказались значительно больше реальной силы — в первом же столкновении с отрядом конницы, посланным начальником полиции Басры, Дауд был разгромлен и убит[2].

Опаснее оказалось восстание черных рабов, зинджей, работавших в именьях богатых басрийцев в округе ал-Фурат, севернее Басры. Его возглавил чернокожий раб, Рийан, прозванный его последователями за храбрость Шир-и Зинджи (перс. «Лев зинджей»). Его прозвище показывает, что в сельской местности по соседству с Басрой господствовал персидский язык. Он объявил себя амиром верующих, а свою жену «матерью верующих», как величали жен Мухаммада. Правитель рустака, Курз б. ас-Сулами не смог справиться с восставшими и бежал в Басру. К восставшим зинджам присоединилась городская беднота,

рабочие порта, поденщики и уборщики улиц. Начальник полиции Басры Зийад б. Амр ал-Атаки послал на усмирение восставших своего сына, но тот погиб, а отряд разбежался[3].

Существовала опасность, что восстание может перекинуться на Хузистан и образовать единый фронт с азракитами, хотя три претендента на халифство вряд ли сумели бы объединиться. Ал-Хаджжадж не мог оказать помощь Басре, так как сам оказался в критическом положении. Отмена прибавки к жалованью в размере 100 дирхемов (в год), установленной Мус'абом б. аз-Зубайром, породила глухое недовольство в его войске, которое не утихло и после его обещания восстановить ее. Недовольство рядовых воинов, для которых эта прибавка много значила, использовала командная верхушка, когда убедилась, что новый наместник не идет на компромиссы и не собирается ей мирволить.

Ал-Хаджжадж был ненавистен как безродный выскочка. Никогда еще иракскими центрами не правил такой человек — не курайшит, не представитель исламской или племенной элиты. Даже жесткий правитель Зийад б. Абихи при всем его темном прошлом был более приемлемым представителем власти: он рос вместе с Басрой, до наместничества лет двадцать ведал ее финансами, стал местным богачом — словом, во многих отношениях был своим человеком. А тут вдруг появился неведомый выходец из Таифа и сразу встал над всеми, мало того, не желал ни под кого подлаживаться. В отличие от пышно одетой иракской знати он демонстративно носил простой черный плащ и черную чалму. В этой одежде простого воина он являлся и во дворец к ал-Валиду, где жена ал-Валида Умм Банин говорила: «Приятнее мне было бы видеть тебя беседующим с ангелом смерти, чем с ним»[4]. Как черный ворон в стае павлинов был он в своем лагере в Рустукбаде, суровый, непреклонный и ненавистный. Ему ничего не стоило сказать при всех завзятому франту ал-Хузайлу б. Имрану, недавнему компаньону и собутыльнику Бишра б. Марвана (см. т. III, с. 264, 271), щеголявшему в одежде, волочащейся по земле и явно неуместной в военном быту: «Подбери одежду!» Обидевшийся ал-Хузайл огрызнулся: «Таким, как я, амир, такого не говорят!» — «Нет, клянусь Аллахом, говорят и даже рубят головы»[5].

Счет обидам, большим и малым, нарастал, и через полгода стояния в Рустукбаде, в раби' II 76 г. (19.VII–16.VIII.695 г.) недовольство вылилось в открытый мятеж. Поводом стал вопрос о той же надбавке в 100 дирхемов в год. На новое требование ал-Хаджжадж также ответил отказом. Командная верхушка собралась у Абдаллаха б. Джаруда и пришла к выводу, что терпеть ал-Хаджжаджа больше невозможно, необходимо изгнать его из Ирака и просить Абдалмалика назначить

другого наместника, а халиф им не откажет в этом, так как нуждается в них для борьбы с хариджитами. Присутствующие присягнули Ибн ал-Джаруду как вождю и даже составили соответствующий документ.

Ал-Хаджжадж узнал об этом и предпринял меры предосторожности: разделил расположения куфийцев и басрийцев, разместил между ними свою стражу (*шурта*) и перевез казнохранилище в свою ставку.

Неясно, сколько времени прошло между присягой заговорщиков и открытым мятежом, который вспыхнул в раби‘ II 76 г.[6]. Он начался с того, что Абдаллах б. ал-Джаруд поутру вывел в боевом порядке, со знаменами возглавляемую им группу абдалкайс; его примеру последовали другие вожди. Абдаллах разрушил мост, соединявший ставку ал-Хаджжаджа с казнохранилищем, и завладел им. Ал-Хаджжадж оказался блокированным с небольшим числом личной гвардии, родственников и приближенных. Ал-Хаджжадж потребовал, чтобы Ибн Джаруд немедленно явился к нему с повинной, угрожая репрессиями родственникам. Тот ответил, что если ал-Хаджжадж добровольно не покинет свой пост, то будет изгнан силой. Ал-Хаджжадж отказался подчиниться, тогда мятежное войско напало на его ставку, разграбило ее, были захвачены верховые животные и даже две его жены. Ал-Хаджжадж остался непреклонен и требовал, чтобы мятежники немедленно повинились. Видимо, он с оставшимися верными ему людьми укрылся в каком-то укреплении, иначе трудно понять, почему его не тронули во время разгрома ставки.

Один из предводителей мятежников, ал-Гадбан б. ал-Каб‘асар, посоветовал Ибн ал-Джаруду немедленно напасть на ал-Хаджжаджа, пока он беспомощен: «Поужинай козленком, пока он не позавтракал тобой». Тот ответил, что дело близится к вечеру и начинать сражение поздно, лучше отложить до утра.

В распоряжении ал-Хаджжаджа оказалась целая ночь, и он ее максимально использовал, не поддаваясь малодушным советам своего окружения. Вместо того, чтобы последовать совету начальника полиции Басры сдаться под гарантию безопасности (*аман*) и уехать к халифу, он начал индивидуальные переговоры с главами отдельных групп об их немедленной сдаче. Это могло казаться странным в его положении, но такая непреклонность заставляла некоторых задуматься. Ему помогло и аристократическое высокомерие вождей мятежников: некий Аббад б. ал-Хусайн ал-Хабати присутствовал как равный при разговоре Абдаллаха б. ал-Джаруда с Абдаллахом б. Хакимом и ал-Хузайлом б. Имраном, и ему было сказано, что таким людям, как он, нечего делать, когда разговаривают о делах люди почтенные, Аббад оскорбился и с сотней своих воинов перешел к ал-Хаджжаджу. Это сразу изменило настроение в стане мятежников, колеблющиеся стали переходить

на сторону наместника: за Аббадом последовал бахилит из Басры Кутайба б. Муслим с 30 воинами, а за ним — амиры более крупных отрядов. Когда наутро Ибн Джаруд решил напасть на ал-Хаджжаджа, тот уже располагал примерно равными с ним силами[7]. После непродолжительной схватки Ибн Джаруд пал, пронзенный стрелами, его воины утратили боевой дух, и ал-Хаджжадж объявил, что все сложившие оружие будут помилованы, кроме зачинщиков мятежа. Бой тут же прекратился. Знатные мятежники поспешили бежать: кто поспешил в Сирию, искать защиты у халифа, кто — укрыться в дальних провинциях, Хорасане или Омане. Ал-Хузайл был схвачен и, несмотря на заступничество Аббада и Кутайбы, обезглавлен.

Несмотря на одержанную победу, ал-Хаджжадж не стал искушать судьбу, оставаясь в Рустукбаде, когда в Басре и Куфе подавление мятежа могло аукнуться более серьезными волнениями. К тому же требовалось расправиться с восстанием зинджей. Уход из Рустукбада резервной армии ослаблял позиции ал-Мухаллаба, поэтому ал-Хаджжадж приказал наместнику Исфахана Аттабу б. Вараке идти на помощь ал-Мухаллабу и взять на себя командование всеми куфийцами[8]. Суть этого приказа заключалась в том, что Исфахан входил в зону, завоеванную куфийцами и соответственно подчинялся Куфе, а ал-Мухаллаб был басрийцем и действовал в областях, подчиненных Басре, и куфийцами мог командовать только по особому распоряжению, что не прибавляло бы симпатий куфийцев, да и амиру Исфахана было не очень приятно подчиняться басрийцу. На всякий случай ал-Хаджжадж оговорил в приказе, что пока военные действия будут вестись в зоне, подчиненной Басре, верховным командующим будет ал-Мухаллаб, а если перекинутся в куфийские районы, то командующим станет Аттаб — это в какой-то мере ослабляло горечь подчинения ал-Мухаллабу.

Вернувшись в Басру, ал-Хаджжадж выбранил басрийскую верхушку за трусость: «Ваши рабы и подметальщики восстали, а вы не можете с ними справиться!» Главам племенных объединений (*ахмас*) было приказано выделить определенное число воинов; командовать этим войском был назначен правитель ал-Фурата Кураз б. Малик. Он вытеснил повстанцев из ал-Фурата в сторону Ахваза и добил их около Даврака, в этом бою погиб и «Лев Зинджей»[9].

А ал-Хаджжадж продолжал расправляться с руководителями мятежа. Одни из них подверглись аресту, другие поплатились имуществом. Конфискация коснулась даже имущества погибших в том бою. В частности конфисковано было поместье погибшего в бою Абдаллаха б. Анаса, сына сподвижника пророка, который, будучи девятилетним мальчиком, прислуживал ему во время похода к Бадру. Отец Абдаллаха,

Анас б. Малик, пришел к ал-Хаджжаджу и обвинил его в беззаконии, тот обругал его старым бунтовщиком и прогнал. Анас пожаловался халифу, и Абдалмалик резко выговорил ал-Хаджжаджу в послании и велел впредь с уважением относиться к сподвижникам пророка (которых, заметим, к этому времени оставались считанные единицы). Ал-Хаджжаджу пришлось вернуть старику конфискованное имение сына[10].

Ситуация в Басре была улажена, рабы приведены в повиновение. Зато в Северном Ираке возникла новая угроза.

ВОССТАНИЕ ШАБИБА б. ЙАЗИДА

Как мы рассказывали ранее (т. III, с. 273), в конце лета 695 г., когда ал-Хаджжадж был занят подавлением мятежа, на северной границе Ирака в районе Ханикина и Джалула появился отряд хариджитов, выбитых из Джазиры. Получив отпор в Ираке, они ушли к Мосулу, и там в сражении с правительственными войсками погиб их предводитель Салих. Отряд возглавил его помощник Шабиб б. Йазид, который снова повел свой отряд в Ирак, начав с набега на собственных соплеменников бану шайбан где-то в среднем течении Диялы с целью увезти от них свою мать. Согласно хариджитскому информатору, при этом Шабиб с 12 спутниками обратил в бегство 3000 бану шайбан. Подобная тенденциозность, заставлявшая участников его походов преуменьшать собственные силы и преувеличивать число врагов, характеризует всю информацию с хариджитской стороны, поэтому нет нужды в дальнейшем оговаривать это обстоятельство.

Шабиб принадлежал к умеренному суфритскому крылу хариджитского движения. Суфриты не считали, как азракиты, мусульман, не разделявших их взгляды, врагами ислама и не призывали убивать их и грабить их имущество.

Появление Шабиба на главной дороге в Иран не могло не обеспокоить ал-Хаджжаджа, и он приказал Суфйану б. Абу-л-Алийа, возвращавшемуся из Табаристана после заключения с ним мирного договора во главе тысячи всадников, расправиться с Шабибом. В помощь ему из Куфы был послан ал-Харис б. Умайра, а из Ахваза — Савра б. Абджар с 500 всадниками. Суфйан не стал дожидаться их, как было приказано, в Даскаре (40 км южнее Джалула), а решил действовать в одиночку, надеясь на свое численное превосходство и не желая делить честь победы с другими. Он настиг Шабиба около Ханикина. Шабиб оставил в засаде своего брата Масада, а сам имитировал трусливое отступление. Когда Суфйан оказался между Шабибом и засадой, Масад неожиданно напал на него сзади. Эта неожиданная атака вызвала па-

нику, и значительная часть отряда Суфйана разбежалась, сам он с оставшимися двумя сотнями воинов упорно сражался в окружении, был сбит с коня и спасен своим мавлой, отдавшим ему коня и прикрывшим его отступление. Израненный Суфйан с остатками отряда укрылся в Бабил Махрузе (между современными Бакубой и Эль-Микдадией). Оттуда он отправил ал-Хаджжаджу донесение такого содержания:

«А после [приветствия] сообщаю амиру, да устроит его Аллах, что я преследовал этого негодяя и настиг его у Ханикина, и сразился с ним, и побил Аллах их лица, и мы одолели их, и при таких обстоятельствах вдруг подошли к ним люди, которые были спрятаны. Они напали на [моих] людей, и они бежали. Я остался с людьми религии и стойкости, и сражался с ними, пока не свалился среди убитых. Меня увезли и привезли израненного в Бабил Махруз. И вот — я здесь. А войско, которое амир прислал ко мне, прибыло, кроме Савры ибн Абджара, а он не прибыл и не участвовал в сражении вместе со мной. А когда я оказался в Бабил Махрузе, то пришел ко мне, и говорит непонятно что и просит извинить за то, за что нельзя извинить. И мир».

Ал-Хаджжадж ответил:

«А затем. Ты проявил себя превосходно и решил то, что было на тебя возложено. И когда облегчатся твои страдания, то поедешь вознагражденный к своей семье. И мир»[11].

Эта переписка, по стилю и содержанию вызывающая доверие к ее невыдуманности, рисует несколько иную картину, чем повествование ат-Табари, построенное на рассказе внука Суфйана. Оказывается, что отряд из Куфы успел подойти, что бой был упорный и до нападения из засады. Сомнительно, чтобы исход боя могло изменить нападение с тыла только 50 человек. Можно было бы допустить, что Суфйан несколько преувеличил свои заслуги, но мягкий тон ответа сурового ал-Хаджжаджа свидетельствует, что Суфйан имел дело не с мелкой шайкой хариджитов, а с серьезным, многочисленным противником.

Ал-Хаджжадж выговорил Савре за опоздание, приказал отобрать в Мадаине 500 воинов и преследовать Шабиба. Но время было упущено, и Шабиб ускользнул от преследования, обошел Савру и оказался у него в тылу, около Мадаина, где его совсем не ожидали и откуда ушли лучшие воины. Преодолев слабое сопротивление мадаинцев, Шабиб вошел в город, захватил войсковых лошадей и при известии о приближении Савра отошел к ан-Нахравану, где со своими воинами посетил могилы убитых в сражении с Али б. Абу Талибом, затем перешел на восточную сторону канала, разрушив за собой мост. Савра остановился, не доходя до ан-Нахравана в селении Катрайа, и, получив от разведчиков сведения о местонахождении Шабиба и о том, что у него менее сотни (?) воинов, решил напасть на него той же ночью.

300 отборных воинов двинулись к лагерю Шабиба, но охранение было бдительно, их своевременно заметили и контратаковали. Как и почему «менее сотни воинов» Шабиба заставили отступить тысячный отряд Савры к Мадаину — неясно. Шабиб проник в город, но был встречен градом стрел и камнями с крыш домов и предпочел уйти в Калвазу, где захватил много лошадей, принадлежавших ал-Хаджжаджу, и направился к Тикриту.

А в Мадаине ширились страшные слухи, что Шабиб вот-вот ворвется в город, слухов оказалось достаточно, чтобы большая часть гарнизона и войска Савры бежала в Куфу. Ал-Хаджжадж выговорил Савре и назначил нового командующего карательной операцией, Усмана б. Са‘ида ал-Кинди, по прозвищу ал-Джазл («Красноречивый»). Ал-Хаджжадж посоветовал ему не горячиться и быть осторожным. Ал-Джазл стал лагерем в Дейр Абдаррахман и начал набирать войско. Главам племенных объединений (*арба‘*) было приказано выделить по тысяче воинов, состоящих на жаловании. Приказ был выполнен, и ал-Джазл вышел во главе этого достаточно многочисленного войска на поимку и уничтожение отряда Шабиба. После трехдневной остановки в Мадаине ал-Джазл повернул в Джуху вслед за Шабибом, но тот ввиду явного превосходства противника боя не принимал и переходил с места на место, тем более что ал-Джазл, памятуя наставления ал-Хаджжаджа, каждый раз, останавливаясь, окапывал лагерь рвом, постоянно запаздывая с преследованием. Зато и Шабибу не удавались его дерзкие ночные налеты. Один из основных информаторов о подвигах Шабиба, Фарва б. Лакит, сражавшийся в его отряде, подробно описывает две безуспешные попытки ночного нападения на лагерь куфийцев, находившийся где-то севернее Джалула на магистральной дороге, после которых Шабиб ушел через Бараз Руз на Джарджарайа.

Снова началась безнадежная погоня, результатом которой стало сокращение налоговых поступлений из районов, затронутых передвижением войск, а этого ал-Хаджжадж не любил больше всего; командующий, строго следовавший инструкциям своего повелителя, получил от него грозное послание:

«Вот я послал тебя во главе витязей и благородных этого столичного города (*миср*) и приказал тебе преследовать этого негодяя, заблудшего в заблуждениях, настигнуть его, а не прятаться от него, чтобы ты сражался с ним и уничтожил его, а ты нашел, что пребывания в селеньях и разбивки палаток за рвами для тебя легче, чем следовать моему приказу о противодействии им и борьбы с ними. И мир»[12].

Ал-Джазл получил это послание, находясь у Катраса и Дейр Абу Марйам. Он сразу двинулся к ан-Нахравану, где находился Шабиб, и снова устроил лагерь, окопанный рвом. В этот момент сюда прибыл

новый командующий, Са‘ид б. ал-Муджалид, с приказом немедленно напасть на Шабиба, как только представится возможность. Са‘ид оставил ал-Джазла с пехотой в лагере под ан-Нахраваном, а сам с конницей пустился вдогонку за хариджитами, ушедшими к Бараз Рузу. Шабиб укрылся за стенами городка Катитайа, затем совершил неожиданную вылазку; воины Са‘ида бросились в бегство, сам он с горсткой храбрецов упорно сражался и пал в бою. Затем Шабиб атаковал ал-Джазла, построившего свое войско в боевом порядке перед лагерем. Ал-Джазл был тяжело ранен и увезен в Мадаин, а сильно потрепанное войско ушло в Куфу.

Узнав о случившемся, ал-Хаджжадж оценил осторожность ал-Джазла и, чтобы загладить свою вину, прислал ему врача и 1000 дирхемов на лечение.

Шабиб тоже направился к Мадаину, убедился, что на этот раз его непросто захватить и прошел к Карху (который через полвека станет районом Багдада), вел себя там миролюбиво, сделал покупки, необходимые его отряду, и на третьи сутки неожиданно оказался около Куфы. Ал-Хаджжадж выслал навстречу ему Сувайда б. Абдаррахмана с 2000 всадников, остальное войско собралось в ас-Сабахе, между Куфой и Евфратом. Шабиб обошел Сувайда и переправился через Евфрат у Дар ар-ризк (на северной окраине города). Сувайд последовал за ним. Шабиб обошел город с востока и вышел к Хире, у Хаффана повернул на запад и степью, через Куткутану, направился к Анбару и далее, через Дакук, к Азарбайджану.

Успокоенный этим, ал-Хаджжадж уехал в Басру (обычно наместники Ирака перебирались туда осенью). Управлять Куфой остался Урва б. Мугира б. Шу‘ба. Но вскоре его покой был нарушен сообщением из Махруза, что Шабиб снова направляется к Куфе и находится в Ханиджаре (район современного Туз Хурмату). Урва тут же навестил ал-Хаджжаджа, тот помчался в Куфу, «сокращая остановки», и успел вовремя — в полдень того дня, вечером которого Шабиб переправился через Евфрат у Куфы.

Этот налет на столицу грозного наместника в оппозиционной среде оброс легендарными деталями: Шабиб будто бы подъехал к воротам дворца, постучал в них своей железной палицей и вошел в мечеть, где убил четырех человек, названных поименно, а его жена Газала поднялась на минбар и прочитала две самые длинные суры Корана — «Корова» и «Имран» и провела моление[13]. Видимо, это не случайно, ведь хариджиты-суфриты считали возможным, чтобы имамом на молитве была женщина. Затем он выехал из города, попутно убив еще несколько человек, в том числе начальника полиции. Ни о его сопровождении, ни о реакции горожан ничего не говорится. Видимо, в этой дерзкой выход-

ке принимало участие очень малое число людей, отчего они и могли незамеченными въехать и выехать из города, а остальные силы находились где-то в окрестностях. После этого легенды о неуловимости и бесстрашии Шабиба должны были приобрести еще большее впечатление.

Ал-Хаджжадж поднял тревогу. Глашатай со стены дворца призвал горожан к оружию. Около дворца и мечети собрались вооруженные люди, охранявшие их до утра. Наутро ал-Хаджжадж распорядился сформировать несколько отрядов, численностью от одной до двух тысяч человек. Кроме того, Мухаммаду б. Мусе, назначенному наместником в Сиджистан и задержавшемуся для сбора добровольцев, также было приказано включиться в борьбу с Шабибом. Семь отрядов, т.е. около 10 000 человек, собрались где-то в районе нынешних Файсалии и Эль-Шафии. Шабиб ушел от них к Кадисии. Ал-Хаджжадж собрал еще 1800 конников и послал их вдогонку. Шабиб пошел им навстречу и в столкновении у Сайлахина (см. т. II, с. 60, рис. 7) разгромил их. Затем он поодиночке расправился с остальными семью отрядами, находившимися в Нижнем Бехкубаде около Наджрана[14]. В этих боях погибло несколько командиров, в том числе и Мухаммад б. Муса, так и не увидевший назначенного ему Сиджистана. Куфа осталась без серьезной защиты. Воины Шабиба советовали немедленно напасть на Куфу, но он не решился ввязаться в бои в большом городе с войском, понесшим ощутимые потери в последних боях, повел его для пополнения и отдыха на север Ирака через Ниффар. Такое направление движения вызвало у ал-Хаджжаджа опасение за Мадаин, и он заменил сидевшего там губернатора, опозоренного прежней сдачей города, более решительным и энергичным Усманом б. Катаном, а преследовать Шабиба назначил Абдаррахмана б. Мухаммада б. ал-Аш‘аса, вождя киндитов, поручив ему набрать 6000 воинов.

Узнав о переменах в руководстве Мадаином, Шабиб, подошедший уже к Сабату, повернул к Багдаду и через Дакук ушел в Шахразур. Ибн ал-Аш‘ас преследовал его до границы мосульского наместничества. Затем остановился, опасаясь вторгнуться в сферу ведения другого наместника, когда ал-Хаджжадж разрешил его сомнения, объяснив, что все подчиняется халифу. Когда Ибн ал-Аш‘ас все-таки настиг Шабиба, тот попробовал применить свой излюбленный прием — ночное нападение, но Ибн ал-Аш‘ас был настороже, и нападение было отбито. Тогда Шабиб, пользуясь большей подвижностью своего отряда, стал уходить от преследования, держась на дистанции в два-три дня пути, изматывая своих противников, вынужденных на каждой стоянке предпринимать меры предосторожности.

Все это разыгрывалось на обширной предгорной полосе от границ мосульского наместничества до верховьев Диялы, подрывая хозяйство

района. В начале марта 696 г., когда Шабиб вновь ушел на мосульскую территорию, Абдаррахман остановился на левом берегу речки Хавлайа. Усман б. Катан сообщил, что Ибн ал-Аш‘ас, бесплодно гонясь за Шабибом, изрыл рвами всю подвластную ему территорию и разорил ее. Ал-Хаджжадж тут же поставил Усмана во главе карательной экспедиции, а губернатором Мадаина сделал Мутаррифа б. Мугиру б. Шу‘бу.

Приближался праздник жертвоприношения, и Шабиб обратился к Ибн ал-Аш‘асу с предложением перемирия на дни общего для обеих сторон праздника. Ибн ал-Аш‘ас охотно согласился. Вечером зу-л-хиджжа/ 18 марта 696 г.[15] к войску прибыл Усман б. Катан. С перемирием он согласился, но распорядился сразу после праздников напасть на Шабиба. Войско явно не горело желанием сражаться и упросило отложить сражение на день, а на следующий день поднялся ветер, мешавший стрельбе, и сражение пришлось перенести еще на день. Примечательно, что жители селения ал-Бутт, в котором расположился Шабиб, попросило его выйти из селения, чтобы избегнуть репрессий из подозрения в содействии, и Шабиб выполнил их просьбу. Видимо, для местного немусульманского населения (упоминается церковь) Шабиб представлялся меньшим злом, чем правительственное войско.

23 марта войско наконец выстроилось в боевом порядке, но сражение начали хариджиты, переправившись через речку, и вступили в бой с явным преимуществом: несмотря на свою меньшую численность, они опрокинули фланги и окружили центр, где находился Усман б. Катан, он храбро сражался и пал в бою, после этого сражение рассыпалось на отдельные схватки. Оставшимся в живых Шабиб предложил помилование, если они присягнут ему как халифу, и многие пошли на это. Судя по тому, что киндиты потеряли в этом бою 200 человек, Абдаррахман б. ал-Аш‘ас также был активным участником сражения и ему удалось спасти часть войска, отведя его в монастырь Абу Марйам[16]. Там воины смогли получить пищу, фураж и отдых. Сколько их осталось в распоряжении Ибн ал-Аш‘аса, не сообщается, понятно только, что они были деморализованы и преследовать с ними Шабиба было невозможно. Ибн ал-Аш‘ас возвратился с ними в Куфу к величайшему неудовольствию ал-Хаджжаджа.

Вскоре началась летняя жара, Шабиб ушел в прохладные горные районы, богатые подножным кормом[17]. Через три месяца, не ранее сентября, когда жара спала, он вновь появился на берегах Тигра. За это время ал-Хаджжадж сделал два важных шага: во-первых, убедившись в низкой боеспособности (или просто нежелании воевать) куфийцев, он попросил Абдалмалика прислать на помощь сирийские войска, а во-вторых, отозвал из Фарса ал-Мухаллаба Аттаба б. Вараку с его конным отрядом.

Постоянные победы Шабиба над превосходящим по численности противником заставляют задуматься над их причинами. Несомненно, Шабиб был талантливым командиром, мастером ночных атак и неожиданных решений, несомненно и то, что его воины были отчаянными людьми, но эти качества могли полностью проявиться только в столкновениях с войском, не желавшим воевать, заранее готовым к поражению, возможно даже, что часть куфийцев втайне сочувствовала хариджитам; и уж во всяком случае, большинство ненавидело ал-Хаджжаджа. Идея хариджитов о том, что весь доход Ирака должен доставаться иракцам, имеющим право на жалование, конечно, находила отклик в сердцах этих иракцев.

В тот момент, когда Шабиб вновь переправился через Тигр у Багдада, Аттаб уже прибыл в Куфу и был направлен против него со своими 3000 всадников, а на подходе, в Хите, уже были 5000 сирийцев. Шабиб оказался в треугольнике между сирийцами, Аттабом и гарнизоном Мадаина. Он пошел к Мадаину и занял его правобережную половину, Селевкию (Бахурасир), чтобы обеспечить путь к отступлению. Губернатор Мадаина Мутарриф распустил наплавной мост, но вместо дальнейшей подготовки к обороне послал к Шабибу человека с просьбой послать к нему знающих людей, которые разъяснили бы причины их борьбы против ал-Хаджжаджа. Посланцы разъяснили, что сражаются за жизнь по книге Аллаха и сунне пророка, за то, чтобы военная добыча (*фай*) целиком делилась между мусульманами данной страны, против тирании и несправедливости. Мутарриф сказал, что это соответствует его убеждениям, если только они согласны с тем, что халиф, избираемый советом, должен быть из курайшитов. Последнее возмутило хариджитов, и они уехали советоваться с Шабибом. Тот решил, что переговоры с таким человеком в любом случае полезны, и наутро вновь направил переговорщиков. Но вопрос о халифе оказался камнем преткновения — ни та, ни другая сторона не готова была поступиться принципами. Мутаррифу было сказано, что если он не признает право любого араба быть избранным халифом, то станет их врагом. Мутарриф сказал, что ему надо подумать и ответ он даст утром. Вечером он собрал людей, которым доверял, изложил содержание переговоров и в заключение сказал, что если хариджиты уступят в вопросе о праве на халифство, то он готов вместе с ними выступить против ал-Хаджжаджа и Абдалмалика. Выслушав мнение присутствующих, он отдал приказ покинуть Ктесифон и уйти в Даскару. Так, не уступив в принципиальном вопросе хариджитского вероучения, Шабиб добился свободы выхода из возможного окружения.

В Даскаре Мутарриф объявил войску, что отвергает Абдалмалика и ал-Хаджжаджа, будет бороться за восстановление благочестия и спра-

ведливость до избрания мусульманами угодного им халифа, кто хочет того же, пусть идет с ним, кто не хочет — может возвратиться в Куфу. Часть пожелала вернуться, а с оставшимися он пошел к Хулвану[18].

Шабиб же немедленно после его ухода восстановил мост, оставил в Ктесифоне своего брата Масада с частью войска, а сам, невзирая ни на что, пошел к Куфе. Аттаб тем временем успел окопать свой лагерь рвом и приготовился его встретить. Шабиб обнаружил какую-то дамбу, по которой можно было миновать ров, и с наступлением сумерек повел по ней свою конницу. Его расчет на опыт своих воинов смело действовать в условиях темноты оправдался. Войско Аттаба стояло в боевом порядке, но хариджиты смяли фланги и окружили центр, в котором до конца сражался Аттаб. После его гибели организованное сопротивление прекратилось, часть воинов разбежалась, часть согласилась присягнуть Шабибу. Ему достался лагерь со всем имуществом. Теперь он не нуждался в прикрытии для отступления и вызвал к себе Масада. Через два дня после сражения он продолжил марш на Куфу.

За это время в Куфу успело прийти сирийское подкрепление, и ал-Хаджжадж почувствовал себя увереннее и смог позволить себе обратиться к ненадежным куфийцам с презрительной речью: «Куфийцы, не возвеличит Аллах того, кто захочет достигнуть величия с вашей помощью. Уходите от нас и не участвуйте вместе с нами в сражениях против наших врагов. Переселяйтесь в Хиру и селитесь вместе с иудеями и христианами. Будет сражаться с нами только тот, кто служил нам и не участвовал в сражении с Аттабом б.Варакой!»[19]. Шабиб остановился на другом берегу Евфрата у Хаммам А‘йам. Ал-Хаджжадж выслал против него отряд полиции, подкрепленный 280 сирийцами, всего около 1000 человек. Отряд не выдержал удара хариджитов, его командир был убит, а остатки отряда отошли в Куфу.

Шабиб переправился по мосту и стал перед ним лагерем и как символ уверенности в победе соорудил какую-то временную мечеть, что-нибудь вроде огороженного участка с навесом у киблы и возвышением для имама. Ал-Хаджжадж прикрыл входы в магистральные улицы вооруженными людьми и устроил военный совет, на котором Кутайба б. Муслим будто бы резко упрекал его за бездействие[20]. На следующий день ал-Хаджжадж сам стал во главе войска, вышедшего против хариджитов. На этот раз их атаки не приносили успеха, не удалось сломить ни один фланг, возможно, определенную роль в этом сыграли сирийцы. Сорвалась и попытка обойти с тыла через соседние улицы — их остановили воины заслонов и жители соседних домов, стрелявшие в хариджитов с крыш и кидавшие камни.

Отбив все атаки, войско ал-Хаджжаджа само перешло в наступление и оттеснило хариджитов к Дар-ар-Ризк. Они спешились, чтобы

в каре, выставив копья, успешнее отбивать наскоки конницы. В это время отряд наемников (*чакиров*; термин обозначает наемную гвардию) напал на лагерь хариджитов, охраняемый Масадом, братом Шабиба, убил его и Газалу и поджег лагерь со всем имуществом. Это сломило хариджитов, и они обратились в бегство[21]. Шабиб прикрывал это отступление. Значительная часть его воинов при этом разбежалась. С жалкими остатками отряда Шабиб отошел в Мадаин. За ним по горячим следам бросился в погоню Халид б. Аттаб, желавший отомстить за отца. Шабиб укрылся за стенами монастыря в Ктесифоне в двух фарсахах от Тигра. Халид осадил монастырь, но Шабиб совершил излюбленную ночную вылазку, рассеял осаждавших и ушел на север набирать новых сторонников[22].

Ал-Хаджжадж объявил амнистию всем шабибовцам, кто явится с повинной. Многие из разбежавшихся по Саваду мятежников воспользовались этой возможностью. Теперь, когда Шабиб не представлял больше опасности и у ал-Хаджжаджа были развязаны руки, настало время расправиться с мятежным сыном Мугиры б. Шу‘бы. К сожалению, отдельные этапы его одиссеи не датированы, и трудно синхронизировать их с действиями против Шабиба.

Видимо, поначалу Мутарриф не намеревался покидать Ирак, надеясь отсидеться до падения ал-Хаджжаджа в горах Хулвана. Однако губернатор этой области не позволил ему остаться здесь и лишь пообещал не препятствовать проходу по легко контролируемой горной дороге. На перевале у Каср-и Ширин на Мутаррифа напали курды, он легко справился с ними, миновал Хулван, затем свернул влево и остановился в Динаваре. Оттуда он обратился к своему брату Хамзе, наместнику Хамадана, с просьбой помочь деньгами и оружием. Брат ответил, что это повредит ему в глазах ал-Хаджжаджа, но все же просьбу выполнил. Усилившись таким образом, Мутарриф прошел, не задерживаясь, через Хамадан и вышел к Куму и Кашану[23]. Дальнейшей целью его был захват Исфахана и организация восстания против ал-Хаджжаджа. Он написал в Рей двум оппозиционно настроенным знакомым с призывом выступить против тирании за возвращение к книге Аллаха и сунне пророка. Они откликнулись на его призыв и привели с собой около сотни сторонников.

Наместник Исфахана ал-Бара б. Кабиса, узнав о намерении Мутаррифа, обратился за помощью к ал-Хаджжаджу. Тот отреагировал немедленно, используя для быстроты переброски почту, посылая воинов группами по 10–20 человек. Это обеспечивало скорость переброски около 200 км в сутки, хотя и растягивало время сбора войска. Через несколько дней ал-Бара в дополнение к своим 2000 воинам получил еще 500[24].

Тем временем начальник полиции Хамадана Кайс б. Са‘д известил ал-Хаджжаджа, что Хамза ненадежен и тайно помог своему брату. В ответ он получил приказ арестовать Хамзу и грамоту на управление Хамаданом. Кайс с удовольствием выполнил приказ: арестовал Хамзу, заменил прежнюю администрацию своими людьми, а вдобавок, отчитываясь о выполнении приказа, изъявил желание участвовать в подавлении мятежа. Ал-Хаджжадж, естественно, принял это предложение. Приказ выступить против Мутаррифа получил также наместник Рея с разрешением использовать для этого ¾ наличного войска, он же был назначен командовать всей операцией. В его распоряжении оказалось около 6000 человек, в том числе 700 сирийцев[25].

Мутаррифу отрезали все пути отхода и навязали бой с превосходящими силами. Мутарриф пал в бою вместе с несколькими верными помощниками. Бой на этом прекратился, часть воинов разбежалась, часть сдалась в плен и получила помилование по настоянию соплеменников[26].

По-видимому, в это же время Шабиб набрал на севере Ирака новый отряд и вновь появился в Саваде. Против него с 3000 воинов был послан Хабиб б. Абдаррахман ал-Хаками. Шабиб, как всегда, смело атаковал Хабиба с наступлением темноты, но на этот раз потерпел неудачу: то ли новые его воины были уже не те, то ли развеялась наводившая панику убежденность в его непобедимости. Потеряв около 30 человек убитыми, Шабиб вышел из боя и увел свой отряд за Тигр. Эта неудача показала, что время легких побед миновало и нужно искать что-то новое. Шабиб через Васит и Ахваз ушел в Кирман, находившийся во власти хариджитов. Здесь он, по выражению источника, «оперился» и через три месяца вновь появился в Ахвазе.

Ал-Хаджжадж выслал навстречу ему Суфйана б. ал-Абрада с 4000 куфийцев и приказал наместнику Басры выставить такой же отряд басрийцев. Столкновение с Шабибом произошло около моста через Дуджайл (Карун). Шабиб переправился через реку и напал на иракцев. Его кавалерия неоднократно налетала на строй пехоты, но та не поддавалась и постепенно прижимала хариджитов к реке. В конце дня Шабиб с сотней воинов спешился, чтобы копьями отбиваться от иракской конницы и прикрыть отход основных сил по мосту. Иракцам долго не удавалось одолеть этот заслон, пока Суфйан не направил против него команду лучников, издали засыпавших воинов Шабиба дождем стрел. Шабиб атаковал стрелков, убил 30 человек, остальные отступили. Исход битвы решило наступление темноты. Противники разошлись, мост остался в руках Шабиба, и он спокойно стал переправлять свой маленький отряд, замыкая его. И тут судьба сыграла с ним злую шутку: он упал с моста и утонул. Было темно, ехал он последним, и очевидцев

его гибели не оказалось. По одной версии, его жеребец наскочил на ехавшую перед ним охочую кобылу, по другой — он просто споткнулся[27]. Некоторые не исключали даже злостной порчи моста. Но эта такая же легенда в оправдание героя, как то, что он дважды выныривал и успевал каждый раз произнести короткую цитату из Корана[28].

Командование растерявшимся войском взял на себя ал-Батин, старый соратник Шабиба. Он сразу снялся с моста, бросив лагерь со всем имуществом. Наутро иракцы с изумлением увидели брошенный лагерь, а вскоре от смотрителя моста узнали, что командир хариджитов утонул. Суфйан послал ныряльщиков, и они вытащили тело Шабиба. Его обезглавили, и голову вместе с победной реляцией послали ал-Хаджжаджу[29]. Ал-Батин вскоре сдался Суфйану под обещание помилования, но ал-Хаджжадж аннулировал обещание Суфйана и казнил ал-Батина[30].

Описанные здесь события произошли, скорее всего, в самом конце 77 г. х., т.е. в марте 697 г.

Прослеживая ход двухлетних бесславных попыток военачальников могущественного и решительного наместника, способного мобилизовать добрый десяток тысяч воинов, состоявших на жаловании, справиться со сравнительно небольшим отрядом мятежников, невольно задаешься вопросом: в чем причина? Военачальники, руководившие карательными операциями, имели боевой опыт, их воины тоже не были новичками, командующие сражались до последнего, а воины — разбегались, оказывая слабое сопротивление. При любых попытках объяснения на первый план выходит нежелание большинства сражаться на стороне ал-Хаджжаджа. Можно также догадаться, что Шабиб не был сродни тем первым хариджитам, которые с крайней жестокостью расправлялись с инакомыслящими (ср. т. III, с. 71, 257). Конечно, он не упускал случая отомстить обидчикам, но убийства мусульман-нехариджитов не упоминаются, поэтому мусульмане Ирака относились к нему с меньшей враждебностью, чем к своему наместнику. Гибель Шабиба не изменила положения в этом отношении.

РАЗГРОМ АЗРАКИТОВ

Как уже говорилось, ал-Мухаллаб на рубеже 694–695 гг. продвинулся от Рамхурмуза до Казеруна и там на какое-то время задержался. Имеющиеся в нашем распоряжении достаточно обширные источники мало помогают в этом отношении, так как, восходя к азднтской племенной традиции, содержат в основном рассказы во славу ал-Мухаллаба и его сыновей, а общий ход операций служит лишь фоном, для которого не нужны точные даты.

Определенно говорится только, что в один из двух месяцев джумада 76 г. х. (16.VIII–14.X.695 г.) к ал-Мухаллабу, стоявшему под Сабуром, для подкрепления прибыл Атийа б. Варака с отрядом исфаханцев[31]. Совместными усилиями им удалось к зиме вынудить Катари ночью тайком вывести все свое войско с семьями и имуществом к Истахру[32]. Произошло это поздней осенью или в самом начале зимы. Таким образом, первый заметный успех был достигнут почти через год после сражения у Рамхурмуза, да и то он означал продвижение на каких-то двадцать километров. Наступившая зима приостановила военные действия до весны, до Дня жертвоприношения (10 зу-л-хиджжа / 20 марта 696 г.)[33]. В эти месяцы 76 г. ал-Мухаллаб начал чеканку монет от своего имени на монетном дворе Сабура[34].

Весь этот год ал-Хаджжадж посылал ал-Мухаллабу грозные письма, требуя не стоять на месте, а воевать, угрожал отставкой и напоминал, что это ответственное и почетное задание доверено ему, представителю второстепенного племени азд, его предпочли более достойным кандидатом, он должен сознавать это и оправдывать оказанное ему доверие. Оправдывать это доверие надо не сбором налогов, чем он занимается, а войной с хариджитами. Ал-Мухаллаб отвечал, что войну вести без денег нельзя, и то, что он делает, необходимо для успешного ведения войны. Ал-Хаджжадж несколько раз посылал контролеров, которые должны были уличить нерадивого командующего в бездействии. Наши источники, естественно, рассказывают, какие успешные бои с хариджитами вели то один, то другой сын Мухаллаба[35].

Характер источников определил отсутствие в них каких-либо упоминаний об Аттабе б. Вараке, несомненно принимавшем участие в боях под Сабуром; упоминается он только в другой связи — из-за конфликта с выплатой жалованья воинам: ал-Мухаллаб регулярно платил своим басрийцам и задерживал (или задержал) выплату куфийцам Аттаба. Аттаб пожаловался ал-Хаджжаджу, прося вывести его из подчинения ал-Мухаллаба. Тогда этому прошению не был дан ход, но оно могло вспомниться, когда для борьбы с Шабибом потребовались новые и более надежные силы. Ал-Мухаллабу было указано на необходимость платить куфийцам наравне с басрийцами[36].

Кажущее бездействие ал-Мухаллаба скрывало тихую работу по расколу единства пестрого хариджитского воинства. Он посылал в их лагерь подложные письма с деньгами за якобы оказанные услуги, устраняя этим наиболее опасных людей; подсылал якобы наивных людей с каверзными вопросами, решение которых вызывало споры между хариджитами, и — на их почве — вражду. Эти разногласия теоретического религиозно-правового характера добавлялись к имевшемуся и без того недовольству поведением Катари и его окружения. Многие счи-

тали, что он своевольничает, не считается с мнением общины, казнит безвинных и милует виноватых из своего окружения[37]. К этому прибавлялись противоречия между арабами и мавлами, к которым арабы относились с пренебрежением, несмотря на единство убеждений. Между тем мавлы составляли примерно две трети войска Катари. Первые всходы семян раздора, брошенных ал-Мухаллабом в пеструю массу азракитов, начали всходить еще до взятия Сабура и бурно разрастались по мере военных неудач.

Если верить ал-Куфи[38], военные действия по весне возобновили азракиты, намереваясь напасть на Сабур в День жертвоприношения (20 марта 696 г.). Ал-Хаджжадж вовремя вышел им навстречу и в трехдневном сражении одержал над ними верх. Азракиты отошли к ущелью Бавван в 10–12 км от Наубанджана по дороге в Шираз. Здесь они снова потерпели поражение и отошли в сторону Истахра. Бои под Истахром и его осада продолжались несколько месяцев. В городе кончилось продовольствие, и азракиты, по сведениям ал-Куфи, отошли к хорошо укрепленному городку ал-Байда (ныне Бейза). Перед тем как покинуть Истахр, Катари устроил в городе погром, чтобы наказать его жителей за тайные сношения с ал-Мухаллабом[39].

Вскоре после этого, но не раньше сентября, ал-Хаджжадж отозвал Аттаба б. Вараку в Ирак на борьбу с Шабибом. Его уход с несколькими тысячами куфийских конников не повлиял на дальнейший ход войны с азракитами, они, видимо, понесли заметные потери и были морально сломлены.

Под ал-Байда произошло несколько боев, после которых азракиты покинули этот город, хотя о деталях его сдачи ал-Куфи ничего не сообщает[40]. Под давлением ал-Мухаллаба азракиты отступают все дальше на восток, не оказывая серьезного сопротивления. Ал-Мухаллаб засылает вперед лазутчиков и ведет переговоры с иранскими феодальными владетелями городов, о чем свидетельствует намерение Катари наказать Фаса подобно Истахру. Его владетель спас город, заплатив Катари 100 000 дирхемов[41].

Эти поражения подорвали моральный дух азракитов. Тайное недовольство своим вождем вылилось в открытые обвинения и неповиновение. Ему стали предлагать отказаться от халифства и передать руководство общиной более достойному человеку. Он согласился уступить руководство некоему ал-Мука‘тари ал-Абди. Это вызвало еще большее возмущение и привело к расколу азракитов на три лагеря. 7–8 тысяч человек присягнули Абдраббихи Старшему (или «Большому»), 4 тысячи — Абдраббихи Младшему (или «Маленькому»), а примерно четверть войска, т.е. те же 4 тысячи, остались с Катари. Первые две группы составляли мавлы, а с Катари остались в основном арабы.

Узнав о расколе, ал-Мухаллаб произнес с облегчением: «Их раздор опаснее для них, чем я»[42].

Ослабленные расколом, азракиты отступили далеко на восток, в Кирман. Катари обосновался в Джируфте, Абдраббихи Младший — где-то неподалеку, местонахождение Абдраббихи Старшего не указывается. Появление Катари в Кирмане должно было затронуть интересы Атийа б. ал-Асвада, захватившего власть в этой области. У ал-Куфи он появляется во время боев под Истахром и выступает не как ровня Катари, а как один из его военачальников[43]. Это представляется маловероятным для правителя, чеканившего монету от своего имени. В крайнем случае, он мог оказаться в подчиненном положении после прихода Катари в Кирман, хотя в это время тот был уже ослаблен расколом в стане азракитов.

Дальнейшие события излагаются различно. Согласно одной версии, сторонники Абдраббихи Младшего, возмущенные тем, что Катари казнил невинного, по их мнению, человека, напали на него. В этом сражении под городом Джируфтом, в котором потери обеих сторон составляли 2000 человек, Катари потерпел поражение, был изгнан из города и стал лагерем недалеко от Джируфта. Ал-Мухаллаб подослал к нему человека, который посоветовал покинуть лагерь, находившийся между Абдраббихи (в Джируфте ?) и ал-Мухаллабом. Катари поддался на провокацию и ушел. Ал-Мухаллаб тут же занял его укрепленный лагерь и, используя его как опорный пункт, стал вести новые военные действия против Абдраббихи[44].

По другой версии, Катари был осажден ал-Мухаллабом в Джируфте, по настоянию своих воинов вышел из города и напал на осаждающих. Битва затянулась; на третий день боев на помощь ему пришел Абдраббихи Младший, который в этом бою и погиб[45]. Несомненно одно — именно под Джируфтом азракиты потерпели решительное поражение, после которого уже не смогли оправиться. Катари со своим верным соратником Убайдой б. Хилалем и кучкой оставшихся ему верными людей бежал на север в район Рейа[46], надеясь найти убежище в горах Табаристана, испехбед которого лишь формально признавал власть ислама. На первых порах испехбед оказал ему покровительство. Здесь он рассорился с Убайдой б. Хилалем, который с частью людей ушел в Кумис. Оттуда Убайда прислал стихотворное послание с объяснением причин разрыва и заодно — чтобы задобрить ал-Мухаллаба, в руках которого находилась его семья.

Ночь затянулась, судьба изменилась,
Стрел она ливнем меня поливает.
Рок разлучил нас с тобою, Катари,
Нас за обманную смуту карает.

Вижу Абдраббихи, правду отвергших,
Злоба от истины их отвращает.
Пламя раздувши, они утверждают:
«Это Убайда его разжигает».

Похвалив затем самого себя, Убайда перешел к главному:

Как ал-Мухаллаб, сын Суфры, радеет,
Семьи погибших мужчин опекает,
Ширит он шаг для прощанья с войною,
Руки к добыче свои простирает.
Чада покинуты мною в Джируфте,
Вот моя весть, где семья пребывает.
Если война ал-Мухаллабу в руки
Их отдала — то меня утешает:
Этот старик от беды их избавит,
Их продавать — незаконно, он знает,
Если не зря у людей ал-Мухаллаб
Честью и славой большой обладает.

Стихи точно попали в главную цель — после окончательной победы над азракитами ал-Мухаллаб на собственные деньги выкупил детей Убайды за 50 000 дирхемов[47].

После бегства Катари хариджиты покинули Джируфт, и ал-Мухаллаб беспрепятственно вошел в него. Теперь все хариджиты объединились вокруг Абдраббихи Старшего, стоявшего в четырех фарсахах от Джируфта, и присягнули ему как халифу. По сведениям ал-Куфи, это вызвало недовольство Атийи, рассчитывавшего, что главенство перейдет к нему. Произошла ссора, в результате которой Абдраббихи убил Атийу[48]. В ту ночь сторонники Атийи покинули лагерь Абдраббихи, явились к ал-Мухаллабу, прося помилования, и получили его.

Даже теперь, имея явное превосходство, ал-Мухаллаб не спешил и ждал дальнейшего развития событий. Только постоянное давление ал-Хаджжаджа через своих посланцев-контролеров вынудило его перейти к активным действиям. Азракиты оказали упорное сопротивление, нанесли ответный удар и захватили Джируфт, но ал-Мухаллаб вывез из него все продовольствие и город превратился в ловушку для Абдраббихи. Вылазки не принесли успеха — город был плотно обложен. Вскоре в городе начался голод. В последней отчаянной попытке вырваться из блокады, когда ал-Мухаллабу пришлось самому взяться за оружие, чтобы поддержать боевой дух своего войска, азракиты были окончательно разгромлены, оставив на поле боя 4000 убитых, среди которых был и Абдраббихи. Уцелевшие разбежались или сдались в плен. Ал-Мухаллаб возвратился в Джируфт, был милостив к побежденным, позволил родственникам взять раненных врагов на излечение,

с условием, что они будут отвращать их от вредных убеждений, а уж кто не одумается — будет все-таки казнен. Семьи убитых хариджитов стали частью добычи победителей[49] (о судьбе семьи Убайды б. Хилала мы уже знаем).

Вместе с победной реляцией ал-Хаджжаджу была послана законная часть добычи, которую сопровождал красноречивый посланец, восхваливший достоинства и заслуги ал-Мухаллаба и его сыновей. Посланец получил за доставку радостной вести 10 или даже 20 тысяч дирхемов и столь же прибыльное поручение доставить эту весть халифу[50].

Ал-Куфи и Ибн Абу-л-Хадид, сообщающие наиболее подробные сведения о борьбе ал-Мухаллаба с хариджитами, не датируют события с момента взятия Сабура и до бегства Катари; Халифа и ат-Табари умещают весь этот период в 77/696–7 г.[51]. Взятие Джируфта ал-Мухаллабом, скорее всего, относится к концу этого года хиджры, поскольку в 77 г. х. Катари еще чеканил свою монету в этом городе.

После разгрома хариджитов ал-Мухаллаб некоторое время оставался в Кирмане, по крайней мере до начала 78 / весны 697 г., о чем свидетельствуют письменные источники и монеты, датированные этим годом, чеканенные в Истахре, Бардасире и Джируфте[52]. Затем ал-Хаджжадж вызвал его к себе, разрешив оставить заместителем кого пожелает; ал-Мухаллаб пожелал назначить своим преемником собственного сына Йазида. Сам ал-Мухаллаб был осыпан милостями, сидел во время приемов рядом с ал-Хаджжаджем, его сыновья получили прибавку в 2000 дирхемов к годичному жалованью, получили награды и все воины отряда, в сопровождении которого ал-Мухаллаб прибыл в Ирак[53]. Впрочем, праздник скоро кончился, и пришло время отчета в финансовой деятельности.

Добивать Катари, взявшего верх над испехбедом Табаристана, который дал ему возможность укрыться в своих владениях[54], был послан Суфйан б. ал-Абрад с отрядом сирийской конницы, в Рейе к нему присоединился стоящий там отряд куфийской кавалерии. Никаких подробностей о военных действиях против Катари не сообщается, даже обстоятельства его гибели описываются различно.

По одной версии, в бою конь Катари споткнулся, всадник упал, а затем на него упала лошадь, сломав ему бедро. Беспомощного Катари тут же добили[55]. По другой версии, после разгрома Катари бежал в горы, где, изнывая от жажды, попросил у встречного крестьянина напиться, а тот потребовал плату вперед. У Катари не было ничего, кроме оружия, а его дать вперед он отказался. Тогда крестьянин спустил на него камень, сломавший бедро, и привел его врагов[56]. В обеих историях совпадают: сломанное бедро и имя мавлы, убившего Катари, — Базам.

Затем пришла очередь Убайды б. Хилала. Он еще раньше откололся от Катари и обосновался в Кумисе, здесь в одной из крепостей его и осадил Суфйан б. ал-Абрад. Азракиты стойко держались, на предложение Суфйана получить помилование, убив товарищей, никто не откликнулся, а когда кончились все продукты и были съедены все кони, они вышли из крепости и дали последний бой, в котором пал и Убайда[57].

Все эти события ат-Табари помещает в разделе 77 г. х. (10.IV.696–29.III.697 г.) для сохранения связности повествования, и сам же замечает, что Шабиб, Катари и Убайда погибли в 79 г. х. Халифа всю историю Шабиба излагает под 77 г. х., а гибель относит к 78 г. х.[58]. Думается, что ат-Табари не прав, и только гибель Катари и Убайды можно датировать 79 г. х.

Разгром двух крупных хариджитских движений не означал установления в восточной половине Халифата полного спокойствия. Часть рассеявшихся хариджитов собралась в Сиджистане, образовав там беспокойный форпост воинствующего ислама, другие, в том числе и в Ираке, сбивались в группки, порой истинно разбойничьи шайки, и проявляли себя при первом удобном случае. Все эти мелкие уколы, наносимые государственной власти, редко удостаивались внимания историков. Так, сообщается о восстании в районе ал-Фаллуджи некоего Абу Зийада ал-Муради, при подавлении которого выдвинулся ал-Джаррах б. Абдаллах ал-Хаками, игравший впоследствии не последнюю роль в военной истории Халифата. Затем в Бахрейне появился Абу Ма‘бад ал-Кайси, против которого был послан наместник Басры ал-Хакам б. Аййуб. В Мекране власть захватили два сына ал-Аллафа, которые в 78 г. х. убили посланного туда ал-Хаджжаджем наместника. Только на следующий год удалось нанести им поражение и убить одного из братьев. Но в том же году произошло восстание в Бахрейне, в селении Таб‘ в районе ал-Хатт, возглавленное ар-Раййаном ан-Накари, к нему присоединился хариджит Маймун, пришедший из Омана. Совместно они изгнали наместника, Мухаммада б. Са‘са‘у ал-Килаби (судя по нисбе — одного из сирийских военачальников ал-Хаджжаджа). Мухаммад б. Са‘са‘у бежал из Бахрейна по морю, не дожидаясь подхода посланного ему на помощь Йазида б. Абу Кабши. Йазид разгромил повстанцев в 80/699–70 г., ар-Раййан был убит, и с ним некая Джайда, несомненно, одна из предводителей восстания[59].

Эти неприятные для Халифата инциденты все же затрагивали второстепенные районы. Гораздо важнее было сохранение стабильности в Хорасане и Сиджистане. Отозванный из Кирмана ал-Мухаллаб был лучшей кандидатурой для этого. Возвращать его в Кирман ал-Хаджжадж опасался — там он мог стать слишком самостоятельным. Нужно было лишь решить, куда именно его назначить, ну и, конечно, добиться от него погашения задолженности по налогам.

Как уже говорилось (т. III, с. 270), Абдалмалик назначил наместником беспокойного Хорасана своего дальнего родственника Умаййу б. Абдаллаха б. Халида, который как курайшит должен был стоять над межплеменными распрями и умиротворить эту провинцию. Мешало ему то, что на его репутации темным пятном лежало позорное бегство от хариджитов Бахрейна (т. III, с. 265). Умаййе был подчинен и Сиджистан, управлять которым он отправил своего сына Абдаллаха. В 695 г. Абдаллах совершил поход на Кабулистан. На пути, еще в Бусте, прибыл к нему правитель Кабулистана с подарками и согласился подписать договор с условием уплаты миллиона дирхемов в год. Неизвестно, получил ли Абдаллах какую-то часть этой суммы, во всяком случае, он потребовал большой дани и вторгся в горные районы. Горцы не оказывали сопротивления, заманивая его все глубже, а затем перекрыли пути отхода. В результате вместо богатой добычи и большой дани он вынужден был подписать договор на 300 000 дирхемов в год с обязательством больше не вторгаться в Кабулистан[60]. За такой позорный исход кампании Абдалмалик сместил его и назначил вместо него Мусу б. Талху, человека, до тех пор ничем не отличившегося.

Сам Умаййа в течение первого года правления Хорасаном не предпринимал никаких решительных действий. Главным врагом халифа на вверенной ему территории был Муса б. Абдаллах б. Хазим, захвативший хорошо укрепленный Термез и сидевший там с тысячью преданных воинов. Опасно было не это войско, несопоставимое с силами наместника, а то, что оно могло стать ядром мощного антихалифского движения.

В начале 696 г. Умаййа решил предпринять поход на Термез. Конечная цель не упоминается, скорее всего, он планировался по принципу «как получится». Командующим был назначен Букайр б. Вишах, который горячо взялся за подготовку похода. В связи с этим сообщается несколько любопытных деталей. Оказывается, средств для этого из казны выделялось недостаточно, и командующему приходилось многое оплачивать из собственного кармана. Букайр вынужден был обратиться к кредиторам, которыми стали согдийские купцы, жившие в Мерве, т.е. они дали деньги для организации похода на своих собратьев. В долг влезли перед походом и некоторые другие его участники. Вряд ли это был какой-то исключительный случай, скорее, обычная практика организации походов в те годы.

Воспользоваться плодами подготовки Букайру не пришлось. Его сопернику Бахиру, который не мог простить Букайру свой арест во время его наместничества, нетрудно было внушить Умаййе мысль, что

Букайр, оказавшись за рекой во главе большого и хорошо обеспеченного войска, поднимет мятеж. Умаййа отстранил Букайра и сам возглавил поход. В Кушмайхане, городке в 50 км севернее Мерва, где были завершены последние приготовления к походу, Бахир посоветовал Умаййе назначить Букайра командовать арьергардом, который должен был следить, чтобы не было желающих отстать от войска. Это было еще одним унижением. Наконец, переправившись через Амударью, Умаййа попросил (именно так) Букайра возвратиться в Мерв, чтобы помогать юному сыну Умаййи управлять Мервом. Букайр с группой верных ему людей поскакал назад. Когда отряд переправился по наплавному мосту на западный берег реки, один из близких ему людей, Аттаб ал-Ликва, тоже, кстати, залезший в долги при подготовке к походу, посоветовал Букайру сжечь мост и, вернувшись в Мерв, захватить власть. Букайр колебался, не желая подвергать опасности мусульманскую армию, находившуюся на враждебной территории. Аттаб успокоил его: «Тебе достаточно будет, чтобы глашатай объявил: „С того, кто принял ислам[61], мы снимем харадж“. К тебе придет тогда пятьдесят тысяч молельщиков, более послушных и покорных тебе, чем эти»[62]. А относительно мусульманской армии, заверил его Аттаб, беспокоиться нечего — она многочисленна и хорошо обеспечена и может дойти хоть до Китая.

Букайр уничтожил мост, вернулся в Мерв и объявил Умаййу смещенным. Известие об этом дошло до Умаййи, когда он находился под Бухарой. Он был потрясен неблагодарностью Букайра, которого облагодетельствовал, не потребовав финансового отчета при вступлении на пост наместника, а теперь — доверил управлять столицей. Его успокаивали, говоря, что Букайра подстрекал к этому Аттаб. «Да кто такой Аттаб, — воскликнул он, — наседка на яйцах!»

Умаййа быстро заключил договор с Бухарой и поспешил к Мерву. Передовой его отряд из 800 человек был разгромлен на подходе к городу. Не желая увеличивать число врагов, Букайр распорядился освободить сдавшихся в плен, лишь отобрав у них оружие. Умаййа с основным войском остановился в Кушмайхане. Оттуда он послал против мятежников отряд под командованием Сабита б. Кутбы, мавлы бану хуза‘а. Он также потерпел поражение, Сабит попал в плен, но также был отпущен на свободу. Тогда Умаййа сам подошел к Мерву со всем войском. Блокировать его или пытаться штурмовать он не стал, потому что там оставались семьи многих участников похода. Мятежники беспрепятственно выходили за городские стены, устраивали пирушки на лоне природы и дразнили своих противников: «Выстрелите-ка! Тому, кто выстрелит, мы бросим голову кого-нибудь из его семьи». Изредка происходили мелкие стычки у северных ворот, скорее ради демонстрации молодечества, чем для достижения какой-то серьезной цели.

Неопределенность, наконец, надоела обеим сторонам, к тому же Букайр был ранен в голову в одной из стычек и понял, что Умаййа в конце концов возьмет верх. Поэтому, когда Букайр начал переговоры и одним из условий сдачи поставил оплату долгов, сделанных для подготовки похода, на сумму в 400 000 дирхемов, Умаййа согласился. Букайру было также обещано помилование его сторонников и что он получит наместничество в любом округе Хорасана, в каком пожелает. Умаййа простил даже главного подстрекателя к мятежу, Аттаба, и оплатил его расходы на подготовку к походу (20 тыс. дирхемов). Ради окончательного примирения Умаййа пошел на смещение Бахира с поста начальника полиции. Такой исход дела только подогрел ненависть Бахира к Букайру.

Мятеж Букайра не был только проявлением личных обид и претензий, за ним стояло недовольство значительной части хорасанских арабов. Одной из главных причин недовольства была неотрегулированность налогообложения. Мусульмане, во всяком случае мусульмане-арабы, не должны были платить харадж, но он был неотделим от хараджных земель: приобретая такую землю, новый собственник приобретал с ней и обязанность платить налог, приобретение ее мусульманином или принятие прежним владельцем ислама не меняло положения. В Мервском оазисе сбор налогов лежал на марзбане Мерва и подвластных ему местных дихканах. Сумма дани Мерва была определена договором, заключенным при завоевании, уменьшить эту сумму было нельзя. Переход значительной части земель к арабам и принятие ислама частью местных жителей увеличили бы налогообложение оставшихся владельцев-немусульман до полного их разорения. Поэтому получалось, что завоевателям приходилось платить унизительный для них налог уполномоченным покоренных.

Неизвестно, что происходило в те несколько месяцев, когда Мерв был под властью Букайра, но Умаййа жестко требовал сбора полной суммы налогов, и это вызывало ропот в среде арабов.

Однажды такой разговор возник в мечети в присутствии Букайра. Тамимиты осуждали Умаййу, который отдал их во власть дихканов при сборе налогов[63]. Этот разговор слышал и Бахир, который тут же донес Умаййе, что это говорил Букайр. Умаййа не поверил. Тогда Бахир придумал более тяжкое обвинение, будто Букайр при свидетелях говорил о намерении убить Умаййу. Бахиру удалось убедить наместника в справедливости этого обвинения. Букайр был арестован и признан виновным, несмотря на его требование передать решение не его личным врагам, а незаинтересованнным людям. Многие вступились за Букайра, никто не хотел брать на себя его убиение, кроме Бахира, он и обезглавил Букайра. А на следующий день были казнены два племянника Букайра, а любимая невольница Букайра была подарена Бахиру.

Рассказы о мятеже Букайра б. Вишаха и его дальнейшей судьбе интересовали современников больше, чем военные предприятия Умаййи, о которых сохранились самые смутные воспоминания. По сообщению ат-Табари, в том же, 77 г. х. Умаййа совершил неудачный поход за Амударью, был окружен и с большим трудом спас войско от гибели[64]. Поскольку мы не знаем, когда произошло примирение Букайра и Умаййи, то не можем сказать, была ли у Умаййи возможность успеть совершить поход до наступления зимы. В другом месте сообщается, что после примирения Умаййа «не трогался с места весь этот год». На следующий год он отправил большое войско под командованием какого-то безымянного хуза‘ита против Мусы б. Мухаммада к Термезу, где хуза‘ит был коварно убит, после чего его войско разбежалось[65]. Этот рассказ не внушает особого доверия: фигурирует бродячий сюжет об агенте-перебежчике, якобы пострадавшего от своих, отсутствует имя командующего «многочисленным войском». В этом случае неудачный поход Умаййи не упоминается.

Как бы то ни было, правление Умаййи оказалось неудачным, и еле устоявшееся единение хорасанских арабов было нарушено и военных успехов не принесло. Абдалмалик сместил его и передал Хорасан и Сиджистан под верховную власть ал-Хаджжаджа[66].

Ал-Хаджжадж хотел направить в Сиджистан ал-Мухаллаба, а в Хорасан — Убайдаллаха б. Абу Бакру, но ал-Мухаллабу не улыбалось ввязываться в дела беспокойного Сиджистана, и он убедил ал-Хаджжаджа, что Убайдаллах уже управлял этой провинцией и лучше знает ее, а он лучше знает Хорасан[67].

Однако путь в Мерв оказался тернистым: после окончания чествования победителя азракитов настала пора финансового отчета. За ал-Мухаллабом числился миллион дирхемов, недоплаченных в центральную казну за время управления Ахвазом при Халиде б. Абдаллахе (т. III, с. 263–365). Деньги эти не были присвоены, а расходовались на армию и ведение военных действий против азракитов. Такой суммы у ал-Мухаллаба не нашлось. Он напомнил своему сыну Мугире, что последний в то время управлял Истахром и должен внести половину этой суммы; 300 000 пришлось занять у Абу Мавии, мавлы Абдаллаха б. Амира, заведовавшего финансами своего патрона (ср. т. III, с. 133), остальные 200 000 в значительной части были покрыты продажей драгоценностей жены[68]. Пока производились эти трудные расчеты, ал-Мухаллаб послал в Мерв своего сына Хабиба с соответствующим военным сопровождением. Для быстроты отряд ехал на почтовых и за 20 дней добрался до места, проехав более 2300 км[69]. Смена власти прошла мирно, и Хабиб не тронул никого из прежней администрации.

Хабибу пришлось десять месяцев дожидаться отца, который все не мог расплатиться с долгом, т.е. фактически ал-Мухаллаб вступил в управление Хорасаном только в начале 698 г.

В том же, 78 г. х., но без такой задержки в Сиджистан прибыл Убайдаллах б. Абу Бакра. Главной его задачей было заставить правителя Кабулистана, рутбила, возобновить уплату дани. Весной 698 г.[70] двадцатитысячное войско состояло из куфийцев, которыми командовал Шурайх б. Хани, и басрийцев, подчинявшихся непосредственно Убайдаллаху или его сыну Абу Барза'а. Кампания развивалась по той же схеме, что и предыдущая: Убайдаллах, не встречая сопротивления, вошел в горные районы, и, когда оказался примерно в 100 км от Кабула, горцы отрезали ему пути отхода. Многочисленная армия оказалась в горах без фуража и продовольствия. Убайдаллах был вынужден пойти на тяжелые переговоры с рутбилом, не надеясь уже на получение дани или добычи. Многие военачальники были против такого позора и предлагали избрать более достойную смерть в бою. Убайдаллах все же заключил соглашение, заплатив (или обязавшись заплатить) 700 тыс. дирхемов, оставив в заложниках троих сыновей и дав письменное обязательство не вторгаться в Кабулистан во время своего наместничества.

Шурайх б. Хани отказался признать соглашение и с небольшим отрядом таких же непримиримых вступил в бой с кабулистанцами и погиб. Убайдаллаху с трудом удалось убедить рутбила, что это акт своеволия, а не нарушение соглашения.

Обратный путь деморализованной арабской армии был трагичен. Был разгар лета, путь проходил по безводным, выжженым солнцем местам. Продовольствие кончилось, были съедены все кони. Когда люди вышли в плодородные места и набросились на еду, то многие погибли от переедания, недозревший виноград для многих также оказался смертельным. В этих условиях Убайдаллах показал себя не лучшим образом. Где-то на обратном пути он закупил пшеницу и стал продавать своим воинам по дирхему за кафиз (3,24 кг)[71], т.е. втрое дороже обычного, и за такую же цену — решето соломы. От жажды, голода и болезней погибло три четверти войска — из 20 000 воинов вернулись только 5000[72].

Поэт А'ша Хамдан, участвовавший в этом походе, оставил длинное стихотворное описание тягот похода, в котором, сказав о превосходном состоянии войска, выступившего в поход, А'ша переходит к описанию его бедствий и недостойного поведения Убайдаллаха[73].

Позор поражения и проклятия исстрадавшихся участников похода не долго преследовали Убайдаллаха — в том же году он умер от какой-то «болезни ушей», передав управление областью своему сыну Абу Барза'а[74].

Примерно в то же время, когда Убайдаллах б. Абу Бакра отправился в свой злополучный поход, в Мерв прибыл ал-Мухаллаб. О каких-либо преследованиях со стороны нового наместника не сообщается, и вряд ли это случайно — он был человеком осмотрительным и об-

стоятельным, избавляться от врагов, чтобы нажить этим новых, он, кажется, избегал. Почти год ушел на решение внутренних дел провинции, и только весной 699 г. он предпринял поход в Мавераннахр.

Эту кампанию он повел так же основательно, как и войну с азракитами. Удар был направлен на южный Согд, долину Кашкадарьи, его главные города, Насеф (Нахшеб) и Кешш. В отличие от предшественников он не ограничился рейдом за реку, чтобы заставить местных правителей откупиться договорной данью, а остался там на зиму в лагере под Кешшем[75], откуда мог контролировать значительную часть Мавераннахра. Арабские авторы считают, что все это время он вел осаду этого города, но он был не так велик и не мог обладать настолько многочисленным гарнизоном, чтобы держаться так долго.

Отсюда он послал своего сына Йазида на покорение Хуттала, когда к нему прибыл племянник ас-Сабла, правителя этой области с предложением совместно свергнуть его. Два отряда встали отдельными лагерями под крепостью, где располагался ас-Сабл. Ночью он напал на лагерь племянника и убил его. Йазид осадил крепость и вынудил ас-Сабла подписать договор и заплатить контрибуцию.

Затем в район Рабинджана был послан Хабиб с четырехтысячным отрядом против владетеля (*сахиб*) Бухары с сорокатысячным войском, которое будто бы отступило после того, как раб Хабиба одолел в единоборстве своего соперника. Второе столкновение произошло на обратном пути около селения, которое было сожжено арабами и с тех пор стало называться ал-Мухтарака («Сожженная»)[76]. Здесь в единоборство вступил сам Хабиб и тоже одолел соперников[77]. Этот рассказ, как и многое в преданиях аздитской племенной традиции, составлен прежде всего для прославления сына ал-Мухаллаба, все остальное — лишь необходимый для этого фон. Из него мы не узнаем, достиг ли Хабиб Рабинджана, почему, победив многочисленного врага, ушел назад, почему на защиту Рабинджана, согдийского города, расположенного значительно ближе к Самарканду, чем к Бухаре, вышел бухархудат, а не ихшид Согда, да и сама принадлежность войска Бухаре — упоминание о возвращении его в свою страну скорее может относиться к тюркам, чем к бухарцам.

Ал-Мухаллаб стоял под Кешшем до осени 701 г. и ушел после получения известия о смерти Мугиры, замещавшего отца в Мерве, последовавшей в раджабе 82/11.VIII–9.IX.701 г.[78]. Он заключил договор с правителем Кешша о выплате контрибуции, получил заложников в обеспечение верности правителя Кешша своему слову, оставил Хурайса б. Кутбу дожидаться окончательной выплаты дани и ушел в Балх. Интересно, что, проходя где-то неподалеку от Термеза, он, по-видимому, не имел столкновения с Мусой б. Абдаллахом.

В это же время по более короткой дороге через Амул в Мерв отправился Йазид б. ал-Мухаллаб в сопровождении семи десятков всадников и вынужден был отбиваться от какого-то разбойничьего отряда тюрок около Нахшеба (Насефа, около современного Карши)[79].

С дороги или из Балха ал-Мухаллаб приказал Хурайсу в нарушение договора не отпускать заложников до прибытия в Балх. Он же использовал это распоряжение для ускорения выплаты дани, пообещав отпустить заложников сразу по завершении выплаты, и сдержал обещание. Возможно, это ослушание не имело бы серьезных последствий (Хурайс сказал, что письмо пришло, когда он уже отпустил заложников), если бы не одно его неосторожное высказывание: когда тот же отряд тюрок напал на него по дороге и потребовал выкупа, который будто бы выплатил им Йазид, Хурайс сказал, что его родила не мать Йазида, и атаковал тюрок. Вот этого ал-Мухаллаб уж никак не мог простить, тем более что Хурайс был не арабом, а мавлой бану хуза‘а (вероятно, мусульманином во втором поколении). Простить утверждение, что его мать лучше матери Йазида, было невозможно.

Хурайс получил 30 плетей по обнаженному телу — наказание по тем временам не из самых тяжелых, но раздевание было позорным, и Хурайс пытался убить ал-Мухаллаба, а после неудачи, через некоторое время подговорил своего брата Сабита бежать к Мусе б. Абдаллаху, который встретил их с распростертыми объятиями[80].

Сабит был фигурой заметной, пользовался большим уважением у местного населения, его именем называли детей и клялись в подтверждение верности клятвы[81]. Значение таких людей в войске завоевателей нами все-таки недостаточно оценивается — слишком мало конкретных сведений. Становясь мусульманами и арабизируясь, они лучше понимали иранское население, чем арабы.

Ал-Мухаллаб умер в Мерве в этом же году, передав власть Йазиду. Ал-Хаджжадж утвердил это назначение, тем более что в этот момент у него были более неотложные заботы, чем беспокойство о Хорасане.

МЯТЕЖ АБДАРРАХМАНА б. АЛ-АШ‘АСА

Ал-Хаджжадж не мог оставить без возмездия позорный финал похода Убайдаллаха б. Абу Бакры на Сиджистан. Извещая Абдалмалика о случившемся, он добавил, что считает необходимым послать в Кабулистан большое войско. Испрашивая разрешение на это, он закончил почтительно-настойчиво: «Если амир верующих укажет мне послать это большое войско, то я его отправлю, если нет — амир верующих властен над своим войском. Только я думаю, что если не при-

дет к рутбилу и тем многобожникам, которые с ним, такое большое войско, то они вскорости овладеют всей той пограничной областью (*фардж*)»[82].

Халиф, понятно, не возражал, и ал-Хаджжадж начал комплектацию войска, не жалея данег на снаряжение. Самым сложным оказался выбор командующего этим войском. Им мог бы стать ал-Мухаллаб, но он очень кстати для себя оказался в Хорасане, а не в Сиджистане, а война с Шабибом не выдвинула ни одного способного военачальника из иракцев. Верные и надежные сирийцы нужны были как гвардия, противостоящая враждебности иракцев. Была одна только фигура, которая могла достойно возглавить отборную армию, — Абдаррахман б. Мухаммад б. ал-Аш‘ас, — он не запятнал себя неудачным командованием и пользовался большим авторитетом, был вождем киндитов. Но он был из тех аристократов, которые были ненавистны ал-Хаджжаджу, — он был внуком того самого ал-Аш‘аса, который стал во главе хадрамаутской ридды. Даже походка Ибн ал-Аш‘аса вызывала у него раздражение, может быть, еще потому, что Ибн ал-Аш‘ас не скрывал, что считает себя имеющим больше прав быть наместником.

И все же, несмотря на обоюдную неприязнь, ал-Хаджжадж остановил свой выбор на Ибн ал-Аш‘асе. Возможно, он надеялся, что этот неприятный ему человек сложит голову или опозорится в горах Кабулистана. Во всяком случае, когда родные братья Абдаррахмана б. ал-Аш‘аса стали предостерегать ал-Хаджжаджа от его назначения, говоря, что имея в своем распоряжении такую армию, он непременно взбунтуется, то ал-Хаджжадж будто бы ответил: «А я и хочу, чтобы он взбунтовался»[83].

Абдаррахмана б. ал-Аш‘аса в это время не было в Ираке, ал-Хаджжадж направил его на подавление мятежа Химйана б. Ади ас-Садуси в Кирмане[84]. В Куфе войско формировалось под наблюдением ал-Хаджжаджа, было собрано от 10 до 12 тыс. человек, им выплатили полное жалованье, на что потребовался миллион дирхемов, выдали оружие и необходимое снаряжение. Из-за участия в этом войске большого числа прекрасно экипированной знати его прозвали «войском павлинов». Во главе куфийцев был поставлен Утарид б. Умайр. В Басре к куфийцам присоединилось примерно столько же воинов под командованием Атийи б. Амра[85]. В Ахвазе войско пополнилось отрядами ас-Саббаха б. Мухаммада и Касима б. Мухаммада, братьев Абдаррахмана[86]. Абдаррахман вступил в непосредственное командование этим войском уже в Сиджистане, где к нему присоединился четвертый брат, Исхак б. Мухаммад, пришедший с отрядом кавалеристов из Табаристана[87]. Здесь он призвал в поход местных добровольцев. Абдаррахман обосновался в Бусте, руководя отсюда вторжением в Давар.

Обеспокоенный появлением большой арабской армии, рутбил прислал в Буст послов с обещанием платить дань в соответствии с прежними договорами и в знак искренности своих намерений прислал подарки и возвратил находившихся в его руках заложников, среди которых были двоюродный брат и сын Убайдаллаха б. Абу Бакры[88]. Абдаррахман не пошел на переговоры и продолжил наступление. В отличие от предшественников он действовал осторожно и систематично, захватывая крепость за крепостью, ставя там гарнизоны, налаживая надежную связь. До зимы он только подготовил базу для операций следующего года. Как и при операциях против Шабиба, осторожные действия командующего вызывали раздражение ал-Хаджжаджа. В случае с Ибн ал-Аш‘асом добавлялась и личная неприязнь. В ответ на сообщение Ибн ал-Аш‘аса о планах на следующий год, он разразился гневным посланием:

«Письмо твое пришло ко мне, и я понял, что ты написал в нем. Письмо твое — письмо человека, который хочет примирения и прекращения войны, который подлещивается к слабому презренному врагу, принесшему несчастье мусульманскому войску, которое отличается прекрасной храбростью и заслуги которого перед исламом велики. Клянусь твоей жизнью, о сын матери Абдаррахмана, если ты удержишь от врага это мое войско и мой клинок из-за безразличия души к тому, что постигло мусульман. Поистине, я не считаю твое решение, которое ты упомянул, решением опасным для врага. Я считаю, что тебя привела твоя слабость и помутнение твоего разума. Приступай к выполнению моего приказа о вторжении в их землю, разрушении их крепостей, убиении их воинов и пленении их детей»[89].

Ибн ал-Аш‘ас не торопился выполнять явно неразумный приказ и, несомненно, пытался доказать свою правоту, но ал-Хаджжадж знал одну истину — его приказ должен выполняться неукоснительно. Последний приказ не допускал рассуждений. «Приступай к выполнению того, что я тебе приказал. А если нет — то Исхак сын Мухаммада, твой брат, — амир этих людей, и допусти его к тому, над чем я его назначил»[90].

Время переписки и доводов окончилось. Абдаррахман б. ал-Аш‘ас собрал совет, на котором сообщил о приказе вторгнуться немедля во вражескую землю, в которой погибли совсем недавно их собратья. Он — один из них и поступит, как они пожелают. Сразу же нашлись люди, которые закричали, что надо пойти на врага Аллаха ал-Хаджжаджа и свергнуть его. Идея изгнать ненавистного наместника теперь, когда можно напасть на него во всеоружии, нашла отклик во всем войске[91].

Теперь Ибн ал-Аш‘ас вступил в переговоры с рутбилом. Было заключено соглашение, по которому Ибн ал-Аш‘ас обязался не требо-

вать никакой дани ни сейчас, ни когда победит ал-Хаджжаджа, а если будет побежден, то рутбил окажет покровительство ему и его людям. Обеспечив, таким образом, свою безопасность при худшем исходе дела, он решил заручиться помощью влиятельного союзника и написал ал-Мухаллабу о своем выступлении против ал-Хаджжаджа и предложил присоединиться к нему.

Союзника он в нем не нашел. Ал-Мухаллаб понимал свое место в негласной иерархии арабской племенной и мусульманской аристократии, о чем ему, как мы знаем, без всякой деликатности писал ал-Хаджжадж. Место наместника Хорасана его удовлетворяло, нужно было только закрепить его за сыновьями, а это зависело от ал-Хаджжаджа, и порывать с ним ради неведомо какого результата не имело смысла. Он ответил Ибн ал-Аш‘асу письмом с увещеваниями, а его послание переправил ал-Хаджжаджу[92].

Его отказ поддержать восстание не обескуражил Ибн ал-Аш‘аса: в его распоряжении была большая и хорошо вооруженная армия, к которой присоединялись остатки хариджитских отрядов, орудовавших в Сиджистане и Кирмане, и мусульмане-беглецы, находившиеся на службе у рутбила, и, конечно же, в Ираке было достаточно много врагов ал-Хаджжаджа — надо было только добраться до Ирака. В Кирмане к нему присоединилось еще 4000 воинов из местных гарнизонов и мелкие шайки полубродяг-полуразбойников. По мере роста численности повстанцев и уверенности в успехе росли и политические претензии. В Фарсе стали раздаваться голоса, что мало скинуть ал-Хаджжаджа, надо свергнуть и главного «врага Аллаха» Абдалмалика. В этом чувствуется возросшее влияние хариджитски настроенной части повстанцев — самому Ибн ал-Аш‘асу и поддержавшей его верхушке иракцев достаточно было избавиться от жесткого наместника и стать хозяевами ситуации.

Во время одного из пятничных молений войско присягнуло Ибн ал-Аш‘асу на верность и некоторые выступали за свержение халифа[93]. Это уже было серьезнее, чем замахнуться на поставленного наместника, и братья Абдаррахмана Исхак, ас-Сабах, ал-Мунзир и ал-Касим поспешили отделиться от движения (последний, правда, через некоторое время возвратился)[94].

Ал-Хаджжадж всерьез обеспокоился; ему противостоял не безродный хариджит, а авторитетный вождь, которого поддержали бы оппозиционные иракцы. Единственной опорой оставались верные сирийцы, но их было явно недостаточно, и ал-Хаджжадж обратился за помощью к халифу.

Абдалмалик, которому восстание теперь угрожало лично, быстро откликнулся на призыв о помощи и стал ежедневно небольшими

группами посылать на почтовых сирийских воинов в Басру, где и находился ал-Хаджжадж. Это было уже зимой на рубеже 700 и 701 гг.

При появлении Ибн ал-Аш‘аса в Ахвазе ал-Хаджжадж вышел ему навстречу, расположившись в Рустукбаде или Тустаре[95]. В «день Арафата» (9 зу-л-хиджжа 81 г. х., т.е. 24 января 701 г.) семитысячный авангард сирийцев столкнулся на правом берегу Дуджайла (Каруна) с передовым отрядом Ибн ал-Аш‘аса из 300 человек и разгромил его. Пока радостная весть о первом успехе мчалась к ал-Хаджжаджу, Ибн ал-Аш‘ас переправил свою конницу, и она под покровом густого тумана напала на сирийцев, которые понесли большие потери (1,5–2 тыс. человек) и обратились в бегство[96].

Весть о разгроме авангарда ал-Хаджжадж будто бы получил как раз в тот момент, когда в праздничной проповеди по случаю «дня жертвоприношения» (10 зу-л-хиджжа) вознес хвалу Аллаху за первый успех. Это совпадение, скорее всего, возникло для украшения рассказа о тех событиях, но в какой бы момент она не пришла — праздник она испортила. Видимо численный перевес в этот момент был на стороне мятежников, потому что ал-Хаджжадж не стал искать встречи с ними в поле, а предпочел отступить к Басре. На всякий случай всю казну он роздал своим воинам, чтобы она не досталась Ибн ал-Аш‘асу[97], заодно и боевой дух поднимался с помощью такого убедительного средства.

В Басре не все ожидали его с распростертыми объятиями. Начальник полиции Абдаллах б. Амир б. Мисма‘ намеревался развести наплавной мост через Тигр, чтобы помешать ал-Хаджжаджу войти в город, но 100 000 дирхемов, уплаченные ему наместником города, соплеменником ал-Хаджжаджа, изменили его убеждения. Беспринципность вскоре была наказана — ал-Хаджжадж, вступив в Басру, отобрал у него эти деньги[98].

Теперь ал-Хаджжаджа отделяло от мятежников широкое русло Тигра, и этом отношении Басра предоставляла прекрасные возможности для организации обороны, мешало лишь враждебное отношение басрийцев, которые в критический момент могли нанести удар в спину; к тому же личный секретарь и советник ал-Хаджжаджа перс Задан Фаррух посоветовал оставить город, чтобы басрийцы из армии Ибн ал-Аш‘аса, разойдясь по домам и разнежившись в домашней обстановке, утратили бы боевой задор[99]. Так или иначе, но 7 февраля 701 г. ал-Хаджжадж оставил Басру[100], разрушил за собой мосты и окопался в Мирбаде (юго-западный пригород Басры). Ибн ал-Аш‘ас тоже не остался в городе и расположился в аз-Завийи, между городом и Мирбадом. Расчет Задан Фарруха оказался верным: многие басрийцы разошлись по домам, а к ал-Хаджжаджу в это время непрерывно, хотя и мелкими группами, прибывали подкрепления из Сирии. Прибли-

женные Ибн ал-Аш‘аса советовали ему не терять времени и немедленно напасть на врага, пока тот не усилился еще больше.

В последнее воскресенье мухаррама 82 г. х. (13 марта 701 г.) Ибн ал-Аш‘ас атаковал противника. Начало было успешным: его воины прорвали оборону, ворвались в лагерь, захватили казнохранилище и освободили заключенных из лагерной тюрьмы. Перепуганные родственники бросились спасаться бегством, сам ал-Хаджжадж едва не оказался в плену. Спасла его только недисциплинированность воинов Ибн ал-Аш‘аса, рассеявшихся по лагерю ради грабежа. В этот момент Суфйан б. ал-Абрад с отрядом сирийской конницы нанес неожиданный удар. У Ибн ал-Аш‘аса не нашлось под рукой достаточной организованной силы для отражения контратаки, отступившее в беспорядке войско не смогло закрепиться в неполностью окопанном лагере. Сирийцы захватили лагерь Ибн ал-Аш‘аса со всем имуществом, а тем временем опомнившиеся воины ал-Хаджжаджа принялись убивать рассеявшихся по их лагерю любителей наживы.

В этой ситуации Ибн ал-Аш‘ас предпринял неожиданный ход: он не стал приводить в порядок потрепанное войско, потерявшее около полутора тысяч человек убитыми, а, оставив своим заместителем в Басре Абдаррахмана б. ал-Аббаса (правнука ал-Хариса, дяди пророка) с тысячью отборных воинов, поскакал к Куфе[101], для защиты которой ал-Хаджжадж оставил Абдаррахмана б. Абдаррахмана б. ал-Хадрами с 2000 сирийцев, с тем чтобы, захватив Куфу, отрезать ал-Хаджжаджа от Сирии.

Абдаррахман б. ал-Аббас принял от басрийцев присягу на верность и стал готовиться к обороне города, поставив заслоны на въездах во все магистральные улицы, но и пробившись через них, противник рисковал застрять в глубине городских кварталов, где даже женщины сражаются, кидая камни с крыш. Басрийцы упорно сражались на окраине четыре или пять дней, со среды — последнего дня мухаррама (16 марта 701 г.) до вечера воскресенья (по нашему счету времени — вечер субботы 19 марта). В предпоследний день ал-Хаджжадж послал Абдаррахмана, брата Кутайбы б. Муслима, на прорыв по дамбе в центр города (верятно, той же, по которой в 656 г. ворвались в город Талха и аз-Зубайр [см. т. III, с. 31]). Его остановили у какого-то моста, но надо думать, что прорыв ослабил позиции оборонявшихся, и они на следующий день сдались, получив от ал-Хаджжаджа обещание помилования. Абдаррахман б. ал-Аббас предпочел уйти из Басры с тысячью воинов, чтобы соединиться с Ибн ал-Аш‘асом и продолжить борьбу[102]. Ал-Хаджжадж сдержал обещание, казнив несколько наиболее враждебно настроенных противников, он не преследовал остальных и, более того, запретил сирийцам селиться в домах горожан во избежание

конфликтов, особенно если в доме были одни женщины[103]. Это в какой-то мере примирило с ним горожан и обеспечило их нейтралитет во время длительного противостояния под Куфой.

В это время в центре Ирака развернулись неожиданные события. Узнав о первых неудачах ал-Хаджжаджа, начальник городской милиции Мадаина[104] Маттар б. Наджийа со своими людьми пришел в Куфу и не без помощи куфийцев осадил коменданта города, оставленного ал-Хаджжаджем, Абдаррахмана б. Абдаррахмана, в резиденции наместника. Не приходится сомневаться, что тот был поставлен в известность о поражении и отступлении грозного наместника и потому быстро согласился покинуть город при условии беспрепятственного прохода через него. Маттар обосновался в резиденции и, узнав о поражении Ибн ал-Аш'аса, попытался организовать присягу себе куфийцев. Но те не спешили откликнуться на его призыв, хотя за организацию присяги взялся известный правовед Абдаррахман б. Абу Лайла. Претензиям Маттара положило конец прибытие в Куфу Ибн ал-Аш'аса, восторженно встреченного куфийцами. Маттар не оценил происшедшего и не покинул резиденции. По приказу Ибн ал-Аш'аса были принесены лестницы, добровольцы тут же взобрались на стены резиденции и схватили Маттара. Ибн ал-Аш'ас сначала арестовал его, но, когда тот вместе со всеми присягнул ему на верность, — простил и освободил. Гарнизоны крепостей по границе с аравийскими степями, вроде Кадисийи и Туктуканы, также перешли на его сторону, а вскоре подошел и Абдаррахман б. ал-Аббас[105].

Отсутствие точной даты появления Ибн ал-Аш'аса в Куфе не позволяет судить, направлялся ли он из Басры прямо в Куфу или некоторое время выжидал развития событий, а узнав об изгнании сирийского гарнизона и реакции куфийцев, решил появиться на сцене в выгодный для себя момент. Во всяком случае, у него в распоряжении оказалось некоторое время для укрепления своих позиций в Куфе до прихода ал-Хаджжаджа под Куфу в конце сафара 82/10–15 апреля 701 г.

Ал-Хаджжадж шел из Басры степной дорогой вдоль правого берега Евфрата. Ибн ал-Аш'ас выслал навстречу ему большой отряд под командованием Абдаррахмана б. ал-Аббаса, который не дал захватить Кадисийу. На этом основании можно было бы прийти к заключению, что силы ал-Хаджжаджа в этот момент были не настолько велики, чтобы ввязываться в борьбу за эту крепость. Он прошел между Кадисийей и Узайбом (см. т. II, с. 60, рис. 7) на северо-запад и остановился около монастыря Дейр Курра в 7 фарсахах (ок. 42 км) от Куфы. Абдаррахман, идя параллельно, остановился у монастыря Дайр ал-Джамаджим, преградив дорогу на Куфу. Следом сюда подошел и Ибн ал-Аш'ас с основными силами. Произошло это 1 раби' I.82/15 апреля 701 г.[106].

Обойдя Куфу и прикрывавшие ее с юга крепости, ал-Хаджжадж обеспечил себе надежную связь с Сирией и Джазирой, которой у него не было бы, застрянь он под Кадисийей или в Кадисийи. Ибн ал-Аш‘ас ничего не предпринял, чтобы изменить это положение. Оба войска окопались рвами, а ал-Хаджжадж даже вскрыл запруду в голове канала и спустил воду на лощину между двумя лагерями, чтобы обезопасить себя от неожиданностей ночного нападения[107]. Это сообщение ал-Куфи весьма правдоподобно, если учесть, что дело происходило в максимум весеннего паводка.

Началось затяжное противостояние, прерывавшееся стычками мелких отрядов, с единоборствами удальцов обеих сторон, не приносившее преимущества ни одному из противников.

Видя это, Абдалмалик пришел к выводу, что если ал-Хаджжадж не в состоянии справиться с ситуацией во вверенной ему половине Халифата, то стоит пойти на смену власти и переговоры с мятежниками. Весть об этом встревожила ал-Хаджжаджа, и он написал Абдалмалику с предостережением.

«О амир верующих. Клянусь Аллахом, если ты одаришь иракцев моим смещением, то пройдет немного времени, и воспротивятся они тебе, и пойдут против тебя. Это только увеличит их дерзость по отношению к тебе, и пойдут против тебя. Разве ты не видел и не слышал о восстании иракцев во главе с ал-Аштаром против сына Аффана? Когда он спросил их, что они хотят, они ответили: „Са‘ида сына ал-Аса“. А когда он сместил его, то не прошло и года, как они пришли к нему и убили его. Воистину, только железо одолевает железо. Пусть Аллах даст тебе выбрать правильное решение. Мир тебе[108]».

Для переговоров с Ибн ал-Аш‘асом были посланы брат халифа Мухаммад, наместник Джазиры и Арминии, и сын халифа Абдаллах. Они сообщили, что халиф готов сместить ал-Хаджжаджа и назначить на его место своего брата Мухаммада и предлагает Ибн ал-Аш‘асу в пожизненное управление любой город Ирака по собственному выбору[109]. Эти предложения явно запоздали: Ибн ал-Аш‘ас и без того имел власть над значительной частью Ирака и Ирана. Его сейчас могло удовлетворить только место ал-Хаджжаджа, которое вот-вот должно было достаться ему без больших усилий. Его претензии поддерживались многими представителями племенной верхушки Ирака и высшей мусульманской аристократией, в том числе сыновьями ближайших сподвижников пророка, членов совета выборщиков (шуры) — сыном Са‘да б. Абу Ваккаса, Мухаммедом, сыном Талхи б. Убай-даллаха, Абдаррахманом, и племянником Абдаррахмана б. Ауфа, Аййашем. Идеологическую поддержку оказывали многие мусульманские авторитеты, в числе прочих — Амир аш-Ша‘би и Ибн Абу Лайла. И уж

тем более неуместным должно было показаться предложение Абдалмалика тем экстремистам, которые выступали за свержение самого Абдалмалика.

Ибн ал-Аш‘ас выслушал послов, сказал, что ему надо подумать, а ответ он даст в конце дня: ему надо было еще раз удостовериться, насколько решительно настроены его сторонники в новой ситуации. Он собрал верхушку войска, сообщил о предложениях халифа и сказал, что вести переговоры — унижение. Присутствующие горячо поддержали его, кричали, что войско велико, припасов много и надо добиваться своего в бою, а не унижаться переговорами. Ибн ал-Аш‘ас подогрел настроение своих сторонников, напомнив, что дед халифа был врагом пророка, и, играя на родовой гордости арабов, добавил, что, в отличие от них, чистокровных арабов, род Абу-л-Аса* — инородцы (*‘улудж*), подпорченные родством с «голубоглазыми» из палестинской Саффурии[110].

Заручившись решительной поддержкой своих сторонников, Ибн ал-Аш‘ас ответил отказом на предложение халифа. Вернувшись к ал-Хаджжаджу, Мухаммад б. Марван сказал: «Теперь дело за твоим войском». «Мое войско — ваше войско», — галантно ответил ал-Хаджжадж. Посланцы халифа остались при ал-Хаджжадже, то ли для контроля за ним, то для того, чтобы подкрепить его сопровождавшими их отрядами. Теперь, когда ситуация стала однозначной, из Сирии и Джазиры стали прибывать подкрепления, и соотношение сил начало неуклонно склоняться в пользу ал-Хаджжаджа.

Никаких надежных сведений о численности войск, стоявших под Дейр ал-Джамаджим, не имеется. Может быть, единственная достоверная цифра — первоначальная численность войска ал-Хаджжаджа — в 23 000 человек, но тому, что затем из Сирии прибыло 70 000 человек, — верить уже не приходится. Имеющиеся сведения о численности войска Ибн ал-Аш‘аса также не вызывают доверия: наименьшая цифра — 60 000 человек, из которых 8000 — знатоки Корана (*курра’*), — выглядит сомнительной, особенно если сопоставить эти данные с сообщением Халифы б. Хаййата о том, что в войске Ибн ал-Аш‘аса было 500 *курра’*[111], еще бо́льшие цифры вообще не заслуживают рассмотрения.

Наступила середина лета. И паводок спал, и вода между лагерями, наверное, высохла, а противники по-прежнему уклонялись от генерального сражения. Длительное бездействие разлагало войска, особенно войско куфийцев, соблазнявшееся близостью дома. Наконец, 26 июля два войска сошлись для решительной битвы[112]. Удивительно, что, не-

---

* Абу-л-Ас — прадед Абдалмалика.

смотря на участие в нем многочисленной пишущей братии на стороне Ибн ал-Аш‘аса, ход этого важного для истории Ирака сражения вырисовывается из арабских историков весьма смутно. Можно только догадываться, что начали его иракцы, так как именно для Ибн ал-Аш‘аса дальнейшее бесплодное стояние было опаснее, чем для ал-Хаджжаджа. Войско ал-Аш‘аса было построено, как полагалось, с разделением на центр и два фланга. Правым флангом командовал ал-Хаджжадж б. Джарийа ал-Хассами, левым — ал-Абрад б. Курра ат-Тамими, пехотой (по-видимому, центром, который в диспозиции не упоминается) — Мухаммад б. Са‘д б. Абу Ваккас, конницей — Абдаррахман б. ал-Аббас, тяжелой панцирной конницей — Абдаллах б. Ризам ал-Хариси; отдельный отряд составляли *курра'*, которыми командовал Джабала б. Захр[113]. Прославлению стойкости *курра'* посвящено несколько боевых эпизодов, однако трудно понять, к каким этапам боя относятся эти эпизоды.

Исход сражения, как и под Басрой, решила атака сирийской конницы Суфйана б. ал-Абрада. Как рассказывается у ат-Табари, командующий левым флангом, по которому пришелся удар сирийской конницы, решил применить обманный маневр ложного отступления, чтобы потом внезапно контратаковать противника. Но его подчиненные приняли этот маневр за измену командующего и побежали всерьез[114]. Левый фланг загнулся к центру, Ибн ал-Аш‘ас поднялся на минбар (из чего можно заключить, что сирийцы прорвались к лагерю) и стал подбадривать воинов. К нему подошел Абдаллах б. Ризам с тяжелой конницей и один из отрядов легкой кавалерии, с помощью которых удалось ликвидировать два прорыва сирийцев, подходивших на расстояние полета стрелы. Затем сирийцы все же ворвались в лагерь, а под рукой у Ибн ал-Аш‘аса больше не осталось резервов для контратак. Дядя жены заставил его сойти с минбара и покинуть поле боя. Несмотря на начавшееся бегство, отдельные группы продолжали сопротивление, чтобы сломить упорствовавших, а ал-Хаджжадж объявил через глашатая, что все, бросившие оружие и разошедшиеся по домам, будут помилованы, а также послал Кутайбу б. Муслима стать со «знаменем помилования», к которому могли прийти желавшие сдаться без опасения за жизнь[115].

Ибн ал-Аш‘ас тем временем заехал домой, не слезая с коня, попрощался с дочерью и покинул Куфу в сопровождении небольшого отряда преданных сторонников. Удовлетворенные исходом битвы ал-Хаджжаджа покинули Мухаммад б. Марван и Абдаллах б. Абдалмалик. На поле боя, если верить ал-Куфи, осталось лежать 17 000 убитых с обеих сторон[116]. Из пяти командующих основными подразделениями мятежников погибли двое, остальные ушли вместе с Ибн ал-Аш‘асом.

Его бегство в данном случае нельзя ни оправдать, ни объяснить какими-то тактическими соображениями: даже отказавшись от обороны Куфы, он мог соединиться с Мухаммадом б. Са‘дом, ушедшим с остатками пехоты в Мадаин[117], и собрать вокруг этого ядра часть беглецов и никогда не сокращавшееся множество недовольных властью. Вместо этого он ушел в сторону Хузистана.

Совершенно неясно, что происходило в этот момент в Куфе, почему куфийцы не попытались организовать оборону города, подобно басрийцам. Быть может, ответ на это дает глухое упоминание беспорядков в городе, во время которых сгорел диван хараджа со всеми докуменами, и благодаря этому некоторые держатели хараджных земель превратились в собственников[118]. Самым подходящим временем для такого погрома был момент между прибытием в город первых беглецов и появлением в городе ал-Хаджжаджа. Коли это так, то по крайней мере одно становится ясным в бегстве Ибн ал-Аш‘аса из Куфы; можно тогда понять и готовность куфийцев, точнее той верхушки, которая могла организовать сопротивление, покорно принять ал-Хаджжаджа.

Ал-Хаджжадж был милостив к заблудшим жителям столицы и к массовым казням не прибегал. Сообщения о том, что всех мятежников вызывали во дворец и требовали от них признать, что, участвовав в мятеже, они отступили (*кафура*) от веры, покаяться и присягнуть законной власти, следует понимать как меру, примененную к видным участникам мятежа. Нескольких человек, отказавшихся признать себя вероотступниками, в назидание другим обезглавили, казнен был и один из зачинщиков мятежа против халифа Усмана[119], которого 48 лет тому назад с группой строптивцев высылали из Куфы под твердую руку Му‘авии (т. II, с. 208). С почтенными людьми, вроде Амира аш-Ша‘би, разговор был строг, но без последствий[120]. Любопытно, что впоследствии аш-Ша‘би избегал упоминать свое участие в сражении, и в арабской историографии нет ни одного его рассказа об этом.

Неожиданно судьба еще раз улыбнулась Ибн ал-Аш‘асу: курайшит Убайдаллах б. Абдаррахман б. Самура из рода Абдшамса (где он был во время битвы — неизвестно) изгнал из Басры наместника ал-Хаджжаджа Аййуба б. ал-Хакама и передал город подошедшему Ибн ал-Аш‘асу. В это время ал-Хаджжадж подошел к Мадаину и приготовился переправляться через Тигр. Мухаммад б. Са‘ид не стал вступать в бой, а ушел в Басру. У Ибн ал-Аш‘аса снова собралось многочисленное войско, которое могло померяться силами с ал-Хаджжаджем, прошедшим по противоположному берегу Тигра половину пути до Басры.

Ибн ал-Аш‘ас вышел ему навстречу и стал лагерем у селения Маскин или ал-Мафтах, примерно в районе современной Амары. Подо-

шедший ал-Хаджжадж также стал лагерем неподалеку от него[121]. Противостояние, перемежавшееся частными схватками, продолжалось то ли 20 дней, то ли целый месяц в ша‘бане 82 (10.IX–9.X.701 г.), в течение которых к обеим сторонам прибывали подкрепления: к ал-Хаджжаджу — Суфйан б. ал-Абрад с сирийской конницей и Абдалмалик б. ал-Мухаллаб с отрядом хорасанцев, к Ибн ал-Аш‘асу — четырехтысячный отряд Бистама б. Маскалы, состоявший из знатоков Корана и благочестивцев, поклявшихся не щадить жизни. Это решающее сражение, происшедшее 14 или 15 ша‘бана[122] (23 или 24 сентября), описывается еще менее определенно, чем сражение у Дейр ал-Джамаджим. Ясно, что обе стороны понесли тяжелые потери, решающим моментом вроде бы стало подавление стойко державшегося в ближнем бою отряда Бистама интенсивным обстрелом. Судя по упоминанию «ночи Дуджайла»[123] можно предположить, что разгром войска Ибн ал-Аш‘аса довершился поздним вечером. С остатками войска он пошел в Фарс, оставив в руках победителя несколько тысяч пленных: здесь побежденные не могли разойтись по домам, как в Басре или Куфе, а кроме того, снисходительное отношение к побежденным в предыдущих битвах позволяло надеяться на такое же отношение и в этом случае.

Но ал-Хаджжадж повел себя иначе. Теперь ему не надо было задабривать опасных жителей столиц, и он казнил четыре или пять тысяч пленных, среди которых оказался и известный поэт А‘ша Хамдан[124].

Массовая казнь пленных может также свидетельствовать об изменившемся составе участников восстания: вместо арабов из Куфы и Басры войско Ибн ал-Аш‘аса могло пополниться мавлами, считаться с которыми ал-Хаджжадж не стал. О том, что мятеж Ибн ал-Аш‘аса всколыхнул неарабское население Ирака, свидетельствует распоряжение ал-Хаджжаджа после изгнания Ибн ал-Аш‘аса о высылке мавлей из Басры на места постоянного проживания[125].

Вторичное появление здесь Ибн ал-Аш‘аса, несомненно, побудило многих вновь присоединиться к нему. Татуировки на руках, оставленные при первой высылке, прямо указывали бы на тех, кого следует казнить за упорство в неповиновении. Преследовать Ибн ал-Аш‘аса были посланы Умара б. Тамим и сын ал-Хаджжаджа, Мухаммад. Они настигли мятежников около Суса и нанесли им еще один тяжелый удар. Покинутый такими видными соратниками, как Абдаррахман б. ал-Аббас и Мухаммад б. Са‘д, осуждавшими его за бегство после поражения под Маскином, Ибн ал-Аш‘ас с остатками войска продолжил отступление на восток. Только около Сабура, в ущелье, где четыре года назад хариджиты пытались остановить ал-Мухаллаба, ему

удалось с помощью местных курдов отбиться от преследователей. Раненный в бою и потерявший много воинов Умара б. Тамим вынужден был остановить преследование[126].

Ни в Фарсе, ни в Кирмане Ибн ал-Аш‘ас не нашел поддержки и поспешил в Сиджистан, которым управляли оставленные им наместники. Прибытие поверженного кумира их не обрадовало. Наместник Зеренджа Абдаллах б. Амир закрыл перед ним ворота. Прождав несколько дней, он направился дальше, к Бусту. Тамошний правитель Ийад б. Химйан принял его, а затем арестовал, чтобы передать ал-Хаджжаджу и заработать помилование. Выручил Ибн ал-Аш‘аса его союзник, правитель Кабулистана, подошедший к Бусту. Ийаду пришлось освободить своего пленника, и тот ушел с рутбилом в Кабулистан[127]. Но инерция поднятого им мятежа неожиданно вновь вознесла его на гребень волны: многочисленные остатки его разгромленного войска, возглавленные отколовшимися от него военачальниками, Абдаррахманом б. ал-Аббасом, Мухаммадом б. Са‘дом и другими (их было, конечно, не 70 000[128], как утверждает ал-Куфи[129]), были готовы возобновить борьбу за власть, им недоставало только вождя, которому все согласились бы подчиниться. Старые соратники призвали Ибн ал-Аш‘аса возглавить их и объединить.

Возглавляемое им войско захватило Буст и Зерендж, их правители-изменники были наказаны в соответствии с тяжестью вины (наместник Зеренджа был арестован, подвергнут пыткам, но затем освобожден, а наместник Буста — казнен).

Все переменилось с подходом к Сиджистану оправившегося от ранения Умары б. Тамима с многочисленным войском, укрепленным сирийцами. В лагере мятежников начались разногласия: большинство считало, что нужно уходить в Хорасан и искать там союзников в борьбе против ал-Хаджжаджа и Умаййадов. Ибн ал-Аш‘ас был против, считая, что так они только приобретут второго опасного врага — энергичного и решительного Йазида б. ал-Мухаллаба. Его уверяли, что сторонников там найдется больше, чем противников. Нехотя, главным образом ради сохранения единства, он согласился идти в Хорасан.

И все же раскола избежать не удалось, авторитет Ибн ал-Аш‘аса был подорван поражениями и нерешительным поведением после них, и в этом случае не все остались им довольны: ночью от него ушел с 2000 воинов Убайдаллах б. Абдаррахман б. Самура и направился в Хорасан другой дорогой. Это вывело из себя Ибн ал-Аш‘аса, он заявил, что покинул надежное пристанище, поверив обещаниям единства, а после ухода Убайдаллаха б. Абдаррахмана не хочет иметь дело с такими ненадежными людьми и возвращается к рутбилу. После этого заявления часть воинов разошлась, некоторые последовали за ним

в Кабулистан, а оставшиеся присягнули на верность Абдаррахману б. ал-Аббасу, который повел их в область Герата, где, видимо, к нему присоединился Убайдаллах б. Абдаррахман[130].

Йазид б. ал-Мухаллаб, пытаясь избежать вооруженного столкновения с собратьями по вере и крови, предлагал Абдаррахману б. ал-Аббасу помощь деньгами, чтобы тот покинул подвластную ему территорию. Абдаррахман ответил, что задержится только на время, необходимое для отдыха людей и коней, а сам принялся собирать налоги с занятой им области. Этого Йазид уже вытерпеть не мог и выступил в поход против Абдаррахмана, но напал на него только после отказа от предложения уйти со всеми собранными налогами. Бой оказался коротким: после атаки конницы ал-Муфаддала б. ал-Мухаллаба часть мятежников разбежалась. Абдаррахман упорно сражался с небольшим числом храбрецов, остался живым, сумел избежать плена и скрыться от преследования в Синде. Убайдаллах б. Абдаррахман укрылся в Мерве, некоторые из предводителей ушли в Термез к Мусе б. Абдаллаху, но наиболее знатные мятежники предпочли сдаться в плен, надеясь на свою неприкосновенность. Среди них оказались Мухаммад б. Са‘д, Абдаррахман б. Талха, Аййаш б. Асвад б. Ауф. Йазид отослал к ал-Хаджжаджу всех знатных пленников кроме Абдаррахмана б. Талхи, которого заточил в темницу Мерва и тем спас ему жизнь, так как остальных ал-Хаджжадж приказал казнить, не взирая на их родовитость[131]. Бунт аристократии против центральной власти был сломлен. Ал-Хаджжадж наглядно продемонстрировал, что не происхождение, а степень лояльности государственной власти определяет положение человека. Символом отчуждения государственной власти в Халифате от создавшего ее общества стало сооружение новой столицы Ирака — Васита.

ОСНОВАНИЕ ВАСИТА

В течение шести десятилетий Куфа и Басра были двумя столпами, на которые опиралась власть ислама на востоке Халифата, огромными военными поселениями, из которых черпались воинские контингенты, необходимые для непрерывных завоеваний. Жители этих городов прекрасно сознавали свою значимость и всегда были готовы защитить свои интересы с оружием в руках. Со временем их воинственность, побеждаемая обогащением, угасала; люди, включенные в войсковые реестры, диваны, и получавшие жалование, без особой охоты откликались на призывы исполнять воинский долг, но оружие и воинская выучка пригождались для защиты собственных интересов, и все намест-

ники вынуждены были считаться с этим. Им приходилось, опираясь на личную гвардию, состоявшую из вольноотпущенников и клиентов, лавировать, используя противоречия между различными группировками. Будучи командующими десятков тысяч воинов, наместники фактически не имели в своем распоряжении иной силы, кроме этой гвардии и полиции, если только они не возглавляли какую-то значительную племенную группировку данного города. Особенно остро эту ситуацию ощутил ал-Хаджжадж, чужак для обеих столиц. Его грозные тронные речи вызвали глухое сопротивление, а после подавления мятежа в Рустукбаде — откровенный саботаж во время бесславных погонь за Шабибом, конец которым положило только прибытие подкреплений из Сирии, ставших главной опорой ал-Хаджжаджа: иракские владыки Востока сами оказались в своего рода сирийской оккупации. После разгрома аристократического мятежа Ибн ал-Аш‘аса силами сирийцев сосуществование их с куфийцами или басрийцами было бы затруднительным. И ал-Хаджжадж пошел на полный разрыв со своими подданными, решив основать новую резиденцию, где мог бы в окружении сирийцев чувствовать себя независимым от настроений куфийско-басрийской вольницы.

Место для новой резиденции он облюбовал во время похода от Мадаина к Маскину — на правом берегу тогдашнего главного русла Тигра, в урочище Васит ал-Касаб («Посредине тростника»). Несомненно, кроме всего прочего на выбор места для новой столицы повлияло его центральное положение по отношению к четырем важнейшим городам региона: Куфе, Басре, ал-Мадаину и Сук ал-Ахвазу (Ахваз). Город сохранил часть прежнего топонима, но уже с новым смыслом «Середина», по положению в отношении к этим центрам.

Участок под застройку был куплен у местного землевладельца (дихкана) за 10 000 дирхемов[132]. Этот факт лишний раз демонстрирует отношение мусульманского государства и права к правам частного собственника: даже такой, казалось бы, не останавливавшийся ни перед чем правитель, как ал-Хаджжадж, купил, а не конфисковал участок для новой столицы, и цена за эту пустошь была определена, как кажется, не грабительская.

Составить представление о расположении, конфигурации и примерных размерах Васита позволяет план городища, составленный иракской археологической экспедицией, работавшей здесь под руководством Фуада Сафара шесть сезонов с 1936 по 1945 г. К сожалению, основное внимание экспедиции было обращено на раскопки мечетей, а несколько других раскопов на территории городища не были связаны с определением контура городских стен, и план с горизонталями оказался несколько формальным[133]. Город просуществовал на этом

месте семь веков, и это замаскировало его первоначальный план. Его граница хорошо прослеживается с юго-западной стороны, выходящей на вади. Судя по этой стороне и элементам рельефа северо-западной стороны, город, заложенный ал-Хаджжаджем, представлял собой квадрат со сторонами около 750–760 м, это точно соответствует 1500 локтям по 52 см. Кроме стены город защищал ров и с двух сторон — крутой склон берега Тигра и вади.

Ядром города были примыкающие друг к другу дворец и мечеть, расположенные точно посередине на оси, перпендикулярной юго-западной стене. Мечеть обычного дворового типа представляет собой квадрат 103,5×104,3 м, что явно соответствует 200 локтям по 52 см. Вдоль трех сторон двора шли галереи в один ряд колонн, а вдоль стороны, обращенной к Мекке, — в пять колонн, сложенных из отдельных песчаниковых цилиндров, скрепленных расплавленным свинцом с железными штырями. Пол был вымощен тем же квадратным кирпичом, из которого были возведены стены толщиной в 2,25 м. В центре двора находился бассейн для омовений.

Стена мечети с михрабом являлась одновременно частью стены, окружавшей дворцовый комплекс. Длина этой раскопанной стены квадрата 208,8 м, т.е. 400 локтей. Вдоль стен шла галерея, как в мечети[134]. Здание самого дворца, скорее всего, находилось в центре квадрата.

Один из наиболее ценных архитектурных элементов, обитые железом городские ворота и двери дворца, а также 11 входов в мечеть, добыли простейшим способом — сняли в близлежащих городах — Зандаварде, Давкаре, Дарусате и других селениях и монастырях, невзирая на жалобы жителей, что их имущество будет подвергаться опасности[135].

От дворца через город шли четыре магистрали шириной в 80 локтей, что в соответствии с пропорциями мечети и дворца, равнялось 41,6 м[136]. Вероятно, что ширина меньших улиц также была регламентирована.

Строительство велось усиленными темпами и было завершено за три года, скорее всего в 704 г.[137]. В сообщениях арабских авторов не упоминается мобилизация населения на строительство, не говорится и о числе занятых на строительстве.

Об объеме работ говорят такие цифры: для выемки земли изо рва и для изготовления кирпичей требовалось выполнить около 150 000 $м^3$ земляных работ, что по средневековым нормам с учетом выноса земли в корзинах потребовало бы около 75 000 человеко-дней[138], добавим к этому изготовление 5–6 млн. крупномерных сырцовых кирпичей для городской стены, и мы получим примерное представление о трудозатра-

тах. Чтобы окончить строительство к концу сухого периода 702 г., требовалось, по самым грубым подсчетам, не менее 3000 чернорабочих[139].

Средневековые авторы не сохранили сведений о степени тяжести строительства Васита для бюджета Ирака. Только ал-Васити сообщает, что на войну с Ибн ал-Аш‘асом и постройку Васита был израсходован харадж Ирака за пять лет[140], но это скорее риторическая фигура, чем отголосок реальности. Насколько мы знаем, чистый остаток после выплаты жалований и других государственных расходов составлял при ал-Хаджжадже около 28 млн. дирхемов[141], война с Ибн ал-Аш‘асом, конечно, потребовала дополнительных расурсов, но после 701 г., когда Ибн ал-Аш‘ас укрылся в Кабулистане, эти расходы сократились. Мы можем представить только расходы на земляные работы: копач и два носильщика получали вместе 1 дирхем в день. Значит, указанный объем работ обошелся бы в 21–22 тыс. дирхемов; изготовление кирпичей и возведение стены обошлись бы в несколько раз дороже, но весь цикл работ стоил бы не более 100 000 дирхемов. Конечно, постройки из обожженого кирпича стоили значительно дороже, но, во всяком случае, не десятки миллионов дирхемов.

Но платили ли этим людям, не были ли они просто насильственно согнаны на эти работы? Египетские документы того же времени показывают, что содержание мобилизованных мастеров ложилось на местный бюджет, но эти расходы вычитались из будущих налогов, происходил своеобразный безналичный расчет, при котором центральная казна реальных денег не расходовала. Наши расчеты показывают только масштаб стоимости работ, как бы они ни оплачивались.

Естественно, что военно-административное поселение с несколькими тысячами хорошо оплачиваемых воинов и большим числом всевозможной челяди нуждалось в тех, кто обеспечивал бы им возможность с пользой и удовольствием истратить свои деньги, — в ремесленниках и торговцах. Проблема с ними была решена так же просто и решительно, как с недостающими воротами — их переселили из Зандаварда и других городков (конечно, когда город состоялся, туда потянулись и добровольно за заработком и прибылью), неясно только, приехали они на пустое место или предварительно были построены какие-то жилища. Заодно можно почти поручиться, что торговые ряды были построены сразу, чтобы получать с них арендную плату. Вместе с ремесленниками и торговцами в Васит была переселена часть знати из Куфы и Басры. Понятно, что их не везли принудительно, а просто пригласили так, что нельзя было отказаться. Этим сразу убивались два зайца: в беспокойных городах убавлялось число возможных смутьянов, а заодно они оказывались без поддерживающей их массы и под постоянным надзором. Их второразрядность в новой столице подчер-

кивалась тем, что даже в мечети на самом почетном месте, в центре, размещались сирийцы, а куфийцы и басрийцы — соответственно справа и слева от максуры.

О том, как их расселили в городе, сведений не имеется, сообщается только о размещении базаров: в центре, рядом с мечетью и дворцом, было отведено место для торговой аристократии, менял и ювелиров; далее располагались торговцы тканями и зерном; зеленщики, ремесленники разных профессий, поденщики и мусорщики занимали окраину вплоть до реки. Здесь же, на окраине у реки, было отведено место для кладбища. В каждом из этих кварталов предписано было иметь менял[142], вероятно, для того, чтобы черная публика не появлялась в центре. Из этого описания не удается понять, находились ли ремесленные кварталы в самом городе или вне городской стены.

Вместе с дворцом и мечетью в новой столице появилось еще одно важное государственное учреждение — монетный двор, на котором с 84/703 г. началась чеканка первых иракских дирхемов мусульманского образца. Такое запоздание по сравнению с западным регионом явно объясняется политическими осложнениями, описанными в этой главе. Монетный двор Васита дал основную массу дирхемов начала VIII в., несомненно, для работы в нем были собраны мастера с разных монетных дворов, в том числе из Куфы и Басры.

Через Тигр был сооружен мост, который, видимо, сделал ненужной специальную заставу с преградой для сбора пошлин с проходящих судов[143].

Возникновение большого города вызвало потребность в орошении земель западнее Тигра, куда заплывшие древние каналы перестали подводить воду из Евфрата. По распоряжению ал-Хаджжаджа был прорыт канал от хвостов каналов Большого и Малого Заба, который также стал называться Забом; в связи с этими работами были вновь введены в сельскохозяйственный оборот земли, освоенные Му‘авией, запустевшие за время гражданской войны и теперь возвратившиеся к новому халифу[144].

НОВОЕ ПОКОРЕНИЕ АРМИНИИ

В то время как на востоке ал-Хаджжаджу пришлось после гражданской войны утверждать власть халифа в борьбе с внутренними врагами, на севере наместникам приходилось по существу заново завоевывать Арминию, оказавшуюся меж двух огней. Попытки сохранить независимость хотя бы во внутренних делах, лавируя между могущественными соседями, неизменно кончались вторжением с одной или другой стороны. Слабость позиции Арминии усугублялась отсутстви-

ем в ней внутреннего единства. В стране, рассеченной горными хребтами на множество изолированных районов, реальную власть в которых осуществляли мелкие владетели, нахарары, с собственными отрядами и собственными интересами, любой политический союз, заключенный верховной властью, легко мог быть разрушен одним из таких князьков, обратившихся из личных интересов к другой стороне, и вызвать вторжение стороны противоположной. Правда, та же географическая особенность осложняла завоевателям полное и быстрое покорение: проще, разгромив сильного единовластного правителя, сразу завладеть всей страной, чем по отдельности справляться с более слабыми, но многочисленными соперниками, укрывающимися в труднодоступных горных твердынях.

Договор Смбата Багратуни, заключенный с арабами в 695 г. ценой признания вассальной зависимости и выплаты дани (размер которой мы не знаем), подарил Арминии несколько лет спокойной жизни. Византия, занятая внутренними проблемами и отбивавшаяся от атак арабов в Малой Азии и Африке (см. т. III, с. 274), лишена была возможности влиять на ситуацию в Закавказье, сохраняя за собой лишь Четвертую Армению. Об ослаблении ее позиций в этом регионе свидетельствует переход на сторону арабов в 696/97 г. патрикия (правителя?) Лазика Сергия[145].

Наместником Джазиры с резиденцией в Мосуле с 693 г. был брат халифа Мухаммад б. Марван. Отсюда обычно направлялись войска для походов на Закавказье, поэтому и Арминия потенциально находилась в сфере компетенции наместника Джазиры. В эти годы договор, видимо, определял такую степень автономии Арминии, что Мухаммад б. Марван даже формально не считался наместником Арминии, и граница с Византией, где велись активные военные действия, была вне его компетенции. В 695/96 г. ему приходилось больше внимания обращать в сторону Ирака, откуда грозили нападения хариджитов.

Поход против византийцев возглавляли другие родственники халифа. Хронология этих походов иногда вызывает вопросы, а сведения о них чрезвычайно кратки и в арабских, и в христианских источниках. Поэтому приходится ограничиться суммарным изложением. Неясно, в чьем ведении находились их организации. В одних случаях говорится: «...и отправил Абдалмалик в поход такого-то», в других случаях: «...и совершил поход такой-то», но вряд ли можно говорить, что разница в формулировках отражает реальное значение этих лиц в организации походов.

В 74, 75 и 76 гг. х. (летом 693, 694, 695 гг. н.э.) походами командовал Мухаммад б. Марван[146], затем инициатива переходит к сыну Абдалмалика, ал-Валиду. Летом 77/696 г. он совершил поход из Малатийи «и достиг того, что между Малатийей и ал-Масисой»[147]. Из этого

вроде бы следовало заключить, что удар был направлен не в глубь византийской территории, а вдоль пограничной полосы. Относительно командующего походом 697 г. у арабских авторов нет единого мнения: ат-Табари называет дядю халифа, Йахйу б. ал-Хакама, а Халифа, приводящий наиболее развернутое сообщение, говорит, что Мухриз б. Абу Мухриз завоевал Азкалу (?), а на обратном пути у горного прохода ал-Хадаса сильный ливень погубил много его воинов[148]. Этот персонаж больше нигде не упоминается, поэтому можно думать, что он командовал не всей кампанией, а каким-то одним из отрядов. Развить успех этого года арабам не пришлось, так как в следующем году в Сирии началась чума, и в 698 и 699 гг. походов на Малую Азию не было.

Не до войны было и Византии: в 698 г. до Константинополя не только добралась чума — его осадили моряки и отряды провинциальной знати, недовольной политикой Леонтия. После четырехмесячной осады город был взят с помощью изнутри, вступление победителей сопровождалось грабежами и убийствами. Императора свергли с престола, отрезали нос и отправили в монастырь. В начале 699 г. императором стал флотоводец Апсимар, принявший тронное имя Тиберия III; он был выразителем интересов провинциальной знати, страдавшей от нападений арабов, и должен был активно защищать границы Малой Азии[149], но в 699 г. никаких решительных действий не предпринимал, видимо, из-за той же чумы.

По-видимому, обстановка в Константинополе, связанная со сменой власти, помогла находившемуся там в почетном плену правителю Албании Вараз-Трдату освободиться и возвратиться на родину[150]. Император бросил его сыновей в темницу, а Вараз-Трдат стал вассалом халифа, избавившись от необходимости платить дань одновременно трем суверенам.

В 700 г. Тиберий нанес арабам поражение в районе Самосаты (Сумайсата). Захват этой крепости открывал кратчайший путь на Эдессу (Руху), важный городской центр Северной Сирии и один из старейших очагов христианства. Феофан сообщает о 200 тысячах убитых арабов и богатейшей добыче. Поверить этой цифре невозможно (хотя современные историки иногда и приводят ее без оговорок)[151], ибо арабская армия никогда не достигала такой численности; мусульманские авторы вообще не упоминают военных действий в этом районе в том году. Это можно бы объяснить их нежеланием сообщать о таком неприятном событии, однако, судя по тому, что византийцы не захватили беззащитную (если арабская армия была действительно разгромлена) Самосату, успех их был гораздо скромнее.

Действительно серьезное поражение византийцы нанесли Смбату Багратуни, который в соответствии с вассальным договором воевал на

стороне арабов. В сражении на каком-то болотистом поле в Четвертой Армении его малочисленное войско, несмотря на упорное сопротивление, было разгромлено. Самому Смбату с трудом удалось спастись с горсткой всадников[152]. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что это поражение в сочетании с неудачей арабов под Самосатой побудило Смбата перекинуться на сторону победителей. Это решение оказалось роковым для Армении. Столкновение под Самосатой оказалось не разгромом для арабов, а временной неудачей. На следующий год они начали активные действия сразу на нескольких направлениях: в Киликии они захватили важный укрепленный пункт Мопсуэсту (Масису), отремонтировали ее укрепления и оставили гарнизон, а западнее Малатийи заняли городок Туранду[153].

Используя укрепление позиций на границе с Византией, Мухаммад б. Марван в 83/702 г. совершил поход на Армению. Ни арабские, ни армянские источники не говорят о причине этого нападения: арабские авторы просто констатируют факт, а для пострадавшей стороны была важна не причина, а последовавшие бедствия, причиненные этим походом. Целью похода было наказание неверного вассала. Как это осуществлялось, арабские авторы не сообщают, говорится лишь, что Мухаммад разгромил армян, те запросили мира, он заключил с ними мирный договор, оставил наместником некоего Нубайха б. Абдаллаха ал-Анази[154]. Армянские подробно повествуют о бедствиях и жестокости Мухаммада, но причиной вторжения считают злую волю кровожадного арабского военачальника, не упоминая изменение позиции Смбата. Гевонд пишет, что Мухаммад вторгся в область южнее озера Ван, жители ее, спасаясь от арабов, укрывались в неприступных горных твердынях. Мухаммад склонял их к сдаче обещанием помилования, а затем взрослых убивал, а детей обращал в рабство. Спасаясь от мести арабов, Смбат с группой князей ушел из этого района и через Васпуракан (область восточнее оз. Ван) дошел до Аракса у селения Акури (на западном склоне Арарата в 18 км от Аракса). Арабский гарнизон Нахичевана пустился за ними в погоню. Беглецы переправились на левый берег Аракса и приготовились к обороне в селении Варданкерт. Пятитысячный арабский отряд, простоявший ночь на морозе под открытым небом, не смог противостоять двум тысячам отборных армянских всадников и потерпел поражение. Отступая через замерший Аракс, арабские конники тесно столпились на льду, лед не выдержал и проломился. Лишь 300 человек добрались в жалком состоянии до другого берега и нашли приют у некой княгини Шушаник, которая не позволила Смбату добить беглецов.

Победителям досталась богатая добыча. Часть ее Смбат отправил императору в подтверждение сообщения о победе, вместе с породи-

стыми арабскими скакунами были посланы носы, отрезанные у убитых врагов. Император ответил на это присвоением Смбату высшего придворного звания куропалата. Новый куропалат, ожидая дальнейшего разворота событий, обосновался в горной крепости Тухарк в области Тайк (южнее северной Аджарии)[155].

Рассказывая историю о бегстве Смбата, Гевонд ничего не говорит о восстании в Армении, во время которого, по сообщению Халифы, был(и) убит(ы) наместник(и), оставленный(ные) Мухаммадом б. Марваном. Мухаммад ответил на него еще более жестоким карательным походом. Арабские авторы говорят о нем кратко, соединяя в некоторых случаях события двух лет, и только сопоставление с источниками другого круга позволяет более или менее достоверно представить происходившее в Закавказье. В 702–703 гг. Мухаммад огнем и мечом прошел Армению, подавил восстание и поставил гарнизоны в главных городах. Ишхан Албании, Вараз-Трдат, обиженный византийцами, остался верен Халифату и даже, вероятно, попросил Мухаммада припугнуть хазар, чтобы избавить Албанию от набегов. Дойдя до Дербента, Мухаммад получил известие о том, что армяне вновь восстали и осадили гарнизон Двина, а с запада на помощь к ним идет византийская армия с отрядом Смбата. Мухаммад немедленно возвратился в крепость на оз. Севан, отогнал повстанцев и вышел навстречу византийцам в верховья Аракса. Византийцы не выдержали удара и бежали. Смбату пришлось вновь искать убежища в Византии, в отведенном ему городке Пуйт (Поти?) в Лазике, а Мухаммад вернулся в Армению добивать остатки повстанцев[156].

Под влиянием победы арабов князь Ваган, правитель Четвертой Армении, признал вассальную зависимость от Халифата, за что получил у византийского историка нелестный эпитет «Семидьявольский»[157].

Месть Мухаммада мятежным нахарарам была неслыханно жестокой. Их пригласили в Нахичеван якобы для занесения в списки на получение жалованья, собрали в церкви и, заперев двери, сожгли живыми. В Нахичеване сгорело 800 человек и еще 400 — в расположенном на другом берегу селении Храм. Князья избежали этой участи, но поплатились драгоценностями и имуществом, а наиболее провинившиеся все же были казнены[158]. Арабский автор говорит об этом в нескольких словах, но сообщает деталь, которая позволяет кое-что уточнить: «Двинулись румы в Арминийу к Мухаммаду ибн Марвану, и обратил Аллах их в бегство. И это — год сожжения; дело в том, что Мухаммад ибн Марван после бегства тех людей послал Зийада ибн ал-Джарраха, мавлу Усмана ибн Аффана, и Хубайру ибн ал-А‘раджа ал-Хадрами, и сожгли они их в церквах, и обителях, и селениях, и было это сожжение в ан-Нашаве и Басфуруджане»[159]. Последние слова в дополнение к свидетельствам других источников позволяют определить, что серд-

цем восстания был Васпуракан (Басфуруджан). Несколько странным выглядит сообщение Каланкатваци о трехлетнем сопротивлении восставших в крепости Севан, «окруженной водой». А.Н. Тер-Гевондян говорит о крепости на острове[160], хотя островов на Севане нет, можно лишь думать, что она располагалась на мысу, далеко вдающемся в воду (если это только не остров на оз. Ван), где естественно было бы укрыться повстанцам из Васпуракана.

Мухаммад б. Марван покинул Армению, оставив гарнизоны в Дабиле (Двине), Нашаве (Нахичеване) и Барда‘а, столице Албании, в которых были отремонтированы укрепления. Видимо, теперь сбор налогов в Армении контролировался на месте арабскими финансовыми чиновниками.

В Мосул к Мухаммаду направился католикос Армении Сахак, чтобы заступиться за свою паству. По дороге он заболел и умер в Харране, оставив письменное послание[161]. Можно догадываться, что не только о милосердии к подопечным думал глава армянской церкви, но и о положении самой церкви в новых условиях, о сохранении церковных владений и налоговых льготах. Отношения церкви с военно-феодальной верхушкой, которая инициировала восстания, были не идеальными, между ними шла борьба за собственность и политическое влияние. Феодалы критически относились к претензиям церкви стать над их властью. Не зря Каланкатваци, сообщая о мученической гибели нахараров в огне, замечает, что это было им наказанием за то, что вдохновляемые злым духом, они не уважали духовенство — насмехались над католикосом и священниками и нападали на монахов[162]. В соперничестве феодалов и церкви мусульманские власти могли стать на сторону церкви при условии ее лояльности, тем более что армянская и албанская церкви противостояли византийскому влиянию.

Буквально на следующий год, в 704 г., мусульманским властям пришлось вмешаться в церковный спор. Католикос Албании Нерсес, поддержанный правительницей страны, Спрам (вдовой Вараз-Трдата?), с частью епископов решил принять догмы православия, соответственно вступив в контакт с византийцами. Епископы во главе с князем Шеройе, оставшиеся верными монофизитству, собравшись в Партаве (Барда‘а), предали анафеме Нерсеса и его сторонников и пригласили католикоса Армении Илию приехать и восстановить правоверие. Илия написал Абдалмалику, что Нерсес поминает в молитвах императора и собирается отдать ему страну. Абдалмалик приказал наместнику арестовать Нерсеса и Спрам. Нерсес пытался скрыться, был найден, предстал перед Илией, был допрошен, наказан в соответствии с приказом халифа и скован одной цепью со Спрам. Отказавшись от пищи, он через восемь дней умер. Тот же собор избрал нового католикоса Албании[163].

Согласно одному из сообщений Халифы, Мухаммад б. Марван совершил в 704 г. еще один поход на Арминию, оставшись там и на зиму[164], но, видимо, это сообщение следует относить к зиме 703/704 г. Наместником большой провинции Арминийа, включавшей Армению и Албанию, был назначен Абдаллах б. Хатим б. ан-Ну‘ман ал-Бахили, который вскоре умер, и его место занял его брат Абдал‘азиз, остававшийся на этом посту почти 20 лет. Гевонд характеризует его как правителя, при котором страна обрела спокойствие. Абдал‘азиз помиловал участников восстания и разрешил вернуться на родину. Решив, что теперь им, монофизитам, нечего церемониться с халкедонитами, они ограбили церковь в каком-то городе, служившем им несколько лет приютом, став на одну доску с арабами, разграбившими армянский монастырь Святого Григория[165]. Нравы с обеих сторон были не из лучших. Армяне считали Мухаммада б. Марвана исчадием ада, а тот полагал, что клятвопреступники, нарушившие договор, заслуживают самой страшной казни.

Полное подчинение Армении арабам явилось тяжелым ударом для Византии, лишившейся потенциального союзника, способного нанести удар в тыл армии, действующей в Малой Азии. Оказать же ей серьезную помощь было невозможно, поскольку основные силы Византии в решающий момент были заняты отражением арабских атак на ее собственную территорию. Наиболее активные военные действия шли на южном фланге арабо-византийской границы в Малой Азии, в направлении на Киликию через прибрежную равнину и севернее, через удобный горный проход Дарб ас-Салам. Это направление было в ведении наместника Северной Сирии, которым в то время был Абдаллах б. Абдалмалик. Сведения об этих военных действиях недостаточно четки, арабские и византийские источники расходятся в хронологии и названиях захваченных пунктов. Борьба шла прежде всего за обладание Масисой (Мопсуэстой), открывавшей путь в Киликию. О захвате ее арабами в 701 г. (третий год Апсимара) сообщает Феофан, отмечая, что в ней был оставлен гарнизон[166]. Согласно же Халифе, в этом году была захвачена только крепость Севан в районе Масисы, а ее саму он упоминает под 84/703 г.: «...и в этом году построил Абдаллах ибн Абдалмалик ал-Масису». Это же сообщение в более полном виде мы находим у Ибн ал-Асира: «В этом году совершил Абдаллах ибн Абдалмалик поход на ар-Рум и завоевал ал-Масису, и построил ее стену (*хиснаха*), и поставил в ней триста храбрецов, а прежде она не была заселена, и построил мечеть»[167].

Расхождения в сведениях Феофана и Халифы можно объяснить тем, что второй говорит о ремонте, предпринятом годом или двумя позже завоевания крепости.

В том же, 701 г., согласно Феофану, арабами была захвачена крепость Таранта (Туранда), а арабские авторы датируют ее занятие одним-двумя годами позже. Рассказ ал-Балазури прекрасно рисует ситуацию в этом районе. «Мусульмане поселились в Туранде после того, как Абдаллах совершил на нее поход в восемьдесят третьем году и построил жилища. А была она от ал-Малатийи в трех переходах в глубь земли ар-Рума. А ал-Малатийа была в то время разорена, и не было в ней ни одного человека из покровительствуемых (*ахл аз-зимма*) армян или иных. И пришел к ним летом передовой отряд (*тали'а*) армии Джазиры и оставался там, пока не наступила зима и выпал снег, а когда это произошло, они ушли»[168]. Халифа молчит о завоевании в этом году Туранды и только, перечисляя события 84/703 г., упоминает, что Абдаллах б. Абдалмалик достиг области Туранды.

В 702 г. одновременно с походом Мухаммада б. Марвана на Армению Абдаллах б. Абдалмалик прошел через Дарб ас-Салам и нанес удар византийцам на выходе из прохода, у крепостей Лулуа и Сурийа. В 703 г. арабы под командованием Азара (Йазида) нанесли византийцам удар в Киликии[169]. Халифа, как было сказано выше, говорит о вторжении Абдаллаха в область Туранды.

В 704 г. византийцы взяли реванш за все это. Под крепостью Сусийа в Киликии, где находился лагерь Ираклия, брата императора, потерпел поражение отряд Йазида б. Хунайна, посланный Абдаллахом из Масисы, ставшей главным опорным пунктом арабов на пути в Киликию. По словам Феофана, арабы потеряли убитыми 12 000 человек. На этот раз упоминание о поражении сохранилось и в арабском источнике, хотя и без упоминания больших потерь. Тут же Халифа сообщает еще об одной неудаче в этом году: «...и потерпел поражение Маймун ал-Джурджумани вместе с примерно тысячью из жителей Антакийи под Турандой»[170].

Подобные качели успехов и неудач то одной, то другой стороны, превращение нескольких тысяч квадратных километров в ничейную мертвую полосу свидетельствовали не только о равенстве сил, но и о том, что для обеих сторон война на этой границе была делом второстепенным. С арабской стороны действовали только силы одной провинции, с византийской стороны — точно так же провинциальные фемные войска. Надежных сведений о численности действовавших здесь войск, как мы видим, нет. Пожалуй, только сообщение о численности гарнизона Масисы может свидетельствовать о том, что в большинстве случаев действовали группы не более нескольких тысяч человек, если считалось, что трехсот человек достаточно для обороны важной крепости.

Иначе сложилась ситуация на другой, дальней границе Халифата, в Северной Африке.

В отличие от восточной половины Халифата западная часть после завоевания Египта Марваном в продолжение всего времени правления Абдалмалика жила без политических потрясений. Может быть, поэтому арабская историография почти ничего не сообщает о событиях в Египте после информации о постройке Хулвана (Хелуана), где Абдал‘азиз укрылся от чумы, свирепствовавшей в Фустате в 70/690г.

Абдал‘азиз на правах будущего халифа полновластно управлял Египтом, определенной доли хараджа в Дамаск не посылал, ограничиваясь дарами брату халифа. Распоряжение большими средствами позволяло ему кроме интенсивного строительства в Хулване заниматься скупкой земельных участков и строительством в Фустате, где в 79/698–699 г. была снесена пятничная мечеть, построенная Амром б. ал-Асом, и возведена новая, более просторная, а неподалеку — несколько новых торговых рядов. Как истинный бедуинский вождь, он держал во дворце открытый стол для армейской верхушки и вождей племен, кормя будто бы до 1000 человек сразу[171].

Адбал‘азиз терпимо относился к христианской церкви. Его секретарем был некий Афанасий, христианин из Эдессы, наживший своей службой огромное состояние. По его инициативе и с согласия Абдал‘азиза в Каср аш-Шам‘ (Баб ал-Йуне) была построена церковь Святого Георгия (Мар Джирджис) и даже в Хулване наряду с мечетью построили церковь[172]. Советником старшего сына Абдал‘азиза, ал-Асбага, был некий диякон Вениамин, которого «он любил больше всего своего окружения, а он раскрывал ему таинства христианства с таким старанием, что даже толковал ему Евангелие»[173]. Объяснить такую симпатию к христианскому священнослужителю можно отчасти тем, что ал-Асбаг был не чисто арабского происхождения — его мать была рабыней, и не исключено, что христианкой.

Некоторое время налоговая политика Абдалмалика была вполне терпимой для коптов, традиционные объемы налогов собирались постепенно, доставлялись в финансовое ведомство еженедельно[174]. Положение изменилось около 700 г. Начав ведать сбором налогов, Абдалмалик стал не только требовать неукоснительного сбора прежних налогов, но и собирать их с монахов — по динару с головы, а с епископов — по 2000, что уж совсем не соответствовало положениям мусульманского права о том, что высшая ставка джизьи составляет четыре динара. Как ни странно, вдохновителем этих притеснений монахов был дьякон Вениамин. Ясно, что он принадлежал к какому-то течению христианства, враждебному господствующей церкви. Одновременно с этим шла пропаганда ислама, и многие знатные люди приняли ис-

лам, вроде Петра, главы администрации Верхнего Египта, и его сыновей.

Афанасий, видимо, утратил влияние на Абдал'азиза и не смог избавить своих единоверцев от этих напастей. Его попытка добиться поддержки у Абдалмалика кончилась арестом и конфискацией нажитого в Египте. Зато его сын Абдаллах (судя по имени, принявший ислам) не отказался от поручения заняться сбором налогов и свирепствовал. На поклон к Абдал'азизу отправился сам патриарх, добившийся только того, что с него самого потребовали 3000 динаров. Высокий сан избавил его от тюрьмы, но ему пришлось два месяца ждать в Фустате, пока паства соберет эти деньги.

Следующим этапом стало увеличение джизьи на две трети. Началось бегство налогоплательщиков. Для выявления уклоняющихся от налогов на руки плательщиков стали ставить печати с обозначением места жительства, поскольку же административно-фискальные единицы несли коллективную ответственность перед налоговыми органами, то им приходилось платить за умерших, не успевших уплатить налог, тем более что погребение не разрешалось без свидетельства об уплате. Конечно, в этих рассказах возможны некоторые преувеличения, поскольку другой христианский историк (правда, пишущий об этом периоде очень кратко) не упоминает подобных налоговых притеснений[175].

Египет был для Халифата воротами в Северную Африку. Через него шла единственная дорога в Триполитанию, Ифрикийу и далее на запад. Большинство завоевательных походов в этом направлении начиналось в Египте, и, даже если ядро войска формировалось за его пределами, основной контингент составляли египетские арабы и египетские ресурсы. Но географический фактор ставил предел египетскому влиянию: территорию западнее Триполитании было уже трудно контролировать из Фустата, да и природные ресурсы делали Ифрикийу независимой от Египта. Лишь нужда в подкреплениях привязывала Кайраван к Египту.

В 692 г. арабская армия под командованием Хассана б. ан-Ну'мана, посланного Абдалмаликом, разгромила берберов в горах Автас (Аврас) и вновь утвердила власть ислама в Ифрикийи. Сообщается даже о завоевании и разрушении Карфагена. Хассан получил статус наместника, непосредственно подчиненного халифу, и в этом качестве, кажется, не предпринял крупных завоевательных акций и в 78/697 г.[176]. Хассан, по обычаю всех наместников, явился к халифу с изъявлением преданности и с большим караваном, доставившим пятую долю добычи и богатые дары. Халиф оценил его щедрость и, благословив на новые завоевания, передал в его управление Барку (Антабулус)[177], которая всегда была в ведении наместника Египта. Это был явно недружественный акт в отно-

шении Абдал‘азиза. Это было не случайно: Абдалмалик не испытывал добрых чувств к брату, который по завещанию отца должен был стать халифом после старшего брата, а это значило, что потом халифами станут не его сыновья — ал-Валид и Сулайман, а сыновья Абдал‘азиза. Отбирая у него Барку, Абдалмалик хотел указать ему его место.

Абдал‘азиз не мог смириться с таким оскорблением и нанес ответный удар. Когда Хассан прибыл в Египет и предъявил свою грамоту на управление Баркой Абдал‘азизу, который должен был снабдить армию для похода и пополнить ее египетскими воинами, тот предложил Хассану отступиться от Барки. Хассан отказался, ссылаясь на волю халифа. Абдал‘азиз попросил показать грамоту, получив ее в руки — разорвал. Такой поступок был оскорблением не столько Хассану, сколько самому халифу. Хассан вернулся в Дамаск, оставив свое войско в Египте, а Абдал‘азиз назначил от себя наместником Ифрикийи верного Мусу б. Нусайра — человека, не совсем ясного происхождения, к тому же недавно провинившегося перед халифом: во время краткого правления Бишра б. Марвана в Ираке (см. т. III, с. 270–271) Муса, прибывший туда по рекомендации Абдал‘азиза, успел, ведая финансами Басры, присвоить 100 000 дирхемов. Дотошный ал-Хадж-жадж, сменивший Бишра, обнаружил это, но Мусу предупредили, и он бежал в Дамаск. Ал-Хаджжадж требовал его выдачи. На счастье там оказался Абдал‘азиз, который заступился за него, уплатив половину долга, и выговорил для него погашение остатка в рассрочку. Понятно, что этот человек был бы верным исполнителем воли патрона, а все его владения были бы во власти Абдал‘азиза.

Абдалмалик, конечно, был уязвлен, но, выслушав жалобу Хассана, не пошел на открытый конфликт с братом и посоветовал Хассану смириться и остаться дома, в Сирии[178].

Муса был назначен наместником в сафаре 70/19.IV–17.V.698 г. и в том же месяце выступил в поход, присоединив к своему войску воинов, оставленных Хассаном. Появился он в Кайраване, по разным данным, 20 июля или 19 августа[179]. Здесь он сразу же арестовал заместителя, оставленного Хассаном, и главу финансового ведомства, наложив на каждого по 10 000 динаров штрафа, и назначил на их место своих людей.

За время отсутствия Хассана берберы потеснили мусульман, и многие перестали платить дань. Загава, обитавшие в одном дне пути северо-западнее Кайравана, нападали на свободно пасшиеся стада арабов и угоняли скот. С них-то и начал сразу же Муса, послав на их усмирение 500 всадников, которые разгромили это племя, убили его вождя и захватили много пленных, будто бы 10 000, чему трудно поверить, учитывая численность арабского отряда.

Последовавшие за этим походы сыновей Мусы, Абдаррахмана и Марвана, носят полулегендарный характер: не говорится ни куда, ни против кого они были направлены, сообщается лишь, что первый захватил 100 000 пленных, а второй — 60 000[180], что и вызывает подозрение в достоверности.

Следующий удар, по-видимому в 80/699 г., был нанесен прямо на юго-запад: Аййаш б. Ухайл, посланный с 1000 всадников, разгромил хуввара (между Кайраваном и Гафсой) и взял 5000 пленных, после чего это племенное объединение заключило мирный договор. Напуганные этим кутама, жившие западнее, последовали их примеру[181].

Обеспокоенные этими успехами мусульман, санхаджа, разгромившие 17 лет назад Укбу б. Нафи‘, стали собирать силы. Узнав об этом, Муса лично возглавил упреждающий удар. В его распоряжении было 4000 воинов на жалованьи и 2000 добровольцев и берберов[182]. Эти скромные цифры, которым можно поверить, показывают, насколько легендарны сведения о сотнях тысяч пленных. Авангард этого войска вел сын Укбы, Ийад. Это сражение, окончившееся также победой мусульман, принесло огромную добычу и тысячи пленных, от 20 000 по скромным оценкам до 100 000 по смелым. Халифа датирует это сражение 79/698 г. и рассматривает его как месть за Укбу, сообщая о гибели Касилы (см. т. III, с. 216)[183]. Однако в этом сообщении соединены события трех лет — 79–81 гг. х. Источники Псевдо-Ибн Кутайбы давно убитого Касилу не упоминают и датируют сражение 80/699 г.

Известия о победах, дополненные видом богатой добычи, доставленной в Фустат и Дамаск, вызвали у многих желание отправиться в Магриб, а Абдалмалик сменил в отношении Мусы гнев на милость.

В 81/700 г. арабы продвинулись до Тубны, городка примерно в 450 км западнее Кайравана (между Бискрой и Сетифом)[184]. В следующем году санхаджа, собравшись с силами, нанесли ответный удар, но потерпели поражение от Мугиры б. Абу Бурды и снова поплатились множеством пленных[185]. Благодаря подкреплениям из Египта Муса смог на следующий год увеличить свое походное войско до 10 000 человек и отправить его на завоевание Дальнего Магриба в земли суджума. Переправившись через реку Мулуй на крайнем востоке современного Марокко, он вступил в сражение с местными берберами в труднодоступной горной местности и одержал победу. Халифа упоминает в 84/703 г. покорение племени авраба[186], обитавшего в районе современного Феса. Это либо различное описание результатов одной и той же кампании, либо следующий этап похода, который должен был завершиться в начале 703 г., так как Муса, доставив в этом году хумс и дары Абдалмалику и Абдал‘азизу, вернулся в Кайраван уже в рамадане 84/17.IX — 16.X.703 г.[187], а на такую поездку с большим караваном

требовалось не менее пяти месяцев, значит, он не мог выйти из Кайравана (да еще с учетом времени, необходимого для возвращения с места боев в Кайраван) позже апреля.

Можно думать, что в беседе с Абдал‘азизом обсуждались планы дальнейших операций на Западе и переход к активным действиям на море, так как, вернувшись в Ифрикийу, Муса сразу же распорядился соорудить в Тунисской бухте верфь и начать строительство морских судов, и с этого момента начинается возвышение Туниса как главного морского порта Ифрикийи, занявшего место Карфагена и закрывшего ему возможность возрождения. Вслед за этим в Сусе встала на якорь египетская эскадра под командованием Ата б. Абу Нафи‘ ал-Хузали, посланная Абдал‘азизом для нападения на Сардинию (непонятно, почему была выбрана она, а не лучше знакомая Сицилия, не ошибка ли это источника). Муса, что очень любопытно, «устроил ему базары», вместо того чтобы поставить необходимое продовольствие.

Было время зимних штормов, выходить в море было опасно, но Ата пренебрег всеми предостережениями и отправился в набег. Ему удалось напасть на какой-то остров, названный арабским историком Силсила, захватить пленных и богатую добычу, но воспользоваться ею победителям не пришлось: налетевшая буря разметала и потопила суда, большинство участников похода погибло, в том числе и командующий; лишь немногие суда выбросило на берег. Узнав о случившемся, Муса послал на побережье конные отряды, чтобы защитить спасшихся и выброшенные суда от приморских жителей, считавших выброшенное морем своей законной добычей. Неведомым островом, ставшим первой жертвой набега ифрикийского флота, вероятнее всего, был остров Пантеллерия, который трудно миновать, следуя из Суса к Сицилии или Сардинии; можно даже попытаться разгадать графическое искажение, породившее арабское название, разложив три зубца сина на Б–Н–Т (Л есть и без того), только степень достоверности разгадки будет весьма сомнительной.

Всю зиму на верфях Туниса местные корабелы строили суда для ифрикийского флота. Весной 704 г. на сотню новых судов было погружено около тысячи воинов, командовать которыми был назначен сын Мусы, Абдаллах. Малое число воинов на каждое судно не должно нас обманывать относительно размера судов — на них оставлялось место для пленных и транспортировки добычи. Эскадра напала на какой-то приморский город Сицилии и возвратилась с богатой добычей, на каждого воина досталось по 100 динаров.

Муса поспешил послать делегацию с реляцией о первом успехе флота и положенной долей добычи[188]. Как и кто принял делегацию в Египте, где произошли большие перемены, нам не известно.

Глава 2
НА ВЕРШИНЕ МОГУЩЕСТВА

СМЕНА ВЛАСТИ

Итак, к концу второго десятилетия правления Абдалмалика внутреннее положение Халифата даже в самых беспокойных районах нормализовалось настолько, что появилась возможность начать новые завоевательные войны и, более того, происшедшая вскоре смена верховной власти прошла без всяких потрясений.

Абдалмалик, подходивший к шестидесяти годам, стал всерьез задумываться над проблемой передачи власти. Нарушить завещание отца и самовольно сделать наследником своего сына, проведя ему присягу, он не мог без опасения серьезных политических потрясений. Наилучшим выходом был бы добровольный отказ Абдал‘азиза от наследования, но склонить его к этому было невозможно. Думается, что странная снисходительность халифа к отказу брата пропустить назначенного им наместника могла объясняться нежеланием конфликтовать по мелочам в предвидении решения важнейшей жизненной проблемы.

Наши источники не дают ответа на то, когда вопрос об отказе от завещанного отцом наследования был поставлен прямо: дело было семейное, интимное, о переговорах знал узкий круг близких людей, поэтому сведения о переговорах довольно противоречивы. Согласно уже известному нам аш-Ша‘би, Абдалмалик поручил ему вести переговоры с братом и уговорить его отказаться от наследования. Ему не удалось добиться этого, и тогда Абдалмалик попросту пренебрег клятвой, данной отцу, и провел присягу своим сыновьям, ал-Валиду и Сулайману[1]. Рассказ аш-Ша‘би не вызывает доверия: во-первых, не верится, что халиф специально просил ал-Хаджжаджа прислать ему на помощь недавнего мятежника, да и не был он так уж авторитетен для Абдал‘азиза; во-вторых, нет никаких упоминаний о чьем-то негодовании по поводу присяги при живом законном наследнике, тогда как о возмущении по поводу того, что Абдалмалик провел присягу сыну до своей смерти, — имеются. Приходится подозревать аш-Ша‘би в желании возвеличить себя рассказом об участии в делах халифской семьи.

По другим сведениям, Абдал‘азиз в ответ на просьбу брата отречься от своего права на наследование сказал: «Я хочу* для Абу Бакра (т.е. ал-Асбага) того же, чего ты хочешь для ал-Валида». Тогда халиф потребовал от брата пересылать ему из Египта часть собираемых денег, как делали все остальные наместники[2]. Если это так, то можно понять причину, внезапно заставившую Абдал‘азиза усилить сбор налогов и обложить подушной податью монахов. Кстати, этим же можно косвенно датировать начало этих переговоров — согласно Северу, беспощадный сбор налогов длился два года и кончился со смертью Абдал‘азиза[3].

На дальнейшие настояния халифа Абдал‘азиз ответил: «Я и ты достигли таких лет, каких не достигал никто из нашего рода или жили немногим больше. И ведь ни ты, ни я не знаем, к кому смерть придет раньше. А если ты намерен изгадить мне остаток жизни, то делай [это]». Абдалмалик после этого будто бы так устыдился, что не только сам отказался от своего намерения, но и сыновьям запретил оспаривать право Абдал‘азиза.

Есть и иные версии хода переговоров, но и они говорят о том, что Абдалмалик пошел на проведение присяги сыновьям при живом наследнике[4].

Проблема вскоре решилась сама собою: 1 мая 704 г. внезапно умер Абу Бакр ал-Асбаг, которого Абдал‘азиз видел своим преемником на халифском троне, а вскоре он заболел и сам, потрясенный этой смертью, и умер через три недели (22 или 23 мая)[5]. После этого уже ничто не мешало объявить наследниками ал-Валида и Сулаймана и провести присягу им как будущим преемникам.

Решение отца назначить Сулаймана преемником ал-Валида вызвало у последнего недовольство[6]; возможно, он тоже предпочел бы видеть своим преемником не брата, а собственного сына. Впрочем, нелюбовь была взаимной.

Этот важный политический акт прошел без осложнений. Лишь некоторые благочестивцы поворчали, что при живом халифе нельзя приносить присягу кому-то еще. Единственный скандал произошел в Медине, где почтенный хадисовед и правовед Са‘ид б. ал-Мусаййаб отказался присягать сыновьям, когда оставалась в силе присяга их отцу. За это наместник Медины Хишам б. Исма‘ил приказал дать ему 50 (или 100) ударов кнутом и облить холодной водой в холодное время года. Такое позорное наказание сына сподвижника пророка было встречено мединцами с неодобрением, а Абдалмалик сказал, что либо уж нужно было отрубить голову, либо вообще оставить его в покое, но только не наказывать таким образом[7].

---

* Букв. «вижу» (*ара*).

Египет не достался сыновьям Абдал‘азиза. Управлять им Абдалмалик назначил своего сына Абдаллаха, который до этого был наместником Северной Сирии и последние годы вел войну с Византией. В Египте за 20 лет правления Абдал‘азиза сложилась своя элита, с которой Абдаллаху было бы сложно управляться, и он привез с собой из Химса своих людей. Они были назначены на ключевые посты начальника гвардии, начальника полиции и главы финансового ведомства. Судя по сообщению Севера, налоговые притеснения со смертью Абдал‘азиза прекратились, но новый наместник привез с собой не только сирийцев, но и сирийские представления и обычаи: он запретил арабам надевать египетские бурнусы (плащи с капюшонами) и начал переводить делопроизводство с коптского языка на арабский[8]. Делопроизводства на греческом языке это не коснулось, возможно потому, что греческий для сирийца был более привычным.

На Дальнем Западе эти перемены были встречены спокойно. Муса б. Нусайр стоял теперь достаточно прочно на собственных ногах, и кто будет править Египтом, его уже мало беспокоило.

Между тем начало правления Абдаллаха в Египте оказалось неудачным: в 705 г. вода в Ниле поднялась на 13¾ локтя, а нормальным считался подъем воды только с 16 локтей. Урожай был очень плохим, цены подскочили, начался голод, а с ним, как обычно, — эпидемии. Абдаллах проявил себя не лучшим образом — покинул вверенную ему страну и уехал в Сирию, за что был высмеян в стихах:

От нас уехал Абдаллах,
И не вернулся ни один верблюд.
Когда приехал — полон был ирдабб,
А уезжал — был половинным мудд[9].

Назначение Абдаллаха не изменило в Халифате главного — Ближний Восток как был, так и остался доменом рода Марвана: в Египте — Абдаллах, сын Абдалмалика, в Палестине — Сулайман, сын Абдалмалика, в Урдунне — Абу Усман, брат Абдалмалика, в Джазире и Закавказье — Мухаммад, брат Абдалмалика, только районом ал-Балка, в южном Заиорданье управлял сакифит Мухаммад б. Умар[10], но район этот был маловажен и малодоходен. Неясным остается только, кто сменил Абдаллаха в Химсе. Если исходить из того, что походы на Малую Азию Абдаллах предпринимал как наместник Северной Сирии, то его преемником мог быть Маслама б. Абдалмалик, возглавлявший кампании 86/705–88/707 гг.

Серьезные изменения в составе действующих лиц на высшем уровне произошли и на востоке Халифата. Во-первых, ал-Хаджжаджу удалось покончить с Абдаррахманом б. ал-Аш‘асом. Уход его за пределы мусульманских владений и отказ от вооруженной борьбы не гарантиро-

вал, что при удобном случае он не появится вновь на сцене, быстро обрастая сторонниками. В Кабулистан он уходил с пятью сотнями верных сторонников, но и среди них многих не радовала перспектива жизни среди бывших врагов, да еще и язычников. Когда отряд Ибн ал-Аш‘аса дошел до Давара, один из предводителей, некий Алкама б. Амр, предложил отказаться от ухода к рутбилу — покровительство его ненадежно, он может склониться на уговоры ал-Хаджжаджа и выдать их, а пятью сотнями воинов еще можно захватить какой-нибудь отдаленный город и ждать там смерти ал-Хаджжаджа, а если нет — умереть в бою. Ибн ал-Аш‘ас не принял этого предложения, позволил желающим уйти и остался с несколькими десятками воинов и родственников.

Алкама расчитал верно. Ему удалось захватить какой-то укрепленный городок на границе мусульманских владений, выдержать две осады и получить, наконец, помилование.

Ибн ал-Аш‘ас был принят с почетом и приближен к рутбилу, который, соблюдая верность обещанию, отвергал попытки ал-Хаджжаджа добиться выдачи Ибн ал-Аш‘аса. Неизвестно, сколько продолжалось безмятежное пребывание его в Кабулистане до момента, когда один человек из его окружения, связавшийся с Умарой б. ат-Тамимом, назначенным наместником Сиджистана, и с ведома рутбила добился через Умару письменной гарантии от ал-Хаджжаджа не нападать в течение семи (или десяти) лет и не требовать уплаты дани. Это обещание перевесило договор с Ибн ал-Аш‘асом. Он был схвачен и с двумя десятками сторонников, скованных попарно, послан к Умаре. Ибн ал-Аш‘ас не дожил до казни: по одной версии, он заболел и в дороге умер, по другой — в Бусте бросился с крыши замка вместе с товарищем по цепи и разбился. Его голову и головы его родственников были отосланы ал-Хаджжаджу, а от него — Абдалмалику. И у Халифы, и у ат-Табари рассказ о гибели Ибн ал-Аш‘аса приводится в разделе о 83/702 г., хотя могло быть, что все события объединены под одним годом, чтобы не разрывать рассказ, финал которого мог приходиться и на 703 г.[11].

У ал-Хаджжаджа оставались еще две занозы. Одна дальняя — мятежник Муса б. Абдаллах, засевший в Термезе, другая — собственный наместник Хорасана Йазид б. ал-Мухаллаб. В Термез к Мусе стекались все недовольные элементы Хорасана, у него нашли прибежище остатки войска Абдаррахмана б. ал-Аббаса, разгромленного Йазидом б. ал-Мухаллабом, но он доставлял беспокойство местным владетелям Мавераннахра, не трогая мусульманские владения. Пока ал-Хаджжаджа беспокоил больше Йазид.

К его лояльности и деятельности трудно было придраться. Он, как и отец, безоговорочно поддерживал борьбу против Ибн ал-Аш‘аса и держал Хорасан в повиновении, но был слишком авторитетен и не-

зависим, а главное — щедр в ущерб казне, что для ал-Хаджжаджа было немногим лучше мятежа.

После разгрома Абдаррахмана б. ал-Аббаса Йазиду пришлось взяться за подчинение Бадгиса, горной области между Гератом и Серахсом, владетель которой Низек(или Тирек)-Тархан, воспользовавшись появлением мятежников в области Герата, прекратил платить дань[12]. Владения Тирека были крайней западной оконечностью пояса тюркоэфталитских княжеств, протянувшихся от Памира и сохранивших неясные нам формы связи, а иногда и зависимости от тюркских каганов. Арабское вторжение в эти области заставило Тирека, как и ряд других владетелей, признать вассальную зависимость от них с условием уплаты дани и участия в их войнах при сохранении внутренней самостоятельности. Это позволяло им при любом ослаблении арабской власти в регионе отказываться от своих обязательств.

Йазид выждал, когда Тирек покинет свою хорошо укрепленную резиденцию в горах, и осадил ее. Тирек вынужден был ради спасения семьи, оставшейся в крепости, согласиться на передачу крепости со всеми богатствами Йазиду. Всю эту добычу Йазид разделил между своими воинами. Щедрость Йазида вдохновила одного поэта в его окружении на такие строки:

Одной рукой подносишь яд врагам,
Другой щедроты льешь дождем богатым,
Йазида щедрость можем мы сравнить
Лишь с плодородьем Тигра и Евфрата[13].

Правление Йазида скоро вызвало недовольство ал-Хаджжаджа. Арабские авторы называют различные причины: от совершенно легендарной истории с предсказанием, полученным ал-Хаджжаджем от монаха, будто, согласно древним книгам, его сменит некто по имени Йазид, до более вероятных — отказа Йазида предпринять поход на Хорезм и симпатий его к Ибн аз-Зубайру[14]. Адбалмалик долго не давал согласия на смещение героя боев с азракитами, но все-таки уступил настойчивым представлениям правителя Востока.

Независимо от конкретного повода, послужившего причиной смещения Йазида, подлинной причиной было независимое поведение хорасанского наместника и восхваляемая поэтом щедрость[15], сокращавшая поступления в казну ал-Хаджжаджа, сильно потощавшую от расходов на строительство Васита. Даже ал-Мухаллабу, воевавшему с азракитами и нуждавшемуся для этого в средствах, он с трудом прощал расходование денег на месте.

Сместив Йазида, ал-Хаджжадж смягчил недовольство сторонников Мухаллабидов назначением на этот пост другого сына ал-Мухаллаба,

ал-Муфаддала. Обрадованный выпавшему повышению, тот стал торопить брата покинуть Мерв. Йазид охладил его пыл, предупредив, что и его скоро ждет та же судьба. В раби‘ II 85/12.IV–10.V.704 г. Йазид покинул Мерв и уехал в Басру[16].

Ал-Муфаддал начал свое правление с похода на Бадгис и захватил большую добычу, которую без остатка разделил между воинами — по 800 дирхемов на каждого[17]. Имя правителя Бадгиса, Тирек-Тархана, не упоминается как причина, по которой пришлось «завоевывать» Бадгис. После этого ал-Муфаддал направился на усмирение Ахаруна и Шумана и добился восстановления договора. Но самым важным было уничтожение Мусы б. Абдаллаха, последнего представителя зубайридской оппозиции Умаййадам.

Ат-Табари сохранил пространный рассказ о приключениях Мусы в Мавераннахре и борьбе с многочисленными врагами и соперниками, арабами и неарабами. Останавливаться здесь на этом вряд ли целесообразно — это слишком увело бы нас в сторону от главной линии изложения. Стоит только отметить, что уже в это время контакты между арабами и согдийцами были достаточно тесными, арабы не воспринимались как непримиримые враги, с ними вступали в союзы, предоставляли убежище беглецам и, видимо, существовала возможность общения без переводчиков. В борьбе с Мусой объединяются согдийцы, тюрки, тибетцы и эфталиты[18].

В Термезе у Мусы собралось несколько тысяч участников восстания Ибн ал-Аш‘аса, избежавших гибели в боях. Хорошо укрепленный город на берегу Амударьи служил надежной опорой. Ни ал-Мухаллаб, ни Йазид не решались предпринять поход против Мусы. Ал-Муфаддал нашел для этого человека — главу тамимитов, Усмана б. Мас‘уда, двоюродного брата которого убил Муса. Усман был заточен Йазидом, но ал-Муфаддал уговорил его забыть обиду в благодарность за предоставляемую ему возможность отомстить Мусе. Чтобы привлечь добровольцев в этот поход, им было обещано включить их в диван и платить жалование. Кроме того, ал-Муфаддал приказал своему брату Мудрику, управлявшему Балхом, присоединиться к Усману. Объединенное войско стало лагерем на острове на Амударье напротив Термеза, обезопасив всю главную оперативную базу от внезапного ночного нападения, какими славился Муса. На призыв к совместным действиям откликнулись царь (*ихшид*) Согда, Тархун, участвовавший в нескольких кампаниях против Мусы, и Сабл, владетель Хуттала, который больше всего страдал от набегов Мусы.

Плотная блокада города поставила Мусу в безвыходное положение, и он решил, как прежде, отчаянной атакой сломить осаждавших. Согдийцы бежали, оставив лагерь, воины Мусы стали переносить добы-

чу, но согдийцы возвратились, атаковали Мусу и отрезали от города. Тогда в бой вступил Усман и довершил разгром. Конь Мусы был ранен, и ему не удалось пробиться к городу, его окружили и убили. Все пленные были обезглавлены, казнили и мавлей — за то, что вмешивались не в свое дело, в борьбу арабов между собой. Племянник Мусы, оставленный в городе, сдал город и получил помилование[19]. Последний уголок, в котором теплились остатки пожара большой гражданской войны, был затушен в конце 85/704 г.[20].

Ал-Муфаддал не добился признательности ал-Хаджжаджа. Получив от ал-Муфаддала извещение о победе, он сказал: «Удивителен этот проклятый! Я приказал ему убить Ибн Самуру, а он мне пишет, что он его опора, и пишет мне, что убил Мусу ибн Абдаллаха ибн Хазима»[21]. Все же основной причиной недовольства ал-Хаджжаджа сыновьями ал-Мухаллаба была не их излишняя самостоятельность сама по себе, а вольное обращение с доходами, раздача всей добычи и дани своим воинам в ущерб государственной казне.

Кутайба в этом отношении был надежнее: он, как и ал-Хаджжадж, был кайситом, доказал свою верность в нескольких критических ситуациях, а главное, принадлежал к небольшому племени бахила и, не имея в Хорасане надежной опоры, должен был всецело зависеть от ал-Хаджжаджа и не проявлять своеволия.

Кутайба прибыл в Хорасан в сопровождении дюжины братьев на исходе зимы, когда ал-Муфаддал собирал в Мерве армию для похода за Амударью. Неясно, как встретились отставной и новоназначенный наместники. Одни источники сообщают, что ал-Муфаддал не стал дожидаться своего преемника, а сразу уехал к брату в Басру, другие говорят, что Кутайба арестовал его и его родственников и отослал их к ал-Хаджжаджу.

Ал-Хаджжадж не ограничился арестом ал-Муфаддала, смещены и арестованы были и его братья: Хабиб — с поста наместника Кирмана, и Абдалмалик — с поста начальника полиции ал-Хаджжаджа[22]. Главным ответчиком был старший, Йазид, с него требовалось шесть или семь миллионов задолженности по Хорасану. Йазид упорно отказывался уплатить долг, его пытали, и вопли истязаемого разносились по всему дворцу. Слыша их, начала вопить сестра Йазида, Хинд, бывшая замужем за ал-Хаджжаджем, за что тот развелся с ней. Упорство Йазида заставило ал-Хаджжаджа снизить постепенно свои требования до трех миллионов[23], но, видимо, и эту сумму тот не уплатил, так как продолжал оставаться под арестом четыре года.

Назначение Кутайбы было встречено хорасанскими арабами неоднозначно: кайситов оно обрадовало, а южных арабов расстроило: «и принялся он арестовывать тех, кто любил ал-Мухаллаба, и мучал их, и насильственно и злобно добивался от них денег»[24].

Вряд ли эти преследования начались сразу по прибытии — до похода оставалось несколько недель, возбуждать недовольство в войске, не оглядевшись и не утвердившись на новом месте, было опасно. И свой первый поход он направил туда же, куда намеревался пойти его предшественник — в долину Сурхандарьи и Кафирнигана, о чем подробнее будет сказано несколько позднее.

Словно подводя черту под всеми переменами, происходившими в 704–705 гг., 8 ноября 705 г., на двадцатом году правления, едва достигнув шестидесятилетия, в Дамаске скончался халиф Абдалмалик[25]. Его похоронили на кладбище у Малых ворот, и тем же вечером дамаскинцы присягнули новому халифу, ал-Валиду б. Абдалмалику, а затем и в провинциях присяга ему прошла без всяких осложнений.

АЛ-ВАЛИД — СТРОИТЕЛЬ

Новому халифу было 33 года. В юные годы его, как первенца, баловали и мать и отец и не слишком удручали ученьем. Это, конечно, не означает, что он не получал образования, видимо, биографы имели в виду, что он не углублялся в дебри схоластики[26]. Он был высок, крепко сложен, слегка приплюснутый нос и оспины не уродовали его в общем приятного лица. Энергичный и грубоватый, он бывал несдержан в гневе, но не отличался бессмысленной жестокостью; впрочем, историки оценивали его неоднозначно[27].

Ал-Валид не стал менять высшую администрацию, доставшуюся от отца, тем более что на западе почти вся она состояла из ближайших родственников, а восток находился в надежных руках ал-Хаджжаджа. Исключением было смещение наместника Медины, Хишама б. Исма‘ила, обесславившего себя позорным наказанием Са‘ида б. ал-Мусаййаба. Он был смещен 28 февраля 706 г.[28], а в марте в Медину прибыл на смену ему Умар б. Абдал‘азиз, двоюродный брат и шурин ал-Валида, сопровождаемый караваном из 30 верблюдов, нагруженных личными вещами.

Двадцатипятилетний франт проявил неожиданную административную мудрость, сразу же собрав у себя почтенных мединцев и заверив их, что ничего не будет придпринимать без совета с ними, будет действовать по справедливости[29].

О политических пристрастиях и экономической политике ал-Валида мало что известно. Заметный след в памяти потомков он оставил совсем в другой сфере — страстью его было монументальное строительство. Едва взяв в свои руки власть, он принялся за возведение в Дамаске большой соборной мечети на центральной площади, где

располагалась церковь Иоанна Крестителя. Неприкосновенность ее, как и 11 других церквей Дамаска, была гарантирована договором дамаскинцев с Халидом б. ал-Валидом, поэтому сначала ал-Валид предложил христианской общине продать ее за 40 000 динаров, но когда в ответ на это предложение ему предъявили грамоту, подписанную Халидом, то рассвирепел и отобрал церковь без компенсации[30]. Эта церковь стала частью мечети, обращенной к Мекке, а площадь перед ней — двором мечети (рис. 1, 2). Для ее отделки был использован мрамор, бронза, мозаика и позолота. Эта мечеть, гордость Дамаска, несмотря на все превратности судьбы и ремонты, хорошо сохранила свой первоначальный облик. Сохранила она и главную реликвию исчезнувшей церкви — голову Иоанна Крестителя, которая доныне хранится в мечети. И не важно, что это в действительности, важно, что христианская реликвия была сохранена.

Строительство мечети было начато в 706 г. и закончено в 708 г. Для строительства мобилизовались мастера из разных городов Сирии и Египта. Греческие документы из городка Афродито (Атфих) позволяют представить условия, на которых привлекались квалифицированные работники. Округу предписывалось, какого специалиста он должен прислать на определенный срок, обеспечить его средствами на проезд и оплачивать его пребывание на стройке, однако это не было дополнительной статьей расхода для местного бюджета, так как эти расходы вычитались из налоговых обязательств округа[31]. Указываемая в документах оплата мастеров примерно соответствует обычной для этого времени, хотя нельзя исключить, что при вольном найме можно было договориться о большей оплате и что указанная в требованиях сумма могла произвольно урезаться местными финансистами, которые свои поборы всегда могли оправдать суровостью высших властей.

Ал-Валид не ограничился возведением пышной мечети в столице. В раби‘ I. 88/9–10.III.707 г. по его приказу была начата перестройка мечетей в Медине и, видимо, около того же времени — в Таифе. Для этих построек из Византии были выписаны несколько десятков мастеров и 40 верблюжьих вьюков смальты, выломанной из развалин[32]. Арабские авторы сообщают также, что император прислал не только мастеров и смальту, но и 100 000 динаров[33], что выглядит неправдоподобно в условиях непрерывных нападений арабов на Византию.

Главной проблемой, с которой столкнулся Умар, была необходимость сноса жилищ вдов пророка, располагавшихся по восточной стороне мечети, которые принадлежали теперь потомкам Фатимы и родственникам Хафсы, дочери Умара б. ал-Хаттаба. Первые решительно отказались получить предлагавшиеся им семь или восемь тысяч динаров, вторые — после долгих препирательств получили в виде компен-

Рис. 1. Мечеть ал-Валида в Дамаске. Вид на южную стену двора

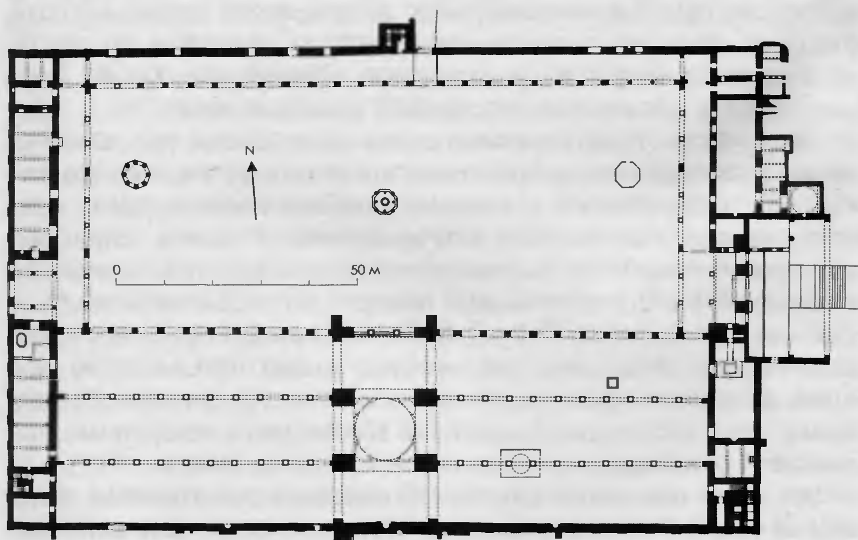

Рис. 2. Мечеть ал-Валида в Дамаске. План

сации особый проход в мечеть и здание невольничьего рынка[34]. Внуку аз-Зубайра, Хубайшу б. Абдаллаху, протесты против разрушения старой мечети стоили жизни: начальник почты сообщил ал-Валиду о его оскорбительных криках в мечети, и ал-Валид приказал дать ему 100 плетей и вылить на голову бурдюк холодной воды; дело было зимой, Хубайш не выдержал наказания и умер[35].

Мечеть была расширена на четыре ряда колонн к востоку и на два — к западу и к северу. В строительстве кроме византийских мастеров были заняты и копты. Если верить ас-Самхуди, при облицовке мозаикой произошел скандальный случай: один из мозаичников изобразил свинью, и Умар казнил его, а другие мастера объяснили ему, что они обычно так изображали райский сад и его дворцы[36].

Кроме расширения и перестройки мечети Умару было предписано благоустроить дорогу паломников: подравнять переезды, построить хранилища воды и сторожевые башни. Возможно, такое же предписание получил и ал-Хаджжадж относительно дорог от Куфы и Басры на Мекку.

Мечеть в Дамаске, сохранившая, несмотря на все ремонты и перестройки, основные черты своего первоначального облика, осталась единственным памятником строительного бума ал-Валида. Мединская мечеть почти полностью перестроена. От дворца ал-Валида на западном берегу Тивериадского озера сохранились лишь остатки стен, позволяющие представить планировку, да прекрасные мозаичные полы, раскопанные немецкой экспедицией в 1937 г.[37]. Есть еще, правда, баня, оставшаяся от усадебного комплекса в Заиорданье, Кусайр Амра, о которой мы еще поговорим подробнее несколько позже.

Пожалуй, не столько монументальное строительство раскрывает характер ал-Валида (кто из правителей после него не старался возвеличить себя постройками?), сколько его внимание к нуждам несчастных: по его приказу Умар б. Абдал‘азиз организовал в Медине лепрозорий, в котором прокаженные получали пропитание и денежное содержание, а самому ал-Валиду приписывают обеспечение паралитиков обслугой, а слепых — поводырями[38]. Вряд ли эти меры распространялись за пределы столицы и касались они, конечно, только мусульман, но сама мысль о принятии таких мер говорит о многом. Не приходится сомневаться, что и госпиталь с бесплатным обеспечением лекарствами, созданный ал-Хаджжаджем, возник по инициативе ал-Валида.

Все имеет оборотную сторону. Интенсивное строительство требовало не только больших средств, что заставляло поджимать налоговый пресс, но и большого количества рабочих и мастеров. Для неквалифицированных работ использовались, конечно, рабы из пленных, тысячами захватываемых в непрерывных войнах, но для квалифицирован-

ных работ требовались специалисты, а не случайные люди. Мастеров мобилизовывали в провинциях, прежде всего в Египте, мастера оттуда работали в Медине и Дамаске. Подлинные документы, чудом дошедшие до нас, свидетельствуют, что расходы на их содержание ложились на бюджет соответствующих областей, но рассчитывались в счет уплаты налогов[39].

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ КУТАЙБЫ

С появлением Кутайбы б. Муслима в Хорасане началось систематическое и целенаправленное завоевание Мавераннахра (рис. 3).

Смотр войска перед походом показал, что в хорасанской армии всего 350 кольчуг[40], т.е. подавляющая часть была плохо защищена в бою, из последующих событий выясняется, что и наступательным оружием хорасанцы были недостаточно обеспечены. Кутайба выступил с речью, в которой напомнил, что павшие в бою не умирают, а продолжают жить в лучшем мире вечной жизью, а в жизни ближней, предупредил он, предстоят немалые тяготы.

Первый поход Кутайбы был направлен на княжества Ахарун и Шуман (в районе современных Гиссара и Душанбе в Таджикистане). Эта цель была намечена еще ал-Муфаддалом, а не явилась импровизацией Кутайбы, потому что по дороге, около Таликана, в 10–12 днях пути от Мерва, его встретили дихканы Балха, которым пришлось проделать такой же путь, как Кутайбе, следовательно, они были оповещены заранее о направлении похода. Отсюда они сопровождали Кутайбу до Балха, где ему пришлось подавлять восстание части местного населения, вероятно возглавленного жрецом Наубехара Бармаком, жена которого была взята в плен мусульманами и досталась брату Кутайбы Абдаллаху. После заключения мирного соглашения пленные были возвращены, возвратилась и жена Бармака, но уже беременная.

За Амударьей Кутайбу встретил царь Саганйана (Чаганйана, области в долине Сурхандарьи) Биш (Тиш, Банас) Кривой и владетель Куфтана, области в верховьях Амударьи, с дарами и символическими ключами от своих столиц в знак покорности. Биш просил Кутайбу защитить его владения от нападения владетеля Ахаруна и Шумана Гуштаспа. Кутайба прошел вверх по Сурхандарье и осадил столицу Гуштаспа. После недолгого сопротивления Гуштасп пошел на переговоры, заключил договор и выплатил контрибуцию. Тем временем Салих б. Муслим вторгся в Басару, область между Хутталем и Ванджирдом, где неизвестный до того Наср б. Саййар в награду за храбрость получил селение Тенджана[41].

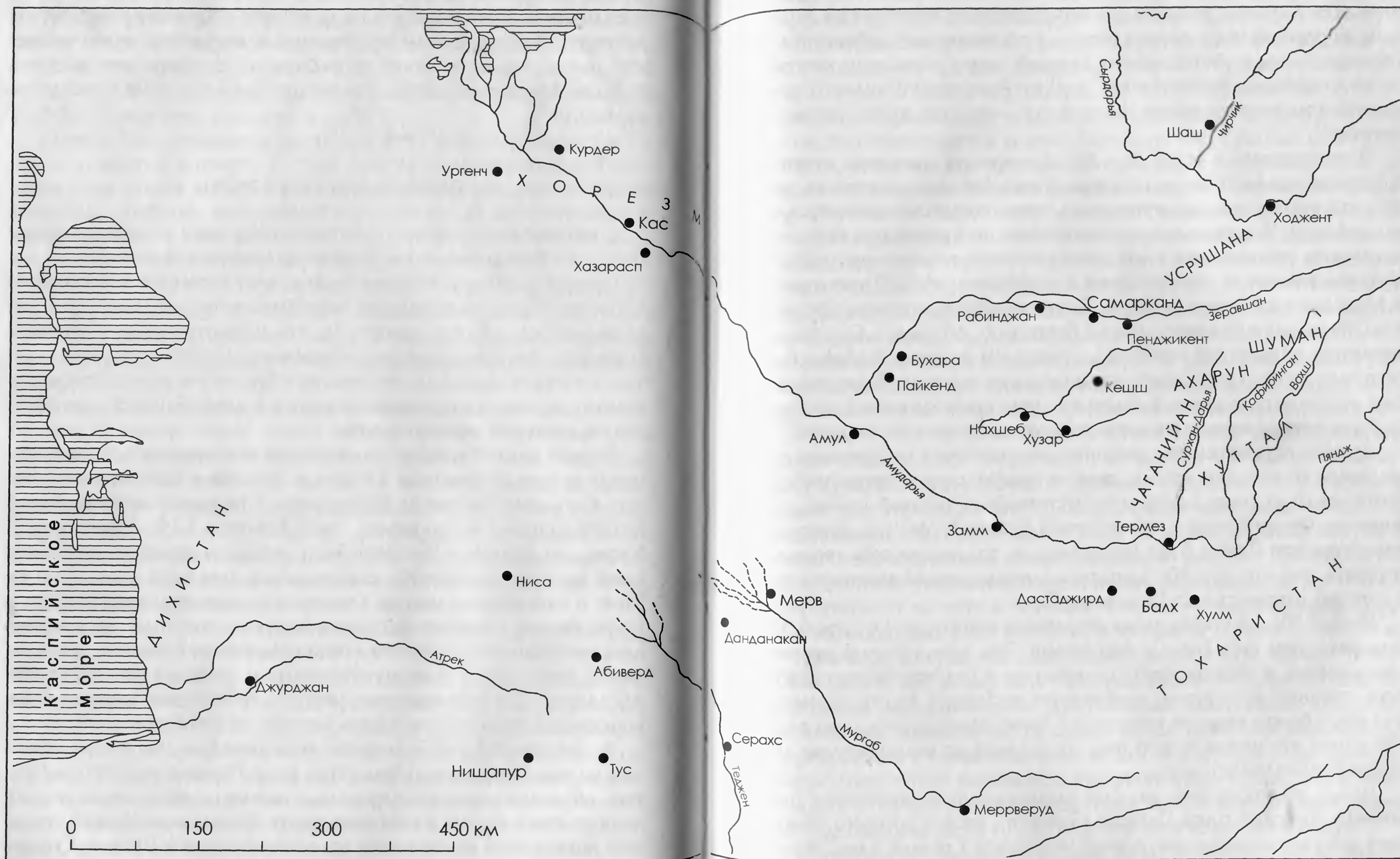

Рис. 3. Хорасан и Мавераннахр

Кутайба назначил Салиха наместником Термеза и с частью войска доплыл по Амударье до Амула, видимо желая лично ознакомиться с кратчайшей дорогой через Амул к Мерву, а основная часть войска пошла обычным путем в обход пустыни. За такой маневр он получил выговор от ал-Хаджжаджа, напомнившего, что при наступлении командующий должен идти впереди войска, а при отходе — позади, чтобы войско не погибло[42].

Возвратившись в Мерв, Кутайба принялся за наведение порядка в ближних краях. Владетель Бадгиса Тирек-Тархан, несмотря на удары, полученные в предыдущие годы, вновь попытался избавиться от зависимости. Что произошло — неизвестно, но в результате какого-то успешного столкновения в его руках оказались пленные-мусульмане. Кутайба добился их освобождения и потребовал, чтобы Тирек явился в Мерв для заключения договора. Тирек колебался, опасаясь вероломства, но посланный к нему мавла Абдаллаха б. Абу Бакры Сулайм, по прозвищу «Искренний советчик», убедил его поехать. В Мерве был заключен договор вассальной зависимости, по которому Тирек должен был участвовать со своим войском в составе арабской армии, а Кутайба гарантировал невмешательство во внутренние дела его владений[43].

Кутайбе оставалось еще укрепить свои позиции в собственном доме, среди хорасанских арабов, даже не столько сторонников мухаллабитов, сколько среди самой могущественной племенной группы, тамимитов. Он приблизил к себе их вождя Усмана б. Мас‘уда, преследовавшегося при Йазиде б. ал-Мухаллабе, но тот держал себя гордо до дерзости, так что Кутайбе пришлось в конце концов арестовать его и в оковах отправить к ал-Хаджжаджу[44].

Весной 706 г. Кутайба вновь отправился в поход за Амударью. На этот раз с ним шел Тирек с бадгисцами. Это и увеличивало численность войска, и гарантировало спокойствие в Бадгисе. Войско двигалось странным маршрутом; пройдя через пустыню к Амулу, он повернул вдоль берега вверх по течению и в Замме переправился через реку. Объяснить это можно только тем, что в Амуле не нашлось судов для наведения наплавного моста.

Целью похода на этот раз был значительный по масштабам того времени торговый город Пайкенд (Байкенд), жители которого, благодаря его расположению на главной магистрали Средней Азии[45] и при отсутствии земледельческой округи, достаточной для жизни города, специализировались на дальней торговле, доходя до Китая (или, по крайней мере, до Кашгара). Город славился богатством и получил прозвище «город купцов». Тут можно было надеяться на хорошую добычу, тем более что он, судя по ряду признаков, был самоуправляющейся городской общиной, независимой от правителей Бухарского оазиса,

и, следовательно, должен был рассчитывать, прежде всего, на свои силы, на тысячу с небольшим вооруженных мужчин.

Пайкендцы своевременно узнали о движении арабского войска и успели призвать на помощь согдийцев и тюрок[46]. Когда Кутайба подошел к городу и осадил его, согдийцы и тюрки отрезали ему пути сообщения с Хорасаном. В течение двух месяцев он не имел сведений о том, что происходит в центре. Используя это, бухарцы подкупили Танзара, осведомителя, работавшего на него, и тот доложил, что ал-Хаджжадж смещен и назначен новый наместник[47], посоветовав поскорее воротиться в Мерв. Кутайба казнил Танзара, чтобы эта весть не деморализовала армию, и подготовился к решительному сражению.

Оно началось с утра и только во второй половине дня пайкендцы, понеся большие потери, отошли в город. Кутайба начал готовить подкоп. Пайкендцы, видимо, оставшись без союзников, пошли на переговоры, сдали город. Кутайба оставил в нем небольшой гарнизон под командованием одного из своих сыновей[48] и ушел. Едва Кутайба удалился на один или два перехода, как пайкендцы, возмущенные поведением начальника гарнизона, перебили весь гарнизон и отрезали убитым носы и уши. Узнав об этом, Кутайба вернулся, чтобы отомстить. Вторая осада длилась месяц, никто не пришел на помощь осажденным. Кутайба согнал рабочих из местного населения (?), они подвели подкоп под городскую стену, стали ставить крепления, чтобы они поддерживали стену до момента, когда их подожгут, чтобы обрушить стену. Стена обрушилась раньше, задавив 40 рабочих. Пайкендцы поняли, что им не удержаться, хотели начать переговоры, но Кутайба теперь добивался не дани и смирения, а мести — город был взят штурмом, все защитники были убиты, начался грабеж города.

Добыча была огромной: деньги, драгоценная утварь, оружие. Общая сумма добычи или размер доли участника в источниках не указывается, зато охотно рассказывается о двух огромных жемчужинах, найденных в храме огня, принесенных, по словам жреца, двумя птицами. Золотые сосуды, идолов и украшения храма из золота и серебра переплавили на скорую руку, потом выяснилось, что много ушло в шлак, стали переплавлять его вторично. Набралось будто бы 150 или 50 тысяч мискалей[49], т.е. почти четверть тонны, если исходить из меньшей цифры*.

В отличие от предшественников, Кутайба отослал, как и полагалось, пятую часть добычи ал-Хаджжаджу. Доставшаяся воинам добыча позволила хорасанской армии пополнить вооружение и обзавестись конями. Спрос повысил цены на оружие: цена копья дошла до 70 дирхемов, а меча и кольчуги — до 700 дирхемов[50].

---

* Это может быть либо мискаль-динар — 4,54 г, либо весовой мискаль — 4,68 г.

Увезли победители с собой и некоторое число пленных, которых потом выкупали мужья и родственники, находившиеся во время осады в отъезде по торговым делам. Благодаря им город восстановился.

Следующей весной Кутайба вновь появился в Бухарском оазисе, на этот раз под Бумиджекетом в западной части оазиса. Печальный пример Пайкенда побудил жителей этого городка заключить соглашение, не доводя дела до осады и штурма. Следующим пришла очередь Рамитана, одного из крупнейших городов оазиса[51]. Все это произошло так быстро, что выступившие против арабов согдийцы и тюрки, которых возглавлял племянник хакана Кюль Бага Чор[52], настигли лишь арьергард под командованием брата Кутайбы, Абдаррахмана. Кутайба с основными силами ушел сравнительно недалеко и успел вернуться на помощь до того, как арьергард был раздавлен превосходящим по численности противником. В этом сражении отличился Тирек-Тархан, участвовавший в походе Кутайбы[53].

В 708 г. Кутайба продолжил завоевание Бухарского оазиса. Идя к Замму через Мерверруд и Фарйаб, он присоединял к своему войску отряды местных владетелей, среди которых был и Тирек. На этот раз за Амударьей его поджидали объединенные согдийско-тюркские войска, пришли даже отряды из Ферганы. Активное участие согдийцев в защите бухарского оазиса можно объяснить опасением за судьбу транзитной торговли, проходившей через него. Кутайба одержал верх в столкновении и двинулся на северо-западную окраину оазиса, к Вардане. Правитель Варданы, *вардан-худат*, соперничавший по могуществу с *бухар-худатом*, встретил его с большими силами на магистральном канале Харканруд (см. рис. 4). Двухдневное сражение закончилось вничью: одно сообщение арабских авторов говорит о победе, другое — об отступлении Кутайбы, вызвавшем недовольство ал-Хаджжаджа[54].

В следующем, 709 г. Кутайба подошел к столице оазиса, Бухаре, и осадил ее. Бухара в ту пору представляла собой чуть вытянутый с севера на юг прямоугольник, площадью около 36 га, защищенный массивной глинобитной стеной; западнее города, на расстоянии сотни метров располагалась цитадель (3,96 га) с дворцом бухар-худата. Цитадель соединялась с городом виадуком. Возможно, в ту пору пространство между городом и цитаделью было также защищено стенами. От того времени до наших дней кроме общих контуров, обозначенных рельефом, дошла главная схема планировки в старом центре — две крестообразно пересекающиеся магистрали[55]. Можно думать, что в самом городе, *шахристане*, тогда имелись колодцы, позволявшие выдерживать длительную осаду. Понятно, что если вдвое меньший Пайкенд арабы не могли взять без длительной осады, то Бухара была для них более твердым орешком.

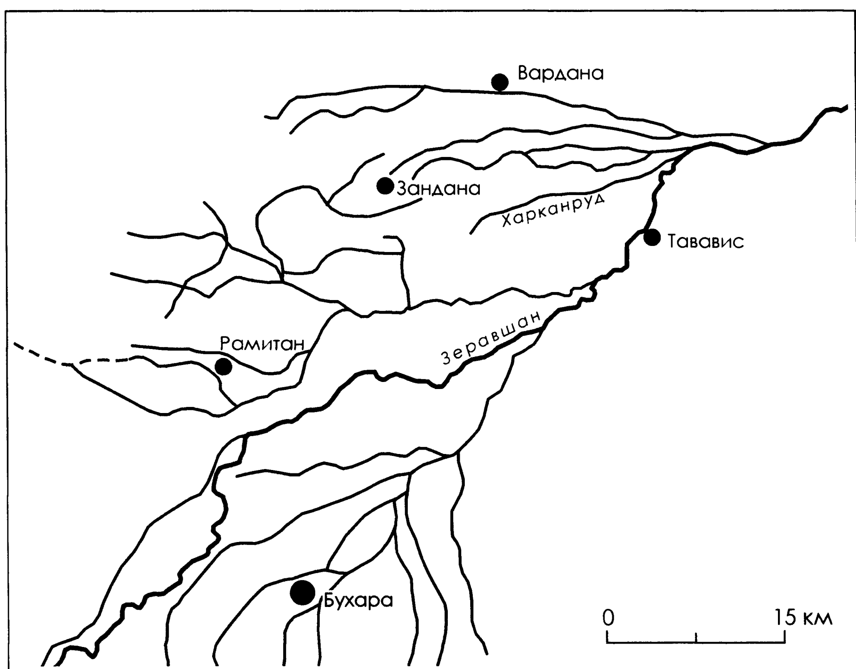

Рис. 4. Бухарский оазис

Пока Кутайба стоял под Бухарой, на помощь ей пришли тюрки и согдийцы, призванные вардан-худатом. Кутайбе пришлось повернуться в сторону более сильного противника. По-видимому, тюрки шли со стороны Варданы. Кутайба должен был выдвинуться на север от Бухары, где русло Зеравшана («Река Бухары») хорошо прикрывало бы его лагерь от внезапного нападения. Два эпизода, сообщаемые о боях с тюрками в этот момент, хорошо рисуют межплеменные расхождения. Чтобы продемонстрировать свое воинское превосходство перед другими, аздиты во время одной из атак тюрок упросили Кутайбу разрешить им напасть и разгромить тюрков. После упорного боя тюрки обратили арабскую конницу в бегство и ворвались в лагерь Кутайбы. Их удалось отбросить, но случившееся отбило охоту снова атаковать тюрков, которые заняли удобную позицию на возвышенности за рекой. На призыв Кутайбы напасть на них никто не откликнулся. Тогда Кутайба решил сыграть на племенной гордости тамимитов и обратился к ним, сказав, что они несокрушимы, как броня, и сегодня могут прибавить новую славу к своим прежним победам.

Это разбудило честолюбие Ваки‘ б. Абу Суда, и он приказал своей коннице идти вперед, но ее командир отказался переправляться через реку, в которой можно погубить конницу при отступлении, и обозвал Ваки‘ дураком, тот нехорошо отозвался о матери командующего кавалерией и запустил в него дубинкой. Конница переправилась, Ваки‘ соорудил мост и призвал пеших тамимитов последовать за ним. Далеко не все пожелали принять почетную смерть в бою, лишь 800 человек из нескольких тысяч. И даже когда смелая атака тамимитов сбила тюрков с их позиции и Кутайба призвал оставшихся вмешаться в бой, никто больше не переправился через реку. Кутайба пообещал каждому, кто принесет голову убитого врага, сотню дирхемов. Это подогрело боевое рвение, тюрки понесли большие потери, были ранены хакан и его сын. Тюрки ушли, а ихшид Тархун предпочел вступить в переговоры и купил мир согласием платить дань. Оставшись наедине с арабской армией, бухарцы тоже вступили в переговоры и сдали город, обязавшись ежегодно выплачивать 200 или 220 тысяч дирхемов[56]. Но, как известно по другим данным, эта сумма выплачивалась со всего оазиса. Неясным остается, вступил ли Кутайба в город и оставил ли в этот раз наместника. По словам Наршахи, это произошло только во время четвертого похода на Бухару[57], неясно только, каким образом их считать, был ли поход 709 г. третьим или четвертым.

Победа под Бухарой неожиданным образом создала Кутайбе новое осложнение: Тирек, обеспокоенный его успехами, побоялся, что теперь очередь дойдет до него, и решил порвать с Кутайбой. На обратном пути из Бухары он попросил разрешения отделиться от остального войска, якобы чтобы быстрее возвратиться к себе, а сам ускоренным маршем пошел к Балху. Опасаясь, что Кутайба раскается в своем решении и пошлет гонца к наместнику Балха с приказом задержать его, он ушел через Хульмский проход на восток. Наместник не успел перехватить его, и с приближением зимы Тирек мог чувствовать себя в безопасности. Он надеялся на то, что за это время удастся поднять против арабов других владетелей Хорасана. Расчет его частично оправдался — Кутайба оставил его на зиму в покое[58].

Тем временем Тирек овладел районом Самангана–Баглана и обезопасил себя от нападения Кутайбы, поставив свой гарнизон в крепости, закрывавшей проход через Хульмское ущелье. Права, на которых он расположился в этом районе, неясны: по одному из сообщений ат-Табари, он арестовал правителя Тохаристана, *шада*, и расположился в его владениях, но другое сообщение, согласно которому Тирек после ареста целовал руки *шада* и *джабгу* (*йабгу*), правителя Тохаристана, как вышестоящим, противоречит этому. Не исключено, что *джабгу* или *шад* предоставили ему эту территорию как беглому государю. Конечно, при этом ущемлялись чьи-то владельческие права.

Вероятно, отсюда он разослал письма с призывом восстать против арабов владетелям Мерверруда, Таликана, Фарйаба и Джузджана, и они откликнулись на его призыв. Для арабской власти в Хорасане назревала серьезная угроза.

Весной Кутайба повел свое войско через Мерверруд. Какие карательные меры начал он применять не сообщается, но *марзбан* Мерверруда Базам поспешно бежал, скорее всего тоже в Тохаристан. Кутайба захватил и казнил (распял) двух его сыновей. Владетели Фарйаба и Таликана встретили его с повинной и были прощены, владетель Джузджана не смирился и укрылся в горах. Кутайба прошел Балх, задержавшись в нем лишь на один день, торопясь быстрее пройти Хульмское ущелье. Но оно оказалось надежно прикрытым. Тирек отошел дальше на восток, к Баглану. Кутайба несколько дней пытался прорваться, но крепость надежно закрывала проход. Удача пришла нежданно — к Кутайбе явился хан, правитель Самангана и Руб‘а, которого Тирек явно ущемил в его правах, и сообщил Кутайбе дорогу в обход крепости в обмен на гарантию неприкосновенности, которую получил в письменном виде. Небольшой отряд ночью внезапно напал на крепость с неожиданной стороны, ворвался в нее и перебил находящихся в ней воинов. Отряд, стоявший в ущелье, после этого разбежался, и Кутайба беспрепятственно провел свое войско через теснину. Узнав об этом, Тирек отправил свой обоз с лишним имуществом и ценностями на сохранение к кабул-шаху, а сам ушел дальше на северо-восток за реку Фаргар (Фархар) и укрепился в неприступной горной крепости Курз. Авангард с Абдаррахманом б. Муслимом перекрыл ущелье, ведшее к крепости, а Кутайба с основным войском встал в Искимиште в двух фарсахах от Абдаррахмана. Оба топонима сохранились до сих пор, но расстояние между Фархаром и Искимиштом около 50 км по прямой. Объяснить это расхождение можно тем, что Искимиштом в то время назывался либо иной пункт в том же районе, либо район в целом.

Осада затянулась на два месяца, лето перевалило за середину, дожидаться зимы и даже осени на высоте около 2000 м было рискованно, а уходить, оставив мятежника победителем, — позорно. Оставался один способ — выманить его из крепости обманом, тем более что осажденные стали испытывать нехватку продовольствия и тоже тяготились затянувшейся осадой.

Кутайба прибег к помощи своего советника и посла, по-видимому неараба, Сулайма, прозванного Советчиком, который получил приказ отправиться к Тиреку и не возвращаться без него. Сулайм явился к Тиреку и стал убеждать его сдаться. Тот отвечал, что знает Кутайбу и не сомневается, что он его убьет, и прямо спросил, обещал ли Кутайба сохранение жизни. Сулайм ответил, что сам факт посольства свидетельст-

вует о мирных намерениях амира, и добавил, что его собственные изголодавшиеся воины могут его, в конце концов, сдать Кутайбе. Между тем слуги Сулайма стали раздавать осажденным вкусную пищу, которой те давно не пробовали, и стали уговаривать Тирека сдаться. С тяжелой душой он поддался на уговоры с двух сторон, покорившись судьбе. Из крепости он выехал в сопровождении двух племянников *йабгу*, второго после него по иерархии Сул (Чур) Тархана и командира охраны *йабгу* Ханас (?) Тархана. Присутствие йабгу и двух высокопоставленных лиц из его окружения вызывает несколько недоуменных вопросов. Был ли *йабгу* пленником Тирека, которого он возил за собой, как полагает один исследователь, идентичен ли *йабгу* шаду, арест которого Тиреком упоминается в другом случае, или, судя по сопровождению его высшими лицами окружения, оказался союзником Тирека, готовым разделить его судьбу? В дальнейшем речь идет о переговорах только с Тиреком, а *йабгу* не упоминается ни в качестве заступника за Тирека, ни в числе обвиняемых.

Кутайба почему-то не взял на себя решение судьбы Тирека, послал гонца к ал-Хаджжаджу. Ответ пришел через 40 дней, в нем, видимо, решение передавалось на усмотрение Кутайбы. Кутайба три дня не мог принять решения, затем собрал совет, на котором тоже не было единого мнения, наконец Кутайба приказал казнить Тирека и его племянников, а также 700 его воинов.

Причину такой нерешительности решительного в других случаях Кутайбы можно объяснить только одним — он дал в какой-то форме гарантию неприкосновенности (*аман*), без которой Сулайм не выманил бы Тирека из крепости. Это подтверждает сообщение ат-Табари: «Бахилиты же говорят, что он не обещал ему амана…». Соплеменникам не пришлось оправдывать своего героя таким образом, если бы другие не утверждали противоположного. В то суровое время, когда головы легко отделяли от туловища, существовало тем не менее убеждение в нерушимости данного обещания: нарушение слова было бы недостойным поступком.

Судьба *йабгу* неизвестна. Судя по эпизоду, когда Кутайба демонстрировал свой авторитет у местных владетелей, *йабгу* и Тирек были приведены, а Сабал и Шад — приглашены, а «затем уехали в свои страны»[59].

На обратном пути Кутайба столкнулся около Таликана со сборной разноплеменной группой тюрков, разбил и рассеял их, а тела убитых для устрашения распял[60]. Следующей жертвой стал правитель Мерверруда, Базам. Неизвестно, оказал ли он вооруженное сопротивление, сообщается только, что Кутайба казнил его вместе со старшим сыном, племянником брата и матерью. После этого все мятежные правители горных областей Хорасана поспешили к Кутайбе с повинной и были

прощены. Однако взаимное недоверие и настороженность были так велики, что любое недоразумение могло привести к трагическим последствиям. Так, правитель Джузджана согласился на мирные переговоры с наместником только после того, как тот прислал заложника. Правитель прибыл в Мерв, заключил договор. Стороны обменялись заложниками. На обратном пути правитель умер. Родственники сразу же заподозрили, что его отравил Кутайба, и убили его заложника. Кутайба ответил тем же[61].

Пока шла борьба сначала с Тиреком, а затем с хорасанскими мятежниками, царь Ахаруна и Шумана вновь прекратил выплату дани, и весной 710 г. Кутайба вновь направляется в эту область. Царь отказался вступать в переговоры и убил посланца. Кутайба послал к нему своего брата Салиха, находившегося в дружественных отношениях с царем, обещая помилование в случае сдачи. Но и тут он остался непреклонным, надеясь на неприступность своей крепости. Кутайба осадил ее, поставил камнеметные машины и разрушил часть стены. Тогда царь вышел из крепости и дал бой осаждавшим, в котором и погиб.

Собрав добычу, Кутайба не пошел сразу в Мерв, а направился к Кешшу через Железные ворота (Байсунский перевал). Отсюда он отправил Абдаррахмана б. Муслима к ихшиду Согда Тархуну за получением дани, обусловленной договором, заключенным под Бухарой в 70 г.

Все источники упоминают «завоевание» Кешша и Несефа, но не говорят об осаде или, что еще показательнее, о добыче. Видимо, все ограничилось договором и получением небольшой дани. Абдаррахман дождался получения дани от Тархуна, вернул заложников и присоединился к Кутайбе, который уже стоял под Бухарой, видимо около селения Тававис («Павлины»), где находился храм какой-то богини с павлинами в качестве священных птиц.

На сей раз Кутайба принял решительные меры для закрепления арабской власти в этом важном центре. Во-первых, утвердил царем Бухары, *бухар-худатом*, малолетнего царевича Тохшаду, за которого до этого правила его мать, *хатун*. А чтобы власть его не оспаривали никакие соперники, оставил в городе гарнизон. Эти сообщения не оставляют сомнения в достоверности, но заставляют думать, что более ранние упоминания правительницы Бухары (т. III, с. 213) — не что иное, как шаблонный элемент полулегендарных рассказов о ранних походах на Бухару.

С 710 г. Бухара, управляемая марионеточным малолетним *бухар-худатом* под присмотром начальника арабского гарнизона, стала главным плацдармом для завоевания Согда.

Наступление Халифата в первое пятилетие правления ал-Валида развернулось на всех направлениях.

ВЫДВИЖЕНИЕ МАСЛАМЫ б. АБДАЛМАЛИКА

После жестокого подавления восстания армянских нахараров Мухаммадом б. Марваном и высылки албанского царя Шерое с группой армянской и албанской знати в Дамаск, Закавказье не доставляло беспокойства Халифату. Вместе с тем здесь, в отличие от Хорасана, арабы не предпринимали наступательных действий — Главный Кавказский хребет надежно разделял мусульманский и немусульманский мир. Единственная военная акция, известная нам, была направлена в другую сторону: в 707 г. Мухаммад б. Марван предпринял поход на Гилян, поручив его, по-видимому, своему сыну Марвану б. Мухаммаду. Поход был неудачным, и поэтому лишь один арабский источник упоминает его[62].

Встречающиеся в некоторых исследованиях упоминания похода Масламы б. Абдалмалика на Дербент в 707 или 708 г.[63] основаны на хронологическом смещении одного сообщения ат-Табари[64].

Иначе обстояло дело на границе с Византией, где наступательная инициатива перешла к арабской стороне. Сообщения о военных действиях с арабской стороны очень кратки и не дают возможности проследить их направленность и масштаб. Повторяющееся под разными годами упоминание завоевания одних и тех же крепостей позволяет думать, что арабы, захватив их, не всегда укреплялись в них, уходили на зимние квартиры с добычей и пленными, а на следующее лето совершали нападение на те же укрепленные пункты. Складывается впечатление, что именно добыча, а не территория была главной целью этой непрекращающейся войны.

С приходом к власти ал-Валида в войне с византийцами выдвигается его брат Маслама. Человек, несомненно, одаренный, он не мог рассчитывать на престол, поскольку его мать была невольницей, а в арабском обществе строго блюлась чистота крови аристократических родов. Впервые мы встречаемся с ним как с командующим походом в Малую Азию в 86/705 г., еще при жизни Абдалмалика. В результате этого похода была захвачена крепость Лулу у выхода из главного горного прохода Дарб ас-Салам к Тиане и Гераклее (араб. Тувана и Харкала). В следующем году Маслама завладел крепостью Кайкам (Кикам?) у Бухайрат ал-фурсан («Озеро витязей») или города Клавдиополя (?)[65]. По одним сведениям, он встретил у Сусаны в области Масисы византийское войско и разгромил его; по другой версии, Маслама с отрядом из 1000 воинов столкнулся под Туваной с большим отрядом «арабизированных» во главе с Ма'муном ал-Джурджумани, перешедшим на сторону византийцев, и разгромил его[66]. Эти две версии, возможно, не

противоречат друг другу, а описывают различные этапы боевых действий одного года. В кампании этого года отдельной группой, но под началом Масламы принимал участие его брат Хишам.

В следующие два года главным событием была борьба за Тувану, ее упоминают и арабские и христианские источники, расходясь в датировках на год. В 88/707 г. Маслама вновь пробился к Туване, разгромив значительные силы византийцев, потерявших будто бы 40 или 50 тыс. убитыми[67]. Арабы, по-видимому, тоже понесли серьезные потери, так как сообщается о распоряжении ал-Валида прислать из Медины 2000 воинов в подкрепление Масламе. Но мединцы были уже не те, что при Абу Бакре или Умаре, — борьбе за веру с оружием в руках они предпочитали сбор рассказов о тех временах и приобретение мирских благ от торговли или землевладения — набралось только 1500 человек[68]. Маслама осадил Тувану, взять ее к зиме не смог и, оставив часть войска под Туваной, вместе с Хишамом перезимовал в Антиохии. Император весной 708 г. послал преторов Феодора и Феофилакта с большим войском на выручку Туване. Маслама, подошедший с основными силами к городу, встретил их и разгромил к отчаянию осажденных. Думается, именно это сражение имеется в виду, когда говорится о 50 тыс. убитых византийцев. Феофан, рассказывая об осаде Тианы (т.е. Туваны) и разгроме преторов, определяет их потери в 1000 человек[69], чему можно поверить — ни с арабской, ни с византийской стороны не действовали группировки, сколько-нибудь превышавшие 10 000, о чем уже говорилось ранее.

Вскоре после разгрома деблокирующей армии[70] город, выдержавший девятимесячную осаду, был взят, и все население угнано в неволю. Падение Туваны открывало арабам путь в центр Малой Азии. В 709 г. Маслама с находившимся под его командованием ал-Аббасом б. Марваном захватил другой важный укрепленный город в том же районе — Гераклею, а также Сурийу и Никомедию (Камудийа)[71]. Сообщение о взятии Аббасом Дорилеи (Азрулийа) не заслуживает доверия, поскольку в сообщениях о кампании 90/709 г. сообщается одно и то же о захвате крепостей в районе Сурийи, создается даже впечатление, что одни и те же сведения разнесены по двум годам — 89 и 90 гг. х.[72].

На море в 90/709 г. арабы предприняли какую-то неудачную операцию, в ходе которой командующий флотом Халид б. Кайсан попал в плен к византийцам. Важного пленника доставили к императору, тот обошелся с ним милостиво и освободил его[73]. Этот широкий жест мог быть сигналом желания начать мирные переговоры, но он не был принят или не был понят, и военные действия в Малой Азии не прекратились.

Кампанию 710 г., начатую совместно с ал-Аббасом, Масламе не пришлось довести до конца. Видимо, Юстиниан, не надеясь более скло-

нить арабов к примирению, обратился за помощью к своему союзнику и тестю, хазарскому хакану, и в этом году в Арран хлынули полчища хазар. Каланкатуаци, который сообщает об этом, говорит о 80 000[74]. Связь между последними неудачами византийцев и хазарским вторжением современники хорошо понимали, о чем свидетельствует сообщение Ибн ал-Асира о распоряжении ал-Валида правителю (*сахибу*) Арминии сообщить императору о готовящемся нападении на его страну хазар и «царей гор»[75]. Дата может быть и неверна, но суть от этого не меняется. Удар с тыла достиг цели: Маслама был переброшен из Малой Азии в Закавказье, на его месте остался Абдал‘азиз б. ал-Валид, и военные действия на этом фронте утратили прежнюю активность, во всяком случае, ни о каких успехах не сообщается. Это, помимо меньшей опытности Абдал‘азиза, можно отнести и на счет того, что Маслама взял с собой часть лучших воинов.

Одновременно Маслама сменил Мухаммада б. Марвана на посту наместника северных провинций, что развязывало ему руки в борьбе против хазар. Сведения об этом назначении неоднозначны и очень скупы. Халифа сообщает буквально следующее: «В этом (91) году ал-Валид ибн Абдалмалик сместил Мухаммада ибн Марвана с [управления] ал-Джазирой, Арминией и Азарбайджаном и назначил на них Масламу и Абдалмалика; и совершил Маслама в 91 г. поход на тюрков, и достиг ал-Баба со стороны Азарбайджана, и завоевал города и крепости, и починились ему те, что за ал-Бабом», это же слово в слово сообщает ат-Табари[76].

Упоминание движения на Дербент из Азарбайджана[77] не случайно. В 707–708 гг. в этом районе у арабов возникли какие-то осложнения: Халифа сообщает о походе Мухаммада б. Марвана в Арминийу, когда ему пришлось остаться на зиму, а Каланкатуаци упоминает в то же время неудачную попытку Мухаммада вторгнуться в Гилян[78]. Видимо, и Масламе пришлось иметь дело с подчинением прикаспийской части Азарбайджана, а затем двинуться на хазар, которым природные условия позволяли глубже всего вторгнуться именно в этом направлении.

Отсутствие упоминаний о громких победах и множестве поверженных врагов позволяет предполагать, что хазары, удовлетворившись захваченной в Арране добычей, без особого сопротивления ушли к зиме на родные пастбища, а Маслама в основном занимался завоеванием укрепленных резиденций мелких местных владетелей.

Для восполнения этой обрывочной картины соблазнительно воспользоваться достаточно обширным повествованием о взятии Дербента у ал-Куфи[79], но он ненадежен не столько из-за эпических преувеличений — на них можно сделать скидку, — сколько из-за хронологической неточности, начиная хотя бы с того, что Масламу на Дербент

у него посылает Мухаммад б. Марван сразу после сожжения нахараров; некоторые детали говорят, что речь может идти о более поздней осаде. Точно в таком легендарном времени действует у него Маслама и в повествовании о его подвигах в борьбе против византийцев, возглавляемых императорм Никифором (802–811), с которым в реальной жизни успешно воевал ар-Рашид. Этот анахронизм помогает определить время сложения сирийского «Романа о Масламе» — не ранее середины IX в.

Результатом похода Масламы стало укрепление власти Халифата к северу от Куры, позволившее наместнику Арминийи Абдал‘азизу б. Хатиму перенести свою резеденцию в Партав (Барда‘а). Неизвестно, как долго оставался Маслама наместником беспокойного края — о его смещении сведений нет, и во всех последующих событиях он выступает как лучший арабский полководец своего времени, а не как администратор. Невольно возникает ощущение, что он был из числа тех полководцев, которые неоценимы для высшей власти на поле боя, но опасны и нежеланны по соседству с государственным кормилом.

ПРОДВИЖЕНИЕ В МАГРИБЕ

На западе арабской армии противостояло не мощное единое государство, как Малая Азия, а отдельные, хотя и многочисленные племенные ополчения берберов, сокрушаемые поодиночке, или отдельные укрепленные города. Муса б. Нусайр уже не нуждался в помощи из Египта и чувствовал себя совершенно независимым наместником. Пока был жив Абдал‘азиз, Муса, обязанный ему назначением и многим другим, сохранял лояльность, но с его смертью положение изменилось — новому наместнику Египта он не был ничем обязан и мог его игнорировать: он прекратил отчитываться перед ним, сносясь непосредственно с Абдалмаликом. Оскорбленный Абдаллах направил Мусе послание с упреками в неблагодарности за благодеяния, оказанные Биширом и Абдал‘азизом, и с угрозой сместить его. Муса прекрасно сознавал свою недосягаемость и независимость от помощи Египта деньгами или людьми и ответил, что не Абдаллах оказывал эти благодеяния и не ему решать его судьбу, а повелителю верующих. Абдаллах пожаловался отцу, переслав текст переписки, но Абдалмалик не успел познакомиться с жалобой, а ал-Валид, прочитав ее, только посмеялся и оставил все, как есть[80]. Да и зачем ему было смещать победоносного наместника, принесшего присягу и присылающего богатый *хумс* и дары.

В самом начале 706 г. Муса послал Зур‘у б. Абу Мудрика против берберов племени масмуда, обитавших на западных отрогах Атласа.

Масмуда вступили в переговоры, и их вожди прибыли в Кайраван для заключения договора, подкрепленного оставлением заложников[81].

Заложники различных племен, содержавшиеся в Кайраване, в резиденции наместника на почетных условиях и постоянно общавшиеся с мусульманами, сами становились потом проводниками новой религии у соплеменников. И в силу договоров, и по религиозным убеждениям берберы очень скоро стали значительной силой в мусульманском войске.

В 87/706 г. в Кайраван прибыло из Египта последнее подкрепление во главе с Абдаллахом б. Муррой. По всей видимости, это был не отряд воинов, состоявших на жалованьи, а группа добровольцев, которые наряду с желанием сражаться за веру могли иметь желание покинуть Египет из-за начавшегося голода.

Успех первых морских набегов на Сицилию и ближайшие острова вдохновил Мусу на более дальние рейды. В том же, 706 г. было совершено нападение на Сардинию. Сведения об этом расходятся: Халифа называет командующим Абдаллаха б. Мусу, а по данным магрибинского источника, набег возглавил Аббас б. Ухайл, который вошел в море зимой и напал на город Сиракуса (Сиракузы)[82]. В обоих случаях говорится о захвате богатой добычи. Сомнительно, что два рейда были совершены в один год, но и подозревать, что речь идет об одном и том же набеге, вряд ли возможно.

В 707 г. крупные опрерации не упоминаются. Видимо, после сдачи масмуда и значительного продвижения на запад требовалось время для закрепления на новой территории: поставить гарнизоны, подавить остающиеся мелкие очаги сопротивления.

Крупные операции возобновились в 89/708 г. Укрепив свои позиции в области масмуда, Муса направил своего сына Марвана с пятью тысячами воинов на жалованьи покорить Дальний Сус, область на крайнем юго-западе современного Марокко. «Царь» (*малик*) Суса Муздана (?) вышел навстречу ему с большим войском, но погиб во время сражения, его войско рассеялось, и край стал легкой добычей Марвана, который, кроме всего прочего, увел будто бы 40 000 пленных[83].

В то же время Абдаллах совершил набег на Балеарские острова, а на обратном пути напал на крепость Нивала в Мурсии и захватил ее[84].

В 708–709 гг. мавла Мусы, Тарик б. Зийад, вел завоевание крайнего северного полуострова Магриба с главным городом Танжер[85]. Правитель соседней Сеуты признал вассальную зависимость от мусульман, сохранив свои владения. Правитель Сеуты, по сведениям арабских источников, носил имя Юлиан, то же, что и правитель Танжера, упоминаемый в связи с походом Укбы б. Нафи‘ в 682 г. (т. III, с. 216). Одно и тоже имя, очень близко расположенные столицы позволяют допус-

тить, что перед нами одно и то же лицо, лишь на 28 лет старше. От Юлиана, который должен был хорошо знать ситуацию в вестготском королевстве, Тарик мог получить информацию о междоусобице в богатой стране, отделенной от Африки лишь узким проливом. Только что умер король Витица, передав власть своему сыну Ахиле, губернатору Септиманы (Южная Галлия со столицей в Нарбонне) и Тарраконы (Каталония). Пользуясь его отсутствием на полуострове, губернатор Бетики (с резиденцией в Кордове) Родерик занял столицу, Толедо, и провозгласил себя королем. Ахила послал против него войско, оно потерпело поражение, и Родерик остался хозяином почти всего полуострова, кроме Каталонии, оставшейся под властью Ахилы[86].

Подробные сведения о положении дел в готском королевстве Тарик, а через него и Муса, могли получить от Юлиана, который если и не был вассалом готских королей (как утверждают некоторые источники)[87], то все равно знал о событиях в соседней стране от купцов и моряков. Он полон был желания отомстить Родерику за поруганную им честь своей дочери, посланной по обычаю знати на воспитание при королевском дворе[88]. Единственным орудием мести для него могли быть мусульмане, вассалом которых он стал по заключенному с ними договору.

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ МОРЕ

В «Книге об имамате и правлении» есть легендарный, но очень характерный рассказ о том, как к ал-Валиду одно за другим прибыли послания от Кутайбы б. Муслима и Мусы б. Нусайра о победах[89], еще более символично известное изображение на одной из стен бани Кусайр Амра, построенной в конце правления ал-Валида, фигур четырех побежденных врагов Халифа — византийского императора, Родерика, сасанидского царя и негуса[90]. Не все они были побеждены при ал-Валиде, не все были повержены и позже, но настрой последнего пятилетия правления ал-Валида был именно таков — победа над всеми врагами. И основания для такого самообольщения были — никогда еще после головокружительных побед при Умаре мусульманские войска не одерживали таких побед одновременно на востоке и на западе.

На западе Халифат достиг крайних пределов — берега Окружающего моря, за которым кончается мир. Арабская армия, избалованная легкими победами в Магрибе и богатой добычей, словно наткнулась с разбега на непреодолимое препятствие, сила инерции толкала еще вперед. Оставались острова Средиземного моря, на север от Сеуты — Пиренейский полуостров, южная оконечность которого в хорошую

погоду туманной полоской проступала на краю горизонта, маня новыми победами и добычами.

В июле 710 г. мавла Тарика или самого Мусы, Тариф б. Маллук (по некоторым свидетельствам, бербер), с тремя сотнями пеших и сотней конников переправился через пролив и высадился на самой южной оконечности полуострова, в месте, получившем у арабов название Остров Тарифа (Джазира Тариф), и возникший позже на этом месте город сохранил имя Тарифа (г. Тарифа в Испании). Пройдясь по побережью, грабя и убивая, Тариф возвратился с богатой добычей и с убеждением, что за морем мусульман ожидает успех и несметные богатства[91].

Следующий десант готовился более основательно, и возглавил его сам наместник Танджи Тарик б. Зийад, мавла Мусы и, вероятно, бербер. Сведения о его подготовке полулегендарны, и это вполне понятно — готовился очередной рейд за богатой добычей, не заслуживавшей особого внимания, а когда он перерос в событие огромной важности, рассказчикам о нем пришлось придумывать интересные детали, вроде переписки Мусы с ал-Валидом по поводу разрешения на этот рейд; Тарик то выходит в море с 17 тысячами воинов, то ночью прячется на корабле в Сеуте с помощью Юлиана. Неясна и численность отряда, с которым высадился Тарик[92]. Несомненно только, что в подготовке нападения на Андалусию большую роль сыграл Юлиан, что передовой отряд Тарика был недостаточно велик для завоевания обширной страны (если эта задача ставилась ему сразу).

27 или 28 апреля 711 г.[93] Тарик б. Зийад с отрядом около 1700 человек высадился на длинном мысу, отгороженном от материка горой, получившей у арабов название Горы Тарика (Джабал, или Гебел Тарик), название которой сохранилось до наших дней в форме Гибралтар. Согласно одной из легендарных версий, Тарик сжег суда (чтобы показать войску, что пути назад нет), как и должен был поступить эпический герой, на самом же деле суда были отправлены обратно за новой группой войск. Спустя некоторое время, вероятно после прибытия подкрепления, Тарик покинул место, где гора хорошо защищала от нападения, но сковывала возможности маневра, и продвинулся по побережью на десяток километров к юго-западу в район современного Алхесираса, в местность, названную арабами Зеленый остров (ал-Джазира ал-Хадра) или Остров Умм ал-Хаким (по имени наложницы Тарика)[94]. Здесь Тарик оборудовал укрепленный лагерь и некоторое время принимал новые подкрепления, состоявшие в основном из берберов, принявших ислам. О каких-либо грабительских набегах или завоевании соседних городков или крепостей в этот период не сообщается, говорится только о том, что Родерик, обеспокоенный высадкой Тарика, двинул навстре-

чу ему свое войско, находившееся до этого на севере полуострова, в районе Памплоны, где оно подавляло восстание живших там готов. Встреча произошла западнее Сидоны, примерно в 30 км от лагеря Тарика. Родерик же должен был пройти (с учетом извилистости дорог) около 750 км, и это вызывает сомнение в справедливости сведений арабских авторов, говорящих, что Родерик вышел навстречу арабам, а не наоборот, — о выступлении Тарика из лагеря Родерик узнал бы не ранее, чем через 10–12 дней, и встретиться им пришлось бы гораздо севернее. Надо думать, что Тарик не сидел сложа руки в укрепленном лагере более месяца, а совершал набеги на соседние селения; при этом Юлиан, высадившийся вместе с Тариком, мог вести пропаганду против готов среди местной романской аристократии, и это могло обеспокоить Родерика больше, чем набеги на побережье. В пользу того, что Тарик вышел из лагеря при приближении Родерика, свидетельствует сообщение, что, узнав о приближении Родерика, Тарик, имевший в своем распоряжении 7000 воинов, запросил у Мусы подкрепления, получил еще 5000 и с 12 000 вышел навстречу королю. Войско Родерика, по самой скромной оценке средневековых арабских авторов, насчитывало 40 000 человек[95], но эта цифра (не говоря уж о стотысячной армии) представляется несколько завышенной. Не мудрствуя лукаво, можно думать, что численность мусульманского войска была заметно меньше, чем готского.

Оба войска сошлись у озера западнее Сидоны[96], в дне пути от лагеря Тарика. Первое столкновение произошло в воскресенье 28 рамадана 92/19 июля 711 г. Бои продолжались целую неделю, и параллельно с этим сыновья Витицы, находившиеся в войске короля, вели тяжелые переговоры с Тариком о сохранении за ними отцовских поместий[97].

О ходе сражения, решившего судьбу вестготского королевства и всей Юго-Западной Европы, арабские историки сохранили ничтожно мало информации. Их гораздо больше интересовали соблазнительные истории о сокровищах, доставшихся в добычу после победы. Видимо, исход сражения решил уход с поля боя двух сыновей Витицы с их отрядами. Соотношение сил резко изменилось, и мусульмане сломили готов. Родерик искал спасения в бегстве, но дальнейшая судьба его неизвестна: победители после боя нашли его коня под золотым (вернее, обложенным золотом) седлом и никаких следов его хозяина[98]. Вероятнее всего, он погиб при переправе. Красивая легенда о короле-отшельнике, замаливавшем гнусный поступок с дочерью Юлиана, привлекший внимание А.С. Пушкина, все же не более чем легенда.

Мусульманам достался весь обоз и королевская казна. Четыре пятых богатой добычи были разделены между 9000 участников сражения («кроме рабов и присоединившихся»)[99]. Должно быть, эта цифра

точнее всего определяет численность мусульманской армии за вычетом убитых.

Разгром королевского войска, начавшиеся грабежи и захват невольников в окрестных деревнях повергли сельское население в панику, люди бросились искать убежища в крепости и горах. Тарик брал крепости штурмом, подошел и осадил город Сидону. Несмотря на упорное сопротивление жителей, Сидона была взята штурмом и разграблена. От Сидоны Тарик пошел на север и через Марону вышел к Кармоне, городу на дороге между Кордовой и Севильей. О судьбе этих городков ничего неизвестно, а жители Севильи поспешили сдаться на условии уплаты джизьи. На принятие такого решения повлияли еврейские купцы, имевшие тесные контакты со своими контрагентами-единоверцами, от которых могли узнать, что новая власть не повредит их коммерческой деятельности, и там, где еврейские общины были многочисленны, их мнение могло повлиять на решение властей договориться с завоевателями о сдаче города на приемлемых условиях.

На очереди была Кордова, но путь к ней у Эсихи преградили собравшиеся и оправившиеся после поражения остатки королевской армии. В жестоком сражении мусульмане понесли большие потери убитыми и ранеными, но все же одержали верх. Правитель Эсихи сдал город по договору, путь на Кордову был открыт. Тарик отрядил два отряда для завоевания городов юго-востока Андалусии, а сам с основными силами поспешил к столице королевства Тулайтале (Толедо).

Один отряд из 700 кавалеристов под командованием Мугиса ар-Руми пошел к Кордове, другой, численность которого и имя командующего неизвестны, направился к Гранаде. Рассказ о взятии Кордовы достаточно подробен, но именно эта подробность, вернее отдельные детали, вызывают подозрение в том, что они являются эпическими шаблонами, применяемыми для возвеличения героя повествования. Рассказывается, что отряд подошел к Кордове темной дождливой ночью, скрывшей от городской стражи его появление. Встреченный по дороге пастух рассказал, что город хорошо укреплен, но стена в одном месте повреждена, и вызвался показать его. Пролом оказался неподалеку от городских ворот, у реки. Самый ловкий воин взобрался на смоковницу, росшую около пролома в верхней части стены, и перебрался на нее. Мугис размотал свою чалму, и, пользуясь ею как веревкой, через стену перелезло еще несколько воинов. Они подошли к воротам, перебили ничего не подозревавших стражников, открыли ворота и впустили остальных. В этом рассказе нет ничего невероятного. Рассказ в целом реалистичен, только маловероятно, чтобы в отряде, отправлявшемся на завоевание большого города, не было с собой веревки, но даже если это так, то пара связанных поводьев была бы уместнее. Чалма командую-

щего вместо веревки, как важный атрибут захвата прославленного города, явно появилась для возвеличения Мугиса. Она заставляет задуматься, нет ли в этом рассказе еще каких-то деталей подобного рода.

Правитель Кордовы (*малик*) не мог организовать оборону города, в котором так неожиданно появились захватчики, и с отрядом из четырех или пяти сотен воинов ушел из него через западные, Севильские, ворота, укрепившись в каком-то хорошо защищенном монастыре[100]. Осажденные продержались три месяца, пока командующий не покинул их, спасаясь от тягот осады и опасности погибнуть. Беглец был пойман недалеко от монастыря, и честь пленения этого члена королевского рода приписывается Мугису. Что было дальше, был ли монастырь взят штурмом или осажденные сдались из-за невозможности продолжать сопротивление — неизвестно; сдавшихся Мугис казнил[101].

Кордова стала резиденцией Мугиса, воины получили наделы внутри города, и, что отмечается особо, в Кордову были собраны евреи со всего округа[102].

Второй отряд завоевал Мурсию и Гранаду, видимо не встретив серьезного сопротивления, сообщается только, что все евреи были собраны в Гранаде, а в Мурсии их не было. Оставив с ними небольшой гарнизон, отряд двинулся на север вдоль побережья. Серьезное сопротивление он встретил только в области Мурсии у городка Оруэла, в 20 км северо-восточнее Мурсии. Правитель города встретил мусульман в поле, после короткого сражения, потеряв часть войска, отступил в город. Далее на сцену выходит расхожий сюжет: правитель города, чтобы скрыть от осаждающих малочисленность защитников, посылает на городские стены женщин, «вооруженных» палками, и вступает в переговоры с мусульманами и выторговывает благоприятные условия сдачи города. Обман раскрывается, победители сожалеют, но остаются верны договору[103]. После этого отряд присоединяется к Тарику, занявшему к этому времени Тулайталу.

На этом кончается более или менее достоверная часть сведений о завоевании ал-Андалуса. Как была взята столица, не сообщается, говорится только, что Тарик пересек Гвадалахару (Вади ал-Хаджар) и дошел до городка, фигурирующего как Мадинат ал-Ма'ида («Город стола»), в котором будто бы был найден пресловутый стол, сделанный по приказу царя Соломона (Сулаймана б. Дауда) из драгоценных камней. Что это за город и где был найден стол, ставший легендой, вокруг которой вращается все изложение последующих событий, неясно.

Головокружительный успех вольноотпущенника вызвал у его патрона Мусы б. Нусайра ревность и недовольство. Весной 712 г. он покинул Кайраван, где оставил вместо себя своего сына Абдаллаха, и с восемнадцатитысячным войском направился в ал-Андалус. Упоминают-

ся раджаб (13.IV–12.V.712 г.) и рамадан (11.VI–10.VII.712 г.)[104]. Дальше вступает в силу версия событий, призванная прославить араба Мусу б. Нусайра и этим как-то принизить роль бербера Тарика. Муса повторяет в Андалусии путь Тарика: он осаждает и берет с боем Сидону, затем хитростью, с помощью людей Юлиана была захвачена Кармона. Следующей, как у Тарика, была осаждена Севилья, сдавшаяся через несколько месяцев, и здесь также повторяется фраза о том, что евреи были собраны в Севилье. Только после этого дублирование прекращается — Муса идет к Мериде и осаждает ее. Осада затягивается. Попытка подкопаться под одну из башен под прикрытием большого щита (*даббаба* — «черепаха») закончилась неудачей: на людей, находящихся в почти завершенном подкопе, напали осажденные, и под обвалившейся черепахой погибло много мусульман. Крепость была взята только в рамадане 94/30.V–29.VI.713 г.

В это время в Севилье произошло восстание, были убиты 80 человек из мусульманского гарнизона. На помощь севильцам пришли жители Таги и Ньеблы (возможно, беглецы из Севильи). На подавление его Муса послал своего сына Абдал‘азиза и лишь после усмирения севильцев, в конце шаввала (конец июля 713 г.) направился в Толедо.

В этом рассказе о прибытии Мусы в ал-Андалус неверны, по крайней мере, две вещи: дублирование действий Тарика от высадки до взятия Севильи и годичная задержка встречи с Тариком. 94/713 г. как дата встречи явно продиктован рассказом о многомесячных осадах Севильи и Мериды. Стоит предположить, что его встреча с Тариком действительно произошла в конце шаввала, но не 94, а 93 г. (начало августа 712 г.), как все встанет на место — между высадкой Мусы и прибытием в Толедо пройдет немногим больше месяца, тем более что мы не знаем, когда в рамадане началась высадка и сколько времени потребовалось, чтобы ее завершить. Этим снимается вопрос, чем занимался Тарик в течение года, придется лишь перенести осаду и взятие Мериды на время после встречи разгневанного амира и его возгордившегося вольноотпущенника.

Узнав о приближении Мусы, Тарик в сопровождении знати вышел ему навстречу к Тальмире, за 60 км от столицы. По одним сведениям, гнев Мусы ограничился ударом плетью по голове, по другим — Муса арестовал Тарика и хотел его убить, но его выручил гулам халифа ал-Валида, сказавший, что повелитель верующих будет недоволен этим[105].

Рассказы о происходившем после вращаются вокруг стола Сулаймана, который оказался без ножки, что будто бы вызвало подозрения относительно Тарика, и в одной из легенд рассказывается, что Тарик ее утаил, чтобы потом предъявить халифу в доказательство того, что именно он, а не Муса захватил эту бесценную добычу[106].

О военных действиях после прибытия Мусы известно мало. Сообщается, что после прибытия в Толедо Муса с Тариком направились на север, достигли Сарагосы, после чего возвратились[107]. К этому мы можем добавить осаду Мериды в 713 г. и усмирение Севильи.

Приход на полуостров новой власти был обозначен началом чеканки новых динаров с двуязычной арабской и латинской легендой[108].

В 714 г. Муса получил распоряжение халифа явиться в Дамаск. Муса собрал долю добычи, причитавшейся халифу, и снарядил караван для ее перевозки. Она заняла 114 повозок, и с этим караваном будто бы были отправлены 30 000 невольников[109]. Первая цифра вызывает доверие своей неокругленностью, зато вторая, по всей видимости, преувеличена, к тому же эта круглая цифра 30 000 в разных акциях Мусы и его сыновей повторяется неоднократно, словно заменяя собой неопределенное «много». Наместником всего Магриба остался Абдаллах б. Муса, которому подчинялся Абдал‘азиз, управлявший ал-Андалусом. Тарика Муса взял с собой, видимо, авторитет его в ал-Андалусе был слишком велик и мог помешать спокойному существованию сыновей Мусы. Поехал к халифу и Мугис, желавший лично передать ему своего пленника королевской крови.

Магрибская делегация ехала представляться халифу-триумфатору, то и дело принимавшему в эти годы делегации с победными реляциями с дарами. Словно по капризу Истории — а в действительности благодаря политической стабильности и укреплению арабской власти на окраинах — победоносное продвижение арабских армий развивалось не только на западе, но и на востоке.

НА ПУТИ К КИТАЮ

В раджабе 92/24.IV–23.V.711 г., как раз тогда, когда Тарик высаживался в ал-Андалусе, Кутайба б. Муслим во главе войска вступил в Сиджистан, переданный в его управление, по-видимому, после успешного подавления мятежа Тирека и части хорасанских вассалов[110]. Почему Кутайба пришел в Сиджистан, вместо того чтобы развивать успехи, достигнутые в Мавераннахре, не совсем ясно.

Согласно ал-Балазури, Сиджистан был переподчинен Кутайбе после смещения наместника, потребовавшего от рутбила вопреки его договоренности с ал-Хаджжаджем платить дань не натурой, а деньгами. Кутайба послал туда от себя своего брата Амра, предъявившего то же требование, и рутбил отказался платить. Кутайбе, призванному на помощь Амром, он объяснил причину, и Кутайба согласился принимать дань натурой[111]. Ни о каких военных действиях здесь не упоминается,

и непонятно, почему при таком мирном исходе конфликта Кутайба в этом году не предпринял никаких военных акций в других районах. А воевать ему в Сиджистане, по всей видимости, все-таки пришлось: в «Истории Систана» говорится, что военные действия против рутбила начал Амр, а Кутайба их продолжил[112]. Военные действия против рутбила упоминает и ал-Куфи, который, в отличие от других авторов, сообщает, что из Сиджистана Кутайба прошел через Балх для подавления мятежа тамошнего владетеля Шада, сына Тирека. В жестоком сражении мусульмане добились победы, потеряв 700 человек убитыми. Пленных мятежников Кутайба будто бы приказал убить и затем устроил трапезу среди трупов, дабы устрашить живых своей жестокостью. На побежденных была наложена дань в 300 000 дирхемов и 3 000 рабов[113]. Размер дани, составлявший в денежном эквиваленте 900 000 дирхемов, совпадает с размером дани Кабулистана[114], а явно надуманное имя мятежного феодала рождено ассоциацией с именем Низека/Тирека. Возможно, весь этот рассказ представляет комбинацию каких-то запутанных рассказов о Тиреке и войне с рутбилом, пир среди трупов — скорее всего эпическая деталь для возвеличения героя, который вполне мог во время пиршества приказать убить каких-то пленных врагов — в то время кровь врага не портила аппетита победителей.

Впрочем, нельзя исключить, что в 711 г. прорыв тюрков Тонъюкука через Байсунский перевал в сторону Амударьи[115] мог породить в этом районе чаяния избавиться с их помощью от арабов.

Кроме необходимости разрешения силой финансового конфликта с правителем Кабулистана появление Кутайбы в Сиджистане в то же время могло быть связано с необходимостью обеспечения левого фланга арабской армии, начавшей по приказу ал-Хаджжаджа наступление на Синд.

В 92 г. х. ал-Хаджжадж сместил Мухаммада б. Харуна с поста наместника Синда и назначил на его место своего соплеменника Мухаммада б. ал-Касима ас-Сакафи, предписав ему задержаться в Ширазе для сбора войска. Хотя Синд, область в низовьях Инда, формально считался завоеванным несколько десятилетий назад, власть Халифата над ним была призрачной, контроль над территорией между Индом и Мекраном часто терялся и снова приходилось силой оружия заставлять местных правителей платить дань, в чем, собственно говоря, и заключалась власть над этой территорией. В момент когда Мухаммаду б. ал-Касиму была вручена власть над Синдом, реальная власть Халифата заканчивалась в 350–400 км западнее Инда.

Мухаммад собирал войско полгода и наконец вышел из Шираза с 6 000 всадников[116]. Вероятно, это была весна 711 г. Он подошел к городу Каннаджбуру и осадил его. Город упорно сопротивлялся, и лишь

через месяц был взят штурмом. Отсюда он повернул к морю и осадил город Армабил, жители которого вступили в переговоры и сдали город. Здесь Мухаммад б. ал-Касим задержался на несколько месяцев, пережидая сезон муссонных дождей. Во время этой паузы войско Мухаммада б. ал-Касима постепенно увеличивалось: еще в Каннаджбуре к нему присоединился Мухаммад б. Харун со своим отрядом[117], присоединялись полуразбойничьи отряды из остатков мусульманских войск, действовавших ранее в этих районах, просто добровольцы, например из Маската, от которого до Армабила было немногим больше 500 км, т.е. трое-четверо суток при попутном ветре.

Новую кампанию Ибн ал-Касим начал с наступлением сухого сезона, поздней осенью 711 г., приходящейся уже на начало 93 г. х. От Армабила он повел свое войско вдоль побережья, прошел через Кандабил, где умер и был похоронен Мухаммад б. Харун, и подошел к столице Синда, Дайбулу, располагавшемуся в районе современного Карачи. Город был велик и хорошо укреплен. Мухаммад б. ал-Касим приготовился к длительной осаде: соорудил укрепленный лагерь и изготовил осадные орудия. Сюда из Ирака (?) по морю доставлялись подкрепления и необходимое снаряжение. Была сооружена огромная катапульта, прозванная ал-Арус («невеста», а может быть, с долей иронии, — «кукла»), которую обслуживало 500 человек.

В центре города находился большой храм (бутт) с высоким шпилем, на котором развевалось знамя. Мухаммад (будто бы по совету ал-Хаджжаджа) придвинул катапульту к городской стене, чтобы камни долетали до храма, и начал его обстреливать. Когда шпиль со знаменем был сбит, конечно, пострадало и само здание. Осажденные предприняли вылазку. Мусульмане ее отбили и с помощью штурмовых лестниц преодолели стену города. Правитель Синда, Дахир, с остатками войска покинул Дайбул и ушел на север. Победители три дня грабили город, сокровища храмов составляли главную часть добычи, служители храмов были перебиты[118].

В захваченном городе Мухаммад устроил мечеть, разместил в опустевших домах значительный гарнизон (4000 человек) и ушел вслед за Дахиром к Инду. Жители города ан-Нирун в 150 км от Дайбула[119] выслали навстречу ему делегацию для переговоров о мирной сдаче города и тем обезопасили себя и свое имущество. Где-то здесь его настигло послание ал-Хаджжаджа, побуждавшее к дальнейшим завоеваниям: «Ты амир всего, что завоюешь». Отсюда родилась легенда о том, что ал-Хаджжадж посулил ему и Кутайбе, что тот из них, кто первым дойдет до Китая, станет его правителем[120]. Мухаммад б. ал-Касим направился к Инду, переправился через него несколько выше современного Хайдарабада[121] и пошел вверх по долине, не встречая серьезного со-

противления. Здесь он занял область Михран, на что ушло несколько месяцев. За это время Дахир успел собрать большое войско, усиленное боевыми слонами (по одному свидетельству, их было 28)[122]. Войско Мухаммада б. ал-Касима в это время стало пополняться за счет местного населения, в частности, после сдачи города Садусана к нему присоединилось 4000 зуттов (цыган). Мухаммад не стал ожидать нападения Дахира, а сам пошел на него, наводя мост через Инд. Жестокое сражение длилось весь день; Дахир сражался верхом на слоне, но тот, под конец замученный жаждой, заупрямился, Дахир слез с него, стал сражаться пешим и был убит или бежал. После этого индийское войско обратилось в бегство[123]. Никаких обычных сообщений о больших победах, сообщений о численности сражавшихся, о числе поверженных врагов в данном случае не приводится, не указывается место сражения и его дата. Лишь Халифа хоть как-то ориентирует его во времени, упоминая его среди событий 93 г. х., но это может соответствовать и поздней осени 711 г., и началу осени 712 г. Уточнить что-то в этих пределах по косвенным данным не представляется возможным.

Рассказ о дальнейших событиях позволяет приблизительно представить место этого решающего для судеб Синда сражения. Остатки разбитого войска Дахира, отходя вверх по Инду, укрепились в городе Брахманабаде, находившемся в двух фарсахах (10–12 км) от места будущей столицы мусульманского Синда, ал-Мансуры[124], следовательно, сражение, вероятнее всего, произошло в сотне километров выше современного Хайдарабада. Город был взят штурмом, при этом погибло 8000 индусов. Оставив в городе наместника, несомненно с гарнизоном, Мухаммад двинулся дальше, к ар-Руру[125]. Лежавший на его пути Савендери сдался по договору, его примеру последовал Басмед, город в двух переходах от Мултана, отсюда до ар-Рура, где укрылась вдова Дахира, оставалось три перехода. Этот город, расположенный на горе, оказался крепким орешком, его осада затянулась на несколько месяцев, и рассказ о ней заставил бы нас забежать вперед по отношению к событиям, происходившим в это время в Мавераннахре.

В то время как Мухаммад б. ал-Касим успешно продвигался в Синде, Кутайба б. Муслим собирал хорасанских воинов для похода на Самарканд, чтобы наказать согдийцев за нарушение договора и свержение Тархуна, который согласно договору находился под покровительством Халифата и лично Кутайбы. Однако новое непредвиденное обстоятельство заставило его изменить прежнее намерение: к нему прибыли посланцы хорезмшаха Джинфара с тайным поручением — пригласить Кутайбу в Хорезм для расправы с непокорным младшим братом Хурразадом, который вышел из повиновения и притеснял подданных, отбирая у них понравившееся имущество и женщин.

За помощь Джинфар готов был заплатить и признать зависимость от Халифата[126].

Отказаться от такого предложения было невозможно — месть согдийцам могла подождать. Кутайба ответил согласием, но сохранил его в тайне даже от своего окружения. Войско двинулось, как обычно, по дороге на Бухару через Амул, от которого до границ Хорезма оставалась неделя пути. Только здесь он объявил об изменении цели похода, отсюда весть о его движении опередила бы его появление дня на три, а за это время организовать сопротивление было уже нереально.

Выступление Кутайбы из Мерва не вызвало беспокойства в Хорезме — известно было, что арабы за одну летнюю кампанию совершали только один дальний поход, а жертвой на сей раз был Согд, и шах поспешил успокоить свое окружение, что Кутайба в этом году не нападет на Хорезм и самое время насладиться весной (можно думать, что имелось в виду празднование навруза — дня весеннего равноденствия)[127]. «Они стали пить и наслаждаться жизнью», и весть о приближении арабов повергла хорезмийцев в отчаяние. Придворные бросились к шаху за советом и получили ответ, что сделать что-то уже поздно, лучше откупиться от Кутайбы, а если хотят, то могут обратиться к Хурразаду[128]. Хурразаду стало ясно предательство брата. Он взял на себя защиту Хорезма, собрал людей и вышел навстречу Кутайбе, прошедшему через Хазарасп. Противники расположились неподалеку от столицы Хорезма, Каса[129]. Неизвестно, как развернулись бы события, если бы хорезмшах не сдал Кутайбе два внешних кольца города. Хурразад со своими сторонниками укрылся в центральной, наиболее укрепленной части города, а хорезмшах перешел в лагерь Кутайбы. Хурразад обратился к Кутайбе с просьбой о пощаде, говоря, что будет его верным рабом. Кутайба ответил, что с этой просьбой следует обратиться к брату. Хурразад понял, что обречен, и решил сражаться до последней возможности. Сражение было недолгим, цитадель пала, и пленного Хурразада привели к Кутайбе, приказавшему его казнить[130].

Затем Кутайба по просьбе хорезмшаха передал ему пленных, и они были казнены по его приказу, их имущество было конфисковано и отдано Кутайбе, из чего следует, что на стороне Хурразада сражалась часть хорезмийской знати. Кроме того, Кутайба должен был получить какую-то заранее оговоренную сумму за помощь, которая никем не упоминается, лишь в одном случае говорится о 100 000 рабов[131].

После расправы с Хурразадом и его сторонниками хорезмшах обратился к Кутайбе с просьбой нанести удар правителю Хамджерда, области в самых низовьях дельты Амударьи и к северо-западу от нее, нападавшему на Хорезм. Абдаррахман б. Муслим успешно справился

с этой задачей и привел 4000 пленных, которых Кутайба приказал обезглавить[132]. Массовое убийство пленных (как и рассказы о пиршестве среди трупов), по представлениям племенных преданий того времени, — черта, украшающая героя. Что и говорить, время было кровавое и нравы жестокие, убивали и пленных, точнее не убивали, а казнили мятежников; пленных, взятых в обычных войнах, предпочитали обращать в рабство, пленные были частью добычи, поступали в раздел между воинами, включались в *хумс* для халифа. Только чрезвычайные обстоятельства могли заставить командующего лишить войско и халифа законной части добычи, в данном случае не меньше 600 000 дирхемов (если, конечно, пленных было действительно 4000, а не 400).

Дорогой ценой заплатил хорезмшах за избавление от соперника: вместо недостойного брата над ним встал мавла рода Муслима Убайдаллах б. Абу Убайдаллах, контролировавший сбор дани (названной хараджем), и отряд мусульманских воинов под командованием Ийаса б. Абдаллаха б. Амра, а Хорезм потерял независимость.

Обремененное добычей, мертвой и живой, арабское войско дошло до дороги из Мерва в Самарканд (и далее — в Китай). Воины предвкушали заслуженный отдых и приятный процесс расходования добычи; был самое позднее конец мая — начало июня, оставалось месяца четыре удобных для ведения военных действий, и Кутайба принял неожиданное решение — использовать это время для выполнения первоначальной цели похода, наказания самаркандцев.

Кутайба отправил обоз в Мерв, а сам повел войско к новой славе и добыче. В Бухаре он задержался на три дня для включения в свое войско отряда бухарских дихканов. Он догнал конный авангард примерно на полпути к Самарканду, а около города Рабинджана (Арбинджана) путь ему преградили согдийцы во главе с ихшидом Согда Гуреком, призвавшим на помощь тюрков. Упорное сражение длилось несколько дней, согдийцы даже прорвались к лагерю арабов и все-таки вынуждены были отступить к Самарканду, а тюрки покинуть Согд[133].

Об осаде Самарканда сообщается больше сведений, чем о взятии какого-либо другого среднеазиатского города; к сожалению, это в большинстве разрозненные эпизоды, которые трудно поставить в последовательный хронологический ряд. По-видимому, вскоре после того как арабы обложили Самарканд, Гурек обратился за помощью к северным соседям, ферганцам и шашцам, предупреждая, что после падения Самарканда жертвами будут они. На помощь был послан отряд дихканов в несколько сот человек. Это была серьезная помощь: нас не должно обманывать упоминание армий в десятки тысяч воинов — большинство из них не имели серьезного защитного вооружения и оружия, главной ударной силой были сравнительно немногочисленные отряды тяжеловоору-

женных всадников, и у Кутайбы их было, может быть, две-три тысячи. Этот отряд намеревался ночью напасть на лагерь Кутайбы. Подобные нападения нередко приводили к разгрому заспавшегося войска. Замысел провалился из-за хорошо поставленной разведки Кутайбы, которая заранее сообщила о приближении отряда. Той же ночью он послал несколько сотен отборных воинов под командованием своего брата Салиха, который в десятке километров от лагеря преградил дихканам дорогу, спрятал с обеих сторон засады и встретил ничего не подозревавший отряд; завязался бой, исход которого решило нападение с тыла двух засад. Почти весь отряд, шедший на выручку Самарканду, погиб, воины Салиха вернулись с головами убитых дихканов на копьях, показывая самаркандцам, что им больше нечего надеяться на помощь извне[134].

Началась плотная осада города. Для разрушения стен и обстрела защитников было поставлено множество канеметных машин[135]. Самарканд был для своего времени большим городом, его окружность составляла примерно 11 км (считая с тогдашним, защищенным стеной, пригородом), а собственно город, то, что арабы называют мединой, а иранцы — шахристаном, имел периметр 6,5 км. Оборону города облегчало то, что с севера естественным рвом служило русло большого канала, впрочем, внешняя стена и с востока возвышалась над каналом. Город снабжался водой с юга, где через широкую ложбину был переброшен акведук из обожженного кирпича, по которому в свинцовом желобе текла вода. Из описания событий осады невозможно установить, по какому периметру осаждали город арабы — по внешнему, соответствующему контуру городища Афрасиаб, или же они заняли тогдашний южный пригород. В руках арабов находился мощный рычаг воздействия на самаркандцев — возможность лишить город воды, отведя канал в сторону или просто разрушив акведук, но они не воспользовались им, в отличие от монголов, разрушивших акведуки и обрекших древнюю часть города на запустение.

В осаде Самарканда активно участвовали хорезмийцы и бухарцы. Гурек даже послал Кутайбе упрек: «Ты сражаешься против меня при помощи моих братьев и родичей неарабов, выставь против меня арабов»[136]. Укол попал в больное место, и Кутайба начал штурм города силами отборных арабских войск. Когда им удалось захватить пролом в стене, согдийцы предложили прекратить бой и наутро вступить в переговоры о сдаче. Видимо, захват части городской стены достался арабам дорогой ценой, поскольку Кутайба принял это предложение. На следующий день Кутайба, как было договорено, с двумя тысячами воинов въехал через южные, Кешшские ворота, пересек город и выехал через северные, Китайские ворота, обозначив этим завоевание Самарканда. Затем Гурек устроил трапезу для победителей, и уже на

сытый желудок был составлен договор, который стоит привести целиком, так как это единственный полный (или почти полный) текст подлинного договора подобного рода.

«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного.

Это то, на условиях чего заключили мир Кутайба, сын Муслима сына Амра ал-Бахили, с Гураком, сыном Ихшида, афшином ас-Сугда[137], взяв обязательство обеспечить соглашение с Аллахом и его верность и покровительство его посланника, — да благословит его Аллах и да приветствует его и его род, и защиту со стороны амира верующих ал-Валида, сына Абдалмалика, и амира ал-Хаджжаджа, сына Йусуфа сына Хакама, и защиту верующих, и защиту Кутайбы, сына Муслима. А он заключил мир от [лица] Самарканда и его рустаков, Кисса и Насафа[138], их земель и пашен и всех их пределов на условии выплаты двух тысяч тысяч дирхемов сразу и двухсот тысяч дирхемов каждый год и трех тысяч голов невольников (*ракит*), среди которых нет малолетних и стариков, и на условии, что они* будут слушаться и подчиняться рабу Аллаха ал-Валиду, сыну Абдалмалика сыну Марвана, и амиру ал-Хаджжаджу, сыну Йусуфа, и амиру Кутайбе, сыну Муслима, и на условии того, что то, что выплачивает Гурак, сын Ихшида, афшин Самарканда, из чего заключил мирный договор Кутайба, сын Муслима, из ценностей (*мал*) и невольников, так то, что он даст из этого в счет джизьи его земли, из невольников (*саби*) засчитывается ему за каждую голову двести дирхемов, а то, что будет из тканей большими [кусками], то каждый кусок (*сауб*) за сто дирхемов, а малые — за шестьдесят, а те, что будут из шелка, — каждый отрез (*шикка*) за двадцать восемь дирхемов; а червонное золото — каждый мискаль за двадцать дирхемов, а белое серебро — мискал за мискал[139]. На Кутайбе, сыне Муслима, лежит соглашение и обязательство, что он не поступит против Гурака, сына Ихшида, никогда, ни в чем не будет вероломен и не возьмет с него больше того, на условии чего заключен мир. А если выступит против Гурака, сына Ихшида, афшина Согда, какой-нибудь враг, то на Кутайбе, сыне Муслима, обязательство помочь и содействовать ему против его врагов. И говорит Кутайба, сын Муслима, что во власти твоей, о Гурак, сын Ихшида, афшин, Самарканд, его земля, и его пределы, и Кисс, и Насаф, их области (*биладуха*) и крепости, тебе предоставляется распоряжение их делами, и твоя печать действенна для них; и не проверяет тебя проверяющий; и что после тебя власть будет принадлежать твоему сыну, пока длится моя власть над Хорасаном.

Засвидетельствовали это: ал-Хусайн, сын ал-Мунзира ал-Баки, и Дирар, сын Хусайна ат-Тамими, и Илба‘, сын Хабиба ал-Кайси, и Му‘а-

* Явно имеются в виду согдийцы, а не рабы, повиновение которых разумеется само собой.

вийа, сын Амира ал-Кинди, и Ваки‘, сын Абу Суда ал-Ханзали, и Ийас, сын Найхана, и ал-Ашджа‘, сын Абдаррахмана, и ал-Муджассар, сын Музахима, и Абдаллах, сын ал-Азвара, и ал-Фадл, сын Абдаллаха, и Усман, сын Раджа, и ал-Хасан, сын Му‘авии, и ал-Фадл, сын Бассама, и писал ас-Сабит, сын Абу Сабита, секретарь Кутайбы, сына Муслима, в году девяносто четвертом»[140].

Не слишком точная дата составления договора дает все-таки некоторое представление о длительности осады Самарканда: он сдался после 7 октября 712 г. (94 г. х. начался 7 октября). Он мог бы продержаться и дольше, если бы на помощь пришли тюрки, но они после поражения под Рабинджаном ушли за Сырдарью и в течение нескольких лет не вмешивались в дела Междуречья.

В договоре не был затронут очень важный для взаимоотношения мусульман с покоренными иноверцами вопрос о судьбе храма или храмов города. Кутайба приспособил для моления какое-то здание и провел пятничное моление, но существование мечети в одном городе с языческим капищем было несовместимо, и Кутайба принял решительные меры: приказал своим людям вынести из храма статуи богов и сжечь их. Это, видимо, явилось неожиданностью для Гурека, на коленях умолял он Кутайбу не делать этого, пугая местью богов. Но Кутайба был непреклонен и поджег сваленные в кучу деревянные статуи в золотых и серебряных окладах собственной рукой. Кары не последовало, а из кострища, оставшегося от прекрасных произведений искусства*, победители выбрали опаленные остатки окладов из серебра и золота[141].

Кутайба не остановился на этом; нарушая договор, верность которому, по его уверению, гарантирована Аллахом, он заставил согдийцев вместе с царем покинуть медину Самарканда и поселил в опустевших домах оставленный им гарнизон. Комендантом города он поставил своего брата Абдаллаха, дав ему строгий наказ не пускать согдийцев в медину: «Не позволяй ни в коем случае войти многобожнику в какие-либо из ворот Самарканда без печати на руке; если глина высохнет до того, как он войдет, то убей его, если найдешь у него что-либо железное, вроде ножа или [чего-то] другого, то убей его, если запрешь ворота на ночь и обнаружишь [в городе] кого-либо из них, то убей его»[142].

Завоевание сразу двух богатых областей небывало прославило Кутайбу. Кайситские (североарабские) поэты, прославляя его, противопоставляли его роду аздита ал-Мухаллаба. Восхваляя его, поэты подчеркивали то, что в наши дни пытаются маскировать:

---

* О художественном уровне деревянной скульптуры мы можем судить по отдельным обугленным остаткам деревянной резной скульптуры из раскопок в Пенджикенте и Шахристане.

Каждый день Кутайба собирает добычу
И к богатствам прибавляет новое богатство.
Он — бахилит с возложенной на него короной,
И черные его макушки поседели.
Опустошил он Согд конными отрядами,
Так что Согд сидит на голом месте.
Плачет сын, потерявший отца,
И страдающий отец плачет по сыну.
И в каком бы месте не остановилась или не прошла,
Его конница оставляет глубокий след[143].

Для нас эти строки звучат как сатира, а современники Кутайбы так выражали восхищение своим героем: жестокость по отношению к врагам считалась доблестью. Отсюда и преувеличение числа убитых, пленных и обращенных в рабство, поэтому соплеменники Кутайбы, бахилиты, рассказывали о своем герое, что он по договору с хорезмшахом получил ни много ни мало 2 100 000 рабов[144]. Эту тенденцию всегда надо иметь в виду.

Этот год был годом фантастических успехов: на западе кончалось завоевание ал-Андалуса, на востоке шло к концу завоевание Синда, и завоеваны были сразу два царства. На западе ислам вышел к Окружающему морю, на востоке оставался только Китай. Казалось, вернулись времена Умара и нет преград воинам халифа.

Зимой 712/13 г. торжество Кутайбы было несколько охлаждено событиями в Хорезме. Рассказы о них полны недомолвок и противоречивы. Хорезмийцы не могли простить хорезмшаху предательства, не собирались мириться с завоеванием. Как выразился ат-Табари, «они сочли Ийаса слабым и собрали против него войско». Что успело сделать это войско с отрядом Ийаса, не сообщается. У ал-Йа‘куби явно смешаны сообщения о двух разновременных событиях: в Хорезме правил Са‘ид б. Вануфар, при нем хорезмийцы убили наместника, и Кутайба пришел в Хорезм, осадил Са‘ида б. Вануфара и убил его, захватил 100 000 пленных и, оставив наместником Хорезма Убайдаллаха б. Абу Убайдаллаха, пошел на Самарканд. У ат-Табари нет ни слова о нападении хорезмийцев и убийстве хорезмшаха. По его словам, Убайдаллах б. Абу Убайдаллах написал Кутайбе о ситуации в Хорезме, и Кутайба послал Абдаллаха б. Муслима усмирить хорезмийцев и наказать неудачливых военачальников, Ийаса и Хаййана ан-Набати (видимо, командовавшего мавлами). Абдаллах наказал Хаййана, а араба Ийаса простил. Далее оказывается, что карательное войско привел зимой Мугира б. Абдаллах. При его приближении дети убитых хорезмшахом (или Кутайбой) сказали, что не могут оставаться с убийцами и ушли в «страну тюрков». Ясность в эту ситуацию вносит замечание ал-Бируни, что Кутайба перебил жрецов-хранителей учености и сжег

книги, после чего пресеклась наука в Хорезме[145]. Ал-Бируни, вероятно, ошибался, приписывая уничтожение жрецов и книг самому Кутайбе, ведь его появление в Хорезме было согласовано с хорезмшахом и в их договоре не могло быть такого условия, а вот во втором случае, при подавлении восстания, несомненно, принимались более жесткие меры и первой жертвой должны были стать служители враждебного исламу культа, которые, скорее всего, и были идейными вдохновителями восстания.

Инцидент был исчерпан, и Кутайба весной 713 г. вновь ведет свое войско в Мавераннахр на дальнейшие завоевания[146]; на этот раз, словно оправдывая предостережение Гурека, на Фергану и Шаш. По мере продвижения к нему присоединялись отряды хорезмийцев, бухарцев и согдийцев из Несефа, Кеша и Самарканда. Сведения об этой кампании скудны. Сообщается, что под Ходжентом были бои, но о судьбе города не говорится. Затем Кутайба с частью войска пошел на Касан, бывший, видимо, резиденцией царя Ферганы, а другую часть отправил в Шаш, пройдя по нему огнем и мечом. Этот отряд соединился с Кутайбой под Касаном. О взятии его также не сообщается[147].

Вероятно, на обратном пути Кутайба остановился в Бухаре и принялся всерьез за ее исламизацию. В цитадели (Арке) была сооружена мечеть, и стали проводиться пятничные моления с участием новообращенных бухарцев, которые не понимали Корана и не знали обряда моления. Поэтому Коран им толковали на фарси, а специальный человек на том же языке подсказывал, что надо делать. Для привлечения новых мусульман сначала даже была объявлена премия за присутствие на молении — два дирхема[148], премия немалая, хлебом можно было обеспечить себя на неделю. Только вряд ли эта расточительная форма пропаганды продержалась долго.

Значительное расширение территории, подвластной Кутайбе, потребовало для контроля над ней дополнительного контингента арабских воинов, и ал-Хаджжадж прислал из Ирака подкрепление, численность которого не указывается[149]. Подкрепление требовалось и потому, что установить контроль над Ферганой и Шашем не удавалось, хотя есть сообщение, что в этом году Кутайбе удалось прорваться до Исфиджаба[150].

За эти два года и в Синде шло неуклонное движение вперед. Наибольшие затруднения доставил Мухаммаду б. ал-Касиму ар-Рур, где укрылась вдова Дахира. Убедившись в бесполезности сопротивления, защитники города через несколько месяцев вступили в переговоры с Мухаммадом и сдали город с условием личной неприкосновенности и сохранения храма (*будд*). Мухаммад согласился: «Действительно, будд подобен христианским церквам и еврейским синагогам».

После сдачи ар-Рура Мухаммад продолжил движение на север, прошел через ас-Сикку и Байас и приблизился к Мултану, где путь ему преградило местное ополчение. Столкновение окончилось победой мусульман, которые осадили город. Длительная осада была тяжела для обеих сторон: даже у осаждающих кончились припасы и им пришлось есть ослятину. Не выдержал и кто-то из горожан: выговорив себе сохранение жизни, он указал Мухаммаду начало водопровода, снабжавшего город водой, и когда подача воды прекратилась, измученные жаждой горожане сдались на милость победителя. Сражавшиеся с оружием в руках были казнены, их жены и дети обращены в рабство, в рабство были обращены и служители храма (якобы 6000), сокровища храма стали добычей победителей. Захваченные драгоценности заполнили помещение площадью 20 кв. метров, а Мултан получил прозвище «Золотой город».

Из всех этих событий датировано только завоевание Мултана, да и то весьма приблизительно — 95 г. х., что может относиться и к концу 713 г. (год начинался 26.IX.713 г.), и к первой половине 714 г. У Халифы есть еще промежуточная дата — убиение в 94 г. х.[151] некоего Сасийа, что не связывается ни с каким местом.

Завоеванием Мултана кончается период быстрых успехов Мухаммада б. ал-Касима в Индии. Ат-Табари не отмечает завоевание Мултана среди событий 95 г. х., а вместо этого говорит: «В этом году завоеван последний ал-Хинд, кроме ал-Касарджа и ал-Масандала»[152]. Что это за города или области, остается неизвестным.

Итак, за четыре года, с 711 по 714 г., владения Халифата увеличились примерно на 600 000 кв. км, а число налогоплательщиков не менее чем на миллион; потеряли независимость два государства и два исчезли совсем. Инерция наступательного порыва мусульманского общества превратила ал-Валида Строителя в Завоевателя без всяких усилий с его стороны.

Только в борьбе с Византией успехи были невелики. Отдельные глубокие прорывы в Малой Азии сменялись борьбой за пограничные крепости. Здесь кроме Масламы отдельными группами командовали сыновья ал-Валида — ал-Аббас и Марван. Так, в 94/713 г. ал-Аббас «завоевал» Антиохию в Писидии, но в следующем, 95/714 г. он вновь ведет бой за приграничные крепости[153].

Маслама в 711 и 712 гг. вел боевые действия в районе Малатийи и Сусийи[154]. А в 714 г., по сведениям Халифы, он же совершил поход на Ширван и завоевал Дербент. По рассказам участников похода, к Масламе, осаждавшему Дербент, пришел человек, который за гарантию сохранения жизни ему и его семье указал слабое место в обороне города. Воспользовавшись этим, Маслама ворвался в город и после ожесточенного боя взял его. О походе на Дербент или завоевании его в этом году не сообщает

больше ни один историк. Единственным косвенным и очень слабым указанием на возможность этого похода является отсутствие упоминания о действиях Масламы в других районах. История о взятии Дербента Масламой с помощью предателя рассказана с большими подробностями ал-Куфи без даты, но в связи с карательным походом Мухаммада б. Марвана. Похоже, что краткое сообщение Халифы со ссылкой на надежного в других случаях информатора заслуживает внимания.

СМЕРТЬ АЛ-ХАДЖЖАДЖА

Военные успехи десятилетия 705–714 гг., увеличившие территорию Халифата на добрый миллион квадратных километров плодородных земель и не менее чем на миллион налогоплательщиков, не были связаны с личностью халифа; он не вмешивался в ведение военных операций, да и не мог своевременно влиять на них, когда обратная связь с главными районами военных действий требовала по меньшей мере двух месяцев, не помогал он ни деньгами, ни людскими ресурсами — все находилось на месте самими наместниками. Самое лучшее, что мог сделать ал-Валид, — не мешать своим энергичным наместникам, лишь изредка выступая в роли верховного арбитра. Да и чем он мог помочь ал-Хаджжаджу, распоряжавшемуся территорией всей бывшей сасанидской империи. Халифу оставалось распоряжаться судьбой второстепенных внутренних наместничеств.

Средневековые историки, характеризуя правление ал-Валида, говорят, прежде всего, о его строительной активности и совершенных при нем завоеваниях и мало говорят о нем самом, его внутренней политике, отношении к людям и просто о поведении в быту. Вряд ли это была такая уж заурядная личность, скорее, дело в том, что в поведении его не было заметных крайностей, которые служат предметом восхищения или осуждения. Он не был образцово благочестивым, но и не подвергался осуждению за небрежение религией; ему не чужды были все радости жизни, но и в пьянстве его не упрекали. При его дворе искали счастья и даров и поэты, и знатные курайшиты, они получали дары, но не в таких размерах, чтобы это становилось легендой, был не скуп и не расточителен, разве что на строительство тратил он не в пример больше, чем его предшественники.

О том, что для него, как и для ал-Хаджжаджа, тягчайшим преступлением наместника была задержка поступлений в центральную казну, свидетельствует судьба его брата Абдаллаха, правившего Египтом. Впрямую о его вине в источниках не говорится, но догадаться можно. 13 раби‘ I 90/30.I.709 в Фустат в отсутствие Абдаллаха, пировавшего

за городом, неожиданно явился неизвестный до того Курра б. Шарик. Он потребовал у казначея ключи от сокровищницы, а примчавшемуся Абдаллаху предъявил грамоту о своем назначении. Собрав обширное имущество, накопленное за пять лет наместничества, Абдаллах покинул Египет. В Иордании его встретил посланец ал-Валида, конфисковавший по его приказу все нажитое в Египте богатство[155].

Правление Курры интересно для нас тем, что освещается как источниками со страдательной, христианской стороны, так и подлинными документами канцелярии Курры, поступавшими к Василию, управляющему (пагарху) округа Афродито (Атфих, около Файюма). Они сохранились в мусорных кучах вокруг этого городка и были найдены в начале XX в.[156]. Самые ранние из них относятся буквально к первым дням правления Курры, с раби‘ I. 90 г. х. Письма этого месяца касаются самого больного вопроса — недоимок за прошлые годы, в частности упоминается неуплата джизьи за 88 г. х.[157]. Требуя от пагарха своевременной и полной уплаты хараджа, наместник напоминает, что год был урожайным и отговорок не может быть. Несколько писем содержат распоряжения о поимке беглых крестьян. Но его внимание привлекают и другие темы: например, разбор жалоб местных жителей друг на друга за невозврат долга и неуплату аренды. Его заботой было и обеспечение Фустата своевременным подвозом зерна. В раби‘ I 91/7.I–5.II.710 г. он пишет Василию о торговцах зерном: «Прикажи каждому торговцу привезти половину того, что у него есть из зерна в Фустат, и пиши мне с каждым из купцов, который приезжает от тебя, сколько он привез»[158].

В письмах не указывается, какие меры надо применять для своевременного получения налогов и выколачивания недоимок — местные администраторы имели в этом достаточный опыт, и учить их не требовалось.

По свидетельству церковного историка Севера б. ал-Мукаффы, когда патриарх Александр приехал в Фустат поздравить нового наместника со вступлением в должность, Курра потребовал от него уплаты 3000 динаров. За отказ платить из-за отсутствия таких денег патриарх был арестован, по свидетельству этого автора, был даже подвергнут телесному наказанию и отпущен собирать деньги в Верхнем Египте[159]. В конце концов, патриарх получил скидку в 1000 динаров. Получение налога с епископа Афродито зафиксировано и в одном из документов, хотя сумма и характер налога не указывается. По характеру сообщений христианских историков, суммы, налагавшиеся на патриарха и других иерархов, рисуются как контрибуции, а не как налог с какой-то собственности. Возможно, все-таки, что подобные суммы были налогом с церковных земель.

Ужесточение сбора налогов, вероятно, затронуло и мусульман, поскольку в 710 г. в Александрии возник заговор с целью убийства Кур-

ры, лишь случайно кончившийся провалом. Для лучшего учета налогооблагаемой собственности при нем был составлен новый кадастр, третий после арабского завоевания. Наряду с этим по приказу халифа Курра разрушил пятничную мечеть, построенную Абдаллахом и в 711–713 гг. выстроил новую[160].

Десятый год правления ал-Валида оказался несчастливым. Ему шел лишь сорок пятый год, но начались какие-то болезненные проявления. Судя по одному сообщению ат-Табари, с ним как-то случился глубокий обморок. Ал-Валид стал подумывать о передаче права наследования своему сыну Абдал'азизу и предложил Сулайману отказаться от наследования в его пользу. Сулайман соглашался лишь на признание за Абдал'азизом права возглавить Халифат после себя. Оба понимали, что такое решение ничего не стоит. Ал-Валид предложил наместникам провести присягу Абдал'азизу как наследнику, но согласились на это только ал-Хаджжадж и Кутайба, и от этого плана пришлось отказаться. А 9 июня 714 г. последовал новый удар — после какой-то болезни умер ал-Хаджжадж[161]. Верный своему принципу пользы дела, а не личной выгоды, он не назначил преемником своего сына, а разделил власть, вручив ее в военно-политической сфере начальнику полиции Йазиду б. Абу Кабше, а в области финансов — Йазиду б. Абу Муслиму[162].

Для ал-Валида это была не просто потеря одного из наместников, а утрата надежной опоры государства, 20 лет обеспечивавшей стабильность на востоке Халифата. Ал-Валид утвердил назначенцев ал-Хаджжаджа, хотя оба они вместе ни в коей мере не могли заменить умершего.

Больше всего смертью ал-Хаджжаджа был обеспокоен Кутайба б. Муслим. Он, как всегда в это время года, ушел в поход на восток, на этот раз в Фергану. По рассказу ал-Куфи, он прошел через нее до ущелья, по которому шла дорога в Китай[163]. Получив известие о смерти ал-Хаджжаджа, которое могло дойти около 10 июля, Кутайба свернул боевые действия и поспешил возвратиться в Мерв, чтобы не застать свое место занятым. Опасения его оказались напрасными: его встретило послание ал-Валида с похвалой его действий и подтверждением полномочий[164].

Со смертью ал-Хаджжаджа кончилась целая эпоха в истории восточной половины, а может быть и всего Халифата. Не было более преданного и надежного слуги умаййадских халифов, чем он. Правда, разобраться в том, что представляла собой эта незаурядная личность, непросто. Была ли исключительная жестокость, приписываемая ему, подлинной чертой его характера, или эти проявления жестокости лежали в границах обычного для того времени бесцеремонного отношения к человеческой жизни, а сатанинские черты приписывали ему те

социальные круги, с которыми ему приходилось бороться для укрепления центральной власти? Боролся он с командно-племенной верхушкой, не привыкшей беспрекословно подчиняться приказам и с мусульманскими религиозно-правовыми авторитетами, претендовавшими быть наставниками наместников, а не исполнителями их воли. К этому добавлялся жесткий финансовый контроль: установленная доля налогов и добычи должна была неукоснительно поступать в центральную казну. Здесь ал-Хаджжадж не спускал никому: ни победителю хариджитов ал-Мухаллабу, поддерживавшему боевой дух войска и свой авторитет щедрой выплатой жалованья, ни его сыновьям, зарабатывавшим симпатии воинов в ущерб центральной казне. И речь шла об огромных суммах, как уже говорилось выше. Командная верхушка и войско отвечали саботажем в военных действиях и мятежами, духовные авторитеты — обвинениями ал-Хаджжаджа в неверии. В их кругах даже обсуждалась возможность объявить его неверующим (*кафир*). Против этого решительно возражал один из главных авторитетов того времени, Хасан ал-Басри, поясняя, что, может быть, ал-Хаджжадж специально послан Аллахом, чтобы испытать веру мусульман, и выступать против него — выступать против воли Аллаха; надо терпеливо сносить испытания, не поступаясь верой, увещевать и наставлять тирана, а окончательное решение примет Аллах в Судный день[165]. Впрочем, конкретные обвинения, кроме тиранства, было трудно предъявить.

У ранних историков, таких как Халифа и ал-Йа‘куби, лишь констатируется факт смерти ал-Хаджжаджа, приводится дата и сообщается возраст умершего без какой-либо характеристики его правления, его заслуг или его недостатков. Так же скупы и ат-Табари, и ал-Куфи; правда, последний приводит четыре строчки из элегии ал-Фараздака на смерть ал-Хаджжаджа — бледные, не вызывающие искреннего чувства[166]. Только ал-Мас‘уди сообщает о страшном итоге правления ал-Хаджжаджа: были казнены 120 000 человек, не считая убитых в войнах, в момент его смерти в тюрьмах находилось 50 000 мужчин и 30 000 женщин, из которых 16 000 «неприкрытых» (*муджаррада*); женщины и мужчины были заточены в одних и тех же помещениях, места заключения не имели укрытия от солнца, дождя и холода[167]. Цифры эти вызывают немало сомнений: после смерти ал-Хаджжаджа наместником стал его начальник полиции, которому ни к чему было подсчитывать число убитых и заключенных, совершенно не понятно, за что могло быть арестовано такое число женщин, да еще посаженных вместе с мужчинами? Ответ может дать рассказ того же ал-Ма‘суди о рождении ал-Хаджжаджа: он родился уродливым, без ягодиц и заднего прохода, он не брал грудь матери и других женщин. Его спас лекарь ал-Харис

б. Килада, бывший муж матери ал-Хаджжаджа (хозяин Зийада б. Абихи [см. т. III, с. 123–125]), посоветовавший поить младенца теплой кровью животных. Три дня резали для него то овцу, то козу, мальчик охотно пил кровь, а потом взял материнскую грудь[168]. Понятно, какой злодей должен был вырасти из подобного младенца. Эта жуткая история настолько фантастична, что не заслуживает критики. Сложнее проверить степень достоверности сведений о численности жертв этого сурового наместника. Ясно, что она значительно преувеличена, неясно только, во сколько раз.

Существовала и другая легенда, в которой доказывалось, что жестокость, применявшаяся для выколачивания налогов, привела в конце концов к разорению Ирака, и там, где прежде собирали в год 118 млн. дирхемов, стали собирать всего 18 млн., или на 100 млн. меньше, чем прежде. Такое многократное падение производства в сельском хозяйстве просто невероятно, тем более что мы знаем об оросительных работах, предпринимавшихся при нем, — здесь перед нами неверное и даже, может быть, умышленно искаженное использование вполне реальных данных, когда вместо целого указывается его часть[169].

Имеющиеся у нас сведения о расправах ал-Хаджжаджа с мятежниками сообщают более скромные цифры. Наиболее массовая казнь — уничтожение 4000 пленных, захваченных после разгрома Ибн ал-Аш‘аса на Дуджайле; других подобных казней больше не было. Видимо, это была казнь для устрашения неарабов, чтобы они не вмешивались во внутриарабские дела. С мятежниками-мусульманами он обращался иначе. Участники хариджитского восстания Шабиба, сложившие оружие после поражения под Куфой, получили помилование; басрийцы, участвовавшие в мятеже Ибн ал-Аш‘аса, получили помилование, как и участники сражения при Дейр ал-Джамаджиме. Лишь наиболее непреклонные мятежники подвергались казням, но число их ограничивалось десятками. После подавления мятежа Ибн ал-Аш‘аса крупных выступлений против власти не было, не было, соответственно, и массовых казней. Конечно, если включать сюда жертв подавления восстаний в Хорасане при Кутайбе, то картина изменится, хотя до ста тысяч казненных еще будет далеко.

Главным было то, на кого поднимал руку ал-Хаджжадж: он казнил представителей высшей аристократии, если они шли против верховной власти. Наиболее непримиримых врагов он преследовал даже за пределами подвластной ему территории. В 93/712 г. он пожаловался ал-Валиду на то, что Умар б. Абдал‘азиз укрывает в Мекке и Медине преследуемых им лиц, и это стоило Умару наместничества, а назначенный на его место по совету ал-Хаджжаджа Усман б. Хаййан арестовал и выслал в Ирак преследуемых[170].

Ал-Хаджжадж не был патологически жесток и казнил во имя высшей цели — укрепления власти халифа. Он был суровым проводником новой государственной идеи — не государство для людей, а люди для государства, государства, воплощенного в халифе. Государство-община все больше превращалось в монархию, новая идея требовала новых деятелей, способных ее реализовать, и таким деятелем стал ал-Хаджжадж. Цель своей деятельности он четко сформулировал в ответе на язвительный вопрос Халида б. Йазида б. Му‘авии: «Доколе ты, Абу Мухаммад, будешь убивать иракцев?» — «Пока они будут говорить о твоем отце, что он пил вино»[171].

Той же цели служила и его фискальная политика. Не для личного обогащения пытками выколачивал он из Йазида б. ал-Мухаллаба шесть миллионов, а для халифской казны. Для того же следил он за тем, чтобы крестьяне не бежали в города, а сидели на земле, высылая из городов даже тех, кто принял ислам[172]. И этими жестокими мерами ему удавалось поддерживать высокий уровень собираемости налогов. 18 млн. дирхемов, о которых Ибн Хурдадбех писал как о провале финансовой политики ал-Хаджжаджа, на самом деле свидетельствуют о высоком уровне собираемости; все дело только в том, как понимать цифры[173].

Неукоснительно требуя от наместников выполнения обязательств перед государственной казной, ал-Хаджжадж снисходительно относился к некоторым прегрешениям Кутайбы. Когда дальний родственник Кутайбы Абдаллах б. Ахтам, неоднократно замещавший его в Мерве во время походов, был обижен и донес ал-Хаджжаджу о многочисленных злоупотреблениях, то ал-Хаджжадж переслал донос Кутайбе. Узнав об этом, Абдаллах немедленно бежал в Сирию и несколько лет скрывался под видом кривого торговца-разносчика. Гнев Кутайбы обрушился на его сыновей и других родственников: часть из них была заточена, а девятеро — казнены[174].

Смерть ал-Хаджжаджа не вызвала в Ираке волнений и, более того, поэты не откликнулись на нее сатирическими стихами — официально она была большим горем и перенявший власть ал-Хаджжаджа его начальник полиции следил за тем, чтобы ее воспринимали правильно.

Ал-Хаджжадж был самым заметным ревнителем интересов халифа по размерам управляемой территории и по длительности правления, но не единственным по непреклонной строгости соблюдения этих интересов. К сожалению, о деятельности других мы имеем меньше сведений, исключая лишь наместника Египта Курру б. Шарика, о котором с ужасом писал один из христианских авторов и от которого по счастливой случайности сохранились два десятка подлинных распоряжений, направленных главе администрации (пагарху) округа Афродито (Атфих) в Среднем Египте.

Курра б. Шарик был одним из секретарей ал-Валида и заслужил такое доверие, что был назначен, как уже говорилось, наместником Египта вместо родного брата халифа, Абдаллаха. Прибыв в Фустат 13 раби‘ I 90/30.I.709 г.[175], Курра ревностно принялся за дело. Абдаллах, ведя широкий образ жизни, не слишком строго следил за сбором налогов: судя по документам первых двух лет правления Курры, за некоторыми селениями оставались недоимки за два предшествующих года. В некоторых случаях в 91 г. х. предъявлялось требование погасить недоимки за 88 г. х. на довольно значительные суммы. Среди должников оказался и епископ Ашкуха[176]. Не избежал преследований и сам патриарх. Когда он по обычаю прибыл в Фустат поздравить нового наместника со вступлением в должность, Курра потребовал 3000 динаров, как тот платил предшественнику. Напрасно патриарх убеждал, что денег у церкви нет и жить приходится только текущим днем, — изыскивать средства все-таки пришлось. Их собирали в Верхнем Египте (в Дельте были сильны оппозиционеры феодоситы), расчет затянулся на несколько лет, и патриарху вместе со своим окружением пришлось пережить и арест в кандалах, и физическое наказание. Полный расчет произошел перед пасхой 714 г. В праздничной проповеди патриарх демонстративно отметил, что вместо золотой и серебряной утвари придется пользоваться стеклянными и деревянными сосудами. Некоторым утешением для него была возможность посоветовать наместнику облагать христиан некоптского вероисповедания двойным окладом джизьи[177].

Помимо денежных и натуральных выплат местное население отправлялось на работы за пределами места проживания: на строительство мечетей в Фустате и Дамаске, дворца халифа, на строительство судов в Фустате, Александрии, Димйате (Дамиетте) и Клисме (Суэц) и для участия в военных действиях египетского флота против Византии[178]. Материалы для строительства судов, металлический лом, дерево, канаты и прочее должны были поставлять провинциальные власти, и, главное, поставлять своевременно и спешно. Такие расходы зачитывались в счет уплаты налога, но все это в совокупности было тяжелым и подчас невыносимым бременем для рядового населения, особенно, если учесть, что Курра добился увеличения общей суммы налоговых поступлений на 100 000 динаров[179]. Многие не выдерживали, и в одиночку или целыми семьями покидали родные селения[180]. Это рассматривалось как тягчайшее преступление, лишающее государство части доходов. Побеги не были следствием правления Курры, оно только усилило их. Беглых не просто возвращали на место постоянного жительства — их жестоко избивали, иногда до смерти. Судя по всему, в Египте существовал очень строгий учет налогооблагаемого населе-

ния, не исключено даже, что его полные списки имелись в центральном ведомстве в Фустате, иначе трудно понять, как из него могло появиться распоряжение, касающееся возвращения беглых по два человека из трех округов. Бежали и мобилизованные на службу во флоте: сохранился запрос Курры по поводу мобилизованных во флот, посланный в Ифрикийу к Мусе б. Нусайру.

От налогового гнета страдали не только рядовые египтяне: различные дополнительные поборы касались и богатых налогоплательщиков, но они могли отыграться на арендаторах и рабочих. Это умножало тяготы последних. В письмах Курры нет конкретных указаний, как следует добиваться выполнения его приказов, это уже было делом местных властей, и те к требованиям центральной власти добавляли собственные, в свою пользу. Сохранилось письмо к Василию, пагарху Афродито, в котором Курра требовал прекратить дополнительные поборы, о которых ему сообщил начальник почты[181].

Стремление получить максимальные поступления заметно даже в том, что Курра напоминал Василию о наступлении времени обработки земли после паводка и необходимости засеять максимальную площадь. В то же время Курра пытался регулировать цены на пшеницу в Фустате. В конце января — начале февраля 709 г. с целью привлечь продавцов пшеницы он отменил торговый сбор с ее продажи. Это, конечно, было продиктовано заботой прежде всего об арабах, составлявших основное население Фустата[182]. Однако, подобные меры годились только для корректировки сезонного колебания цен, не спасая от катастрофической дороговизны в неурожайные годы.

Диапазон и разнообразие деятельности канцелярии Курры, работавшей на двух языках, арабском и греческом, не может не вызвать удивления — ведь случайно сохранившаяся часть документов касается только одного из сорока округов Египта.

По-видимому, требовательность Курры задевала интересы и арабов Египта, поскольку в 92/711 г. в Александрии возник заговор, в котором приняло участие более ста человек, сговорившихся убить его при посещении Александрии. Курре своевременно донесли об этом, и он арестовал заговорщиков. Случай был непростой. Казнить своей волей столько воинов он не решился, и, пока арестованные сидели в подвалах александрийского маяка, собрал командную верхушку, и та постановила казнить преступников, что и было сделано. Последним важным административным актом Курры было составление нового, третьего по счету, реестра (дивана), определявшего размеры жалований и число пайков для лиц, состоящих на службе[183].

Осенью 714 г. в Египте разразилась чума, особенно свирепствовавшая среди арабов. Ее жертвой пала семья Курры в четверг 7.XII.714 г.,

а затем и он сам, хотя и пытался укрываться в более безопасных местностях[184]. Власть над Египтом он перепоручил своему начальнику полиции Абдаллаху б. Рифа‘и, которого и прежде при отъездах оставлял заместителем. Ал-Валид не отменил этого решения, да к тому же и времени для того, чтобы разобраться с этим, у него оставалось мало — вскоре он заболел, поселился для лечения в монастыре Дейр Мурран на горе Касйун, возвышающейся над Дамаском, и в субботу 24.II.715 г. скончался[185]. Его преемник Сулайман утвердил Ибн Рифа‘а, но поручил тому только религиозно-политическую власть, а ведать финансами и сбором налогов было поручено другому лицу — некоему Усаме, о котором арабские источники не упоминают, а христианский историк пишет как об исчадье сатаны. Говоря о его деятельности, мы немного забежим вперед, чтобы не разрывать дальнейшее повествование.

Чума в начале 715 г. пошла на убыль, но на смену ей появилось другое бедствие — страшный голод, унесший едва ли не больше жизней, чем эпидемия. Новый урожай пшеницы (обмолот в мае) принес бедствие противоположного характера — чрезвычайно низкие цены, за 25 ирдабб (6,5 ц) можно было получить только один динар, а поскольку арендная плата и налоги взимались в денежной форме, то такая дешевизна затрудняла расчеты с государством.

Усама ужесточил контроль за наиболее независимой группой населения — духовенством и монашеством. Монахам и священникам на левую руку надели железные браслеты с названием местности и монастыря или церкви, а кроме того, ставили какую-то метку для удостоверения уплаты джизьи за истекший год. Тех, кого находили без этих меток, беспощадно секли или ломали голени, и люди оставались хромыми на всю жизнь. Простые миряне также не могли покинуть свое место жительства без свидетельства об уплате налогов. Потребность в деньгах заставляла людей продавать свою продукцию почти даром: чтобы получить 1 динар, надо было продать 40 (10 ц) артаб пшеницы или 100 ксестов (215 л) растительного масла. Дело доходило до того, что люди продавали самое ценное, что оставалось в доме, — деревянные балки. Денежную часть налогов казна принимала только золотом, и оно сильно вздорожало относительно серебра, которое было разменной монетой, за динар стали давать 35 дирхемов вместо обычных 14–15[186]. И помимо всех этих тягот и преследований продолжалось строительство судов для войны с Византией и мобилизации для комплектования команд на эти суда.

Отступим теперь примерно на полгода и посмотрим, какие изменения произошли в самой столице и в других провинциях Халифата.

Глава 3
НА ПЕРЕЛОМЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ СУЛАЙМАНА

Законный преемник ал-Валида, его брат Сулайман, утвержденный в этом качестве их отцом, в день смерти халифа отсутствовал в Дамаске. Согласно одному сообщению, он находился в ал-Балка в Заиорданье и принял присягу от делегаций в Иерусалиме, сидя во дворе около Куббат ас-Сахры[1]. Это было бы вполне естественно для человека, 10 лет правившего Палестиной, тем более что в этот момент ему было гораздо ближе до Иерусалима, чем до Дамаска.

Абу Аййубу Сулайману в этот момент было около 36 лет[2]. Это был высокий красивый человек, светлокожий, на его величественном лице (*ваджх азим*) выделялись сросшиеся на переносице брови, длинные волосы спадали с плеч. Его отличали обжорство и страсть к нарядам. Он ввел в моду для мужчин одежды из тонких пестрых тканей и ношение сирваля (шаровар), прежде чуждых арабам. Средневековые авторы характеризуют его как благочестивого, щедрого человека, воздерживавшегося от пролития крови[3]. Последнее подразумевает не миролюбие вообще, а только то, что Сулайман не прибегал к массовым казням подданных, хотя воинственность была ему не чужда и кровь его не пугала. Некоторые авторы называют его самым щедрым из Умаййадов, и, по свидетельству ал-Мадаини, иракцы называли его «ключом благ»[4].

Реальность, как мы увидим из дальнейшего, была не столь благостной. Сулайман был, видимо, вздорен и строптив. Недаром как-то его отец, рассерженный спором с ним, бросил в сердцах: «Ты мне не сын»[5]. Став халифом, он мог ни на кого не оглядываться.

Это проявилось уже в конфликте с Мусой б. Нусайром. Он, как было сказано в предыдущей главе, вез ал-Валиду огромную добычу из Магриба. Ал-Валид был уже болен, предчувствовал кончину и торопил Мусу, чтобы успеть насладиться зрелищем привезенных сокровищ. Сулайман же, напротив, писал Мусе, чтобы тот не спешил. Муса счел для себя недостойным обманывать халифа и прибыл в Дамаск за

два дня до кончины ал-Валида. Он, видимо, уже был не в состоянии принять эти сокровища и они все равно достались Сулайману. Но он не простил Мусе неповиновения и в наказание наложил на него штраф в 100 000 динаров. Муса вспылил: «Я служил вам, имея лишь лошадь, овчину и меч. Дайте мне это, а остальное — ваше». Сулайман арестовал его[6]. По некоторым сообщениям, Муса подвергался пыткам, но в конце 97 г. х. Сулайман взял его с собой в хаджж.

Наместником Магриба был назначен Мухаммад б. Йазид, мавла курайшитов. Прибыв в Кайраван, он арестовал Абдаллаха б. Мусу, оставленного отцом вместо себя, и его близких и потребовал выплатить 500 000 динаров. После пыток и выплаты этой огромной суммы Абдаллах был казнен. Менее ясны обстоятельства гибели Абдал‘азиза. По одной версии, убить его предписал Сулайман, назначив Мухаммада б. Йазида; по другой — Абдал‘азиз, узнав о судьбе своего брата, перестал поминать в молитве имя халифа, но в качестве причины недовольства арабской верхушки приводится несколько анекдотичный повод, что он надевал на себя корону. Он был убит в мечети Севильи группой знатных арабов во главе с Хабибом Абу Убайдой.

О длительности независимого правления Абдал‘азиза после прибытия Мухаммада б. Йазида может свидетельствовать сообщение анонимного «Ахбар» о его гибели в конце 98 г. х. (июль 717 г.). Но этому противоречит сообщение о том, что его голову доставили Сулайману в присутствии Мусы, который умер в том же, 98 г. х. Можно, конечно, предположить, что именно это зрелище привело к скорой смерти семидесятилетнего Мусы.

Поблагодарив приближенных и вождей сирийских племен, Сулайман принялся очищать государство от ставленников ал-Валида. Прежде всего ему надо было прибрать к рукам вотчину ал-Хаджжаджа, Ирак. Наместника Мекки, Халида б. Абдаллаха ал-Касри, и наместника Египта, Абдалмалика б. Рифа‘а, он оставил на месте, а преемника ал-Хаджжаджа, Йазида б. Абу Муслима, сместил и назначил Йазида б. ал-Мухаллаба, человека, который в силу собственной ненависти к ал-Хаджжаджу стал бы самым ревностным образом выполнять приказ Сулаймана преследовать, пытать и уничтожать весь род ал-Хаджжаджа. С ним приехали и его братья, тоже пострадавшие от ал-Хаджжаджа. Выколачивать деньги из хаджжаджевцев взялся Абдалмалик б. ал-Мухаллаб.

Йазид освободил всех заключенных, чем обеспечил добрую славу Сулайману у иракцев, а для обеспечения симпатий к себе стал держать открытый стол на 1000 человек[7].

Сместив наиболее ненавистных наместников, Сулайман не стал медлить с назначением наследника: в радостный праздничный день разговения провел присягу своему сыну Аййубу (9 июня 715 г.)[8].

Смена высшей власти не изменила ритма военных операций. В Малой Азии походы против византийцев осуществляли Маслама б. Абдалмалик и сыновья ал-Валида, ал-Аббас и Бишр, а в Мерве готовился к очередному походу за Амударью Кутайба б. Муслим, положение которого в новой ситуации было непростым. Сместив преемника ал-Хаджжаджа в Ираке и послав туда с наказом преследовать родню и ставленников ал-Хаджжаджа, Сулайман не тронул его явного сторонника и протеже, Кутайбу. Скорее всего, подступиться к прославленному завоевателю Мавераннахра, располагавшему большим войском, можно было, только укрепив свои позиции в Ираке.

Рассчитывать на милость Сулаймана и Йазида б. ал-Мухаллаба Кутайбе не приходилось: несколько лет назад он поддержал предложение ал-Хаджжаджа отстранить Сулаймана от наследования и провести присягу сыну ал-Валида, а Йазид не забыл, как Кутайба изгонял его братьев из Хорасана.

МЯТЕЖ И ГИБЕЛЬ КУТАЙБЫ б. МУСЛИМА

Известие о смерти ал-Валида должно было прийти в Мерв около середины марта, в пору выступления войска в поход. Кутайба не стал задерживаться и ждать решения своей судьбы, а выступил в поход, захватив с собой на всякий случай всю свою семью, вплоть до старой матери.

Целью похода 715 г. было завершение завоевания Ферганы, но при сравнительно большом объеме информации об этом походе в ней отсутствуют сведения как о военных действиях в Фергане, так и об обстоятельствах, толкнувших Кутайбу принять губительное для него решение, нет и дат, которые помогли бы понять его действия.

Имеющиеся сведения можно свести к двум версиям. Одна из них, более краткая, говорит только о том, что Кутайба, как обычно, вышел с войском из Мерва, в Мавераннахре к нему присоединились хорезмийцы, бухарцы и согдийцы, поставил охрану у переправы через Амударью, чтобы пресечь неконтролируемую связь с Мервом, и ушел в Фергану. Ни о какой связи его действий с происходившим в центре Халифата не сообщается[9].

Вторая версия сообщает о переписке Кутайбы с Сулайманом, предшествовавшей его мятежу: узнав о приходе Сулаймана к власти, он отправил письмо с поздравлением по этому поводу и заверил в своей преданности. Получив это послание, Сулайман с тем же гонцом отправил Кутайбе грамоту об утверждении его наместником Хорасана и по-

слал с ним своего представителя. Доехав до Хулвана, посланцы узнали о мятеже Кутайбы, и посланец халифа вернулся в Дамаск[10]. Никаких дат не указывается, и поэтому трудно проверить степень достоверности этого рассказа по расчету времени.

Более подробно о переписке Кутайбы и Сулаймана с приведением текстов писем рассказывает ал-Куфи: Кутайба отправляет письмо с поздравлением и получает ответ халифа с заверением, что в любом случае предоставит ему какое-нибудь наместничество. Кутайба посылает осведомителя в Нишапур, чтобы заранее знать о прибытии преемника, узнает о смене наместника Ирака и составляет подложное письмо от имени халифа с приказом идти на завоевание Ферганы и Китая. Узнав об этом, новый наместник Ирака сообщает хорасанцам, что халиф разрешает им разойтись по домам и назначает прибавку к жалованью в размере 100 дирхемов. Кутайба снова пишет Сулайману и получает грамоту на управление Хорасаном; гонец с этой грамотой доезжает до Хулвана и узнает о мятеже Кутайбы[11].

Такое изложение событий вызывает недоверие прежде всего потому, что такой обмен посланиями занял бы по меньшей мере месяцев пять[12], а кроме того, у ал-Куфи явно соединены два разных рассказа, причем последний совпадает со второй версией ат-Табари.

Понятно одно — Кутайба не ждал ничего хорошего для себя при новой власти и заранее обеспокоился о прикрытии для ухода в Фергану, где долго был бы недосягаем для халифа. Письмо с поздравлением могло быть прикрытием, как и надежная охрана переправы. Что послужило последним аргументом для принятия решения о мятеже — так и останется загадкой.

Выступив в поход в конце апреля, Кутайба мог быть в Фергане в начале июня. Закрепившись в Фергане, он послал послов в Кашгар, как уверяют арабские источники, а вероятнее всего — в Суяб[13], где стоял передовой китайский гарнизон. Рассказ об этом посольстве совершенно легендарен, и пересказывать выдумки о том, как арабы поразили местного правителя настолько, что он сразу принял мусульманское подданство, нет смысла[14]. Кутайбе в этот момент было нужно не мифическое завоевание Кашгара или Китая, а реальное обеспечение безопасности со стороны Кашгара и Восточного каганата. Нападения Йазида он мог не опасаться — основные силы хорасанской армии были у него, а быстро сколотить подобное войско было невозможно.

Обезопасив себя с двух сторон, Кутайба решился, наконец, объявить своему войску о намерении отложиться от Халифата, собрав верхушку племенной знати, и предложил выступить против Сулаймана.

Интересно, что начало речи, в которой должно было обосновываться намерение выступить против халифа, не сохранилось, приводится

только та часть, где он расписывает, как много сделал для хорасанцев[15]. Речь была встречена молчанием. И хотя возражений тоже не было, Кутайба так разозлился, что начал поносить представителей всех племенных группировок. Его так занесло, что не мог остановиться и пощадить хотя бы кого-нибудь. Он был настолько убежден в своем величии и непререкаемости полководческого авторитета, что не мог простить даже молчаливого несогласия.

Вернувшись в свою палатку, он вынужден был выслушать упреки родственников за то, что никого не пощадил в своей обличительной речи. Кутайба сознался, что от злости наговорил неизвестно что, и тут же снова разошелся, находя еще более едкие характеристики: бакриты подобны рабыне, которая не противится, когда ее щупают, тамимиты — то место, по которому дикий осел бьет хвостом, а аздиты — вообще не арабы.

Немедленной вспышки недовольства в войске не последовало, так как не было общепризнанного предводителя. Начались тайные переговоры и поиски такого предводителя. Выбор пал на Ваки‘ б. Абу Суда, человека обозленного на Кутайбу, который отстранил его от командования тамимитами. Кутайба знал о брожении в войске, но вместо того чтобы искать примирения и союзников, стал искать главного подстрекателя и решил, что это Хаййан ан-Набати, командир отряда мавлей. Он хотел подослать убийцу, но слуги, симпатизировавшие своему брату, неарабу, сообщили Хаййану, тот смог избежать гибели и стал ярым врагом Кутайбы. Более того, за обещание Ваки‘ отдать ему свою дань с Мавераннахра он убедил мавераннахрцев, бухарцев, согдийцев и хорезмийцев не вмешиваться в распри между арабами и тем лишил Кутайбу достаточно сильных союзников.

Глава тамимитов, Дирар б. Хусайн, сменивший Ваки‘ и лучше знавший, что делается в племени, сообщил, что глава заговора — Ваки‘. Кутайба решил, что Дирар сводит счеты с соперником, не поверил ему и не принял никаких мер. Когда, наконец, Кутайба решил арестовать Ваки‘, то не нашлось людей, способных это сделать, и Ваки‘ поднял своих сторонников. Войско в большинстве осталось нейтральным, и ситуацию можно было повернуть в другую сторону. Кутайба приказал подать боевого коня, чтобы предстать перед колеблющимися в привычном образе победоносного полководца, но конь стал так брыкаться, что Кутайба не смог на него сесть. Явиться войску пешим он не мог, поэтому отказался от дальнейших попыток активно действовать, приказал принести кресло и сел перед палаткой, что нередко делали командующие в разгар боя, показывая, что все идет как надо.

Кутайба послал к войску своего брата Салиха, но его тяжело ранили по дороге; Абдаррахмана, посланного вслед за ним, обстреляли

и убили базарные торговцы. Описание происходящего далее очень неопределенно. Видимо, Кутайбу и несколько десятков его родственников и верных сторонников долго обстреливали издали и лишь потом набросились и перебили израненных защитников Кутайбы. Во всяком случае, поединки не упоминаются, как нет и имен нападавших, погибших от рук оборонявшихся. Обессилевший от ран Кутайба укрылся в палатке. Нападавшие обрезали веревки, палатка придавила его или, как говорили, его убило упавшим колом. Два аздита разрезали полотно палатки и отрубили голову завоевателю Мавераннахра. Вместе с ним погибли пять братьев и четыре сына, не говоря о более дальних родственниках. Голову Кутайбы забрал Ваки‘ и отослал Сулайману. Тела сыновей обезглавили и распяли.

Все получили свое: Ваки‘ стал наместником Хорасана, Хаййан ан-Набати получил обещанное вознаграждение, а Кутайба навсегда слился с землей Ферганы.

НАМЕСТНИЧЕСТВО ЙАЗИДА б. АЛ-МУХАЛЛАБА В ХОРАСАНЕ

Ваки‘ недолго наслаждался властью. С одной стороны, его грубость и непристойное поведение (он мог на приеме потребовать тазик и при всех помочиться)[16] скоро вызвали недовольство хорасанской верхушки, и Сулайману пришлось задуматься о кандидате на его место. С другой стороны, заполучить Хорасан в свои руки хотел Йазид б. ал-Мухаллаб, чтобы, как ал-Хаджжадж, стать правителем всей восточной половины Халифата, а заодно удовлетворить свое самолюбие, оскорбленное смещением в 705 г., и отомстить своим обидчикам, если они еще дожили до этого времени.

Для осуществления этой цели он прибег к помощи Абдаллаха б. ал-Ахтама, уже сбросившего свою уничижительную личину и прославившегося красноречивыми поношениями ал-Хаджжаджа и Кутайбы. Получив от Йазида 20 000 дирхемов, он, как знаток хорасанцев, навел халифа на мысль, что лучшей кандидатуры, чем Йазид, быть не может[17].

Получив в верховное управление Хорасан, Йазид передал эту область своему сыну Мухалладу. Вероятно, тогда же управлять Сиджистаном, прежде входившим в наместничество Кутайбы, был поставлен брат Йазида, Мудрик[18].

Когда в Мерв прибыл гонец с извещением о прибытии нового амира и предложил выйти его встречать, Ваки‘ отказался участвовать во встрече, а когда упорство его было сломлено, то встретил Мухаллада

верхом, а не спешившись, выказав этим свое пренебрежение. Это, конечно, было не проявлением личной спеси, а демонстрацией отношения северных арабов, кайситов, к которым он принадлежал, к аздитам вообще. Ваки‘ и его чиновники были арестованы и подвергнуты пыткам, чтобы получить полный финансовый расчет.

Правление Ваки‘ продолжалось 9 или 10 месяцев[19]. Кутайба был убит в 96 г. х., который кончился 4 сентября 715 г. Учитывая время, потребовавшееся ему для достижения Ферганы, и длительность всех перипетий бунта войска, июль кажется наиболее вероятным временем его гибели. В таком случае Мухаллад должен был прибыть в Мерв в апреле 716 г.

Йазид тем временем укреплял иракскую администрацию, чтобы самому приехать в Мерв и посчитаться со своими врагами. В Васите, продолжавшем оставаться столицей наместничества, он оставил энергичного ал-Джарраха б. Абдаллаха ал-Хаками, в Басре был оставлен Абдаллах б. Хилал ал-Килаби, а присмотр за имуществом рода ал-Мухаллаба в этом городе был поручен брату Йазида, Марвану[20].

Смерть ал-Хаджжаджа и ал-Валида сломала судьбу не только Кутайбы б. Муслима, но и соплеменника ал-Хаджжаджа, завоевателя Синда, Мухаммада б. ал-Касима ас-Сакафи. Новый наместник из южноарабского племени сакасик арестовал его. Кроме племенного антагонизма ненависть к Мухаммаду б. ал-Касиму подогревалась недостачей в казне 60 млн. дирхемов. Он был приговорен к мучительной смерти: его облили нефтью и завернули в сырую шкуру, которая, высыхая, сжимала его и задушила[21].

Весной, в конце апреля или начале мая, Йазид со значительным войском, состоявшим из сирийцев, джазирцев и иракцев и подкрепленным контингентом из Рейа, направился в Хорасан[22]. Свое трехмесячное пребывание в Мерве он использовал для укрепления власти мухаллабидов в Хорасане и Мавераннахре. Наместником Согда и Бухары он назначил своего сына Му‘авию, а Тохаристан (вероятно, с включением Чаганийана) поручил своему племяннику Хатиму б. Кабисе[23].

Летом 716 г., не позднее августа, Йазид повел свое войско, пополненное хорасанцами (всего около 30 000 человек)[24], на Дихистан.

Дихистан (Дахистан) — район в крайнем юго-западном углу современного Туркменистана, в низовьях Атрека. В описываемое время Дихистан орошался веером каналов из Атрека, доходивших почти до самого Каспийского моря. Столица этого владения в арабских источниках, исторических и географических, также называется Дихистаном; археологические остатки его в виде городища Мешеди (Мешхед-и) Мисриян («Место мученической смерти египтян»), названо по находящемуся там мавзолею. К раннему средневековью относится прямо-

угольный шахристан площадью около 95 га, т.е. в два с лишним раза больше Бухары того времени[25], если только этот прямоугольник стен не появился несколько позже.

На юге Дихистанская низменность постепенно переходила в хорошо орошенную область Гургана, или по-арабски Джурджана, у самого юго-восточного угла Каспийского моря. При Сасанидах Джурджан был прикрыт от нападения кочевников с севера длинной оборонительной стеной, которая, если верить арабским авторам, к описываемому времени утратила значение[26]. На западе естественным продолжением Джурджана был Табаристан.

Две последние области номинально подчинялись Халифату с 30/650 г., но эта зависимость выражалась в нерегулярной уплате дани, ради которой в Табаристан приходилось посылать войска для напоминания об условиях договора; при этом Джурджан, кажется, оставался в стороне.

Что же толкнуло Йазида б. ал-Мухаллаба совершить поход для завоевания этого забытого уголка Прикаспия? Вряд ли приходится видеть причину в том, что он, соперничая со славой завоевательных походов Кутайбы, взялся завоевывать то, что не смог завоевать Кутайба[27]. Убедительнее выглядит рассказ ал-Мада’ини о том, что к Йазиду явился правитель Джурджана Фируз, страдавший от набегов дихистанских тюрков во главе с Сулом (Чуром), которому помогал брат Фируза Марзбан (?), и попросил Йазида о помощи[28]. Йазид воспользовался этим поводом, чтобы надежнее привязать Джурджан к Халифату, а затем превратить в данников тюрков Дихистана. В августе 716 г. Йазид повел свою тридцатитысячную армию[29] вдоль предгорий Копетдага к Каспийскому морю. После нескольких столкновений тюрки во главе с Сулом укрылись за стенами какого-то города; в одних случаях он называется просто «город», в других фигурирует под названием ал-Бухайра («озеро»), причем указывается, что это — остров в 5 фарсахах (30 км) от берега. Здесь явно какая-то путаница: странно и название крепости на острове в море, странно и то, что в рассказах о сдаче ал-Бухайры не упоминаются никакие действия арабов по преодолению водной преграды; видимо, голод, отсутствие воды и употребление ее из луж привели к массовому заболеванию дизентерией. Сул пошел на переговоры, Йазид поначалу требовал сдаться на его милость, что было неприемлемо для Сула. Наконец, он получил право беспрепятственно выйти из города со своим имуществом и тремястами родственниками и приближенными. Йазиду достался город со всеми богатствами, его защитниками и жителями. Йазид якобы казнил 14 000 пленных (что представляется явным преувеличением во славу аздитского героя), но многих помиловал. По другой версии, Сул обязался платить

по 500 000 дирхемов ежегодно и дал 1000 рабов[30]. Цифра эта явно несопоставима с экономическими возможностями Дихистана, если вспомнить, что более богатый Самарканд платил ежегодно только 200 000.

По-видимому, тогда же Йазид получил от правителя Джурджана подтверждение готовности платить в соответствии с договором 30 г. х. 200 000 дирхемов в год. О военных действиях в Джурджане, естественно, не упоминается. После этого Йазид ушел зимовать в Мерв.

Весной 717 г. Йазид той же дорогой направился в Табаристан. Оставив в Дихистане и соседнем ал-Байхане четырехтысячный отряд, он через Джурджан прошел к Табаристану, оставил на границе с ним еще один четырехтысячный отряд и вступил на территорию Табаристана. Испехбед, желая избавить страну от грабежей, сразу же предложил Йазиду заключить мирный договор и вывести войска. Йазид отказался и выслал вперед две группы под командованием своего сына Халида и брата Абу Уйайны или племянника Хидаша б. Мугиры. После первых успехов арабы были завлечены в горы, горцы Дейлема атаковали их сверху и нанесли большой урон. Остатки разгромленных отрядов отступили в главный лагерь. Чтобы окончательно добить Йазида, испехбед, сообщая марзбану Джурджана о своих успехах, предложил напасть на арабский отряд, расположенный у него в Байсане. Марзбан ночью напал на арабов и перебил всех поголовно; среди убитых было полсотни сородичей Йазида. В довершение всего испехбед перекрыл и другие пути отступления.

Положение спас какой-то мавла Хаййан (возможно, уже упоминавшийся Хаййан ан-Набати, но в этом случае он называется дейлемитом)[31]. Он явился к испехбеду якобы по своей инициативе и посоветовал вступить в переговоры, так как Йазид ожидает помощи и противостоять ему будет нельзя. Подобные сюжеты в описании событий первого века завоеваний не единичны, и принимать этот рассказ как совершенную правду нельзя. Но, как бы то ни было, испехбед пошел на переговоры с Йазидом, находившемся в трудном положении, и принял довольно тяжелые условия: ежегодную выплату нескольких тысяч дирхемов и 400 вьюков шафрана[32].

Когда марзбан узнал о договоре и возвращении Йазида, то укрылся со своими людьми в какой-то горной крепости среди лесов. Йазид осадил ее, но условия местности не позволяли штурмовать крепость, а взять измором заранее подготовленную к обороне крепость было непросто. Осада затянулась будто бы на полгода[33]. Случайно удалось найти подход через лес у задней стороны крепости, и однажды ночью, когда основные силы демонстрировали попытку штурмовать крепость со стороны ворот, небольшой отряд (400 человек ?) незаметно подобрался к крепости сзади и напал на нее. Неожиданное нападение сло-

мило осажденных, они были перебиты в бою или попали в плен. Судьба последних, кажется, оказалась незавидной — всех их, то ли 12, то ли 14 тысяч, обезглавили вместе с марзбаном[34]. С огромной добычей и деньгами, полученными по договорам, Йазид отправился к халифу. Конечно, размер добычи (хумс = 6 или 20 млн. дирхемов)[35], как и число казненных, невероятно преувеличены.

ВТОРАЯ ОСАДА КОНСТАНТИНОПОЛЯ

На период правления сибарита Сулаймана приходится одна из самых смелых операций против Византии, хотя роль самого халифа в ее замысле и организации остается неясной.

Приход к власти Сулаймана совпал с периодом ожесточенной междоусобной борьбы в Византии. Провинциальная, фемная знать, располагавшая собственными вооруженными силами, боролась со столичной знатью, да еще и среди горожан не было единства. Дело дошло до того, что провинциальные войска, возглавленные знатью фемы Опсикион, осадили столицу, которая после полугодовой осады в конце августа 715 г. была взята штурмом и изрядно пострадала. Затем началось соперничество между фемами, и в этой борьбе наибольший авторитет приобрел Лев Исаврийский, возглавлявший фемы Анатолик и Арменик.

Такой раскол предоставлял Халифату очень удобную возможность нанести решительный удар Византии. Лето 715 г. не принесло арабам особых успехов в Малой Азии. Не заметно их и в весенней кампании 716 г.: две пограничные крепости захватил Маслама, да сын Сулаймана Дауд в который уже раз овладел крепостью ал-Мара в районе Малатийи[36]. Активизация военных действий явно началась после заключения союза между Халифатом и Львом. Возможно, инициатором переговоров стал именно Лев, рассчитывавший с помощью арабов легче расправиться с соперниками и завладеть Константинополем, а арабы рассчитывали получить в лице нового императора послушного вассала или данника.

13 января 716 г. Лев объявил себя императором. Как соотносится это решение с соглашением о совместных действиях по времени — остается неяным, так же как неясно, когда началась подготовка к большой морской экспедиции.

Ат-Табари под 98/716-17 г. очень неопределенно упоминает переговоры Умара б. Хубайры со Львом, прибывшим из Арминии (Арменика), но без каких-либо сведений о существе переговоров[37]. Умар б. Хубайра вряд ли упомянут случайно, так как ему принадлежала

важная роль в будущей войне: сообщается, что в 97 г. он командовал военными действиями на море и оставался у берегов Византии на зиму[38]. Зима в этом году (97 г.) приходилась на конец 715 — начало 716 г. Серьезная подготовка к походу на Константинополь началась весной 716 г., о чем свидетельствуют слова ат-Табари, что в 97 г. шла подготовка Сулайманом войск для похода на Константинополь[39].

Сам Сулайман в это время готовился к паломничеству. Для каждого халифа паломничество было важным поводом для подкрепления своего авторитета ореолом покровителя и благодетеля двух священных городов. И Сулайман начал подготовку к паломничеству загодя: наместнику Мекки, Халиду б. Абдаллаху ал-Касри, повелели провести в город воду из горного источника, а наместнику Медины, Абу Бакру б. Мухаммаду, сменившему предшественника, провинившегося пьянством и оскорблением курайшитки (за что получил две порции плетей), было приказано построить дворец в Джурфе (см. т. I, с. 64, рис. 6). Но все прошло не так уж и гладко. Халид б. Абдаллах, человек весьма решительный (ведь именно он осмелился внести изменения в обряд обхода Ка'бы и стал вместо беспорядочной толкотни, где можно было поприжиматься к паломницам, выстраивать рядами отдельно женщин и мужчин), быстро справился с заданием и чистую родниковую воду подвел по свинцовой трубе к Ка'бе, однако, когда в пятничной проповеди стал восхвалять благодеяние халифа, утратил меру и предложил восславить Сулеймана за то, что дал мекканцам чистую воду вместо той, что пить противно, имея в виду солоноватую воду Замзама, которую пили и паломники, и сами мекканцы. Такое святотатственное высказывание о воде священного колодца вызвало возмущение курайшитов и недовольство Сулаймана, который вскоре (вероятно, весной 716 г.) сместил его, но не за это высказывание, а за оскорбление, нанесенное курайшитке, и назначил на его место Талху б. Дауда ал-Хадрами, приказав доставить ему Халида, закованным в кандалы. Впрочем, и Талха чем-то не угодил халифу и после паломничества тоже был смещен[40].

Сам хаджж прошел без заметных происшествий, но на обратном пути произошло несколько эксцессов, раскрывающих вздорный и жестокий характер Сулаймана. На обратном пути в Медине во время маджлиса (вечерней беседы) Сулаймана с поэтами к ним подвели партию пленных византийцев из 400 человек. Сулайман ни с того ни с сего вдруг предложил случившемуся при этом Абдаллаху, внуку Хасана б. Али, отрубить одному из них голову. Никто из присутствовавших своего меча ему не дал. Абдаллах взял его у охранника и этим плохоньким мечом не только с одного удара отрубил голову, но и перерубил железный ошейник. Такой мощный удар восхитил Сулаймана,

и он стал предлагать другим рубить головы пленным. Приняли участие и поэты, например ал-Фараздак, тут же сочинялись и стихи по случаю[41]. Бессмысленная кровавая расправа над беззащитными пленными превратилась под руководством Сулаймана в забавную спортивную игру[42]. Казни пленных из особенно упорно оборонявшихся гарнизонов не были редкостью, но подобные убийства для потехи и в те жестокие времена были событиями из ряда вон выходящими.

В Иерусалиме Сулайман распорядился сжечь прокаженных, которые своими колокольчиками, предупреждающими прохожих, не давали ему заснуть. Умар б. Абдал‘азиз уговорил халифа отменить этот приказ и заменить его высылкой несчастных в отдаленное селение[43]. От вспышек ярости Сулаймана пострадали даже близкие родственники. После одной из них его родной брат Марван настолько расстроился, что заболел и умер[44].

Когда Сулайман возвратился из хаджжа (конец августа — начало сентября 716 г.), военные действия против Византии были в разгаре. Огромное войско Масламы (будто бы около 90 000 человек), сопровождаемое 6000 верблюдов и 6000 мулов, при поддержке с моря 500 судами из Сирии и Египта беспрепятственно пересекло Малую Азию по территории, контролируемой Львом, и напало на фемы западного побережья, поддерживавшие правящего императора. Флот поддерживал с моря осаду Сард и Пергама. В Амурии (Амориуме) Маслама встретился со Львом и обговорил дальнейшие совместные действия[45].

С помощью большого флота Ибн Хубайры, оперировавшего в Эгейском море, Маслама переправил свое войско через Дарданеллы в районе Абидоса и обложил Константинополь с суши[46]. Арабский флот вошел в Мраморное море и блокировал город с моря. Одновременно Маслама разослал отряды по Фракии, занимавшиеся грабежами и созданием запасов зерна и фуража на зиму. Был даже захвачен какой-то славянский город (*мадинат ас-сакалиба*)[47].

В это время Лев начал переговоры с константинопольцами о признании его императором и допущении его в город. Согласно арабской версии рассказа об этом, жители Константинополя сказали, что поверят в искренность его заверений, что он не подыгрывает арабам, если побудит Масламу уничтожить запасы зерна и фуража, собранные для длительной осады. Лев будто бы убедил Масламу уничтожить запасы для успокоения константинопольцев, поскольку, вступив в город, он сдаст его. Маслама сжег припасы, константинопольцы впустили Льва, но он отказался сдать город, а арабская армия осталась на зиму без припасов[48].

В этом рассказе есть нечто от сказочного сюжета о благородном доверчивом герое и хитром обманщике, но, во всяком случае, арабской армии пришлось пережить под стенами Константинополя необы-

чайно холодную снежную зиму при недостатке продовольствия и фуража, пришлось даже съесть часть лошадей.

Не совсем удачными оказались и действия флота. Сначала ему удалось заблокировать Босфор со стороны Черного моря, и было решено высадить десант в самом городе со стороны бухты Золотой Рог. Но Лев предусмотрительно закрыл вход в нее железной цепью, а византийские корабли встретили десантные суда греческим огнем и сожгли два десятка из них. Начавшиеся зимние штормы заставили арабский флот укрываться в спокойных гаванях[49].

Весной на помощь Масламе из Египта пришло 360 транспортных судов, корабли с подкреплением и продовольствием пришли и из Ифрикийи. Но это не помогло коренным образом переломить ход военных действий. Значительное увеличение сил, находившихся в распоряжении Масламы, не привело к кардинальному перелому в военных действиях. На это повлиял фактор, лежавший за пределами собственно военных действий. Значительную часть флота, блокировавшего Константинополь, обслуживали египетские экипажи, в большинстве мобилизованные насильственно, более того, обстановка на покинутой ими родине вызывала недовольство. Два года правления Абдалмалика б. Рифа‘а в исполнении Усамы довели страну до кризисного состояния. Жестокое преследование налогоплательщиков не останавливало бегства от неисполнимых налогов, беглецы сколачивались в шайки, грабившие на дорогах и каналах, наступил спад торговли, и обрабатываемые земли стали запустевать[50]. Все это не вызывало желания воевать ради такой власти. И однажды ночью часть египетских судов перешла на сторону византийцев. Это не только ослабило блокирующий флот, но и расстроило план нападения на город с моря, так как перебежчики раскрыли план операции. Транспортные суда с десантом, предназначенным для высадки в городе через залив Золотой Рог, были встречены кораблями, снабженными сифонами с греческим огнем. Часть судов сгорела, остальная эскадра была рассеяна византийскими военными кораблями[51]. Осада вновь приобрела пассивный характер, сухопутной армии пришлось отбивать нападения болгар.

Сулайман со всем окружением обосновался в Дабике вблизи с границей Византии в Малой Азии, где обычно собиралось войско для вторжений в Малую Азию. Эта показная решимость халифа активизировать войну с Византией не дала существенного результата: арабская армия осталась под Константинополем на вторую трудную зимовку.

На фоне большой войны и больших политических перемен незамеченным осталось небольшое событие в поместье одного из Аббасидов в ал-Хумайме (Иордания), заинтересовавшее в тот момент очень узкий круг причастных к нему людей.

В течение двух десятилетий главные претенденты на власть над общиной, потомки Али, не вступали в открытое противостояние с Умаййадами. Возглавивший их после гибели Хусайна Мухаммад б. ал-Ханафийа занял лояльную позицию по отношению к Абдалмалику и обеспечил роду Али благополучное во всех отношениях существование. Согласно шиитской исторической традиции, имамом в это время был единственный оставшийся после побоища у Кербелы сын Хусайна, Али, прозванный его почитателями Зайн ал-Абидин («Краса поклоняющихся [Аллаху]»), и вроде бы именно он, как имам, должен был бы возглавить род. Однако реальная картина взаимоотношений внутри рода была иной, чем ее рисует шиитская агиография. Мухаммад б. ал-Ханафийа, хотя и не был сыном Фатимы и не являлся, следовательно, потомком пророка, оказался старейшим из потомков Али, и в силу существовавших традиций возглавлял род, а считался ли Али б. Хусайн в те дни имамом или цепочка наследования имамата была построена позже, остается под вопросом.

Ситуация в любом обществе никогда не соответствует идеальным теоретическим построениям. Не будем забывать, что Мухаммад б. ал-Ханафийа для участников восстания ал-Мухтара тоже был имамом, хотя сам он не претендовал на это (но не разочаровывал своих почитателей решительным отказом). Его смерть в 94/700-01 г. только способствовала его возвеличиванию. Часть его почитателей уверовала в то, что он остался на земле, живет на вершине горы ар-Радва между Меккой и Мединой, питается молоком и мясом посылаемых ему белых газелей, и два льва охраняют его[52]. Другая же часть перенесла почитание на сына Мухаммада, Абу Хашима Абдаллаха.

Это обстоятельство, казалось бы, должно было породить соперничество между Абу Хашимом и Зайн ал-Абидином, но, как мы увидим дальше, отношения их были иными.

Следует учитывать существование нескольких различно информированных кругов общества. Первыми были сами Алиды, связанные родственными узами и хорошо знавшие цену друг другу. Здесь не могли возникать ложные представления о том, что кто-то из скончавшихся родственников взят живым на небо или удалился на вечное пребывание на гору неподалеку от Медины. Возможно, в эти годы не существовали и проблемы передачи имамата: первенство в роду определялось старшинством. Отношения между тремя ветвями (потомками Хасана, Хусайна и Мухаммада) не были идиллическими, но спор шел не о имамате, а о главенстве в роде, с которым было связано распоряжение средствами, поступавшими из казны или из иных источников.

Второй круг составляли почитатели того или иного из Алидов, знавшие их лично. В этом окружении, скорее всего, и формировались аргументы в пользу тех или иных кумиров. И наконец, существовал огромный круг почитателей, никогда не видевших никого из Алидов и тем смелее обожествлявших их в чаянии лучшей жизни и установления царства справедливости. Конечно, сами Алиды использовали эти силы для упрочения своего первенства, но в своем кругу вряд ли прибегали к ним для утверждения первенства и права возглавлять род, ссылаясь на то, что получили какую-то инсигнию от имама. В качестве таковой в одном из рассказов о передаче имамата фигурирует некий «желтый свиток», содержащий какой-то завет или завещание (*ал-васийа*) пророка, переданный им Али. Потом Ибн ал-Ханафийа будто бы попросил Хасана и Хусайна уступить свиток ему, поскольку они и без того имеют перед ним преимущество в происхождении от пророка[53]. Обладание таким же заветом приписывается Зайн ал-Абидину[54].

С точки зрения шиитов-имамитов, имамом и главой Алидов после Хусайна стал Зайн ал-Абидин, но в действительности главой рода был старший из дядьев, Мухаммад. Но и после его смерти первенствовал не Зайн ал-Абидин: во всяком случае, около 709–710 гг. старейшим из Алидов являлся сын Хасана, Зайд.

Анонимная «История халифов» подробно описывает конфликт между Зайдом б. ал-Хасаном и Абу Хашимом, позволяющий реально представить характер взаимоотношений между верхушкой Алидов. Зайд как старший потомок Фатимы получал какие-то средства из пожертвований, предназначенных еще Али (*садакат*), а Абу Хашим, будучи старшим из внуков Али, считал, что распоряжаться этими средствами должен он. Абу Хашим обратился за разрешением этого спора к суду авторитетных законников Медины, заявив, что средства эти были завещаны Али, а не Фатимой, и распоряжаться ими по завещанию должен наиболее достойный из его старших потомков, он же лучше Зайда знает Коран и сунну пророка и является таким образом самым достойным. Судьи признали его правоту, но Зайд отверг их решение. Конфликт все более обострялся, и когда в сентябре 710 г. ал-Валид проезжал через Медину в хаджж, Зайд донес на Абу Хашима, что тот вносит раскол в общину, что у него в Ираке есть сторонники (*ши‘а*) из сподвижников ал-Мухтара, которые считают Абу Хашима имамом и присылают ему пожертвования (*садаку*). В том, что в Ираке были люди, для которых после смерти Мухаммада б. ал-Ханафийи объектом почитания стал его сын, не приходится сомневаться, вопрос только в том, насколько способствовал этому сам Абу Хашим. Во всяком случае, примечательно, что Зайд в своем доносе не говорит, что его соперник сам называет себя имамом.

Ал-Валид серьезно отнесся к словам своего тестя и, возвращаясь, взял с собой Абу Хашима и в Дамаске заключил его в тюрьму.

Его брат Аун безуспешно пытался добиться освобождения с помощью человека, близкого к халифу[55]. Тогда за это взялся Зайн ал-Абидин. Он поехал в Дамаск, заверил ал-Валида, что ни о какой раскольнической деятельности Абу Хашима не известно и его арест порочит Умаййадов. Ал-Валид освободил Абу Хашима и даже включил его в круг участников своих вечерних бесед (маджлисов).

Вскоре после описываемых событий, в 94/712-13 г., Зайн ал-Абидин скончался, и его почитатели признали своим имамом его сына Мухаммада ал-Бакира («Проникающего в суть»). И в этом случае об имамате приходится говорить как о частном деле небольшой группы лиц. Во всяком случае, халифы не воспринимали ал-Бакира как соперника, оспаривающего их власть, да он и не предпринимал враждебных действий.

Иначе повернулось дело с имаматом Абу Хашима. Он оказался плохим царедворцем — был слишком независим в суждениях. Однажды во время обсуждения причин, по которым Мухаммад не женился на дочерях ансаров, ал-Валид неуважительно назвал его Абу-л-Банат («Отец дочерей»), обидно подчеркнув отсутствие у него сыновей. Абу Хашим запальчиво ответил, что у пророков Лута (Лота) и Шу‘айба тоже были одни дочери, как и у Мухаммада, и ничего позорного в этом нет. Ал-Валид разгневался и сказал, что лишает его своего покровительства, а Абу Хашим заявил, что и так засиделся в Дамаске и Сирии[56].

В это время в Дамаске находился Мухаммад б. Али, правнук ал-Аббаса, собиравшийся возвращаться в свое поместье в ал-Хумайме (примерно в 100 км южнее Мертвого моря), и он пригласил Абу Хашима в попутчики. По дороге Абу Хашим заболел, а по другим сведениям, был отравлен в пути специально подосланными ал-Валидом людьми. Так или иначе, он не мог продолжить путь в Медину и оставался в доме Мухаммада б. Али.

Аноним совершенно определенно связывает отъезд Абу Хашима из Дамаска с немилостью ал-Валида, но существует версия, согласно которой Абу Хашим возвращался с Сулайманом, не понравился ему и по дороге в Медину был отравлен людьми, подосланными халифом.

Чувствуя себя плохо, он остановился у Мухаммада б. Али в Хумайме и умер там в 97 г. х. Халифа также относит его смерть ко времени правления Сулаймана, но датирует ее 98 г. х.[57]. По-видимому, в рассказе Анонима сжат временной промежуток между ссорой с ал-Валидом и прибытием в ал-Хумайму.

Как бы то ни было, находясь в Хумайме, Абу Хашим почувствовал приближение кончины и решил препоручить Мухаммаду б. Али своих

почитателей. Он попросил присутствующих оставить его наедине с Мухаммадом и, по словам последнего, открыл ему, что пророк предсказал Али, что власть его рода будет недолгой, а затем перейдет к потомкам ал-Аббаса, которые отомстят за обиды, нанесенные Алидам, и будут покровительствовать им. С этим он передал Мухаммаду власть над своими почитателями в Ираке и сообщил, в каком доме в Куфе и у какой колонны спрятан заветный свиток, переданный пророком Али б. Абу Талибу с предсказаниями будущего. Поскольку разговор был с глазу на глаз, то Мухаммад мог рассказывать потом об этом разговоре что угодно. По одной из версий, Абу Хашим предсказал все последующие события, что центром восстания будет Мерв, что началом пропаганды должен стать «год осла», и объяснил, что это — сотый год хиджры[58].

После разговора с глазу на глаз Абу Хашим позвал своих спутников, Салима б. Буджайру, сына казненного сподвижника ал-Мухтара, и Абу Раййаха Майсару, и сообщил, что передал власть над ними Мухаммаду б. Али, а Салим продиктовал имена ведущих сторонников Абу Хашима[59]. В этом перечне примечательно, что все эти люди — мавлы. То есть тот же слой, который поддерживал ал-Мухтара.

Если отбросить все благочестивые речи и предсказания и таинственный свиток с пророчествами (который Аббасиды никогда не предъявляли в подтверждение своих прав на верховную власть над мусульманской общиной), то останется один несомненный и важный факт: главой недовольных в Ираке стал правнук ал-Аббаса. Вряд ли они представляли какую-то организацию, но Мухаммад б. Али энергично принялся за ее создание. Время для этого было весьма благоприятным: с наступлением сотого года в народе связывались такие же чаяния падения арабской власти, как за тридцать лет до этого с наступлением семидесятого года. Однако Сулайману не суждено было столкнуться с последствиями выхода на политическую арену Аббасидов.

Находясь в сентябре 717 г. в военном лагере под Дабиком, сорокатрехлетний халиф чем-то тяжело заболел. Вскоре стало ясно, что пора срочно думать о преемнике. Сын Сулаймана, Аййуб, которому присягали как наследнику, незадолго до того умер[60], а другой не был найден. Теперь приходилось думать об этом безотлагательно. Естественно было остановиться на другом сыне, Дауде, но Сулаймана отговорили, потому что тот воюет под Константинополем и неизвестно, жив ли. Другие сыновья не достигли еще совершеннолетия. Оставались братья, но Сулайман, видимо, был с ними не в таких отношениях, чтобы передать им власть. В конце концов выбор пал на двоюродного брата, Умара б. Абдал‘азиза. Влиятельный богослов и правовед Раджа б. Хава, присутствовавший при последних днях Сулаймана, со слов которого мы и знаем подробности, уверял, что выбор был подсказан именно

им. Главным аргументом в его пользу была благочестивость, что нравилось и Сулайману. Он продиктовал завещание в пользу Умара, а после него — Йазида б. Абдалмалика. 1 октября 717 г., в пятницу, Сулайман скончался[61].

«ВТОРОЙ УМАР ИБН АЛ-ХАТТАБ»

Умару б. Абдал'азизу было в это время 35–36 лет. Внешне это был все тот же смуглый человек с изящными чертами лица, которые теперь дополняла пышная борода; совсем недавно за возможность стирать свою одежду вместе с его, чтобы пропитать ее благовониями, люди платили прачкам взятки. Однако теперь этот прежний франт и законодатель мод внутренне сильно изменился: длительное общение с мединскими благочестивцами отвратило его от пристрастия к роскоши и родило в нем идею приблизить мусульманскую общину к административно-правовой практике времен Мухаммада и двух первых халифов. Положение главы мусульманского государства открывало возможность воплощения в жизнь этого идеала[62].

Решение Сулаймана понравилось не всем. Хишам б. Абдалмалик, обойденный в завещании, чувствовал себя обиженным, но вынужден был смириться.

Решительнее действовал племянник Умара по матери, Абдал'азиз б. ал-Валид б. Абдалмалик, которого отец намеревался сделать своим преемником. Намерение это не осуществилось, но мысль о возможности стать халифом, была заронена в его душу. Смерть Сулаймана давала долгожданную возможность. Абдал'азиз привел к присяге себе группу сторонников и намеревался занять Дамаск, когда узнал о присяге Умару. Соперничать с братом матери он не стал, а поведение свое объяснил дяде тем, что побоялся возникновения неурядиц в период возможного безвластия[63]. Если поверить этому объяснению, то придется предположить, что между смертью Сулаймана и присягой Умару был некоторый перерыв, который историки игнорировали и по шаблону отметили, что присяга прошла в день смерти предшественника.

В сведениях о времени правления Умара мало точных дат. Датировки в пределах целого года хиджры не всегда позволяют соотнести события с годами нашего летосчисления, затруднительно даже установление относительного порядка событий. Средневековым мусульманским авторам важно было продемонстрировать благочестивость и аскетизм, не затрудняя себя привязкой ко времени. Главным для всех них было то, что, став халифом, Умар стал образцом праведного мусульманского правителя, остальное их мало интересовало. Парал-

лельно, почти не соприкасаясь, идут две линии сведений — о военно-политических (хоть как-то датированных) событиях и о проявлениях праведности, включая сюда важные для понимания реформаторских мероприятий распоряжения наместникам. Приходится и нам рассматривать эти две линии, мало связанные друг с другом.

Две проблемы отягощали внутреннее положение Халифата: возрастающая по мере усиления налогового гнета враждебность податного населения (бегство египетских моряков под Константинополем показывало, во что может вылиться недовольство) и недовольство мусульман-неарабов своим неравноправным положением — а число их все время увеличивалось и, возможно, к этому времени приблизилось к числу арабов за пределами Аравии. Удерживать в повиновении покоренное население еще возможно было при единстве мусульманского меньшинства, но противостояние внутри его таило в себе большую угрозу. Умар так или иначе понимал все это и выход видел в восстановлении правовых норм времени Мухаммада и двух первых халифов. В этом отношении его скорее можно сравнить с Али б. Абу Талибом, чем с Умаром б. ал-Хаттабом, который находил выход из возникавших сложностей в установлении новых правовых норм, в то время как его тезка намеревался решить неразрешимую по сей день задачу — увеличить расходы, сокращая налоговое бремя, строгим следованием каноническим положениям.

Умар очень остро и безоговорочно ощутил себя лично ответственным за возвращение мусульманской общины на путь истинный и обязанность стать образцом для ведомых. Он отказался от богатых одежд, ограничил себя в еде, с лица его исчезла улыбка[64]; конечно, в рассказах об его аскетизме после избрания халифом есть явные преувеличения (вроде того, что он иногда не мог выйти к людям из-за того, что его единственная рубашка была в стирке)[65], и частные случаи могут быть возведенными в правила, но резкий контраст его поведения по сравнению с предшественником несомненен. Веселые застолья Сулаймана с поэтами и разговорами о женщинах и кулинарных изысках сменились степенными беседами о путях спасения души, на которых халиф делился своей скромной трапезой: хлебом и чечевицей с чесноком[66]. В самоограничении Умар пошел еще дальше: реально отказался от поместий, которые счел незаконно приобретенными отцом и дедом, в частности от земель в Хайбаре, подаренных Мухаммадом Фатиме (см. т. I, с. 149) и присвоенных Марваном б. ал-Хакамом, возвратив их законным наследникам, а вместе с тем отменил проклятия в адрес Али[67].

Почти сразу после прихода к власти (раби‘ I. 99/X–XI.717 г.) Умар сместил главу налогового ведомства Египта Усаму б. Зайда за беззаконную жестокость, в том числе за отрубание рук невыполнившим его

распоряжения. Смещен был и наместник Абдалмалик б. Рифа‘а. За беззакония и жестокость лишился своего поста и наместник Ифрикийи Йазид б. Абу Муслим. К великой радости коптов Усаму не только сместили, но и заключили в тюрьму в оковах, которые снимали с него только на время молитвы. Ему было определено провести таким образом год в Египте, а потом по году в каждом из округов (*джундов*) Сирии[68]. Одновременно с этим была изменена система назначения наместников западной части Халифата, установленная Сулайманом, — наместник Ифрикийи был выведен из подчинения Египту и стал подчиняться непосредственно халифу.

Такие же изменения произошли и в системе управления восточной частью Халифата, которая при Сулаймане была в подчинении одного наместника, Йазида б. ал-Мухаллаба. Послание Умара, извещавшее о его приходе к власти, было тяжелым ударом для Йазида. Между ним и Умаром существовала личная неприязнь, и рассчитывать на прежнее положение ему не приходилось, а отдавать Умару богатства, собранные в Хорасане и полученные в Джурджане и Табаристане, которые он собирался доставить Сулайману, тоже не хотелось. Часть этих денег он роздал в счет жалованья, а остальное, видимо, решил укрыть в Басре, родовом гнезде мухаллабидов.

Отправляясь на запад приветствовать халифа, он оставил замещать себя своего сына Мухаллада. За время, пока он двигался к Ираку, Умар разделил его наместничество: управлять Куфой и подчиненной ей областью он назначил Абдалхамида б. Абдаррахмана, Басрой — Ади б. Арта и Хорасаном — ал-Джарраха б. Абдаллаха. Йазиду не удалось даже доехать до Басры. В Ма‘киле его ждала галера Ади б. Арта. Ади пригласил его на корабль и предъявил грамоту о своем назначении. С корабля они поехали в резиденцию наместника, и там произошел настоящий серьезный разговор — о судьбе денег, которые Йазид собирался доставить Сулайману. Йазид утверждал, что они израсходованы на жалованье. Тогда на Йазида надели кандалы и отправили в темницу[69]. Арест не испугал Йазида, он уже имел опыт противостояния выколачиванию денег при более решительном ал-Хаджжадже и предпочитал пострадать, но сохранить деньги. Арест этот не датирован, и трудно сказать, сколько месяцев просидел Йазид под арестом в Басре, так как только в 100 г. х. его отправили для выяснения отношений к Умару. Везли его по Евфрату под охраной Ваки‘ б. Абу Суда, и в районе Айн ат-Тамра группа аздитов пыталась отбить своего вождя, но Ваки‘ обрубил швартов и пригрозил, что тотчас убьет Йазида, и нападавшие отступились[70].

В Дамаске Йазид также решительно заявил, что никаких денег у него нет. Умар сначала решил сослать упрямца на дальний остров Дахлак

у берегов Эритреи, но его убедили, что родственники Йазида могут устроить ему побег оттуда, и Йазид остался в тюрьме в Дамаске. Выручить отца попытался Мухаллад, указывая Умару, что, держа под арестом невинного старика, он порочит свою репутацию. Тем не менее Умар не изменил своего решения — речь шла о больших деньгах, о миллионах дирхемов[71].

Поздней осенью или зимой 717/718 г. в Закавказье вторглись хазары («тюрки»), дойдя до Азарбайджана. Скорее всего, они выступали как союзники Льва. Нападение было отбито с большим уроном для хазар, они были разгромлены, понесли большие потери убитыми и пленными, 50 пленников были отправлены Умару в виде живого подтверждения победной реляции[72]. А Маслама в это время продолжал стоять под Константинополем. Армия его снова переживала тяготы зимней кампании, вновь была бескормица, скудное питание и гибель коней. Весной, когда погода позволила плавание по морю, Умар послал Масламе 500 коней, продовольствие и приказ возвращаться. По некоторым сведениям, из 80 000 ушедших с Масламой в 716 г. возвратилось только 30 000[73].

В это время Умар повел борьбу с тем, что он считал искажением норм ислама, установленных пророком и первыми двумя халифами. До нас дошло около десятка более или менее достоверных распоряжений на эту тему. Какого-то единого документа, излагавшего его программу, не сохранилось[74], скорее всего, и не существовало: по разным поводам, для разных наместников издавались отдельные распоряжения. Многие из них на взгляд современного человека выглядят как общие рассуждения на религиозно-этические темы. Наряду с напоминаниями о необходимости следовать Корану и обычаю пророка (сунне), в них особо упоминается запрет употребления спиртных напитков и оплакивания покойников (и с тем и с другим блюстителям чистой веры так и не удалось справиться до сих пор). Умар также считал недопустимой игру на тамбурине и лютне на свадьбах. Единственный документ экономического характера, текст которого сохранился без существенных переделок или сокращений, — послание наместнику Куфы Абдалхамиду б. Абдаррахману, которое поэтому заслуживает того, чтобы привести его целиком:

«От раба Аллаха Умара, амира верующих, Абдалхамиду. Мир тебе. А далее: Воистину, жители Куфы испытали бедствия и трудности по решению Аллаха и из-за скверного порядка, узаконенного плохими правителями, а ведь опора религии — справедливость и добродеяния. Да будет важнее всего для тебя твоя душа, а ведь греха не мало. Не облагай запустевшую [землю], как обработанную, а обрабатываемую, как запустевшую, возьми с запустевшей то, что она может [дать], об-

рати внимание на запустевшую и приведи ее в порядок, чтобы она стала обрабатываемой; и бери с обрабатываемой только тот харадж, какой положен, мягко и спокойно по отношению к сидящим на земле (*ахл ал-ард*). В уплату хараджа бери дирхемы только веса семи, не добавляя к ним ни доплаты (*айин*), ни платы монетчикам, ни подарков в навруз и михраджан*, ни цены свитков, ни платы гонцам, ни платы с домов, ни дирхемов со свадьбы, ни хараджа с того, кто принял ислам из людей земли. И следуй в этом моему приказу, и я повелеваю тебе то, что Аллах повелевает мне. И не отрубай [рук] и не распинай, прежде, чем обратишься ко мне с этим; и обрати внимание на того из незначительных, кто хочет совершить хаджж, и дай ему вперед сто [дирхемов], чтобы он мог совершить на них хаджж. И мир»[75].

Этот документ дает нам единственный в своем роде перечень сверхнормативных сборов, из которых хорошо известны только подношения к наврузу и михраджану, ставшие обычными. Обычным был обман налогоплательщиков на разнице веса монет. Каждый налогоплательщик рассчитывался монетами по счету с определением их полноценности на вид. Лицо, ответственное за сбор налога, дихкан или финансист *джахбаз*, рассчитывавшийся за округ, за сдачу налога с целого округа, рассчитывалось по общему весу собранной монеты и обязано было доплачивать, если вес оказывался меньше теоретического веса соответствующего числа дирхемов. Естественно, что эта разница, называвшаяся *равадж*, в той или иной форме взымалась с налогоплательщиков округа, и это давало возможность нажиться за их счет и к недостаче веса, как мы видим, добавлялся непонятный сбор для оплаты монетчикам. Поживиться можно было и на разнице обложения разных категорий земли.

В продолжение той же линии отмены незаконных с точки зрения практики раннего ислама налогов было восстановление налогового иммунитета духовенства и религиозных учреждений и права христиан и иудеев делать завещания в пользу своих единоверцев, наместникам рекомендовалось оказывать помощь из казны нуждающимся иноверцам; незаконно захваченных в плен армян Умар возвратил на родину без выкупа[76]. Делалось все это не из сострадания к угнетаемым, а ради возврата к идеалу, и если бы этот идеал требовал ужесточения отношения к иноверцам, он сделал бы это не колеблясь.

Главной заботой Умара было, конечно, улучшение положения мусульман. Сирийцам жалованье было увеличено на 10 дирхемов в месяц, увеличен общий фонд жалованья в Египте на 25 000 дирхемов, кое-что перепало и куфийцам: после продажи скота, принадлежавшего

---

* Иранские праздники весеннего и осеннего равноденствия.

ал-Хаджжаджу, им досталось по 7 дирхемов. Наместникам было рекомендовано оказывать помощь нуждающимся, гасить долги из казны и делить между бедняками остаток средств после выплаты жалованья. Наконец, ставки заката были снижены до законных размеров[77].

Наряду с этим Умар не упускал и таких мелочей, как установление предельного веса верблюжьего вьюка, запрещение бить животных кнутом с металлическим наконечником, запрещение в Египте посадки деревьев по берегам Нила и каналов, которые мешали бы тянуть суда бечевой; распоряжаясь огромными средствами, он не забывал напоминать наместникам, чтобы они экономили папирус, и сам писал очень убористо[78].

Все эти акты никак не датированы, датируются лишь военно-политические события, да и то по большей части в пределах года.

Отзыв арабской армии из-под Константинополя не означал прекращения войны с Византией, просто она возвратилась в привычные рамки летних рейдов в Малую Азию. Сообщается, что в 100 г. х. (а по сезону могла быть только весна или начало лета 719 г.) в Малую Азию были посланы два отряда, о действиях которых ничего не известно[79]. Продолжались военные действия и в Мавераннахре, где то один, то другой местный правитель прекращал платить оговоренную дань. В том же, 100/719 г. один из военачальников ал-Джарраха принудил правителя Хуттала выплатить большую контрибуцию. В том же году Абдаллах б. Ма‘мар, активный участник завоевания Джурджана, был направлен против тюрков к границам Китая, вероятно в Семиречье. Поход окончился неудачей: тюрки окружили его; с трудом вырвавшись из окружения, он отошел в Фергану. Этот поход, несомненно, связан с активизацией тюрков в связи с событиями в Согде.

Жители Самарканда, поверив в намерения Умара восстановить справедливость и искоренить беззакония, обратились к наместнику Самарканда Сулайману б. Абу-с-Сари с просьбой отменить распоряжение Кутайбы об их выселении, нарушившее подписанный им договор. Сулайман запросил халифа и получил распоряжение передать решение авторитетному арбитру из мусульман. Его решение было нетривиальным и явно неприемлемым для самаркандцев: самаркандцам вернуться в город, а мусульманам покинуть его, стать лагерем под стенами и возобновить осаду, которая и решит судьбу города. Самаркандцы предпочли оставить все как есть[80]. Возможно, что именно после этого изгнанный из Самарканда ихшид Согда Гурек обратился в конце 718 или в начале 719 г. к китайскому императору с просьбой прислать войска для изгнания арабов из Согда. Эту просьбу он подкрепил ссылкой на слухи, что сотый год арабов должен быть последним годом их власти[81]. Положение Гурека было двусмысленным: арабы не только

изгнали его из столицы, но, кажется, лишили и титула царя (ихшида) Согда. Царем Согда, государем Самарканда арабы титуловали теперь владетеля Пенджикента Диваштича. Он опекал двух сыновей покойного Тархуна, вступал в дипломатические контакты с правителем Чача и даже с каганом, но оставался в своем маленьком городке. К сожалению, документы из архива Диваштича не датированы, и только письмо на арабском языке датируется временем наместничества ал-Джарраха[82].

Летом или осенью 718 г., после получения дани с Хуттала, из Хорасана была отправлена делегация к халифу, сопровождавшая пятую часть добычи. В делегации были два араба и мавла, речь держали арабы, а мавла молчал. Умар поинтересовался, почему тот молчит, и услышал в ответ: «О повелитель верующих. Двадцать тысяч мавлей участвуют в походах, не получая ни жалования, ни довольствия. Такое же число зиммиев* приняли ислам, а с них взымают хараджь. Наш амир пристрастен и груб… Он — один из мечей ал-Хаджжаджа и управляет тирански и злобно». Умар, будто бы после этого приказал ал-Джарраху освободить принявших ислам от хараджа. Это благое, с точки зрения религиозно-правового идеала, решение вошло в противоречие с реальными интересами государства и арабов, получавших жалованье — массовое принятие ислама налогоплательщиками, желавшими освободиться от тяжелого налога, вскоре привело к заметному сокращению налоговых поступлений. Окружение ал-Джарраха посоветовало усложнить принятие ислама обязательным проведением обрезания. Ал-Джаррах обратился за разрешением к халифу и получил весьма знаменательный ответ: «Аллах послал Мухаммада — да благословит его Аллах и да приветствует — призывающим [к исламу], а не обрезающим». Это свидетельствует о том, что в первом столетии существования ислама обрезание не было обязательным атрибутом принятия ислама, а лишь обычаем, принятым у арабов.

Был ли как-то ограничен переход к исламу при ал-Джаррахе, остается неизвестным. К затруднениям, связанным с принятием ислама местными жителями, у ал-Джарраха прибавились нелады с арабскими подчиненными, которые жаловались на грубость и племенную предвзятость наместника. Умар вызвал его для объяснений. Ал-Джаррах поспешно выехал из Мерва в конце рамадана 100 г. х. (около 20 мая 719 г.). Умар встретил его неприветливо и придрался к тому, что тот не дождался разговения и не отпраздновал конец поста, проявив тем самым свою невоспитанность, и сместил его. Новый наместник, Абдаррахман б. Ну‘айм ал-Гамиди, был назначен по рекомендации самих хорасанцев. По-видимому, при нем напряженность в Мавераннахре

* Зиммии — немусульманские подданные Халифата.

достигла такого уровня, что Умар посоветовал вывести арабов оттуда. Однако прижившиеся там арабы отказались переселяться, сказав, что в Мерве всем не разместиться[83].

Те же проблемы возникали и в других регионах, где под влиянием обещания освобождать новообращенных от хараджа началось массовое принятия ислама, как в Египте и ал-Андалусе. Может показаться странным, как Умар, в других случаях принимавший меры против приобретения мусульманами (арабами) хараджных земель во избежание сокращения доходов государства, не видел, что то же произойдет при массовом принятии ислама, если новообращенные станут платить льготный налог. Либо это были разновременные решения, либо Умар, подобно многим идеалистам, в порыве осуществления своей идеи совершенно оторвался от действительности.

Беспокойный Хорасан привлек внимание Аббасида Мухаммада б. Али, и в 100 г. х. он послал туда вербовать сторонников Букайра б. Махана. Одним из первых неофитов аббасидского движения в Мерве стал Сулайман б. Касир, ставший руководителем аббасидской пропаганды в Мерве и мервском оазисе[84]. На данном этапе это движение не обращало на себя внимание, а пропаганда выглядела как обычные разговоры недовольных властями.

Зато вечные оппоненты халифской власти, хариджиты, выступали, не скрывая своих намерений. В том же сотом году хиджры на севере Ирака выступил некий Бистам б. Мурр аш-Шаузаб («Долговязый») во главе отряда из 80 человек. Главные требования хариджитов: следовать Корану и обычаю пророка, против тирании и беззакония, в принципе ничем не отличались от целей, которые ставил перед собой Умар. Он счел, что непримиримых противоречий между ними нет и можно найти общий язык. Он приказал наместнику Куфы не нападать на этот отряд, если хариджиты не будут проливать кровь или вредить полям, а сам направил аш-Шаузабу послание, в котором напоминал, что восстание есть нарушение заветов пророка и предложил прислать двух самых сведущих людей для изложения позиции хариджитов. Два хариджита прибыли к Умару в Хунасиру, небольшой северосирийский городок, где он укрылся от суеты и многолюдия Дамаска[85].

Диспут между ними и Умаром излагается различно и предпочесть какую-то одну из версий трудно. Суть заключается в том, что хариджиты признавали, что Умар, в отличие от других Умаййадов, не тиран и что их взгляды по многим вопросам религиозно-политических проблем совпадают; непримиримое расхождение было только в том, должен ли избираемый советом халиф быть обязательно из курайшитов. Даже и в этом вопросе Умар пошел на какой-то компромисс (или его так поняли), что испугало Умаййадов. Да и можно ли было надеяться

на какой-то компромисс, когда каждый хариджитский вождь, возглавив небольшой отряд повстанцев, сразу начинал титуловать себя амиром верующих, и отказаться от этого было трудно.

Один из хариджитских переговорщиков уехал сообщить о результатах переговоров, другой остался до благополучного возвращения посланцев Умара. Отряд аш-Шаузаба, выросший до 300 человек, обосновался в районе Мосула. Для его блокирования были отправлены 2000 иракцев, подкрепленных сирийцами. Обе стороны наблюдали друг за другом, воздерживаясь от столкновений[86].

Между тем здоровье Умара стало ухудшаться. От чечевицы стал болеть живот, он похудел, цвет лица заметно изменился. Это не были ни злокачественная лихорадка, ни чума, от которых умирали многие и на вершине власти. Скорее всего, этого мужчину в расцвете лет съедал рак. I раджаба 101/17 января 720 г. он перебрался в монастырь Дейр Сим‘ан (Симеона Столпника) и в предчувствии смерти купил у монастыря за несколько динаров участок для могилы[87].

Слух о болезни Умара, а следовательно, и о скором приходе к власти Йазида б. Абдалмалика дошел и до Йазида б. ал-Мухаллаба. От нового халифа он мог ожидать еще худшего и поэтому решился на побег: проломил крышу своей камеры на втором этаже, спрыгнул на кучу глины, насыпанной его родственниками, и поскакал с ними в Ирак[88]. Всего через два дня, 9 или 10 февраля 720 г., Умар скончался[89].

ЙАЗИД II.
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕЖНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Йазиду б. Абдалмалику, по матери правнуку Му‘авии б. Абу Суфйана, было около 35 лет, был он высок, плотен, с красивым светлым лицом и по характеру являл собой полную противоположность Умару: жизнерадостный, влюбчивый, не жалеющий денег на удовлетворение своих прихотей, жестокий в меру того времени, практичный, без претензий на восстановление идеальной мусульманской общины, он не мог продолжать политику предшественника. Это сразу же сказалось в замене наместников: в Египет был назначен Усама, проведший в кандалах все время правления Умара, чтобы продолжить беспощадный сбор налогов, в том числе и восстановленный налог с церквей и епископов, а получающие жалованье лишились надбавки, установленной Умаром. Наместником Ифрикийи стал Йазид б. Абу Муслим, один из налоговых чиновников ал-Хаджжаджа, иракский христианин, принявший ислам. При Сулаймане он был брошен в тюрьму как приспешник ал-Хаджжаджа. Умар амнистировал всех арестованных Сулайма-

ном, кроме Ибн Абу Муслима. Его освободил только Йазид б. Абдалмалик и на четвертом месяце своего правления назначил наместником Ифрикийи. Прибыв туда, Ибн Абу Муслим отвел душу за девять лет заточения, начав преследовать людей, выдвинувшихся при Мусе б. Нусайре, лишил его мавлей статуса полноправных мусульман и собственности, наложив им клейма на руки, что допускалось только в отношении налогоплательщиков-немусульман; нужно думать, что эта мера коснулась и остальных берберов. Берберские охранники сговорились и убили его, то ли по дороге из мечети домой, то ли во время ужина. Мятежники повинились перед халифом, были прощены и получили нового наместника, Бишра б. Сафвана, бывшего наместника Египта. Такая безнаказанность, по-видимому, произвела впечатление на современников, во всяком случае, аббасид Мухаммад б. Али счел это таким же важным предзнаменованием успеха своей пропаганды, как окончание столетия и смерть Йазида б. Абдалмалика[90].

Высшая администрация Халифата хорошо понимала, какие изменения принесет приход к власти Йазида. Абдалхамид б. Абдаррахман, едва узнав о смерти Умара, приказал Мухаммаду б. Джариру напасть на Бистама. Посланца Бистама задержали в Куфе, чтобы хариджиты не узнали о смерти Умара, и Мухаммад неожиданно обрушился на них. Тем не менее хариджиты выдержали удар и даже обратили нападавших в бегство, преследовали их до окрестностей Куфы, а затем вернулись в свой район. Тем не менее Йазид оценил рвение наместника и утвердил его на том же посту, послав от себя против хариджитов двухтысячный отряд. Сойдясь с ними на поле боя, посланец Йазида объявил, что Йазид не оставит их в покое, как Умар. Хариджиты прокляли Йазида и обратили карателей в бегство. Потерпел поражение от них и еще один, более многочисленный отряд.

Как в случае с Шабибом, возникает вопрос: почему наместник Куфы, в реестрах которой числилось более 40 000 воинов, получавших жалованье, не мог направить против мятежников значительно превосходящие силы и прибегал к помощи сирийских войск? Где были эти люди?

Йазид понял, что на куфийцев надеяться напрасно, и назначил правителем Ирака и всего, что восточнее, своего брата Масламу. Маслама послал на подавление хариджитов Са‘ида б. Амра ал-Хараши во главе десятитысячного войска, которое, наконец, разгромило хариджитов, и аш-Шаузаб погиб в бою. Остатки хариджитов рассеялись, чтобы, соединившись в удобный момент, продолжить борьбу[91].

Опаснее, чем хариджитское восстание, мог стать мятеж такого авторитетного человека, как Йазид б. ал-Мухаллаб, если бы он добрался до Басры. Йазид б. Абдалмалик немедленно отправил приказ Абдал-

хамиду б. Абдаррахману задержать беглеца, а Ади б. Арту — арестовать родню Йазида и приготовиться встретить его. Абдалхамид своевременно отправил на перехват отряд к Узайбу (см. т. II, рис. 7). Отряд прошел часть пути, а потом его начальник вернулся в Куфу, чтобы спросить Абдалхамида, должен ли он привести Йазида пленным, или нужна только его голова. Получив ответ, что это безразлично, командир вновь отправился в путь и пришел к Узайбу, когда Йазид уже миновал опасный район[92].

В это время Ади б. Арта готовился достойно встретить Йазида: горожане вырыли ров перед Басрой, и навстречу Йазиду была выслана конница под командованием Мугиры б. Абдаллаха ас-Сакафи. С другой стороны, один из арестованных братьев Йазида, Абдалмалик, предложил Ади освободить его, с тем что он отведет брата от Басры в Фарс, а Ади получит от него гарантию неприкосновенности (*аман*). Ади отказался и продолжил подготовку к обороне. Все пять племенных объединений (*ахмас*) получили приказ готовиться к бою. Были назначены командующие, и Ади вручил им знамена. При назначении командующего группы бакр б. ваил произошел досадный конфликт: сначала знамя получил Имран б. Амир б. Малик б. Мисма‘, а потом Ади передал его сородичу Имрана, Нуху б. Шайбану б. Малику, что, естественно, вызвало обиду первого.

Племенные ополчения не торопились сражаться, многие не испытывали враждебности к Мухаллабидам. На всем пути от Узайба никто не попытался задержать небольшой отряд Йазида: отдельные вооруженные группы при виде его сворачивали с дороги. Только под самой Басрой ему преградила путь конница Мугиры б. Абдаллаха, которая тоже не приняла боя, когда ее атаковал Мухаммад б. ал-Мухаллаб. После этого Йазид со своим отрядом беспрепятственно прошел в свой дом. Ади, хорошо зная, где он находится, не пытался напасть на него. Йазид тоже не проявлял воинственности и предложил Ади, если тот освободит его братьев, не трогать его и оставить город в его распоряжении. Ади не принял этого предложения. Вероятно тогда же Йазид послал для переговоров с халифом своего племянника Хумайда б. Абдалмалика б. ал-Мухаллаба. Халиф написал охранную грамоту (*аман*) для Йазида и его родни и отправил ее с Хумайдом в сопровождении Халида б. Абдаллаха ал-Касри и Умара б. Йазида ал-Хаками.

Тем временем ситуация в Басре стала меняться в пользу Йазида б. ал-Мухаллаба. Свое дело сделали хорасанские деньги, за которые ему пришлось пострадать. Он щедро раздавал деньги, слитки золота и серебра своим сторонникам и число их быстро увеличивалось. Ади же, не решаясь без распоряжения халифа взять из казны деньги для крупных выплат, выдавал своим людям по два дирхема в день. В рас-

чете на месяц это было хорошее жалованье, но в экстремальной ситуации хотелось получить больше и сразу. Напрасно Ади оправдывался тем, что не может брать деньги из казны без приказа халифа — это только вызывало насмешки, и ал-Фараздак сказал по этому поводу:

Я думаю, что эти два дирхема
Лишь приближают смертный час,
Разумней всех, кто, оставаясь дома,
Спокойно ждет, когда придет приказ[93].

Йазида, конечно, поддержали его соплеменники азадиты, на его сторону перешел Имран б. Абдаллах, обиженный Ади, с частью бакритов, перешли раби'иты, традиционно блокировавшиеся с южноарабскими племенами. С Ади остались тамимиты, кайситы, большая часть бакритов и, конечно, сирийцы. Теперь Йазид почувствовал себя в состоянии освободить братьев силой. Преодолев сопротивление ополчения тамимитов и кайситов, Йазид пробился к резиденции наместника, где его встретил сам Ади б. Арта с сирийцами. Узнав о приближении боя по стрелам, залетевшим в камеру, братья Йазида побоялись, что тюремщики могут их убить, забаррикадировали дверь, и это, действительно, их спасло. Тем временем люди Йазида с крыши дома, прилегавшего к стене резиденции, ворвались внутрь, схватили Ади и привели к Йазиду, приказавшему арестовать его.

В речи, произнесенной в мечети после овладения Басрой 1 шавваля (15 апреля 720 г.), Йазид призвал следовать Книге Аллаха и обычаю пророка и заявил, что джихад против сирийцев будет вознагражден Аллахом больше, чем джихад против тюрков и дейлемитов. Видно, здесь не случайно прозвучал призыв бороться не против Умаййадов, а против сирийцев вообще, для иракцев они идентифицировались со времени ал-Хаджжаджа, с правящей династией и воспринимались как враги. Халифат явно начал раскалываться на западную и восточную половину.

Лозунг следовать Корану и сунне воспринимался низами мусульманского мира как обещание благоденствия. Он должен был быть встречен с одобрением хариджитами и теми, кто им сочувствовал. Не случайно, что одного из сочувствовавших хариджитам Йазид назначил управлять Убуллой[94].

Речь Йазида была восторженно встречена простыми горожанами, увидевшими в ней обещание продолжить справедливое правление Умара б. Абдал'азиза, поддержал Йазида и авторитетный у басрийцев ан-Надр, сын Малика б. Анаса. Однако еще более авторитетный Хасан ал-Басри отнесся к происходящему скептически. Уходя с почетного места у минбара, он сказал своему спутнику: «Посмотри, ты видишь хоть одно знакомое лицо?» Тот ответил, что не видит. «Все это, кля-

нусь Аллахом, отребье», и, пробираясь к выходу, добавил, повысив голос: «Клянусь Аллахом, мы покажем тебе, кто правитель и повелитель твой, и что не подобает тебе это». А на улице сказал людям, готовившимся к походу и радостно обсуждавшим обещание править по Корану и сунне: «Этот, который призывает вас к Книге Аллаха и сунне его пророка Мухаммада и двух Умаров, — тот же, кто убивал вчера людей по прихоти Умаййадов». Эта критика вряд ли могла иметь успех после того, как Йазид раскрыл сокровищницу, где лежали 10 млн. дирхемов, и щедрой рукой начал раздавать деньги[95].

Йазид, овладев Басрой и отказавшись признавать власть халифа, не нуждался более в его милости и прощении, которое выхлопотали для него в Дамаске его сын Халид и племянник Хумайд, ничего не знавшие о происшедшем. Халид помчался вперед сообщить радостную весть о получении охранной грамоты (аман), в которой удовлетворялись все его пожелания, а Хумайд в сопровождении Халида б. Абдаллаха ал-Касри и Амра б. Йазида ал-Хаками отправился вслед для официального вручения грамоты. Только где-то около Куфы они узнали от тамимита, бежавшего от Йазида, о перевороте в Басре. Посланцы халифа повернули обратно, а Хумайда передали Абдаррахману б. Сулайму ал-Калби, направлявшемуся в качестве наместника в Хорасан. Абдаррахман написал халифу, что борьба с его врагом дороже наместничества, и отослал Хумайда к халифу[96].

А Йазид все более усиливал свои позиции. Он разослал своих наместников в Ахваз, Фарс, Кирман, Бахрейн, Оман и Синд, не хватало только дорогого сердцу Хорасана. Туда он послал своего брата Мудрика, рассчитывая на поддержку многочисленных мервских аздитов, но они не решились на вооруженный конфликт и только выслали вперед своих представителей предупредить о выступлении против него хорасанского войска и о том, что аздиты всей душой за Йазида и сразу же признают его, когда он победит. Мудрику пришлось отказаться от похода на Хорасан[97].

Видимо, оппозиция Йазиду в Басре вызывала беспокойство[98], и он покинул ее, перебравшись в хорошо укрепленный Васит с казной, арсеналом и арестованными политическими противниками. На собранном здесь военном совете рассматривались две возможности дальнейших действий: завоевывать Хорасан или идти на Куфу. Йазид предпочел второе — после захвата Куфы подчинился бы и Хорасан. Йазид стал собирать войско, с которым можно было бы решиться на это серьезное предприятие. К концу июня собралось около 20 000 человек, в том числе 3000 аздитов из Омана[99].

Йазид б. Абдалмалик оценил опасность и, не надеясь на иранцев, назначил наместником восточной части Халифата Масламу б. Абдал-

малика, и тот, освободившись от войны с хариджитами, направился со своим сирийским войском к Куфе; с ним был и ал-Аббас б. ал-Валид, имевший опыт войны с византийцами.

Когда, двигаясь вдоль канала ан-Нил, Йазид подошел к Вавилону (Бабил), Маслама, двигавшийся вдоль Евфрата, навел у ал-Анбара мост, переправился и выслал вперед авангард под командованием ал-Аббаса, который в районе канала ас-Сиб (см. т. I, с. 214, рис. 10) столкнулся с авангардом Йазида, под командованием Абдалмалика б. ал-Мухаллаба. Исход короткого боя решило своевременное вмешательство сирийской засады, обратившее отряд Абдалмалика в бегство. Сирийцы воздержались от преследования и возвратились в лагерь. Эта неудача не ослабила позиций Йазида: в течение нескольких последующих дней, прошедших без столкновений, войско Йазида постоянно пополнялось бежавшими к нему куфийцами и недовольными из других районов. Йазид отправил эмиссаров во все четыре племенных объединения Куфы, но племенная верхушка не торопилась с решением. Тем временем Абдалхамид б. Абдаррахман выставил посты, чтобы задерживать перебежчиков, запрудил Евфрат, чтобы разлившаяся вода помешала Йазиду внезапно напасть на Куфу, и стал лагерем в ан-Нухайле, обычном месте сбора куфийского войска. Оттуда он послал небольшой отряд в подкрепление Масламе, тот приветил прибывших, но неодобрительно отозвался о численности. Абдалхамид послал отряд побольше, что тоже не удовлетворило Масламу, и он сместил Абдалхамида, назначив вместо него Мухаммада б. ал-Валида б. Укбу.

При значительной численности войско Йазида из-за своего состава было менее боеспособно, чем сирийское. Йазид это сознавал и жалел, что командует не хорасанцами. Не очень стремилась поддержать его и басрийская верхушка. Марван б. ал-Мухаллаб, оставленный управлять Басрой, без особого успеха старался направить брату подкрепления. Активную агитацию против этого вел Хасан ал-Басри, говоря, что убивать друг друга ради мирских благ не следует. Смута — это дело проповедников, стихотворцев, неразумных и заблудших людей. Узнав об этом, Марван произнес в мечети речь, осуждавшую некоего старца (не называя имени), который сбивает людей с толку. Все, конечно, поняли, о ком идет речь, и промолчали. Марван ограничился этой речью и не решился тронуть Хасана[100].

Решающее сражение началось в пятницу 23 августа 720 г.[101]. Маслама навел мост через канал ас-Сиб и переправился на сторону мятежников. Йазид вывел навстречу свое войско, а сам сел на кресло у ворот лагеря наблюдать за ходом сражения. Оно складывалось поначалу в его пользу: Мухаммад б. ал-Мухаллаб в предваряющем единоборстве победил сирийского богатыря, и вдохновленное этим войско стало тес-

нить сирийцев. Маслама пошел на решительный шаг: приказал поджечь мост, чтобы показать и своим воинам, и противнику, что отступления не будет. Часть воинов Йазида дрогнула и побежала. Сдерживая натиск сирийцев, погибли несколько братьев Йазида. Гибель самого любимого из них, Хабиба, потрясла его, и он бросился в бой, чтобы отомстить за него. Напрасно старались его убедить, что надо собрать остатки войска, отступить и собрать новые силы для продолжения борьбы, Йазид жаждал одного — лично убить как можно больше врагов. С группой родственников и наиболее преданных людей он стал пробиваться к Масламе. Его узнали, бросились на него и убили, вместе с ним пал и его брат Мухаммад. Битва стала затихать: держалась лишь небольшая часть войска во главе с ал-Муфаддалом б. ал-Мухаллабом. Узнав о гибели братьев, он увел остатки войска в Васит[102]. Дружный и воинственный клан мухаллабидов был обескровлен и больше не выступал с претензиями на власть.

Победителям достался лагерь со всем имуществом и три сотни пленных из числа охранявших лагерь и укрывшихся в нем бежавших с поля боя. Халиф распорядился всех обезглавить. Пленные убеждали, что они не сражались, а бежали, и в конце концов Маслама отменил казнь.

Когда в Васит прибыли беглецы, принесшие весть о поражении и гибели Йазида, Му‘авийа б. Йазид казнил Ади б. Арта, его сына и еще 30 других арестованных врагов Йазида. Затем ал-Муфаддал ушел в Басру, где были подготовлены морские суда, чтобы переправиться в столицу Кирмана Кандабил, амир которого, поставленный Йазидом б. ал-Мухаллабом, должен был по договоренности с ним принять мухаллабидов в случае несчастного исхода дела. Му‘авийа, привезший из Васита казну и всю сокровищницу, рассчитывал благодаря этому стать главой рода, но на семейном совете главой признали старшего, ал-Муфаддала. По дороге зашли в Бахрейн, амир которого, тоже решивший спасаться бегством, посоветовал здесь не разгружаться, а идти прямо в Синд.

К этому времени в Кирмане собрались остатки разгромленной армии Йазида. Ал-Муфаддал собрал их и повел через Фарс навстречу Мудрику б. Даббу ал-Калби, посланному преследовать мухаллабидов и остатки армии Йазида. В сражении в каком-то ущелье ал-Муфаддал был убит вместе с внуком Мухаммада б. ал-Аш‘аса и сыном Сула, владетеля Дихистана. Последнее весьма примечательно. По представлениям нашего времени, пленник или заложник должен бы постараться воспользоваться случаем и бежать, или хотя бы не класть голову для защиты врагов своего отца. А в реальности того времени существовали какие-то иные представления. Оставшиеся воины вторично разгромленной армии запросили пощады и получили помилование[103].

От многочисленного рода остались Абу Уйайна б. ал-Мухаллаб и Усман б. ал-Муфаддал, бежавшие к рутбилу.

И все же восток Халифата оставался больным местом. Маслама, разгромив Йазида, не вошел в ненадежную Куфу, а остановился в более спокойной Хире и оставался там даже после того, как Йазид б. Абдалмалик поручил ему управлять всем востоком Халифата. Новыми наместниками Куфы и Басры стали люди, принимавшие активное участие в подавлении мятежа: Мухаммад б. Амр, внук Укбы б. Му‘айта (см. т. I, с. 102), и Абдаррахман б. Сулайм ал-Калби, который вскоре был смещен за несвоевременную идею провести воинский смотр басрийцам, что могло вызвать взрыв негодования горожан, опасавшихся, что смотр — предлог для массовых казней. Его сменил Абдалмалик, сын Бишра б. Марвана, кратковременного правителя Басры при Абдалмалике, двоюродный брат Йазида[104]. Власть в этих двух важнейших центрах оказалась в руках либо сирийцев, либо тамимитов.

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ В МАВЕРАННАХРЕ

Попытки Умара б. Абдал‘азиза создать идеальное мусульманское государство, колебания между либеральным отношением к иноверцам и насаждением ислама, между стремлением ограничить произвол в налоговой сфере и необходимостью сохранения высокого уровня государственных доходов, породив у одних мелькнувшую было надежду на облегчение жизни, у других укрепили желание освободиться от власти, вроде бы проявившей слабость. Особенно характерно это было для тех областей, где оставались элементы политической независимости, такие как сохранение местных династий, располагавших собственными вооруженными отрядами. Таким был Мавераннахр, завоеванный лишь 10–15 лет тому назад. Неудавшаяся попытка договориться о возвращении Самарканда, отобранного вопреки договору, невыполняемые обещания освобождения от налогов ценой отказа от веры отцов, подкрепляемые надеждой на помощь соседей-тюрков, видимо, уже к концу 719 г. привели к отказу некоторых областей Мавераннахра от уплаты дани, что расценивается мусульманскими авторами как отпадение от ислама. Маслама, ставший правителем восточной половины Халифата, сместил Абдаррахмана б. Ну‘айма, не справившегося с этой ситуацией, и назначил вместо него своего зятя и троюродного брата Са‘ида б. Абдал‘азиза — человека, мало способного справиться со стоявшей перед ним задачей приведения Мавераннахра к покорности. Это был сибарит, изнеженный придворной жизнью. Хорасанцев он поразил уже тем, что приехал на двугорбом верблюде, обложенный

подушками, в пестрой одежде, моду на которую в верхах завел Сулайман, да и манеры у него, видимо, были женственные. Во всяком случае, когда владетеля Абгара (княжества к югу от Самарканда) спросили после визита к новому наместнику, каков он, тот охарактеризовал его одним словом *хузайна*, что по-согдийски значило «дихканка» и ближе всего по смыслу к русскому «барыня». Так и остался он в истории под прозвищем Са‘ид Хузайна.

Начал он свое правление, конечно, с выколачивания недоимок с людей, ведавших финансами. Неразбериха, возникшая при Умаре, когда с кого-то теоретически можно было брать меньше, а практически брали по-прежнему, отчитываясь по должному минимуму, открывала широкие возможности для присвоения собранных денег. В самом деле хорасанская верхушка располагала большими деньгами: так один из знатных хорасанцев выкупил несколько арестованных по подозрению в утайке казенных денег за 700 000 дирхемов. Заключенных по такому обвинению жестоко избивали, и двое из них даже умерли от побоев[105].

Менее удачлив оказался Са‘ид в военной сфере. В 720 г. в Междуречье стали вторгаться тюрки, поддержанные согдийцами, нападая даже на арабские гарнизоны в крепостях, расположенных на дороге из Бухары в Самарканд. Так была осаждена крепость Каср ал-Бахили («Замок бахилитов»), где-то в районе современного Каттакургана, в которой находилось 100 семей арабов. Доведенные до крайности, они решили убить своих жен и сами погибнуть в последнем бою. Отряд из Самарканда отогнал тюрков ночным нападением и вывез гарнизон, а крепость была оставлена[106].

События вокруг Каср ал-Бахили показывают, что главная дорога, связывавшая Бухару и Самарканд, в любой момент могла быть перехвачена тюрками. Арабы потребовали от Са‘ида решительных действий. Са‘ид собрал войско и сам возглавил поход. Значительная часть Согда отпала от ислама, и дымы возрожденных храмов огня наглядно свидетельствовали об этом. Сведения о ходе военных действий, возглавленных Са‘идом, не возволяют судить ни о том, где они разворачивались, ни о том, чего ему удалось добиться. Войско было очень недовольно его мягкостью по отношению к согдийцам: он не давал опустошать мятежные земли, говоря, что Согд — сад повелителя верующих, и избивать бежавшего врага. Но еще больше возмущало воинов то, что он запрещал захватывать и обращать в рабство семьи мятежных согдийцев, — захваченных заставлял освобождать, а захвативших — наказывал. Изнеженность столичного модника, его нерешительность в ведении войны — все вызывало ненависть к нему хорасанских воинов и выразилось в ядовитой сатире местного поэта:

Ты на врага пошел, шутя и забавляясь —
Член на виду и в ножны вложен меч.
С врагами ты — стыдливая супруга,
Для нас — клинок, чтоб голову отсечь.
Согд доится, когда войска надавят,
Дивлюсь, как можешь этим пренебречь.

Избалованность сочеталась в Са‘иде Хузайне с высокомерием и коварством. Хаййана ан-Набати, главу хорасанских мавлей, заподозренного в намерении совершить измену, он угостил чашкой кислого молока с намешанным туда золотом, истертым в пыль, и тот через несколько дней умер. Возможно, образ этого наместника в исторической памяти арабов оказался бы несколько иным, одержи он победу над мятежными согдийскими дихканами, но побед не было. Са‘ид со своим войском находился в Самарканде в полуокружении без заметных побед и поражений[107]. Хорасанцы жаловались на него, но он был неуязвим, пока за его спиной стоял могущественный родственник. И только после того как Йазид сместил Масламу за недостаточные поступления в казну и на его место был назначен Умар б. Хубайра, командовавший военными действиями на море во время осады Константинополя, был отставлен и незадачливый Са‘ид Хузайна. Его сменил по рекомендации халифа за заслуги в битве с Йазидом б. ал-Мухаллабом решительный Са‘ид б. Амр ал-Хараши, человек хаджжаджевской выучки. Совпадение имен, конечно же, было обыграно местными стихотворцами, только один увидел в замене Са‘ида Са‘идом милость Аллаха, а другой — злую волю судьбы[108].

Са‘ид Хузайна узнал о смещении, продолжая оборонять район Самарканда, и ушел с войском, оставив оборонять город 1000 всадников. Решительным действиям ал-Хараши предшествовали какие-то переговоры или послание Умара б. Хубайры мятежным князьям (с предложением повиниться и получить помилование). Но они решили переселиться в Фергану под покровительство ее царя из династии Ильтаров[109] и только потом вступать в переговоры с арабами. Царь Согда (непонятно, кто — Диваштич, который в другом месте назван дихканом Самарканда, или Гурек) пытался отговорить их от этого решения, но Карзанч, владетель Файа, и Сабит, владетель Иштихана, остались при своем мнении. Они обратились к ат-Тару с просьбой принять их под свое покровительство и предоставить место для поселения. Тот выделил им Ущелье Исама в рустаке Исфары[110], но оговорил, что обязательство оказывать помощь вступит в силу через 40 (или 20) дней. При появлении в Мавераннахре авангарда ал-Хараши согдийская знать мятежных рустаков покинула свои владения, уводя с собой и часть зависимого населения, направляясь в Фергану. Перечень этих рустаков хо-

рошо очерчивает непокорный район: это — долина Зеравшана, ниже самаркандской оросительной системы с центром в Иштихане, Фай, рустаки Исбикет[111], Бузмаджен и Байаркет, протянувшиеся от Иштихана до предгорий Туркестанского хребта, на границе с кочевой степью, что объясняет, почему именно они союзничали с тюрками. В крайнем случае, согдийцы рассчитывали уйти в китайские владения.

Диваштич предпочел уйти в труднодоступный горный район Абгар, в 90–100 км выше Пенджикента по южному берегу реки Зеравшан.

Если верить расположению материала у ат-Табари, то уход согдийцев происходил на рубеже 103 и 104 гг. х., примерно 15–25 июля 722 г. Ал-Хараши поспешно повел свое войско вдогонку за ними. Согдийцы то ли не успели дойти до расположенной неподалеку Исфары, то ли предпочли укрыться в лучше защищенном Ходженте. К походу арабов они успели замаскировать ров перед воротами камышом и насыпанной сверху землей, рассчитывая заманить в эту западню арабскую конницу, но во время вылазки сами сбились с дорожки и 40 согдийских всадников провалились в нее. Началась правильная осада с применением катапульт, долго выдерживать которую согдийцы не могли. Они обратились за помощью к царю Ферганы, упрекая за предательство, но тот ответил, что обусловленный срок, с которого он обещал их защищать, еще не наступил. Осталось одно: начать переговоры с ал-Хараши, и он согласился на них. Согдийцы просили ал-Хараши разрешения вернуться на родину, ал-Хараши ставил условие — выплатить неуплаченный харадж и никого не убивать, если же будет пролита кровь, то он ответит тем же, а в качестве предварительного условия выдвигал требование возвратить арабских женщин и детей, каким-то образом оказавшихся в руках согдийцев.

Согдийская делегация, заключавшая договор, находилась в лагере арабов, многие разместились у своих знакомых мусульман и, вероятно, не все имели оружие. В ходе переговоров стало известно, что согдийцы убили одну из женщин. Ал-Хараши послал людей в город (видимо, он уже был сдан), и они обнаружили захоронение убитой. Согдийцы отрицали свою вину, но было ясно, что добром дело не закончится. Не дожидаясь решения ал-Хараши, Карзанч решил вырваться из лагеря с оружием в руках, но был убит. Это, видимо, стало сигналом к избиению согдийцев, которые из-за нехватки оружия отбивались палками и были перебиты. Наутро арабы перебили 3000 крестьян, переселившихся вместе со своими господами. Досталось и купцам, приехавшим с товарами из Китая — к мятежу они отношения не имели, но все же их товары стали добычей и поступили в обычный раздел[112].

Покарать Диваштича было поручено наместнику Самарканда Сулайману б. Абу-с-Сари. Он со своим отрядом, в котором были также

хорезмшах и владетель Ахаруна и Шумана, княжеств в районе нынешнего Душанбе и Гисара, пошел через Пенджикент, пограбил и пожег часть домов и дворец, и не без помощи шуманского владетеля, которому местные горы были не в диковину, подошел к селению Кум, где его авангард столкнулся с воинами Диваштича, обратил их в бегство и осадил замок на краю крутого берега Зеравшана. Этот обрыв окружал его с трех сторон, создавая возможность оборонять крепость небольшими силами, да и мусульмане не могли воспользоваться своим численным превосходством. Долгая осада заставила Диваштича пойти на переговоры о сдаче, поставив условием, что его доставят к ал-Хараши на его суд. После его сдачи оставшиеся в крепости согласились сдаться на условии, что 100 человек с женами и детьми не будут обращены в рабство[113]. В крепость было свезено немало богатств, для их учета и доставки ал-Хараши прислал специальных людей. А нам от всего этого богатства остались обрывки архива Диваштича и кое-какие предметы быта, добытые экспедицией Института востоковедения АН СССР в 1934 г.

Ал-Хараши поначалу принял Диваштича с почетом, повез его с собой в Кешш, который заставили вновь заключить договор с условием поставки нескольких тысяч рабов, и оттуда повернул к Бухаре. По дороге, в Рабинджане, он решил казнить ставшего ненужным Диваштича и распял его на наусе*, запретив под страхом смертной казни снимать тело. Также расправился ал-Хараши и с Сабкари, владетелем Хузара (Гузара)[114]. Согд был усмирен, Са‘ид ал-Хараши оправдал возлагавшиеся на него надежды, но оказалось, что и победителей судят: казнив Диваштича, он превысил свои полномочия и пренебрег приказом Умара б. Хубайры доставить к нему пленного, да, кажется, добавил к этому административную бестактность: сообщил о своей победе непосредственно халифу. Дошли до него и другие сведения о непочтительности ал-Хараши, и он послал человека проверить их. Ал-Хараши угостил посланца отравленной дыней, но этим только усугубил наказание. Умар б. Хубайра отозвал его и подверг пыткам, добиваясь полного финансового отчета. Многократное прижигание живота железом способствовало достижению этой цели. Новым наместником Хорасана стал Муслим б. Са‘ид[115].

Подробно рассказывая о расправе с мятежными согдийскими дихканами, ат-Табари не указывает конкретной причины этого восстания. Можно только догадываться, что последним толчком стала отмена Йазидом налоговых послаблений, объявленных Умаром: возвращение к жестким формам правления вызвало резкую реакцию не только

---

* Небольшой склеп кубической формы, перекрытый сводом.

в Согде: наместник Ифрикийи Йазид б. Абу Муслим, последний секретарь ал-Хаджжаджа, попытавшийся прибегнуть к методам своего патрона, поплатился за это жизнью. Он решил для фиксации налогоплательщиков и уплаты ими налогов ставить метки на руках и даже намеревался клеймить своих охранников. Но то, что соглашались переносить иракцы и египтяне, приученные к повиновению многими веками царской власти, оказалось неприемлемым для недавних кочевников-берберов — в рамадане 102/5.III–3.IV.721 г. возмутившиеся воины напали на Йазида по дороге из мечети к дому и убили. Мятежники поспешили повиниться перед халифом и заявить, что выступили не против него, а против плохого амира. Халиф удовлетворился этим и приказал наместнику Египта Бишру б. Сафвану занять место убитого, и тот в следующем месяце прибыл в Кайраван, а наместником Египта стал Усама[116].

Случай безнаказанной расправы с наместником, видимо, произвел впечатление на современников, если судить по тому, что Мухаммад б. Али (Аббасид) оценил его как событие, способствующее успеху антиумаййадской пропаганды[117].

ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАНСКУЮ СИМВОЛИКУ

В течение восьми десятилетий существования Халифата христианская религия и христианская церковь во внутренней жизни были неприкосновенны. Пророк ислама признавал Иисуса пророком, предшествовавшим ему самому. Право на свободу вероисповедания и невмешательство в религиозную жизнь покупалось уплатой джизьи, а сохранность культовых зданий оговаривалась договорами, заключавшимися при завоевании. Конечно, отношения не были идиллическими, и с течением времени, по мере развития мусульманской религиозной мысли, первоначальное почтение к христианской книжности ослабевало, а привычка к господству усиливала пренебрежение: патриархи должны были прибывать с поздравлением ко вновь назначенным наместникам с подарками, их облагали контрибуциями, наконец, как мы видим, церкви, монастыри и само духовенство стали облагать налогами. Да и договоры постепенно утрачивали силу: когда представители церкви обратились к более либеральному Умару с жалобой на то, что мусульмане захватили часть церковных объектов в Дамаске и его окрестностях, неприкосновенность которых была гарантирована договором с Халидом б. ал-Валидом, Умар не вернул захваченное, а только выплатил компенсацию в 40 000 динаров, гарантировав, правда, неприкосновенность того, что еще сохранялось в руках церкви[118].

Несмотря на все это, мусульманские власти не посягали на свободу отправления культа и не затрагивали его атрибутику. Первым посягнул на это Йазид б. Абдалмалик. На второй год своего правления, т.е. в 721 или начале 722 г.[119], он издал приказ об уничтожении крестов и священных изображений; проведение в жизнь этого приказания отмечено в Египте, Северной Месопотамии и Армении[120]. Христианские историки с возмущением говорят об этом приказе, но не приводят никаких деталей его исполнения. Нет ясности, где уничтожались эти символы христианства: сирийский историк говорит, что кресты и иконы уничтожались повсюду, в том числе и в домах; египетский историк менее конкретен, говоря «повсюду»; армянский историк еще менее конкретен. Думается, что эта акция касалась прежде всего объектов, расположенных вне зданий, т.е. там, где они были на глазах мусульман. Это соответствовало бы общему принципу: на виду у мусульман не должно быть того, что им запретно, но допустимо там, где это видят или употребляют иноверцы, как это было с вином или со свининой, продажа и употребление которых в христианских кварталах не запрещались. Так и в этом случае: прежде всего уничтожалось то, что было на виду.

Появление этого указа иногда пытаются объяснить влиянием иконоборчества, начавшегося почти одновременно в Византии[121], с чем нельзя согласиться: во-первых, иконоборческие акции в Византии начались несколькими годами позднее, уже после смерти Йазида, а, во-вторых, совершенно невероятно, чтобы Йазид взял за пример для подражания идеологическую политику заклятого врага. Феофан объясняет решение Йазида тем, что некий еврей из Латакии предсказал ему долгие годы правления, если он предпримет соответствующие действия против христиан[122].

В этом объяснении, очень естественном для средневекового автора, есть доля истины: вера в предсказания была очень сильна, причем во всех рассказах арабских историков о предсказаниях в роли предсказателя выступает какой-то иноверец, чаще всего монах-отшельник, что-то вычитавший в древней книге. В данном случае предсказателя-христианина быть не могло, показательно и то, что никаких акций, направленных против иудеев, не было. Еще больше убеждает в существовании какого-то иррационального влияния на Йазида другой его указ, последовавший в следующем году (722 или 723), по которому, если верить Псевдо-Дионисию, следовало перебить белых собак, белых голубей и белых петухов; Гевонд упоминает только свиней, которых нет в первом перечне, но зато не упоминает других животных, подлежавших уничтожению.

Можно было понять уничтожение свиней и даже собак, считавшихся нечистыми, но белые голуби и белые петухи свидетельствуют

о какой-то иной логике, определившей этот приказ: кто-то натолкнул его на мысль об опасности животных белого цвета. Приказ ревностно выполнялся, тела убитых животных валялись на улицах и наполняли их смрадом — мысль о необходимости закапывать падаль была чужда тому времени. Апогеем этого сумасбродства, если не настоящего сумасшествия, было решение убивать людей-альбиносов, не успевшее воплотиться в жизнь. Мусульманские источники не упоминают никаких необычных распоряжений Йазида возможно потому, что они касались иноверцев, до которых им не было дела, зато охотно рассказывают о влюбленности Йазида в двух невольниц, которых он купил за бешеные деньги[123].

Возможно, конечно, что при передаче информации произошли какие-то искажения, допустить это позволяет распоряжение Йазида о введении двойной виры за убийство мусульманина по сравнению с христианином (12 и 6 тыс. дирхемов), но эта пропорция существовала изначально. Проверить эти сообщения сравнением с мусульманскими авторами не представляется возможным — их не интересовало то, что касалось жизни иноверцев, — упомянуть цену, за которую Йазид купил любимую невольницу, было гораздо важнее.

Ал-Йа'куби упоминает другой важный указ Йазида, затрагивающий иноверцев: распоряжение провести обмер земель Ирака, не возобновлявшийся со времени Умара б. ал-Хаттаба. Одновременно с этим (неизвестно, по чьей инициативе) впервые обложению подверглись финиковые пальмы и плодовые деревья[124].

НАЧАЛО ВОЙН С ХАЗАРАМИ

Одновременно с подавлением восстания согдийцев, поддержанных тюрками, Халифат вел активные военные действия в Армении и на Кавказе, то отбивая вторжения хазар на заманчивые для них зимние пастбища Закавказья, то нападая на них. Параллельно с этим регулярно совершались походы в Малую Азию, на которых не стоит останавливаться, так как они не приносили ничего нового. В 103/1.VII.721–21.VI.722 г. хазары вторглись в Аланию, а затем, видимо, прошли через Дарьяльское ущелье в закавказские степи. Наместник Арминийи Ми'лак б. Саффар (?) направил против них войско под командованием Субайта ал-Бахрани, которое в столкновении на Мардж ал-Хиджара («Каменистом лугу») в рамадане того же года (22.II–23.III.722 г.) было разгромлено хазарами, арабы бежали, и их лагерь со всем имуществом достался победителям. Весной хазары, по-видимому, ушли. Йазид не простил Ми'лаку это поражение и сместил его, назначив на его место

ал-Джарраха б. Абдаллаха ал-Хаками[125], человека энергичного и опытного, выдвинувшегося еще при ал-Хаджжадже во время войны с Ибн ал-Аш‘асом, для которого главной задачей стало отомстить хазарам за позорное поражение арабской армии.

На пути к Дербенту ал-Джаррах дал армии отдохнуть перед боями, остановившись в Барда‘а, где по просьбе жителей стандартизировал торговые меры, которые, по словам ал-Балазури, до его (т.е. ал-Балазури) времени назывались «джарраховскими»[126]. Следующую остановку он сделал уже на реке Самур, откуда разослал гонцов к главам горских народов («царям гор»), с призывом присоединиться к нему. Некоторые из них откликнулись на этот призыв, а правитель Лакза вместо этого послал гонца к хазарам известить их о прибытии ал-Джарраха. Немногочисленный гарнизон Дербента покинул город, и ал-Джаррах беспрепятственно прошел через него, остановился в нескольких километрах севернее и разослал конные отряды в район, заселенный кайтаками (*хайдак*)[127], чтобы отпугнуть их от нападения на проходящую мимо них армию, а заодно и поживиться. Когда отряды вернулись из набега с добычей и тремя тысячами пленных, ал-Джаррах двинулся дальше на несколько фарсахов и остановился на речке Алран (Улран ?). Сражение, подробностей о котором не сообщается, закончилось серьезным поражением хазар, будто бы из-за ветра, дувшего в лицо хазарам (а это ослабляло прицельность стрельбы, а могло и засыпать глаза пылью). Победа открыла Джарраху путь в глубь хазарской территории[128].

При дальнейшем движении ал-Джаррах без особых усилий взял два селения[129], сдавшиеся по договору, и после получения контрибуции переселил их жителей — одних в Хайзан, других в Кабалу (в районе Шакки).

Дальше ал-Джаррах оказался перед большим и хорошо укрепленным Баланджаром, под которым в 652 г. арабы были разгромлены хазарами (см. т. III, с. 175). Для обороны города собрались значительные силы хазар. Перед ним было сооружено дополнительное ограждение из трех сотен повозок (вероятно, крытых кибиток), связанных друг с другом. Разрушив эту преграду и навязав бой на открытом месте, арабы обратили хазар в бегство. Отчаявшийся владетель города ночью покинул его в сопровождении полусотни воинов. 20 сентября 722 г. арабы без особого труда овладели Баланджаром, захватили богатую добычу и пленили семьи беглецов. Предусмотрительный ал-Джаррах потратил 30 000 дирхемов, чтобы купить на аукционе семью владетеля Баланджара, и после заключения договора с ним, по которому он возвратился в город, вернул ему семью[130].

Уладив дела в Баланджаре, ал-Джаррах двинулся дальше в глубь хазарской территории, к Вабандару[131], где находилось 40 000 шатров

(или кибиток) тюрков. Эти тюрки не стали ввязываться в войну, а предпочли откупиться данью. Ал-Джаррах намеревался идти дальше, на Семендер, но известие о том, что горцы собираются восстать, пришедшее от владетеля Баланджара, заставило его повернуть обратно и остановиться на зиму в Шакки. Чем был занят ал-Джаррах с весны до осени 723 г., остается неизвестным, а ближе к зиме в Закавказье снова появились хазары, чуть ли не под командованием самого хакана. В рамадане 105/1.II–2.III.724 г. у некоего селения, название которого условно можно прочитать как Алзам, где-то между Курой и Араксом, в ожесточенном сражении, длившемся до наступления темноты, арабы взяли верх, и ал-Джаррах, развивая успех, организовал преследование хазар[132].

В разгар этих событий далеко от театра военных действий 27 или 28 января в своем иорданском поместье неожиданно скончался Йазид[133]. Молитву при погребении читал его старший сын, пятнадцатилетний ал-Валид, обойденный завещанием отца: тот завещал власть своему брату Хишаму; ал-Валиду предстояло пережить дядю, прежде чем прийти к власти.

Глава 4
НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ ХИШАМА

Между смертью Йазида и прибытием Хишама из своего поместья в Северной Сирии[1] в Дамаск, чтобы жители столицы принесли ему присягу не заочно, а лично, должно было пройти не менее десяти дней. Однако за этот период междувластия в столице не произошло никаких эксцессов, что свидетельствует о достаточно устойчивом политическом положении в сердце Халифата — сирийцы продолжали оставаться верной опорой династии.

Хишам в отличие от своих предшественников был рожден не хашимиткой или умаййадкой, а женщиной из курайшитского рода махзум, которая, по мнению современников, была глупа настолько, что родители, выдавая ее замуж, советовали ей не разговаривать с мужем до рождения ребенка, чтобы Абдалмалик не мог со спокойной душой дать ей развод. Родился Хишам в октябре 691 г., так как сообщается, что известие об этом пришло Абдалмалику вскоре после победы над Мус‘абом б. аз-Зубайром, т.е. после 17 октября 691 г. (см. т. 3, с. 264), и, следовательно, в феврале 724 г. ему было 32 с половиной года[2]. Он страдал косоглазием и это, возможно, отчасти определило грубость и жестокость его характера. Он был прижимист, и современники считали его скупердяем, что считалось большим недостатком правителя. Наряду с накопительством страстью его было приобретение земель и устройство новых поместий, а еще — разведение породистых коней. Новое положение давало простор удовлетворению этих пристрастий, к концу жизни в его табунах и конюшнях было около 2000 коней[3].

Хишам не отличался каким-то особым религиозным рвением, но старался не нарушать общепринятых норм. Начало его правления пришлось на рамадан, и он не стал нарушать мирный статус этого месяца неприятными решениями о смене высших должностных лиц, но как только отпраздновал окончание поста, так сразу же сместил наместника Ирака Умара б. Хубайру и назначил вместо него Халида б. Аб-

даллаха ал-Касри, возможно в благодарность за то, что тот помог убедить Йазида сделать наследником не сына, а брата, Хишама. Халид, не теряя времени, помчался на почтовых в Васит, опережая весть о своем назначении. В Васит он прибыл в пятницу, участвовал в пятничном молении, а затем огласил грамоту о своем назначении. Умар б. Хубайра поднес ему подарки, Халид принял их, не выказав благодарности, да еще, как сообщается, попросил у него отдать только что построенную конюшню, а потом посадил Ибн Хубайру и его сына, управляющего Басрой, в тюрьму и пытками выбивал из обоих деньги. Далее, используя свои полномочия, назначил наместником Хорасана своего брата Асада. В Мерв он прибыл, когда Муслим б. Са‘ид, отправившийся в поход на Фергану, уже дошел до Бухары, и Асаду оставалось только подтвердить его полномочия как командующего и предписать продолжать поход[4].

Был смещен и наместник Египта. В среду 21 шаввала/22 марта в Фустат прибыл брат Хишама, Мухаммад. Нередкая для этого времени года эпидемия чумы заставила его искать спасения в Верхнем Египте, затем под каким-то благовидным предлогом через месяц с небольшим он уехал в свое имение в Иордании и остался там. На освободившееся место Хишам назначил сына своего двоюродного брата, ал-Хурра б. Йусуфа, который прибыл в Фустат 3 зу-л-хиджжа/2 мая[5]. Немного забегая вперед, можно отметить, что спустя полгода Хишам предоставил другому близкому родственнику, брату матери Ибрахиму б. Хишаму, почетный пост наместника Медины, Мекки и Таифа[6].

Самым удачливым из наместников Йазида оказался Бишр б. Сафван, управляющий всем Западом. Незадолго до кончины Йазида он направился в Дамаск изъявить преданность, подкрепленную богатыми дарами. Депутация магрибинцев, возглавленная Бишром, предстала уже перед новым халифом. Первое богатое подношение, полученное Хишамом, растопило его сердце, и он утвердил Бишра на прежнем посту[7].

Заботы, связанные со вступлением во власть, не позволили Хишаму совершить традиционное паломничество пришедшего к власти халифа, он совершил его только на следующий год. Наши источники не упоминают щедрых даров верхушке священных городов, может быть это не случайное молчание источников, а отражение реальности — нежелания тратить слишком много денег на традиционные дары. Особой необходимости покупать популярность не было: на периферии шли обычные локальные конфликты с перемежающими успехами и неудачами, а в центре не было никакой оппозиции, кроме настолько засекреченной пропаганды Аббасидов, что о ней еще трудно было догадаться. А главное — пограничные войны шли за счет сил и средств пограничных провинций, не обременяя халифскую казну.

ВОЙНА С ХАЗАРАМИ НА КАВКАЗЕ

Военные успехи ал-Джарраха б. Абдаллаха обеспечили ему сохранение поста наместника Арминийи и Азарбайджана. Развивая успех, он прорвался в Аланию, пограбил там и даже получил с алан «джизью и хараджу», проще говоря, получил контрибуцию с тех, кто предпочел не вступать в сражение. Каким путем прошел он в Аланию, неизвестно, а возвратился через Аланские ворота, т.е. через Дарьяльское ущелье. На зиму с 724 на 725 г. ал-Джаррах расположился на севере Алании в Шакки[8].

Несмотря на успехи ал-Джарраха, что-то вызывало недовольство им у халифа, и он сместил его, поставив наместником Арминийи и Азарбайджана Масламу б. Абдалмалика. Маслама продолжал руководить военными действиями против византийцев на севере Малой Азии, а Арминийу и Азарбайджан поручил вести ал-Харису б. Амру ат-Таи. Летом 725 г. ал-Харис совершил поход в Дагестан и в земле лакзов овладел районом Хасмадан. В ответ на последние успехи арабов хакан собрал большое войско, во главе которого поставил своего сына Барсбека. По-видимому, на рубеже 726 и 727 гг. оно вторглось в Закавказье, дошло до Аракса и осадило город Варсан. Ал-Харис поспешил на помощь осажденным, заставил хазар уйти, но сам погиб в сражении[9].

Теперь Маслама решил лично заняться войной с хазарами. Прибытие его в Барда‘а никак не датировано, даже временем года. Известно только, что он пришел с войском в 109 г. х., явно в первой его половине, т.е. к лету 727 г., и разослал войско по Азарбайджану, и зимовал в нем, желая предупредить обычное зимнее вторжение хазар, но хазары в этом году в Закавказье не появились: то ли они приходили в себя после удара, нанесенного ал-Харисом, то ли опасались многочисленного войска Масламы[10]. Весной он сам перешел в наступление. Военные действия происходили на этот раз не в прикаспийской полосе, а на северо-востоке Грузии, в районе Дарьяльского прохода («Аланских ворот»). Навстречу вышел хакан, и завязалось месячное сражение (вероятно, серия отдельных столкновений), осложнявшееся затяжными дождями, превратившими землю в слякоть. Это сражение так и осталось в памяти участников как «слякотный поход». Какой-то из его этапов точно датирован четвергом 8 джумады II 110/18 сентября 728 г.[11]. По-видимому, сражение кончилось вничью, хазары поняли, что на этот раз им не удастся прорваться на богатые зимние пастбища, и ушли, а мусульманская сторона сочла себя победительницей.

Хишам, кажется, был иного мнения об успехах Масламы, и в 111 г. х. сместил его и вновь назначил ал-Джарраха б. Абдаллаха ал-Хаками. Ал-Джаррах прошел через Тифлис и напал на хазарский город, кото-

рый арабы называли ал-Байда («Белая»), захватил этот таинственный город, о местоположении которого спорят историки[12], и ограбил его. Упоминание Тифлиса может свидетельствовать о походе через Дарьяльский проход. Вероятно, этот поход пришелся на конец 111 г. х., т.е. на весну 729 г. А в ответ хазары поздней осенью того же года проникли в Азарбайджан и осадили Ардебил[13]. Ал-Джаррах прошел из Барда‘а через Байлакан и Варсан, снял осаду с Байлакана и разослал отряды по всей области, чтобы восстановить над ней власть.

В это время к Ардебилу стали подходить основные силы хазар. Ал-Джаррах вышел к ним навстречу к Баджравану; у него, видимо, не было времени устроить укрепленный лагерь, и пришлось принять бой на неподготовленной позиции, где-то на равнине у горы Сабалан. Сражение длилось три дня и окончилось разгромом арабского войска и гибелью самого ал-Джарраха 8 декабря 730 г. Из всего войска осталось не более 700 человек, укрывшихся от преследования в горах. Хазары обложили Ардебил и повели правильную осаду с применением камнеметных машин. Жители решили сдаться на милость победителей, но милости не последовало: все защитники были перебиты, женщины и дети обращены в неволю, а город был основательно пограблен и сожжен[14].

Хишам немедленно послал выручать положение Са‘ида ал-Хараши. С небольшим отрядом тот поспешил по главной дороге в Арминийу, через Хлат (Ахлат). По дороге к нему присоединились добровольцы и воины ал-Джарраха, избежавшие гибели. Для ускорения переброски войск Хишам прибег к не совсем обычной мере — отправлять воинов не на собственных конях, а на почтовых мулах, что обеспечивало примерно трехкратное ускорение переброски, правда, велась она небольшими группами[15].

Окончательно сформировав войско в Барда‘а, ал-Хараши направился через Байлакан к Варсану. Здесь его передовой отряд напал на хазарский лагерь с обозом, в котором находились пленные и добыча, захваченная в Ардебиле. Ночной атакой арабы захватили обоз с повозками, в которых увозили добычу и пленных. По другим сведениям, ночной атаке подвергся лагерь с главными силами хазар, и они после этого отступили[16].

По-видимому, главнокомандующим в этой кампании был не ал-Хараши, о назначении которого наместником говорят арабские авторы, а Маслама, поскольку он появился в Закавказье уже в следующем месяце, шаввале (17.XII.730–14.I.731 г.)[17], спеша не упустить плоды победы.

Вместо благодарности победителю Маслама еще с дороги послал распоряжение о смещении ал-Хараши, а его преемнику Абдалмалику

б. Муслиму ал-Укайли приказ арестовать ал-Хараши и заковать в кандалы, а когда прибыл в Барда‘а, грубо говорил с ним и сломал древко его командирского знамени. Одни источники объясняют гнев Масламы тем, что ал-Хараши ослушался его приказа не вступать в бой с хазарами до его прибытия, другие тем, что он послал голову убитого Барсбека прямо халифу, минуя непосредственного начальника. Последнее, конечно, считалось откровенным вызовом и не могло остаться без наказания. Правда, узнав о случившемся, Хишам выговорил Масламе и приказал освободить ал-Хараши[18].

В этой истории много неясного. Если, как говорят средневековые историки, ал-Хараши был назначен самим халифом и получил от него знамя, то все претензии к нему Масламы безосновательны. Если же он, как свидетельствует ал-Йа‘куби, был командующим авангардом Масламы, то все источники, рассказывающие о назначении его по приказу халифа, и даже подробные сведения ал-Куфи о движении ал-Хараши через Джазиру и Арминийу — весьма ненадежны.

Что-то неладно здесь и с хронологией: мы имеем две точные даты. Обычно таким датам, точным до месяца, а тем более — до дня, принято верить, но между гибелью ал-Джарраха за восемь дней до конца рамадана и прибытием Масламы в шаввале, пусть даже в последний его день, всего 37 дней. Можно ли было за это время получить известие о разгроме армии и отправить сообщение ал-Хараши (даже по почте) по зимним горным дорогам Арминийи? Теоретически на расстоянии между крайними пунктами в 1200–1300 км экстренное сообщение могло дойти за 7–8 дней, принятие решения и формирование головной группы занимали 5 дней, а срочная доставка этой группы к месту назначения — 12–15 дней: Масламе, двигающемуся обычным способом, с момента выступления потребовалось бы около 20 дней. Вроде бы это возможно, но неизвестно, действительно ли ал-Хараши выступил из Русафы и по какой дороге двигался, и когда именно в шаввале прибыл Маслама.

Как бы то ни было, Маслама прибыл достаточно скоро, не желая упустить момент и снежное время[19]. Однако большинство источников упоминает постепенное движение Масламы от Барда‘а к Дербенту.

Этот маршрут зафиксирован достаточно четко. Первым пунктом на нем был Хайзан (Хайран ?), район между Курой и Ширваном. Его население оказало сопротивление, и после взятия укрепленного центра этого княжества многие подверглись казни, укрепления были снесены, а часть земли, возможно собственность правителя, стала имением Масламы. Жестокая расправа с посмевшими сопротивляться побудила других сразу вступать в переговоры и покупать безопасность ценой уплаты дани. Так примирились Ширван и Маскат, княжества в ни-

зовьях Самура. Из Маската Маслама разослал конные отряды в горские княжества вверх по Самуру, в Лакз, Табарсаран и Филан. Получив от горцев материальные знаки покорности, он направился к Дербенту.

Главной трудностью было овладение труднодоступной цитаделью, расположенной на высокой горе, которая к тому же снабжалась водой из горного источника с помощью замаскированного водопровода. Узнав о местонахождении этого источника от небескорыстного местного жителя, Маслама приказал зарезать там несколько быков и кровь пролить в источник. Вода с кровью попала в цистерны цитадели и загнила. Обороняться стало невозможно, и тысяча хазар покинула ночью цитадель[20]. Где-то за Дербентом, вероятно около Вабандара, Маслама встретился с хазарами, будто бы под командованием хакана, и заставил их отступить. Сведения об этом ограничиваются стандартной формулировкой, что Аллах обратил их в бегство.

После занятия Дербента Маслама не стал закреплять свой успех движением дальше на север, а принялся превращать этот город в неприступную пограничную крепость, закрывавшую хазарам путь в Закавказье. В нем были поселены 24 000 сирийских арабов с семьями из Дамаска, Химса, Киннасрина и Джазиры. Можно думать, что ядро поселенцев составили воины его войска. Все они получили жалованье и пайки, для чего был устроен воинский провиантский склад; кроме того, был организован арсенал.

Дербент стал не только важным опорным пунктом, но и важным фактором распространения ислама на Восточном Кавказе. А Маслама в представлении дербендцев превратился в своего рода святого покровителя города. Как свидетельствовал андалузский путешественник, проехавший через Дербент около 1131 г., в окрестностях города в пещере хранился меч, якобы принадлежавший Масламе, который был объектом почитания, а еще позже в Дагестане Маслама превратился в совершенно легендарную фигуру под псевдонимом Абу Муслим, в повествовании о котором проступают крупицы исторической истины[21].

Маслама недолго пробыл в Дербенте, и в качестве наместника Арминии и Азарбайджана в первых числах марта 732 г. его сменил Марван б. Мухаммад, сын Мухаммада б. Марвана, прославившегося небывало жестокой расправой с армянскими феодалами. Марван сопровождал Масламу в этой кампании и мог перенять власть на ходу. С его именем связаны наивысшие успехи Халифата в борьбе с хазарами. И в этом, несомненно, значительную роль сыграл Дербент, приблизивший исходные наступательные позиции к важным центрам Хазарского каганата.

ВОЙНЫ С ТЮРКАМИ ЗА МАВЕРАННАХР

Отбивая вторжения хазар в Закавказье, Халифат продолжал борьбу с вмешательством Западного тюркского каганата в дела Мавераннахра. Большое значение в этой борьбе имела позиция крупнейшего за Сырдарьей феодального владения, Ферганы, управляемой тюркской династией Ильтаров. Весной 724 г. в очередной поход на Фергану отправился, как было сказано, Муслим б. Са‘ид. Поход с самого начала не заладился. Войско собиралось трудно. Муслим пригрозил, что будет наказывать тех, кто уклоняется от походов, а потом прыгает через заборы к женам ушедших в поход. Угрозы не помогли, и около 4000 человек уклонилось от похода, в основном, надо думать, аздитов. Переправляясь через Амударью, Муслим послал Насру б. Саййару в Балх распоряжение собрать в этой области войско и присоединиться к походу. Арабы в Тохаристане концентрировались в столице, Балхе, и в городке Барукан в 60 км западнее Балха. Наср разбил лагерь около Барукана и объявил о сборе в поход. Но общая ситуация в это время существенно изменилась: через несколько дней после переправы через Амударью, в Бухаре, Муслим б. Са‘ид узнал, что он уже смещен, хотя и оставлен командовать походом. Примерно в то же время весть о смене власти должна была дойти и до Балха. Распоряжение Муслима можно было считать утратившим силу.

Сопротивление Насру приобрело характер межплеменного конфликта. К Насру сразу присоединились его соплеменники, тамимиты, а аздиты и бакриты закрылись в Барукане. Из Балха к Насру пришли мудариты, а раби‘иты, часто союзничавшие с аздитами, убедили амира Балха Амра б. Муслима, что Муслим б. Са‘ид желает отложиться и не следует подчиняться его приказу.

Группа умеренных явилась к Насру уговорить его отступиться. Наср воздержался от нападения, но аздиты во главе с ал-Бахтари и Амром б. Муслимом напали на Насра. Столкновение, в котором нападавшие потеряли 18 человек, закончилось их поражением. Нападавшие рассеялись, Амра б. Муслима, спрятавшегося на мельнице, и предводителя аздитов ал-Бахтари, укрывшегося в кустах, схватили и привели к Насру вместе с некоторыми другими предводителями неповиновения. Им дали по сотне плетей и для вящего позора сбрили бороды и обрили головы. Можно думать, что после этого Насру все-таки удалось собрать отряд для усиления войска Муслима[22].

Этот конфликт разрешился сравнительно малой кровью, но память о позоре «дня Барукана» не раз аукивалась Насру.

Войско Муслима, пополненное отрядами согдийцев, без особых препятствий дошло до Ферганы, а там начались неудачи. Как водится, неудачи описываются неохотно. В рассказе ат-Табари, наиболее подробном, совершенно непонятно, происходят описываемые события при наступлении или отступлении, можно только догадываться, что форсированный восьмидневный марш к реке был отступлением. По-видимому, Муслиму удалось сначала без особых препятствий дойти до столицы Ферганы (Касана ?), грабя земледельческие районы и уничтожая сады и посевы, затем его встретило многочисленное войско хакана, передовой отряд Муслима понес тяжелые потери, а в войске началось брожение. О ходе генерального сражения с тюрками ничего не известно. По некоторым сведениям, в каком-то из столкновений был убит брат хакана, но в любом случае Муслиму пришлось поспешно отступать, бросив обоз со всем имуществом и добычей, чтобы скорее пройти через пустыню и вырваться из окружения. На девятый день войско наконец-то достигло какой-то реки, где его поджидали отряды ферганцев и чачцев, однако они не воспрепятствовали арабам переправиться через реку. Здесь произошло последнее сражение с хаканской армией, которое осталось в памяти участников как «день жажды»[23].

Между тем в Самарканд прибыл Асад б. Абдаллах. Он наградил самаркандцев, отличившихся в боях, 13 или 14 дирхемами каждого (что соответствовало одному динару), назначил нового амира Самарканда и послал к войску двух гонцов с грамотой о смещении Муслима б. Са‘ида с командования, о назначении на его место Абдаррахмана б. Ну‘айма и о разрешении войску вернуться по домам.

Посланцы прибыли к войску, когда оно, измученное, добралось до Худжанды. Разрешение вернуться по домам не могло не обрадовать воинов, но особенно торжествовали воины племен, обиженных в Барукане по поводу смещения Муслима. Один из бакритов не удержался и в присутствии Абдаррахмана б. Ну‘айма дважды хлестнул Муслима плетью[24]. Взаимная неприязнь между различными группами племен прорывалась, если не в прямых столкновениях, то в сатирах друг на друга, восхваляющих свои подвиги и поносящих трусость других. Смещение Муслима, видимо, было связано не только с неудачей похода, но и с усилением позиций антитамимитской группы племен, прежде всего аздитов. Вряд ли случайно, что новым наместником Самарканда стал ал-Хасан б. Абу-л-Ма‘аррата из южноарабского племени кинда, женатый на дочери главы племени азд. Он принадлежал к тому еще очень незначительному числу людей, которые начинали понимать, что для сохранения власти Халифата необходимо уважение к неарабам и сближение с ними. Ему приписывали слова, сказанные в ответ на упреки в нежелании активно воевать с тюрками: «Не они

напали на нас, а мы напали на них, на их страну и поработили их. Клянусь Аллахом, я непременно добьюсь вашего сближения с ними и поставлю челки ваших коней с челками их коней»[25]. Но этой идее трудно было прижиться в обществе людей, выросших в обстановке постоянных походов и вражды к людям, считавшимся только объектом ограбления, источником обогащения.

Неудачный поход Муслима б. Са‘ида не улучшил позиции Халифата в Мавераннахре, и после ухода армии тюрки вновь стали проникать в область Самарканда. Асад в это время был занят делами более близких территорий, в 107 г. х. он предпринял поход на Гарчистан, область в верховьях Мургаба, в результате которого правитель области принял ислам[26]. В том же году он переселил арабов из Барукана в опустевший после арабского завоевания Балх. Все воины, независимо от того, было ли у них в Барукане жилище, получили участки под застройку, на что пошли налоги области, а руководить застройкой и восстановлением города было поручено Халиду, сыну Бармака, главного жреца храма огня (или буддийского храма) в Балхе[27].

Балх стал опорной базой для активных военных действий на юге Мавераннахра. В 726 г. Асад переправился через Амударью и напал на Хуттал (Хутталан), область в нижнем течении Вахша, чтобы заставить его царя ас-Сабла соблюдать условия договора. Вроде бы ему удалось справиться с ас-Саблом, но тут появились тюрки, то ли по своей инициативе, то ли по приглашению ас-Сабла. Что произошло дальше — не сообщается, ясно только, что Асад потерпел поражение, спешно уходил от тюрков за Амударью и войско страдало, испытывая голод. Что характерно, у самого Асада имелись овцы, и он их продавал. Неважно, что указываемая цена 600 дирхемов за пару, могла быть преувеличена в рассказах: важен сам характер отношений в войске. Асад возвратился в Балх, опозоренный поражением, и местные мальчишки распевали по этому поводу:

Из Хутталана ты пришел,
Опозоренный пришел.

Этот незатейливый стишок примечателен тем, что является первым зафиксированным памятником поэзии на новоиранском языке (фарси).

Эта неудача в какой-то мере сыграла роль в его дальнейшей судьбе, главной причиной его падения стало слишком явное пристрастие к южноарабским племенам и враждебность к мударитам, возглавлявшимся Насром б. Саййаром. Эта группа открыто выказывала недовольство правлением Асада, на что он ответил в Балхе гневной речью. Клеймя разрушителей единства, он заявил: «О жители Балха! Вы прозвали меня вороном, так, клянусь Аллахом, я вырву ваши сердца». За-

тем нескольких знатных противников Асада, начиная с Насра б. Саййара и Абдаррахмана б. Ну‘айма, раздели, выпороли и обрили. С врагами халифской власти Асад расправлялся суровее: в 107 г. х. нескольким аббасидским пропагандистам в Хорасане отрубили руки и ноги (кисти и ступни), а на следующий год еще двоих обезглавили и распяли[28]. Но не эта жестокость положила конец его карьере, а жалобы хорасанцев на племенное пристрастие, которые надоели Хишаму, и он предложил Халиду сместить брата, что тот и сделал. В рамадане 109/20.XII.727–18.I.728 г. Асад прибыл в Ирак и получил разрешение отправиться в хаджж. Было бы неверно ограничиться только рассказами о жестокости Асада — он в этом отношении был не хуже большинства правителей того времени, — в отличие от многих «людей меча», правивших Хорасаном, он понимал необходимость сотрудничать с местной знатью, а не смотреть на них только как на покоренных. Вряд ли случайно, что в Ирак он прибыл в сопровождении хорасанских дихканов[29].

Наместником Хорасана был назначен Ашрас б. Абдаллах ас-Сулами, которого характеризовали как доблестного и добропорядочного человека. Жители Мерва встречали его криками «Аллах велик», радуясь прибытию праведного правителя. Ашрас ревностно принялся за административные дела, для обеспечения порядка завел конную стражу и, казалось, в Хорасане наступит покой и порядок, но стремление к достижению недостижимого идеала привело к обратному результату. Он решил осуществить идею, которая провалилась в Хорасане при Умаре б. Абдал‘азизе — обратить всех жителей Самаркандского Согда в ислам. Абу-с-Сайда Салих, мавла племени дабба, которому поручили эту миссию, заявил, что возьмется за это только при условии, что принявшие ислам будут освобождены от джизьи. Ашрас согласился на это. Абу-с-Сайда не был иранцем и плохо владел согдийским, который он назвал «персидским», поэтому ему придали людей, владевших языком. Соблазнительная перспектива освободиться от налога обеспечила успех пропаганде ислама. Но вскоре Гурек, который как правитель Согда отвечал перед арабскими властями за выплату суммы дани, определенной договором с Кутайбой, заявил наместнику Самарканда, что все стали мусульманами и ему не с кого брать налог. Наместник известил Ашраса, и тот ответил: «В харадже сила ислама» (имея в виду не конкретно поземельный налог, а налоги вообще) и посоветовал продолжать брать джизью с тех, кто принял ислам не по убеждению, а ради освобождения от налога.

Аналогичное положение сложилось и в Бухарском оазисе, дихкане которого приехали к Ашрасу и заявили, что не осталось, с кого брать налог. Ашрас приказал брать джизью со всех. Согдийцы, принявшие

ислам, подняли восстание, и 7000 человек стали лагерем где-то в семи фарсахах от Самарканда, к ним присоединился Абу-с-Сайда и многие арабы, осудившие действия Ашраса. Ашрас сместил наместника Самарканда и послал туда ал-Муджашира б. Музахима ас-Сулами. Муджашир позвал к себе Абу-с-Сайда и его сторонников (среди которых оказался известный воин и поэт Сабит Кутна) и арестовал их. Возмущенные сторонники Абу-с-Сайда решили начать борьбу с наместником, но он уговорил их обратиться за советом к Ашрасу, тот сумел убедить часть из них в своей правоте, и наиболее опасный разворот событий — совместное выступление восставших согдийцев с частью арабов — был предотвращен. Абу-с-Сайда увезли к Ашрасу в Мерв, Сабит Кутна остался в тюрьме, а сбор налогов с новообращенных, сопровождавшийся унижением дихканов, продолжился с еще большей жестокостью. Согд восстал. По-видимому, как обычно, в руках арабов оставались несколько крупных городов в окружении восставшей страны. В дело вновь вмешались тюрки. Гарнизоны Самарканда и Бухары не в силах были справиться с положением, и на помощь им для подавления восстания направился Ашрас во главе хорасанской армии. Он остановился на западном берегу Амударьи, в Амуле, отправив к Бухаре Катана б. Муслима с 10 000 воинов. Далеко продвинуться он не смог и оказался осажденным согдийцами и тюрками в собственном лагере. Тюрки даже переправились через реку, намереваясь напасть на Амул. Арабская конница под командованием освобожденного Ашрасом Сабита Кутны отбросила их за Амударью. Войску Ашраса удалось продвинуться до Пайкенда, но здесь их встретило неожиданное препятствие: тюрки перекрыли канал, подававший сюда воду, люди и кони стали страдать от жажды. Пробиться к воде стоило больших усилий и потерь; при одной из попыток погибло 700 человек. Оживившееся после этого сражение окончилось только с темнотой, а ночью тюрки отступили, открыв дорогу к Бухаре. Бухара тоже оказалась в руках восставших. Под самой Бухарой у замка бухархудата, в миле от города, их встретила тысяча всадников. Завязалось сражение между замками и садами пригорода. Разделенные этими препятствиями, войска Ашраса раскололись на отдельные группы, сражавшиеся поодиночке, не зная друг о друге. Во время этих боев ихшид Согда Гурек, сопровождавший Катану, перешел на сторону восставших. Причиной называли оскорбительное отношение к нему (да и к другим дихканам) Ашраса, отобравшего у него во время этих боев последнюю чашу из драгоценного металла, посоветовав пользоваться посудой из тыквы[30].

Ашрас дошел до Бухары и осадил ее, но вокруг в оазисе и в степи оставались большие отряды тюрок. По существу, осаждая Бухару, он

и сам находился в окружении[31]. Отбиваться от тюрок и согдийцев приходилось и арабам на среднем Зеравшане в районе Дабусийи. Здесь одна из крепостей на большой дороге из Бухары в Самарканд, Кемерджа, выдерживала осаду в течение двух месяцев[32]. Примерно в это же время тюрки напали на Курдер в северной части правобережного Хорезма[33].

Ашрас тоже не угодил своим хорасанским подчиненным: чья-то жалоба побудила Хишама сместить своего недавнего ставленника. Конечно, на это решение могла повлиять и не слишком успешная война в Мавераннахре. Взамен его в Хорасан по рекомендации Хишама был направлен ал-Джунайд б. Абдаррахман ал-Мурри, до этого лет пять управлявший Синдом. Он был назначен Умаром б. Хубайрой, но после смерти Йазида и смещения Ибн Хубайры Хишам утвердил его на прежнем посту. По-видимому, низовья Инда по восточному берегу вышли из-под власти наместника, и он через десять лет после завоевания этой области Мухаммадом б. ал-Касимом вновь прошелся по ней огнем и мечом, применяя при осаде зажигательные смеси. На первом этапе этой войны в плен к ал-Джунайду попал сын Дахара, убитого Мухаммадом б. ал-Касимом. Названия городов и областей, упоминаемые арабскими авторами, сильно искажены, и для более подробного изложения этих событий нужен специальный их разбор. В этой войне была захвачена огромная добыча и десятки тысяч невольников: будто бы добычи на 56 млн. дирхемов и 85 тыс. невольников[34]. Несмотря на это, Халид почему-то сместил его, и он оказался при дворе Хишама, а когда открылась вакансия наместника Хорасана, ал-Джунайд приобрел это место ценой драгоценного ожерелья, подаренного им одной из жен Хишама[35]. Назначение его произошло, по одним сведениям, в 111 г. х., по другим — в 112 г. х., скорее всего, весной 730 г.

Отправился ал-Джунайд на восьми почтовых лошадях, для пышности ему хотелось получить их больше, но Хишам дал предписание только на восемь. Он прибыл в Мерв, когда Ашрас еще находился под Бухарой. Ал-Джунайд решил лично представиться Ашрасу. В Амуле ему объяснили, что с его небольшим эскортом появляться на другом берегу Амударьи опасно, но он переправился и отправил Ашрасу гонца с просьбой послать навстречу отряд сопровождения. Посланный отряд около Каракуля был перехвачен тюрками и отбивался от них, укрывшись за стенами какого-то заброшенного поселения. Вырваться удалось только после того, как группа, посланная в обход, проложила гать через болото и с тыла неожиданно напала на тюрков. Прибытие ал-Джунайда с семитысячным авангардом изменило ситуацию. Видимо, при нем была взята Бухара и разбиты союзники согдийцев. В боях погиб царь Шаша и захвачен в плен племянник хакана, которого, как

ценный трофей, отправили халифу[36]. Ал-Джунайд победителем возвратился в Мерв, сменив наместников Бухары, Герата и Балха. Предпочтение отдавалось мударитам; тем не менее Насра б. Саййара, признанного главу мударитов Хорасана, привели к новому наместнику, бахилиту, в позорном виде, в одной короткой рубахе, держа за ворот: бахилиты не могли простить ему Барукана[37]. Но наместник-бахилит удовлетворился этим унижением Насра и иного преследования не предпринял.

Победа над тюрками не укрепила положение арабов в Мавераннахре — на следующий год тюрки вновь подошли к Самарканду вместе с отрядами шашцев, ферганцев и согдийцев, среди которых был Гурек и правитель Насефа (Нахшеба) ал-Ашканд. Наместник Самарканда Савра б. ал-Хурр запросил помощи у ал-Джунайда, жалуясь, что с наличными силами не сможет удержать даже стену округи Самарканда (периметр больше 30 км). Ал-Джунайд, планировавший какие-то другие операции и разославший часть войска на их проведение, заспешил двинуться на помощь Самарканду, хотя ему советовали сначала собрать все силы воедино. Судя по тому, что к Самарканду он подходил со стороны Кешша, можно говорить, что он прошел через Балх и пополнил свое войско за счет тамошних воинов. В Кешше перед ним встал вопрос, какой дорогой двигаться к Самарканду: короткой, но более трудной, через горы, или обходной равнинной, через ал-Мухтараку («Погорелое»), район, разгромленный и сожженный в 80 г. х. Ему посоветовали идти через горы, а не через место, заросшее кустарником и деревьями, которые противник может поджечь.

Пройдя одним ночным маршем, войско ал-Джунайда поутру на выходе из ущелья оказалось в четырех фарсахах от Самарканда. Воины стали завтракать, а посланная вперед разведка наткнулась на тюрков и повернула назад, преследуемая этими тюрками. Таким образом, ал-Джунайду пришлось вступать в бой сходу, не дав отдыха коням и людям. Сражение было настолько упорным, что в нем участвовали даже рабы с дубинами. Арабы спешно окапывались и спешивались, чтобы лучше противостоять тюркской коннице. Первый день сражения не принес перевеса ни одной из сторон, а в середине следующего дня прибыл сам глава тюрков (арабы называли его хаканом, но, скорее всего, это был не сам хакан) с новыми силами. Стало ясно, что вырваться из ущелья и пробиться к Самарканду не удастся. Ал-Джунайд послал гонца в Самарканд с просьбой о помощи, но Савра не хотел покидать надежные городские стены. Отчаявшийся и обозленный ал-Джунайд послал Савре очень грубый по форме приказ выйти из города и атаковать тюрков. Взбешенный Савра, мать которого была нелестно помянута, вышел из города, надеясь за ночь тайно дойти до ал-Джунайда. Его

сборы не остались незамеченными, и на рассвете, когда он подошел к подножию гор[38], в фарсахе от ал-Джунайда его встретило тюркско-согдийское войско. Момент внезапности был утерян, тюрки отрезали арабов от воды и напали в полуденный зной на утомленное жаждой войско. У Савры будто бы было 12 000 воинов[39], но прорваться к ал-Джунайду они не смогли, а тот не нанес встречного удара. Вскоре Савра погиб, упав вместе с другими воинами в какой-то не замеченный им овраг. На пересеченной местности арабское войско раздробилось, и мелкие отряды легко стали добычей противника. Отряду в семьсот человек удалось пробиться в сторону Самарканда и к ночи укрыться за стеной укрепленного поселения. Гурек предложил им сдаться под гарантию их безопасности. Те, кто не поверил обещанию, ночью ушли, а сдавшиеся утром были приведены к хакану, сказавшему, что он не признает гарантии, данной Гуреком. Гурек в ответ на упреки в вероломстве сказал, что он всего лишь раб и воин хакана, и сдавшиеся были убиты[40].

В ту же ночь ал-Джунайд, воспользовавшись тем, что противник отвлекся преследованием самаркандцев, вышел из ущелья и направился к Самарканду. Утром противник снова преградил ему путь. Когда положение стало критическим, ал-Джунайд пообещал рабам за участие в сражении освобождение, и плохо вооруженные рабы вступили в бой с храбростью, поразившей их хозяев. Видимо, за три дня боев и тюрки со своими союзниками понесли немалые потери и пропустили ал-Джунайда в Самарканд, остававшийся фактически беззащитным. Из всего войска, вышедшего с Саврой, спаслась только тысяча человек.

Тем временем хакан решил нанести удар в другом слабом месте — напасть на Бухару. Управляющий ею, Катан б. Кутайба, обратился за помощью к ал-Джунайду. Тот тоже не располагал большими силами. Советчики предлагали ему просить помощи у халифа, а потом кружным путем через Кешш, Насеф (Нахшеб) и Замм выйти к Амулу, что явно обрекало арабов Бухары на поражение.

Ал-Джунайд предпочел идти прямо на Бухару, приняв все меры предосторожности на марше. Он взял с собой семьи погибших воинов Савры, а в Самарканде оставил 400 пехотинцев и 400 конников. До Кермине ал-Джунайд дошел беспрепятственно, передовой отряд продвинулся до Тавависа в полусотне километров от Бухары и принес известие о приближении тюрков. Столкновение под Тавависом кончилось в пользу ал-Джунайда, и в день михраджана, в праздник весеннего равноденствия, он вступил в Бухару. Участники этого похода получили по 10 дирхемов бухарской чеканки и, передохнув, вернулись на зимние квартиры[41]. Тюрки на пару лет оставили Мавераннахр.

Для возмещения больших потерь хорасанской армии в этой кампании Хишам распорядился прислать из Ирака значительное подкрепле-

ние[42]. Конечно, позаботиться об их своевременной отправке должен был наместник Ирака, Халид б. Абдаллах, но не сделал этого. И, несомненно, за что-то в этом роде ал-Джунайд обзывал его грязной тряпкой, гиеной и безродным[43]. В 114/732 г. ал-Джунайд совершил поход в Чаганийан, но не встретил там козней и возвратился назад[44].

Расположенный южнее Хорасана и отдаленный от него несколькими горными хребтами, Сиджистан не подвергался нападениям тюрков, но положение в нем тоже не было стабильным. Полуразбойничьи отряды, формировавшиеся вокруг осколков хариджитского войска, разгромленного ал-Мухаллабом, доставляли властям немало беспокойства. В 107/726 г. группа хариджитов убила там начальника полиции, расправа над ними подняла остальных, и наместнику Йазиду б. ал-Арифу ал-Хамдани пришлось иметь дело с пятитысячным войском хариджитов, которые стали фактически хозяевами области. Видимо, удовлетворившись своей победой, хариджиты рассеялись, и новый наместник получил возможность в 109/727 г. совершить поход на Кабулистан, кончившийся, как и некоторые другие, тем, что слишком углубившееся в горы войско было окружено, и большая часть его погибла или была взята в плен[45].

ОТ МИРНОГО ЕГИПТА ДО ВОИНСТВЕННОГО МАГРИБА

В то время как на границах с тюркским миром тенденция Халифата к территориальному расширению встречала серьезное противодействие, оборачивающееся чувствительными контрударами многочисленного и подвижного противника, на сухопутных и морских границах с Византией и Южной Галлией арабы продолжали активную наступательную политику, не встречая серьезного сопротивления.

В Малой Азии продолжались ежегодные летние походы на пограничную полосу, не приносившие территориальных приобретений; сомнительно даже, что целью их могла быть богатая добыча, поскольку вряд ли что-либо можно было взять с людей, живших в условиях непрерывных войн. Похоже, что главной целью было сохранение оборонительного пояса в виде опустошенных земель. Находившиеся здесь крепости переходили из рук в руки, ту же участь разделяли и некоторые города. Так, Кайсарийа, 13 января 736 г. в очередной раз завоеванная Масламой, в 111/729–30 г. была уже в руках византийцев, поскольку сообщается, что Са‘ид б. Хишам, совершив летний поход из Джазиры, «достиг Кайсарии»[46]. В ходе этих походов или, скорее, набегов, применялись и такие приемы, как выжигание посевов и пастбищ, вырубка

плодовых деревьев[47]. Обычно вторжение велось по двум направлениям: из Северной Месопотамии и из Северной Сирии, из Антиохии или Дабика. Эти походы так и назывались: «правый» и «левый». Крупные морские экспедиции после неудавшейся осады Константинополя не упоминаются, хотя, конечно, мелкие операции не прекращались.

Ответные удары византийцев, наносившиеся иногда по средиземноморскому побережью Египта, в этом десятилетии не упоминаются. Египет, расположенный как раз посередине восьмитысячекилометрового пояса Халифата, наряду с Аравией был самой спокойной и безопасной частью Умаййадского государства. Он не имел воинственных кочевых соседей, которые постоянно грозили бы ему вторжением, а внутри страны не было многочисленного сословия вооруженных феодалов, располагавших собственными вооруженными силами, как в Средней Азии, Иране и Закавказье. Соответственно и роль командующего, принадлежавшая наместникам, была здесь скорее номинальной, чем реальной, — водить войска в походы наместникам Египта не приходилось — египетское наместничество со времени Абдал‘азиза было синекурой членов правящего рода. Зато тем большее значение приобретает глава финансового ведомства (*сахиб ал-хараджс*).

При ал-Хурре б. Йусуфе, назначенном в мае 725 г., выдвигается энергичный и беспощадный Абдаллах б. ал-Хабхаб. Для коптов именно он ассоциировался с высшей властью в их стране: коптский историк Север б. ал-Мукаффа‘ именно его называет «царем Египта» при патриархе Теодоре. Ибн ал-Хабхаб провел перепись земель Египта, и, вероятно, на основании новых данных доложил Хишаму, что Египет может выдержать большее обложение, и увеличил его на один кират (т.е. на $^1/_{24}$), а по другим данным — на $^1/_8$. Второе представляется более вероятным потому, что в том же, 107 г. х. долготерпеливые копты впервые за годы арабского владычества подняли восстание на восточной окраине Дельты. Оно было быстро и жестоко подавлено[48]; видимо, после этого часть земель в этом районе обезлюдела. Сам ал-Хурр в этом году три месяца провел в Думйате во главе сменного гарнизона, а в феврале 726 г. нанес визит Хишаму.

Правление ал-Хурра оказалось непродолжительным: между ним и Ибн ал-Хабхабом произошел какой-то конфликт, Ибн ал-Хабхаб написал на него жалобу, и халиф сместил своего троюродного брата, в зу-л-ка‘де 108/феврале 727 г. Существо жалобы не сообщается, но можно подозревать, что она касалась незаконного расходования средств на строительство караван-сарая (*кайсарийи*) для Хишама в Фустате. Для расчетливого халифа это было серьезным проступком[49].

Новым наместником стал начальник полиции Египта Хафс б. ал-Валид, продержавшийся на этом посту около трех месяцев — вечером

15 мая 727 г., в ночь на пятницу, ему на смену прибыл Абдалмалик б. Рифа‘а. Приехал он тяжело больным и вскоре умер, передав власть своему брату ал-Валиду б. Рифа‘а. Хишам утвердил это назначение. При всех политико-административных переменах в Египте незаменимым оставался Ибн ал-Хабхаб. Он не только твердо держал бразды правления финансами, но случалось, выходил за пределы своих прямых обязанностей. Так, в 109/727-28 г. он добился у Хишама распоряжения переселить из Палестины и Урдунны 3000 арабов из племен группы кайс в Египет: по 100 семей из бану наср, амир, хавазин и сулайм. Переселение их в некоторой степени изменяло баланс между йеменитами, составлявшими в Египте подавляющее большинство, и северными арабами. Кайситов поселили в районе Билбайса, близ тех мест, где за два года до этого восставали копты. Им поручили присматривать за земледелием (скорее, за земледельцами), собирать торговые сборы и пошлины и доставлять пшеницу в Кулзум (современный Суэц)[50].

В военных действиях против Византии Египет принимал участие своим флотом, базировавшимся в Александрии и Думйате. Об этих ставших рутинными набегах на византийские острова и побережья сообщается очень мало, может быть потому, что они не приносили территориальных приобретений.

Большое значение для расширения и укрепления власти Халифата на новых территориях имели военные действия на море в западной части Средиземноморья.

Наиболее активные морские операции велись в центре Средиземного моря. Инициатором их был наместник Ифрикийи Бишр б. Сафван, положение которого в административной иерархии было тождественно наместнику Ирака: как тот управлял всеми областями к востоку от Ирака, так этот управлял всей территорией за Ифрикийей. Разница была только в том, что его резиденция была значительно дальше от столицы Халифата, чем Васит или Куфа, и халифы реже вмешивались в кадровые решения наместника Запада.

Северная Африка не испытывала такого сильного давления кочевого мира, как восточная часть Халифата. Здесь Сахара не позволяла концентрироваться кочевникам, и у них не было таких мощных политических объединений, как каганаты. В то же время редкие разрозненные оазисы в песках Сахары не сулили большой добычи и не вызывали у арабов желания расширять свои владения на юг. Зато на севере, за морем, лежали привлекательные в отношении добычи области Южной Европы.

Морские набеги на средиземноморские острова, как мы видели, начались, как только Халифат утвердился в Ифрикийе. При Бишре б. Сафване они совершались ежегодно: 106/724 г. — на Корсику и Сар-

динию, 107/735 г. — упоминается набег без указания места, 109/727 г. — на Сардинию. В конце 109 г.х., т.е. в начале 728 г., Бишр б. Сафван скончался, и на его место был назначен Убайда б. Абдаррахман ас-Сулами, прибывший в Кайраван в раби‘ I 110/14.VI–13.VII.728 г. Как водится, он арестовал чиновников Бишра и приближенных к нему людей, а кое-кого и пытал.

Сменой власти, вероятно, объясняется отсутствие морской экспедиции в 111/729 г. — после прибытия Убайды до начала осенне-зимних штормов оставалось два-три месяца. Зато на следующий год, летом 729 г. для набега были снаряжены 180 судов. Несколько тысяч воинов высадились и осадили какой-то город. Взять его до наступления штормов не удалось, и осенняя буря уничтожила эскадру, из которой вернулись назад только 17 кораблей[51]. Гибель флота не остановила набеги на Сицилию; уже на следующее лето 112/730 г. из Тунисской бухты вышла новая эскадра под командованием некоего Сабита б. Хусайма, «из иорданцев», которая, пограбив Сицилию, благополучно возвратилась с добычей и пленными. Набеги на этот остров повторились в 112/731 и 114/732 гг.[52].

В те же годы арабы, овладевшие почти всем Пиренейским полуостровом, захватив в 719/720 г. Нарбонн, город на побережье за Пиренейским хребтом, вели военные действия в Южной Галлии.

Исходя из того, что наместники ал-Андалуса, организовавшие эти завоевательные походы и командовавшие ими, были назначаемы наместником Ифрикийи, можно было бы предположить, что действия на море и на суше координировались, но этого, по-видимому, не было. Вообще, сведения арабских источников о событиях за Пиренеями чрезвычайно скудны, лишь латинские хроники несколько помогают в этом отношении. Первым успехом после овладения Нарбонном был захват расположенной в двух днях пути Тулузы. Однако через год, в 721 г., арабы были выбиты оттуда. Следующим серьезным предприятием был поход 725 г. на восток от Нарбонна через Каркассонн до Нима и долины Роны[53]. По-видимому, в этом районе арабам удалось сохранить свой контроль. По аналогии с ситуацией в Хорасане и Мавераннахре можно думать, что здесь в нескольких городах были оставлены небольшие сменные гарнизоны, обозначавшие наличие новой власти и обеспечивавшие своевременное поступление дани, оговоренной договорами. При наличии опасности и для новых завоеваний ал-Андалуса (как на востоке из Хорасана) отправлялась основная армия.

О событиях следующих шести лет ничего не сообщается. О том, что наместники ал-Андалуса не имели военных успехов, а, следовательно, плохо пополняли государственную казну, может косвенно подтверждаться их частой сменой. В двадцатые годы были смещены

шесть или семь наместников, и лишь об одном из них, Абдаррахмане ал-Гафики, андалусский историк очень невнятно сообщает, что он дошел до ал-Ифранджа (страна франков) и погубил там свое войско, и погиб сам. Латинский источник позволяет точнее представить, о чем идет речь.

Летом 732 г. этот наместник во главе андалусской армии из Памплоны двинулся через Ронсевальское ущелье на север в Аквитанию, являющуюся независимым владением. Ее правитель Эдо встретил арабов только у впадения Дордони в Гаронну. Аквитанское войско не выдержало удара арабов и открыло им путь к столице области, Бордо. Эдо бежал на север во франкские владения. Арабы также двинулись на север, грабя монастыри и захватывая пленных и другую добычу. На территории Аквитании уже никто не мог оказать им организованного сопротивления. Опьяненный легким успехом, Абдаррахман ал-Гафики не удовлетворился достигнутым, а двинулся дальше и вторгся в пределы франкского государства. В октябре на реке, около города Пуатье, его встретила франкская армия во главе с самим майордомом, энергичным и храбрым Карлом Мартеллом. О том, каковы были силы противников и как протекало сражение, мы не знаем, известно только, что Абдаррахман был убит, мусульманская армия потерпела поражение, остатки ее бесславно бежали на юг к Нарбонну[54].

Можно много гадать по поводу причин этого поражения арабов: франкская армия могла быть сплоченней, Карл мог быть более талантливым полководцем, франки могли быть многочисленнее, наконец, если столкновение было неожиданным, Абдаррахман не мог успеть собрать воедино отряды, рассыпавшиеся в поисках добычи. Несомненно одно, поход Абдаррахмана ал-Гафики был грабительским набегом, при котором не предпринималось никаких мер по закреплению на легко завоеванной территории, франки же, отступая, только усиливали свои позиции; даже победив у Пуатье, арабы вскоре вынуждены были бы отступить.

Удача изменила мусульманам и на море. Летом 115/733 г. арабская эскадра, возвращавшаяся с добычей после набега на Сицилию, была перехвачена византийцами и сожжена, спастись удалось немногим[55]. Эти два поражения, а может быть, просто недовольство Хишама размером дани, присылаемой из Ифрикийи, привели к смещению Убайды б. Абдаррахмана и назначению на его место Убайдаллаха б. ал-Хабхаба, прославившегося в Египте своими способностями увеличивать сбор налогов, за ним вроде бы осталось управление финансами Египта, которое он, уезжая, возложил на своего сына ал-Касима. Память о том, что он передал свои функции по финансовому ведомству сыну, породила представление, будто он объединил в своих руках управле-

ние Египтом и Магрибом, зафиксированное некоторыми источниками, хотя по достоверным сведениям наместником Египта в течение семи лет был ал-Валид б. Рифа‘а[56].

Прибыв в Кайраван в раби‘ II.116/10.V.734 г., Ибн ал-Хабхаб поручил управление Дальним Западом (примерно соответствует современному Марокко) с центром в Тандже (Танжере) своему другому сыну, Исма‘илу, который туда не поехал, а поручил реальное управление Амру б. Абдаллаху ал-Муради. Наместником же ал-Андалуса стал Укба б. ал-Хаджжадж ас-Сулули. В том же, 116/734 г. Ибн Хабхаб отправил войско во главе с внуком Укбы б. Нафи‘ (см. т. III, с. 149 и 160) Абдаррахманом б. Хабибом, который прошел через Крайний Сус, то есть до Вади Дра, и вступил в «Страну черных», благополучно возвратившись из победоносного похода. В том же, 116/734 г. был предпринят набег на Сицилию, но суда, возвращавшиеся с добычей, были перехвачены византийцами; и хотя, как утверждает арабский источник, «Аллах обратил их в бегство», в плену у византийцев оказались два сына командующего арабской эскадрой и несколько других видных участников набега[57]. Некоторым утешением могло быть только то, что на севере арабское войско под командованием Йусуфа б. Абдаррахмана в этом году из Нарбонна совершило поход в долину Роны и завладело Арлем и Авиньоном. Впрочем, удержаться там мусульмане не смогли: в 738 г. Карл Мартелл не только выбил их оттуда, но и осадил Нарбонн, выдержавший длительную осаду[58].

Ибн ал-Хабхаб построил в Кайраване новую пятничную мечеть[59], а в Тунисе — новую верфь, склады и мастерские, необходимые для оснащения флота, — то, что по-арабски называлось *дар ас-сина‘а* («производственный двор»), вошедшее в европейские языки в искаженной форме «арсенал».

Неудача набега 116 г. не остановила ал-Хабхаба: в 117/735 г. Хабиб б. Абу Убайда, возвратившись из похода в «страну черных», возглавил очередной набег на Сицилию. В следующем году арабский флот снова напал на Сицилию, византийцы пытались преградить им обратный путь, но потом пропустили без боя. В 119/737 г. арабский флот осадил какой-то город в Сардинии, но при неизвестных обстоятельствах значительная часть его потонула, скорее всего, из-за бури. В следующем году, как особо отмечается, морского набега не было[60], вероятно, из-за внутренних проблем.

Главной задачей Ибн ал-Хабхаба было не завоевание новых земель, а увеличение размеров дани с территорий и племен, установленных договорами, но можно было проделать ту же операцию, заменив коллективную уплату дани индивидуальным обложением, наконец, можно было лишить новообращенных мусульман налоговых льгот, пола-

гавшихся мусульманам-арабам, переведя их из категории платящих десятину в категорию плательщиков пятины (*хумс*). Ибн ал-Хабхаб увеличил ставки подушного налога с иноверцев (*джизйи*) и перевел на хумс кого-то из тех, кто не должен был платить его, скорее всего, новообращенных мусульман-берберов. Источник, сообщающий об этом, приписывает эти меры наместнику Танджи, хотя вряд ли такое серьезное решение не принадлежало самому Ибн ал-Хабхабу. Жаловавшимся на беззаконие отвечали: «Вы — наша добыча, и можем делать с вами, что хотим»[61]. Такой произвол порождал резкое недовольство, подогреваемое хариджитской пропагандой всеобщего равенства мусульман под властью выбранного халифа.

Взрыв не заставил себя долго ждать: в конце 121 — начале 122 г. вспыхнуло восстание, руководимое хариджитами суфритского толка. Главой этого движения был бывший торговец водой на базаре Кайравана, Майсара, которого арабские средневековые авторы непременно поминают с добавлением эпитета «презренный». Его сподвижником был некий Абдала‘ла б. Худай. Против них из Танджи вышел Амр б. Абдаллах ал-Кайси (или ал-Муради), но повстанцы разгромили его, сам Амр пал в бою, и войско разбежалось. Жители Танджи не смогли защитить город, берберы захватили его и учинили резню. Майсара оставил в Тандже Абдала‘лу, а сам отправился против Исма‘ила, сына Ибн ал-Хабхаба, находившегося в Сусе. Исма‘ил оказался не удачливее Амра б. Абдаллаха: в середине рамадана 12–14.VIII.739 г. берберы совершили ночное нападение на лагерь Исма‘ила, он был убит вместе со многими воинами, многие попали в плен, а остальные бежали. Далее произошло что-то совсем непонятное: как сообщает Халифа, Майсара послал военачальника, который убил Абдала‘лу. Вероятно, после гибели Исма‘ила Майсара почувствовал себя достаточно сильным, чтобы стать единовластным вождем восстания.

Ибн ал-Хабхаб не мог оставить смерть сына безнаказанной. Он отправил против Майсары войско под командованием Халида б. Абу Хабиба. Генеральное сражение произошло в самом конце 122 или в самом начале 123 г. х. (в мухарраме), т.е. ноябре 740 г., на какой-то Мутной реке (Нахр ал-Кудр ?). Это сражение закончилось полной победой Майсары и гибелью Халида и ряда знатных арабов[62].

Восстание берберов в Магрибе эхом откликнулось в ал-Андалусе. Бывший наместник Бишра б. Сафвана Абдалмалик б. Катан ал-Магриби поднял мятеж и отстранил от власти Укбу б. ал-Хаджжаджа, оставаясь хозяином ал-Андалуса до 123 г. х.[63]. Наконец, Ибн ал-Хабхаб нашел достойного усмирителя, некоего Абдаррахмана б. ал-Мугиру ал-Абди, который с такой жестокостью принялся за усмирение берберов, что получил прозвище «Мясник», однако, когда берберы собрали

воедино свои силы, ему пришлось отступить[64]. Это был уже 123 г. х., когда Ибн ал-Хабхаб был смещен за неспособность подавить восстание. Кроме того, стало ясно, что наместнику Магриба не справиться с восстанием местными силами и требуется подкрепление из центра.

Политика властей, направленная на увеличение налогов, в сочетании с беззаконием сборщиков налогов вызывали восстания не только свободолюбивых и воинственных кочевников — в 121/739 г. в Верхнем Египте восстали приученные веками к долготерпению копты. Для их подавления наместнику Египта Ханзале б. Сафвану пришлось посылать войска, беспощадно истреблявшие восставших[65]. Народные восстания под знаменем хариджизма, как мы увидим далее, потрясли и крайний восток Халифата, Хорасан, исключая возможность восстановления позиций, утраченных за Амударьей под давлением Тюркского каганата. Лишь на Кавказе в эти годы Халифату удалось достичь некоторых успехов.

ПОБЕДЫ НАД ХАЗАРАМИ

А в центре Халифата все эти годы велась безрезультатная война с Византией. Командовал военными действиями в основном сын Хишама, Му‘авийа, и только в 120/738 г. летний поход возглавил Маслама. Все сводилось к борьбе за пограничные крепости и укрепленные города, переходившие из рук в руки[66]. Возможно, отсутствие заметных военных успехов с мусульманской стороны определялось необходимостью отвлекать значительную часть вооруженных сил из Верхней Месопотамии на борьбу с союзниками Византии, хазарами.

Сменившему Масламу Са‘иду ал-Хараши не довелось проявить себя на этом фронте: потеряв остроту зрения из-за катаракты, он попросил халифа об отставке. Хишам будто бы даже послал человека проверить зрение ал-Хараши и, получив подтверждение, удовлетворил просьбу об отставке[67]. Наместником Закавказья вместе с Северной Месопотамией стал Марван б. Мухаммад, энергично взявшийся за борьбу с хазарами.

Со временем Марван, как и Маслама, стал героем арабского исторического предания, культивировавшегося на Кавказе. Рассказы о его победах над язычниками обросли легендарными деталями, и отделить правду от вымысла не всегда удается. Проще всего выявить числовые преувеличения, вроде того, что Марван пришел на Кавказ из Сирии со стодвадцатитысячной армией — армии такой численности быть не могло. Сложнее отойти от слепого следования порядку изложения средневековых арабских историков, чего не избегают и серьезные исследователи[68].

Марван прибыл в Закавказье в 117/735 г., будто бы со стодвадцатитысячной армией из Сирии. Здесь сомнительна не только явно завышенная численность войска, но и сам факт прибытия Марвана из Сирии с каким бы то ни было войском, так как мы знаем, что сирийские войска, в том числе и из Северной Месопотамии, были заняты войной в Малой Азии. Со сравнительно небольшим войском он остановился в столице Армении, Дабиле (Двине), чтобы усилить свое войско армянскими воинами. Главное затруднение заключалось в том, что прижимистый Хишам в течение последних трех лет не выплачивал армянским конникам жалованье, обусловленное договором. Армянский историк сообщает, что ишхан Армении Ашот Багратуни сам ездил к Хишаму и сумел получить задолженную сумму в 100 000 дирхемов, сумму, подозрительно небольшую, если только не имелось в виду аналогичное число динаров. Можно думать, что дело не обошлось без вмешательства Марвана, которому было остро необходимо иметь надежный тыл в Армении для серьезной войны с хазарами. Ашоту же была необходима помощь Марвана в борьбе со своими соперниками Мамиконянами. Мамиконяны были отосланы в Сирию и там заточены в тюрьму. Пострадала и часть непокорных нахараров. Армянская кавалерия, возглавленная Ашотом, серьезно подкрепила силы Марвана[69].

Неясно, происходило все это в период пребывания Марвана в Дабиле или частично пришлось на время пребывания его в ал-Касаке, селении южнее Куры, в 40 фарсахах от Барда‘а и в 20 — от Тифлиса, которое Марван избрал своей резиденцией.

По-видимому, в период междувластия, а может быть, еще при ал-Хараши, северная часть Аррана и Восточная Грузия вышли из-под власти Халифата, и Марвану пришлось начать их покорение, чтобы затем приняться за восстановление власти Халифата над горскими княжествами Восточного Кавказа, куда он послал два отряда. Один из них вторгся в Аварию на северо-западе Дагестана, которую арабы называли ас-Сарир, другой — в соседний Туман[70]. В Сарире военные действия были связаны с осадой трех хорошо укрепленных крепостей, одна из которых, видимо, называлась Гумик. После их падения правитель пошел на переговоры и по мирному договору обязался уплатить контрибуцию в виде 500 юношей и 500 девушек, ежегодно поставлять в амбары Дербента 100 000 модиев зерна. Владетель Тумана, сдавшийся на милость победителя, по договору обязался дать 50 юношей и 50 девушек и ежегодно поставлять 20 000 модиев зерна. Марван отослал пленника к Хишаму, халиф милостиво принял его и отослал обратно, после чего Марван утвердил его во власти.

Упорное сопротивление арабы встретили в Хамзине. Здесь при взятии одной из крепостей произошла кровавая драма: Марван захватил

в плен местных девушек и предложил одну из них на выбор самому храброму воину, но когда этот воин выбрал понравившуюся ему красавицу, гордая горянка заколола араба и бросилась со скалы. Разгневанный Марван приказал отрубить головы всем сдавшимся воинам. Возможно, по этой причине Хамзин был обложен более тяжелой данью, чем Туман — 500 невольников и 30 000 модиев зерна. Другие владения были обложены значительно меньшей данью: Шиндан — 100 невольников и 5000 модиев зерна, Табарсаран — только 5 000 модиев зерна[71]. Подчинением Табарсарана, расположенного в горах западнее Дербента, видимо, и закончилась кампания 117/735 г., если верить порядку перечисления завоеваний у ал-Балазури. Марван, согласно ал-Куфи, ушел зимовать в Дербент.

Для оценки удара, полученного горскими княжествами, важно было бы знать, кем были молодые люди, служившие живой данью арабам: рабами, которые просто меняли хозяев, или свободными, превратившимися в рабов, сверх захваченных в ходе боевых действий? К сожалению, понять это невозможно. Добыча и пленники доставались не только арабам, но и тем армянским воинам, которые присоединились к армии Марвана.

Очень важным для упрочения положения гарнизона главного форпоста Халифата на Кавказе, Дербента, было обеспечение его хлебом за счет поставок, установленных договорами. Как было сказано выше, Маслама переселил в Дербент 24 000 сирийцев, в том числе, несомненно, и членов семей; воинов среди них могло быть до 5000. В месячный паек воина кроме жиров входило около 25 кг зерна (считалось, что взрослому человеку в день нужно два ратла хлеба, т.е. 813 г). В год это составляет около 300 кг, значит, пяти тысячам воинов в год потребуется 150 000 т зерна. Перечисленные поставки зерна в Дербент составляли 180 000 модиев, модий же, употреблявшийся в Армении в раннем средневековье, равнялся 9,78 кг[72], что соответствовало 1760,4 т, и это вполне обеспечивало пайком 5870 воинов. В завершение темы стоит отметить, что средняя рыночная цена молодого раба в центре Халифата (20 динаров) была эквивалентна 3 тоннам пшеницы, а красивые рабыни могли стоить в десятки раз дороже.

Кампания 118/736 г. началась вторжением в область Лакз в верхнем течении Самура. Ее правитель Вартан, сын Настаса, покинул свою столицу и отправился за помощью к хазарам, но по дороге, в Хамзине, его убили. По несколько сомнительной версии, его убил пастух, не знавший даже, с кем имеет дело[73]. Голову убитого доставили Марвану, и он приказал продемонстрировать ее, вздетую на копье, упорно защищавшим столицу воинам. Гибель Вартана сломила их волю к сопротивлению, и они сдались на милость победителю. Марван приказал

перебить всех воинов, а женщин и детей обратил в рабство. Непокорность Лакза была наказана значительным ежегодным налогом — 20 000 модиев зерна.

Точно датировано 118 г. х. только завоевание Лакза. Ал-Куфи говорит, что после этого Марван продолжал завоевания на Кавказе, не упоминая никаких названий. Возможно, что некоторые завоевания, которые, по словам ал-Балазури, предшествовали завоеванию Лакза, в действительности относились также к 118 г. х.

Обезопасив свой тыл покорением Восточного Кавказа, Марван, наконец, решил вернуться на территорию Хазарии. Каганат в это время, вероятно, был ослаблен какими-то внутренними неладами: вряд ли случайно, что в течение двух лет, когда Марван хозяйничал на Кавказе, явно угрожая безопасности Каганата, хазары не оказывали противодействия и не откликнулись на призывы о помощи с Кавказа. Усилив свою армию отрядами горцев, Марван прошел в Аланию через Аланские ворота (Дарьяльское ущелье), а наместник Дербента Усайд б. Зафир прошел по приморской дороге к Баланджару. Соединенными усилиями этот город был взят, а за ним — Самандар. Отсюда объединенная армия, насчитывавшая, по словам ал-Куфи, 150 000 человек, направилась к столице Каганата, ал-Байда, и захватила ее. Хакан бежал в «горы». С этого момента мы оказываемся в области догадок и научных споров[74]. Марван будто бы дошел до Славянской реки (Нахр ас-Сакалиба) и, узнав, что хакан отправил против него сорокатысячное войско, приказал одному из своих приближенных, некоему Каусаре, переправиться через реку с 10 000 воинов и устроить хазарам засаду. Переправившись, Каусара столкнулся с группой хазар, выехавших охотиться. Каусара напал на них и всех перебил, не зная, что убил и Хазар-тархана, командующего хазарской армией. Затем Каусара напал на хазар, и арабы разгромили их, убив 7000 и взяв в плен 10 000, остальные разбежались «по горам и лесам». Арабское войско дошло до пределов Хазарии и напало на сакалиба и других язычников, захватив в плен 20 000 сакалиба.

Хакан в отчаянии отправил к Марвану посланца, чтобы узнать, чего же он еще хочет, когда и так уже завоевал все царство. Марван ответил, что хочет, чтобы он принял ислам. Рассказ о принятии ислама хаканом является апофеозом всего повествования о хазарском походе Марвана — без него торжество победителя было бы неполным.

За 60 слишним лет со времени введения в научный оборот «Книги завоеваний» Ибн ал-Ас‘ама ал-Куфи достоверность его рассказа об этом походе не подвергалась сомнению, исследователи расходились лишь в локализации некоторых мест: ал-Байда, Славянской реки и места, куда бежал хакан[75]. Последний из затрагивающих эту тему, С.Г. Кляш-

торный, отождествляет ал-Байда с Саркелом, который на кыпчакском диалекте значит «Белая крепость». Это представляется весьма вероятным, учитывая, что Река славян, почти без всякого сомнения, Дон, в X–XI вв. называвшийся Нахр ар-Рус (река русов); в то же время сомнительно предположение, что горы, в которых будто бы укрылся хакан, — Жигули[76]. Дело в том, что весь рассказ о походе Марвана носит характерные черты такой устной обработки, когда реальные события обрастают подробностями, призванными изложить их так, какими они должны быть по представлениям рассказчика и слушателей, согласно каким-то излюбленным шаблонам. Такой рассказ еще не легенда, но и принимать его целиком на веру нельзя. Одним из таких шаблонов является обязательное принятие ислама побежденными. Конечно, в большинстве случаев такой результат победы считался желанным, но реальность оказывалась различной, и во многих случаях дело ограничивалось договором об уплате дани. При желании это можно было расценить как принятие ислама. Конечно, для Марвана было бы очень важно добиться принятия ислама хотя бы какой-то частью хазар, на что, похоже, указывает вариант рассказа об этом у ал-Балазури, согласно которому некий «набольший» (*‘азим*) хазар, напуганный многочисленностью войска Марвана, принял со своими людьми ислам и ушел вместе с Марваном, поселившим эту группу хазар между рекой Самур и Ширваном. Вполне возможно, что во время смелого броска Марвана к столице хакана какой-то из хазарских беков принял ислам и затем ушел вместе с Марваном, и это превратилось в рассказ о принятии ислама самим ханом. В этом случае вряд ли стоит искать конкретные горы, куда бежал хакан. Во всяком случае, приходится признать, что никаких иных следов принятия ислама хазарскими хаканами не имеется. Удивительно и то, что такая внушительная победа мусульманского оружия очень скупо отмечена в источниках. Можно, конечно, предположить, что историки аббасидского времени не склонны были останавливаться на описании побед главного врага Аббасидов на их пути к власти.

После возвращения из Хазарии Марван остался в Закавказье, вероятнее всего в Барда‘а. По сведениям Халифы, в 121/739 г. он совершил поход на столицу «обладателя трона», названную «Дом трона» (Байт ас-Сарир) и захватил три крепости[77]. Упоминание завоевания трех крепостей, как и в 117 г. х., заставляет с подозрением относиться к этому сообщению, как и к иному варианту сообщения о событии 117 г. х. Такой разнос сведений об одном и том же событии по разным годам не уникален для ранних источников.

Ал-Балазури упоминает еще без даты и сразу после сообщения о гибели Вартаниса о договоре с ширван-шахом, по которому тот обя-

зывался принимать участие со своим войском в походах Марвана, причем при наступлении быть в авангарде, а при отступлении — в арьергарде.

ВОССТАНИЕ АЛ-ХАРИСА б. СУРАЙДЖА

Почти одновременно с восстанием берберов под знаменем хариджизма на Дальнем Западе, в 116/734 г., восстание хариджитов вспыхнуло на другом конце Халифата, в Хорасане. Возглавил его воин, отличившийся в войне с тюрками под Бухарой в 110/728 г. Цели восставших определялись расплывчатой формулой возврата к «Книге Аллаха и обычаю Пророка», под которой можно понимать что угодно; неясна и конкретная причина, вызвавшая восстание. Скорее всего, это было резко ухудшившееся положение рядовых мусульман из-за неурожая предыдущего года, поднявшего цены на хлеб в 20–30 раз[78]. Ситуация была благоприятной для ал-Хариса: наместник Хорасана ал-Джунайд б. Абдаррахман был тяжело болен и находился при смерти, смена власти наместника также сулила некоторый период ослабления власти. Джунайд в это время находился в немилости у халифа из-за женитьбы на дочери Йазида б. ал-Мухаллаба, полтора десятка лет тому назад пытавшегося отнять власть у Умаййадов. Хишам сместил ал-Джунайда, приказав новому наместнику, Асиму б. Абдаллаху, по прибытии в Мерв нещадно бить ал-Джунайда палками, невзирая на состояние здоровья. Ал-Джунайд избежал позорной смерти, скончавшись от водянки в мухарраме 116 г. х. (10.II–11.III.734 г.). Из глухого горного района ал-Харис тем временем прошел к Йахудийе (Меймене), главному городу Джузджана. Вступив в него, он арестовал несколько своих противников, но им удалось бежать из-под ареста в Мерв и рассказать Асиму о происшедшем.

Ал-Харис не решился идти на Мерв и не остался в Йахудийе, а направился в Балх, окруженный областями, в которых власть наместника была чисто номинальной.

В районе моста Ата ал-Харис, имевший под своим командованием около 10 000 человек, столкнулся с арабским гарнизоном Балха, обратил их в бегство и вступил в город. Наместник Балха Наср б. Саййар бежал через другие ворота в Мерв.

Овладев значительной частью Хорасана, ал-Харис, несмотря на предостережения своих советников, решил напасть на Мерв. По пути к его войску присоединились новые добровольцы, и при подходе к Мерву численность была так велика (ат-Табари говорит о 60 000), что Асим б. Абдаллах стал подумывать о бегстве в Нишапур, чтобы

в родных краях дождаться, когда халиф пришлет на помощь сирийцев. На мервских арабов он не слишком полагался. Но мервская верхушка не пожелала остаться один на один с хариджитами и предложила взять с мервцев клятву, что если они покинут поле боя, то разведутся с женами, а рабы их станут свободными. Такая «клятва разводом», кажущаяся нам несерьезной и даже смешной, была для арабов того времени очень серьезным обязательством. В этом обществе, где, казалось бы, царил неограниченный произвол грубой силы, слово «клятва», ценилось высоко. После того как мервцы разводом поклялись сражаться с ал-Харисом, Асим решился дать бой хариджитам.

Прямых указаний на социальный и этнический состав войска ал-Хариса не имеется. Лишь по косвенным данным можно заключить, что неарабы, страдавшие от налоговых притеснений и бесправия, составляли значительную его часть. На это указывает рассказ о некоем мервском витязе, который, выезжая на бой, сказал, что хочет потешиться с погонщиками ослов. О том, что эти погонщики ослов были неарабами, свидетельствует то, что он обругал своего противника по-персидски. Вместе с тем в стане Асима оказались все местные владетели областей, охваченных восстанием. Из этого можно заключить, что восстание имело не антиарабскую, а социальную направленность. Показательно, что на стороне наместника оказался и Мукатил б. Хаййан ан-Набати, глава воинов-мавлов Хорасана.

Ал-Харис подошел к Мерву с юга и был задержан на границе орошаемой зоны. Защитники Мерва разрушили мосты через каналы, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения. Между противниками начались переговоры. Хариджиты предлагали руководствоваться Кораном и сунной пророка, а Асим обещал ал-Харису гарантию неприкосновенности, если тот примирится. Видимо, вместе с тем шли неофициальные переговоры между соплеменниками, в результате которых 2000 аздитов и какая-то группа тамимитов перешли на сторону наместника.

Ночью ал-Харис переправился к Мерву и поутру начал сражение, кончившееся его поражением[79]. Потери его войска были сравнительно невелики: около сотни бойцов, но повстанцы из простонародья, плохо вооруженные и не имевшие военных навыков, разбежались — у ал-Хариса осталось лишь 3000 воинов.

Асим не воспользовался плодами своей победы и не стал преследовать ал-Хариса, чтобы добить его. Ал-Харис ушел в труднодоступные верховья Мургаба, собрал новые силы и снова стал хозяином положения в Хорасане.

Видя неспособность Асима справиться с мятежником, халиф сместил его и приказал наместнику Ирака Халиду б. Абдаллаху послать

в Хорасан брата Халида — Асада б. Абдаллаха. Узнав об этом (будто бы когда посланец Асада с отрядом прибыл в Данданакан на западной окраине Мервского оазиса), Асим поспешил заручиться помощью ал-Хариса. Он предложил ал-Харису в управление на законных основаниях любую область Хорасана и согласился вместе с ним написать Хишаму письмо с призывом прекратить беззакония и следовать Корану и сунне пророка.

Но было уже поздно. Прибыл Асад с сирийцами и куфийцами, не связанными с какими-либо местными интересами и группировками, и арестовал Асима, а посаженных им чиновников ал-Джунайда освободил. С Асимом он обошелся милостиво — потребовал лишь отдать 100 000 дирхемов казенных денег[80]. Прибытие Асада датируется 117 г. х., начавшимся 31 января 735 г. н.э.

Асад решительно взялся за дело, нанося удар сразу по двум направлениям. Против ал-Хариса, продолжавшего находиться в верховьях Мургаба, был направлен Абдаррахман б. Ну‘айм ал-Гамиди, а сам Асад направился к Амулу, где сидел один из сторонников ал-Хариса.

Ал-Харис, несмотря на личную храбрость, проявленную в бою, потерпел поражение и с верными сторонниками ушел на восток в сторону Балха и Термеза. Там он мог опереться на крепости по берегу Амударьи, находившиеся в руках его сторонников. Но и здесь ему не удалось закрепиться надолго, а жители Балха присягнули Сулайману б. Абдаллаху ал-Хазиму (см. т. III, гл. 2). Самый значительный город у главной переправы на дороге из Мерва в Бухару, Амул, был осажден Асадом. Обладание этой крепостью было важно потому, что Бухара оставалась единственным большим городом, удерживаемым арабами в Мавераннахре. Другой город, Термез, находился на самом берегу Амударьи, далеко выше по течению. Его-то и решил захватить ал-Харис, однако термезцы оказали ему упорное сопротивление. Осада затянулась.

С этого момента движение ал-Хариса приобретает помимо его воли иную направленность. На помощь ему приходит ас-Сабл, владетель Чаганийана, и Ашканд, правитель Нахшеба. Так ал-Харис из борца за чистоту ислама превратился в союзника его врагов. Тем временем Асад осаждал Амул, обстреливая его из камнеметов, и вынудил осажденных начать переговоры. Предводителю повстанцев Асад пообещал следовать Корану и сунне, а главное, даровал всем помилование. Затем Асад пошел к Термезу. Неспособность ал-Хариса взять Термез и прибытие Асада охладили союзников ал-Хариса, сначала его покинул ас-Сабл, а затем ушел и Ашканд.

Лишившись поддержки, ал-Харис потерпел поражение от термезцев и ушел в Верхний Тохаристан в крепость Табушкан.

В небольшом отряде ал-Хариса произошел раскол, 450 воинов пожелали сдаться Асаду и остались в крепости, а ал-Харис с оставшимися ему верными воинами ушел за Сырдарью.

Оставшиеся в крепости послали к Асаду двух представителей с просьбой о помиловании. Посланцы получили его, но заплатили за это ценой предательства товарищей, сообщив, что в крепости недостаточно припасов и воды. Весной 736 г. Асад отправил к Табушкану шеститысячный отряд под командованием Джудайа б. Али ал-Кирмани, в котором для надежности было 2500 сирийцев. Этот отряд без особых усилий подавил последний очаг хариджитского сопротивления[81].

ТЮРКСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ХАКАНА

Разгром ал-Хариса б. Сурайджа позволил Асаду решиться начать восстановление арабской власти в Согде. В том же, 736 г. он совершил поход на Самарканд, но взять его не смог. Не удалась и его попытка перекрыть Зеравшан у Варагсара, главного вододелителя, отводящего воду в шесть магистральных каналов, орошающих область Самарканда, чтобы лишить самаркандцев воды. Видимо, начинался летний паводок, который смывал все, чем Асад, лично принимавший участие в работе, пытался запрудить реку. От Самарканда пришлось отступиться и возвратиться ни с чем.

В 737 г. Асад совершил поход на Хуттал, область в верховьях Амударьи, восточнее Вахша. Правитель области, ал-Джаш (Алджиш), после взятия крепости Загарзак бежал в Китай. Арабское войско рассеялось по Хутталу в погоне за добычей, и один из местных правителей известил об этом хакана, предлагая воспользоваться подходящим моментом и напасть на арабов. Хакан, находившийся в Невакете, в Семиречье, спешно собрал войско и двинулся на юг.

Через 17 дней тюркское войско появилось на западе Хуттала, отрезая Асаду путь для отступления к Термезу. Асад стал отступать к востоку и дошел до места, где вблизи были снежные горы, а Пяндж — достаточно мелок, чтобы переправляться через него вброд. Прежде всего были переправлены верблюды с нагруженной на них добычей. Охранять обоз было поручено Ибрахиму б. Асиму, в подчинении которого был правитель Чаганийана и какая-то группа согдийцев. Как мы видим, разделение шло не четко по линии арабы–неарабы. Если с Асадом был владетель Чаганийана, то в стане хакана оказались владетель Нахшеба и ал-Харис б. Сурайдж.

Начав переправу войска, Асад приказал каждому воину перенести с собой по овце. Переправа еще не закончилась, когда на горизонте появились тюрки и вступили в бой с арабским арьергардом. Теперь уже было не до спасения четвероногой добычи. Асад приказал скорее переправляться налегке. Арьергард не выдержал удара и бежал. Тюрки набросились на не успевших переправиться, многих перебили и взяли в плен, но все же основную часть войска Асаду удалось вывести из-под удара. Он поспешил на помощь своему ушедшему вперед обозу, который успел стать лагерем на каком-то острове и окопаться. Хакан все же опередил Асада и напал на обоз. Арабы и их союзники стояли двумя отдельными лагерями, и хакан напал на лагерь чаган-худата. Чаган-худат погиб в бою, войско союзников было разгромлено, и вся добыча Асада попала в руки тюрков. В плен попали как согдийцы с чаганийанцами, так и арабы. Подоспевший к этому моменту Асад не мог уже ничего изменить. Ему удалось только выручить арабскую часть обоза.

Противники разошлись, Асад поспешил к Балху, чтобы найти подкрепление и убежище за его стенами, а хакан ушел в Тохаристан к своему вассалу, йабгу. Праздник разговения (1 октября 737 г.) Асад встретил под Балхом или в самом Балхе.

Передышка была недолгой. В середине зимы, т.е., скорее всего, в феврале 738 г., хакан отправился добивать Асада. Гарнизон Хулма, крайнего восточного форпоста арабов, пытался задержать тюрков, но был отбит и укрылся в крепости. Пока Асад готовился к новой встрече с противником, хакан, по совету ал-Хариса б. Сурайджа, прошел по предгорьям южнее Балха в Хорасан, и войско его отдельными отрядами рассеялось по стране в поисках добычи.

После некоторого колебания — отсиживаться в Балхе или сразиться в поле — Асад выбрал второе. Ему с трудом удалось собрать 7000 человек. Чтобы увеличить их боевое рвение, Асад выдал каждому по 20 дирхемов, заняв для этого 120 000.

Оставив в Балхе Джудайа б. Али ал-Кирмани, он поспешно двинулся на запад, не дожидаясь подкреплений и отставших. И оказался прав: войско хакана рассыпалось по обширной территории в погоне за добычей, при нем осталось 4000 воинов и знатное окружение: карлукский йабгу Тохаристана, владетель Усрушаны, согдийские феодалы и самый энергичный противник Асада, ал-Харис б. Сурайдж.

Сражение началось наутро после прибытия Асада. На его стороне был численный перевес и неожиданность появления, но для надежности он включил в каждое из трех главных подразделений сирийских воинов. Бой был недолгим. Сначала ал-Харису удалось потеснить левый фланг арабов, но сказался их численный перевес, а внезапный

удар с фланга, нанесенный отрядом владетеля Джузджана, довершил разгром тюрков. Хакан бежал. Арабам достался лагерь со всем имуществом и много женщин. В лагере хакана оказались находившиеся в плену мусульмане, которые обрели свободу.

Хакан бежал в Тохаристан под покровительство йабгу, а затем вместе с ал-Харисом ушел через Фергану в Семиречье, в Невакет, где вскоре был убит (как сообщает арабский источник, из-за пустяковой ссоры, возникшей при игре в нарды). Асад несколько дней простоял в лагере хакана, убивая и захватывая в плен ничего не подозревавших тюрков, возвращавшихся из набегов к ставке своего повелителя. На девятый день арабы победителями вступили в Балх; Джудай б. Али ал-Кирмани был отправлен добивать тюрков, рассеявшихся по Джузджану. Победа была столь велика и неожиданна, что халиф не сразу поверил гонцу, принесшему известие о ней, и стал перепроверять его рассказ. Для верности из Хорасана был вызван Мукатил б. Хаййан ан-Набати как человек свободный от арабских племенных пристрастий, и тот подробно рассказал о происшедшем[82]. По-видимому, летом, после разгрома тюрков, Асад предпринял новый поход на Хуттал, в котором в тот момент главной фигурой был какой-то Бадр-Тархан[83]. Арабы осадили укрепленную резиденцию Бадр-Тархана, и он прибыл к Асаду для переговоров, предлагая выплатить контрибуцию в миллион дирхемов. Асад не принял этого условия замирения, но отпустил его невозбранно возвратиться в свою крепость. Однако вскоре Асад пожалел о своем великодушии и отправил гонца к командующему осадой с приказом убить Бадр-Тархана, если тот еще не успел войти в крепость. Гонец прибыл вовремя, и Бадр-Тархан был убит, а владения его завоеваны[84].

Осенью 738 г. Асад было почувствовал себя на вершине славы: порядок в провинции был восстановлен, непобедимый хакан был разгромлен и, более того, Каганат, распавшись на две половины, утратил прежнее могущество. В праздник михраджана, в день весеннего равноденствия, который Асад встречал в Балхе, принимая, по иранскому обычаю, дары вассалов, льстивый владетель Герата разразился речью, прославлявшей образцовое правление Асада, сравнивая его с заботливым домохозяином. Упомянул он, в частности, строительство Асадом хорошо обеспечиваемых постоялых дворов[85]. Асад как истинно щедрый правитель тут же роздал все подношения своим приближенным.

Триумфатору не удалось долго наслаждаться плодами своих побед. В том же, 120 г. х., скорее всего в его конце (т.е. вскоре после михраджана), был смещен его брат и покровитель Халид б. Абдаллах. Причина смещения была самой обычной — неумеренное присвоение казенных денег. Стоит пояснить, что наместники не имели фиксированного жалованья. Из собранных налогов они должны были обеспечить

местные нужды: выплатить жалованье, обеспечить содержание в порядке ирригационных систем, почты и так далее, все оставшееся отправлялось вышестоящей власти, вплоть до халифской казны. Размер поступлений из провинций не был жестоко фиксирован, но желательно, чтобы не был и меньше предыдущих лет. Часть средств, оставшихся на месте после удовлетворения местных нужд, была в полном распоряжении наместника, составляла его личный фонд (жалованьем это трудно назвать). В этих условиях трудно определить, где граница между законным и незаконным, и на вольности в присвоении средств со стороны наместника в пределах, считавшихся приличными, провинции смотрели снисходительно, гром гремел только тогда, когда наместник совсем зарывался. Так и случилось с Халидом, который за полтора десятилетия своего наместничества привык к беззаконности.

Наши источники не раскрывают приемы, которыми Халид б. Абдаллах совершал махинации с финансами вверенных ему территорий, приводится только несколько цифр, характеризующих масштаб операций. Упоминается 5 млн. дирхемов из собранных с каких-то имений и еще 20 млн., а также какие-то 13 млн., послужившие поводом для доноса на него. О его богатстве свидетельствует хотя бы то, что главе налогового ведомства Тарику б. Абу Зийаду по случаю обрезания сына он подарил 1000 коней, 1000 невольников и 1000 невольниц[86]. Поручиться за точность этих цифр невозможно, но через Халида ежегодно проходило 36 млн. дирхемов жалованья (около 100 т серебра); хотя большая часть этих денег появлялась в казне не в монетной форме, а в виде зерна, полученного в уплату хараджа, однако зерно поступало в оптовую продажу, и здесь открывались прекрасные перспективы спекуляции на колебании цен. Не брезговал этим и сам Хишам, предписавший Халиду не продавать зерно из его поместий, пока цена не станет высокой[87].

На бескорыстие наместников никто и не рассчитывал — главное, чтобы они не выходили за рамки принятых размеров стяжательства и не ущемляли интересов самого халифа. За 14 лет правления Халид стал забывать об этом. Он даже как-то заявил, что не почитает за честь управление Ираком, что возмутило Хишама; к тому же стало известно, что доход с халифских имений меньше, чем мог бы быть, что постарались довести до сведения Хишама. Дополнительным поводом для смещения Халида б. Абдаллаха могло быть недовольство северных арабов, кайситов, предпочтением, в том числе и финансовом, которое он оказывал йеменитам[88]. Проверка финансовой деятельности Халида велась под большим секретом: приближенный слуга халифа, евнух Хасан, прибывший в Ирак, отправлял свои донесения не халифу, а наместнику Йемена Йусуфу б. Умару чуть ли не тайнописью. Когда накопилось достаточно изобличающего материала, в Куфу секретно при-

был Йусуф под видом простого путника. В городе, проезжая квартал мударитов, он призвал жителей в мечеть, где объявил себя и приказал привести Халида. Был арестован не только Халид, но и его сын, а также Тарик и другие высокопоставленные лица, связанные с финансами; все они были обложены огромными штрафами. По самым скромным данным (и, следовательно, более близким к реальности), Халид должен был заплатить за свою свободу 9 млн. дирхемов. Окружение Йусуфа считало эту сумму недостаточной, но он не изменил своего решения, сказав, что является заложником своего языка[89].

Наместник Басры Билал б. Муса бежал из тюрьмы Йусуфа к Хишаму за спасением, но халиф выдал его Йусуфу, и тот пытками довел Билала до смерти. Узнав о жестокостях Йусуфа, наместник Синда решил спастись, уйдя в поход, и военные успехи снискали ему расположение Йусуфа, но вскоре он был убит, оставив преемником Амра б. Мухаммада б. ал-Касима, продолжившего завоевания в Синде[90].

Асад скончался, скорее всего, в конце лета 120/738 г. от прободения язвы желудка, оставив своим заместителем некого Джа‘фара ал-Бахрани, человека не выдающегося и вряд ли подходящего для этого поста. Однако он оставался на этой должности четыре месяца, пока наверху искали подходящего кандидата на пост наместника Хорасана. В конце концов Хишам остановился на Насре б. Саййаре как вожде мударитов Хорасана, не желая назначать представителя южных арабов и их союзников-раби‘итов.

Грамота о назначении пришла к Насру зимой, в начале 121/739 г. Таким образом, Асад скончался в ореоле славы, немного не дожив до возможного позорного смещения вслед за смещением брата с поста наместника Востока.

Арабские источники относят смерть Асада к 120 г. х., не давая более точного указания. Некоторую возможность уточнения дает сообщение о том, что в пору созревания груш он был еще жив[91] и, по-видимому, вскоре после этого умер. Там же указывается длительность правления Джа‘фара с указанием, что грамота о назначении Насра б. Саййара прибыла в раджабе 121/13.VI–12.VII.739 г. Но в этом случае между смертью Асада и назначением Насра должно было пройти не менее 9–10 месяцев. Указанная дата прибытия грамоты не согласуется и с тем, что по одному из сообщений гонца, доставлявшего ее, в Сарахсе его застал снег[92]. Такой факт запоминался лучше, чем календарная дата. Снег мог выпасть в январе–феврале 739 г., т.е. во втором или третьем месяце 121 г. х. В этом случае (если Асад умер в августе–сентябре), между его смертью и назначением Насра окажется 4–5 месяцев.

Грамота о назначении Насра б. Саййара пришла не в Балх, наместником которого он тогда был, а сначала в Мерв, чтобы временный ис-

полнитель обязанностей наместника сразу узнал об окончании полномочий. И уже оттуда весть о назначении пришла к Насру. Он, как водится, сместил прежнюю администрацию в крупных центрах и назначил новых амиров из мударитов, тогда как до этого предпочтение отдавалось южным арабам и союзникам-раби‘итам. Наср не отправился сразу в Мерв, а предпринял поход за Амударью, «в сторону Железных ворот» (т.е. Байсунского перевала). О цели этого похода и его результатах ничего не сообщается, и это позволяет думать, что похода как военного предприятия не было, просто Наср прошел в Мерв вдоль Кашкадарьи и вышел на мервскую дорогу, переправившись через Амударью у Зама или Амула.

Наср б. Саййар, всю жизнь находившийся в гуще политических и военных событий Хорасана, хорошо знал его проблемы и лучше любого человека со стороны мог взяться за их решение. Одной из важнейших было несправедливое налогообложение мусульман-неарабов, которые и после принятия ислама не освобождались от уплаты налогов, не уплачивавшихся арабами. Как мы видели в предыдущей главе, попытка Умара II решить эту проблему только расстроила финансы, а возврат к прежней практике привел к восстанию.

Система взимания налогов была неоднозначной: как уже говорилось, мусульмане обязаны были платить только благотворительный налог — *закат*, скотоводы — определенную часть скота, торговцы и ремесленники — определенный процент с капитала, земледельцы — $^1/_{10}$ урожая (*ушр*). Иноверцы же платили вдвое больший земельный налог и (или) подушную подать (*джизйу*) соответственно уровню доходов. На практике все это нарушала система коллективной ответственности. Общая сумма налогов каждого вассального владения определялась договором с завоевателями, и вассальный владетель собирал ее по традиционным нормам под контролем мусульманских чиновников. Усложняет понимание функционирования этой системы терминологическая путаница: арабские историки называют налоговые поступления этого рода то хараджем, то джизйей; и то и другое имеет под собой основание, так как, с одной стороны, подавляющую их часть составлял поземельный налог, харадж, а с другой — их можно было считать джизйей, платой за право сохранять свое вероисповедание, пользуясь защитой со стороны мусульманского государства. Поэтому, встречая в средневековых источниках упоминания незаконного обложения мусульман джизйей, невозможно поручиться, что речь идет именно о подушной подати.

Как утверждает источник, не прошло и недели после заявления Насра о намерении восстановить справедливое обложение мусульман, как объявилось 80 000 мусульман, плативших неподобающие налоги, и 50 000 немусульман, не плативших обязательные для них налоги[93].

Неизвестно, насколько близки эти цифры к действительности и как такое количество немусульман могло укрываться от налогов. Можно только сказать, что Насру удалось обеспечить соблюдение прав новообращенных мусульман без заметного ущерба для казны.

Весной 739 г. Наср отправился в поход на Самарканд. Никаких деталей о нем не сообщается, кроме того, что упоминается Варагсар, из чего можно заключить, что город сразу не сдался и была попытка лишить его воды[94]. Так, остается неясным, овладел ли Наср столицей Согда. Ат-Табари говорит о возвращении Насра в Мерв и еще об одном походе в том же году, на этот раз за Сырдарью против тюрков. По-видимому, хакан Курсул счел появление арабской армии под Самаркандом вторжением в зону его интересов и стал готовиться к ответному шагу. Курсул с пятнадцатитысячным войском встретил Насра на левом берегу Сырдарьи. Это войско могло состоять из наемников, так как сообщается, что хакан платил воинам за месяц куском шелка ценой в 25 дирхемов, что соответствует среднему размеру жалованья воинов в те времена. В рядах врагов Насра находился и ал-Харис б. Сурайдж со своим отрядом. Исход этого противостояния решило пленение Курсула, будто бы случайно захваченного мусульманским передовым отрядом или разведкой, не догадавшейся, кто попал к ним в руки. Подобный сюжет не единичен в арабской историографии (ср. историю с убиением хазар-тархана в предыдущем разделе) — захват или убиение главного лица из стана противника по случайности. Царственных пленников обычно не убивали, за свое великодушие победитель получал признательность помилованного или хороший выкуп и добрую славу в придачу. Судьбу Курсула решило его признание в том, что он участвовал в позорном для арабов сражении «день жажды». Разгневанный Наср приказал отрубить ему голову, а затем тело облили нефтью и сожгли, чтобы тюрки не могли с почестью похоронить его кости.

Гибель хакана лишила его войско боевого духа, и оно отступило, открыв Насру дорогу к Шашу.

Рассказы о дальнейших событиях разрозненны и их трудно расположить в надежном хронологическом порядке. Кажется, Наср не сразу воспользовался открывшейся возможностью двинуться на Шаш, решившись на это только после приказа Йусуфа б. Умара расправиться с ал-Харисом б. Сурайджем. Какое-то время они стояли друг против друга лагерями, о чем можно судить по тому, что обе стороны использовали камнеметы. Крупное сражение между ними не упоминается, говорится лишь о том, что ал-Харис отступил после гибели одного из лучших воинов. Затем, по-видимому, Наср напал на Фергану, дойдя до городка Кува и захватив 30 000 пленных. Царь Ферганы вынужден был вступить в переговоры и заключить мирный договор с выплатой дани. Из

Ферганы Наср возвратился в Самарканд, где в его окружении произошел серьезный инцидент. Два дихкана из отряда бухар-худата Тохшады, командовавшего арьергардом, пришли к Насру с жалобой на то, что бухар-худат вместе с наместником Бухары притесняет их. В ответ Наср только спросил их, почему они, приняв ислам, носят на поясе кинжалы. Отчаявшиеся жалобщики решили рассчитаться с обидчиками как благородные люди: закололи бухар-худата Тохшаду и наместника Бухары, и погибли сами. Наместника похоронили тут же, в его палатке, а из тела Тохшады его люди вырезали кости и отвезли в Бухару. Это могло быть тюркским обычаем, но именно так, только очищенные от мяса кости, хоронили и зороастрийцы[95]. Интересно и другое: почему Наср счел недостойным для мусульман ношение кинжала на поясе? По-видимому, на дихканах были золотые пояса, отмечавшие принадлежность к сословию благородных, пояса, на которые подвешивалось оружие. Арабы поясов не носили, а мечи носили на перевязи через плечо; видимо, считалось, что, приняв ислам, нужно принять и арабский способ ношения оружия.

После покорения Ферганы очередной целью Насра был бы Шаш. Его царь не стал испытывать судьбу и вступил в переговоры с Насром, тот поставил обязательным условием изгнание ал-Хариса б. Сурайджа из Шаша, и ал-Харису пришлось искать прибежища на севере, в Фарабе. Ни о каких иных условиях и размерах дани, установленной договором, не сообщается, известна только лишь одна любопытная деталь: после заключения договора к Насру приезжала мать царя, возможно, в составе делегации, доставившей дань, в любом случае ее появление у врагов сына свидетельствует о высоком статусе женщин в тюркском обществе до ислама.

Контроль над Ферганой и Шашем позволил Насру возвратить на свои места некоторых представителей знатных правящих родов, бежавших от Асада.

Возможно, договор с Шашем следует отнести к 122/740 г., полагая, что ат-Табари, занявший весь раздел, посвященный 122 г. х., рассказом о восстании Зайда б. Али, сконцентрировал все имеющиеся у него сведения о двух первых годах правления Насра воедино[96].

БОРЬБА С БЕРБЕРСКИМ ВОССТАНИЕМ В МАГРИБЕ

Начавшееся в 740 г. восстание берберов подавить силами африканского наместничества не удалось. Стало ясно, что необходимы свежие силы. К лету 741 г. в Сирии было собрано войско, насчитывавшее будто бы до 30 000 человек, командовать которым был назначен Кул-

сум б. Ийад. Оно прибыло в Кайраван в разгар лета[97]. Обстоятельства, казалось бы, благоприятствовали Кулсуму: вождь повстанцев Майсара умер, и хариджиты раскололись на две группы. Одни признали вождем некоего Халида б. Хумайда, другие — Салима б. Абу Йусуфа ал-Азди. Возможно, отсутствие при имени первого указания на племенную принадлежность не случайно — оно может указывать на неарабское происхождение этого хариджита и этим может объясняться раскол участников восстания. Однако угроза, возникшая с появлением сирийской армии, заставила суфритов объединиться.

Кулсуму потребовалось некоторое время, чтобы войти в дела провинции и привести в порядок африканскую армию, которая и в объединенной армии составляла особую единицу. Уже через два месяца Кулсум был в области Танджи (Танжера), где столкнулся с объединившимися силами повстанцев. По одной из версий рассказа о происшедшем сражении, Кулсум послал своего двоюродного брата Балджа б. Бишра, командовавшего сирийской конницей, совершить ночное нападение на лагерь повстанцев. Этот прием, нередко применявшийся арабами, на этот раз не принес успеха. Кочевники-берберы, сами, вероятно, совершавшие такие нападения, не потеряли голову от предрассветного нападения, быстро организовались и не только отбили нападавших, но и погнали их к их лагерю, где завязалось сражение. Балдж пытался контратаковать, но берберы сдерживали конницу, бросая под ноги лошадям шкуры, набитые камнями. Кулсум лично принял участие в бою, но переломить ход сражения не смог. Противник разделил войско Кулсума надвое, Балдж и Кулсум оказались разделены. В тесноте лагеря, где в беспорядке смешались кони и люди, невозможно было что-то предпринять. Кайраванцы бросились бежать, Кулсум был убит и сражение проиграно[98].

Победителям достался лагерь со всем имуществом и даже с семьями побежденных.

Организованно вышла из боя только сирийская конница под командованием Балджа. Салим б. Абу Йусуф преследовал сирийцев, но их арьергард отбил нападение, нанес преследователям большие потери, был убит и сам Салим. Несмотря на этот успех, путь на восток отряду Балджа был отрезан. Отступив на север, Балдж со своим воинами оказался блокированным в Сеуте.

Сражение, в котором погиб Кулсум, не датировано. Судя по хронологии более поздних событий, оно произошло на рубеже 741 и 742 гг.

Господству Халифата в Ифрикийи угрожали не только берберы крайнего Запада. После ухода из Кайравана основных вооруженных сил на Запад с Кулсумом на юге Ифрикийи активизировался некий Аккаша б. Аййуб ал-Фазари. О нем сообщается только, что он не претендо-

вал быть вероучителем, по-видимому, он не принадлежал и к числу последователей Майсары, руководивших восстанием берберов. Воспользовавшись тем, что у Абдаррахмана б. Укбы, оставленного ведать Ифрикийей, после ухода Кулсума осталось мало войска, Аккаша подошел к городу Кабис (Габес), осадил его и поставил камнеметы. Однако камнеметы оказались слабыми и городу не повредили. Аккаша оставил Кабис в покое и пошел к Кафсе (Гафса; см. т. III, с. 215, карта). И здесь осада оказалась бесплодной. Тем временем в Кайраван возвратились остатки войска Кулсума. С их помощью Абдаррахман в сафаре 124/15.III.741–12.I.742 г. разгромил Аккашу и тот ушел на запад в Тибну.

Хишам назначил новым наместником Магриба наместника Египта Ханзалу б. Сафвана. О том, что с ним была большая армия, не сообщается: можно думать, что в Сирии собрать новую армию не было возможности. Ханзала выступил из Фустата 7 раби‘ II.124/18.II.742 г. и прибыл в Кайраван в середине джумада I/26.III.742 г.[99]. Если верить этим датам, то войско прошло примерно 2500 км за 38 дней, преодолевая в среднем около 66 км в сутки. Пехота, конечно, такого темпа не выдержала бы. Видимо, после прибытия Ханзалы в Кайраван войско еще долго подтягивалось, и этим можно объяснить то, что он не сразу начал активные действия против берберов.

Ханзала, кажется, не торопился встретиться с берберами в генеральном сражении. Военные действия продолжил Абдаррахман б. Укба, догнавший Аккашу к рамадану (начало — 7 июля 124/742 г.). Аккаша нашел прибежище в Тандже у Абдалвахида, вместе с которым по приказу Халида б. Хумайда направился на завоевание Ифрикийи. Ханзала отправил против них Абдаррахмана б. Укбу с воинами из Зеба, горной области на севере Сахары, из которой он только что выгнал Аккашу. 1 зу-л-кад‘а/6 сентября 124/742 г. это по случаю собранное войско было разгромлено. Абдаррахман пал в бою, и победителям достался весь лагерь. Лишь в начале 125 г. х., т.е. примерно в ноябре 742 г., Ханзале удалось собрать новое войско, которое 1 сафара 125/4.XII.742 г. также потерпело поражение. Положение Ханзалы было критическим. Ведь каждое поражение несло не только человеческие потери, противник завладевал всем вооружением убитых и его запасами в захваченном лагере. Ханзала стал собирать все наличные силы воедино. Он пишет амиру Туниса, чтобы тот готовился к обороне или уходил в Кайраван. Тунисцы предпочли второе, обстоятельства пошли на пользу Ханзале. Во-первых, Абдалвахид, опьяненный своими победами, решил, что имеет больше оснований возглавить общину суфритов, чем не отличившийся в боях Халид. Халид, узнав об этом, послал надежного соратника вразумить наглеца. Это могло заставить Абдалвахида поспешить завладеть

Кайраваном, пренебрегая осмотрительностью. Во-вторых (что могло быть следствием спешки), они с Аккашей пошли раздельно, двумя разными дорогами. Собрав все, что было возможно, опустошив арсенал, Ханзала встретил Абдалвахида. Бой был упорным, то одна, то другая сторона переходила в атаку. Все кончилось, когда был убит Абдалвахид. Его голову принесли Ханзале, а он послал глашатаев возвестить о пощаде (аман) всем, кто сдастся. На этом битва закончилась.

Аккаша не стал рисковать и решил где-то отсидеться. Но желание получить пощаду оказалось сильнее желания продолжать войну, и люди Аккаши схватили его и связанным доставили к Ханзале. Аккаша умолял о помиловании, но был казнен. С этого момента восстание пошло на убыль[100].

Вернемся к судьбе сирийцев, оказавшихся блокированными в Сеуте. Положение их оказалось незавидным: берберы не давали им добывать продовольствие, и через два-три месяца начался голод. Балдж просил наместника ал-Андалуса Абдалмалика б. Катана разрешить прибыть в ал-Андалус и прислать за ними суда. Абдалмалик и не возражал, и не торопился выручать собратьев. Его, конечно, не радовала перспектива получить посланца из Сирии с несколькими тысячами конников; коней, правда, сирийцы уже начали есть. К тому же переправе поначалу могли мешать зимние штормы. Наконец, месяца через три сирийцы смогли переправиться в ал-Андалус.

Было их около 7000, и эта сила могла заметно повлиять на положение в стране. Здесь взаимоотношения между арабами и берберами тоже были напряженными. Арабы не считали их равными себе со всеми материальными последствиями: меньшим жалованьем, ущемлением при разделе добычи, предоставлении худших участков при поселении и т.д. Пример успешного восстания собратьев в Северной Африке вдохновил андалусских берберов. В 742 г. весь полуостров к северу от реки Тахо оказался в руках восставших берберов. Абдалмалик б. Катан не мог справиться с восставшими собственными силами и обратился за помощью к сирийцам. Объединенная армия была, видимо, разделена на два корпуса, которыми командовали два сына наместника. Участие сирийцев переломило ситуацию. Берберы потерпели поражение на Тахо и у Тулайталы (Толедо), не смогли больше оказать организованного сопротивления, и началось их беспощадное избиение по всей стране.

Сирийцы стали требовать незамедлительно переправить их в Ифрикийу, наместник же предлагал подождать еще год и переправлять не всех сразу, а частями, с оставлением заложников. Возможно, он опасался, что, отправившись все вместе, сирийцы вполне смогут не возвратить суда.

Затянувшийся спор по этому поводу кончился острым конфликтом: сирийцы изгнали Абдалмалика из дворца, а на его место посадили Балджа. Правда, с наместником поступили миролюбиво, его не арестовали, а дали жить в собственном доме. Сыновья не смирились с переворотом и бежали: один в Мерилу, другой — в Сарагосу.

Балдж распорядился вывезти заложников-сирийцев, которых держал Абдалмалик б. Катан как гарантов выполнения сирийцами всех условий договора на острове Умм Хаким (Гибралтар). И тут выяснилось, что наместник лишил их продуктов и воды, так что один знатный заложник умер от жажды. Разгневанные сирийцы бросились к дому Абдалмалика б. Катана и распяли его на улице. На следующий день мавлы сняли его и, видимо, просто бросили тело. Арабы раскололись на два лагеря и даже некоторые из прибывших с Балджем покинули его. Противники Балджа объединились и подошли к Кордове. В августе 742 г. в местности под названием Аква Буртура Балдж встретил и разгромил своих противников, но получил две рубленые раны, от которых скончался через несколько дней.

АЛИДЫ И АББАСИДЫ; ВОССТАНИЕ ЗАЙДА б. АЛИ

Хорасан, несмотря на его удаленность от руководящего центра, с течением времени все более приобретал значение главного объекта аббасидской пропаганды. Традиционно антиумайййадская Куфа не могла претендовать на эту роль: во-первых, кумирами куфийцев были Алиды, и пропаганда в пользу анонимного имама вряд ли могла пользоваться успехом; во-вторых, близость центральной власти умаляла возможность ее успеха, к тому же пассивность аббасидской пропаганды в Куфе могла быть нужна для маскировки местонахождения центра организации.

Сложная ситуация в Хорасане и Мавераннахре, сложившаяся в первой половине тридцатых годов в связи с тюркскими вторжениями и хариджидским движением, была благоприятна для активизации аббасидской пропаганды, несмотря на некоторые провалы и казни неосторожных агитаторов. Но попадали в руки властей в основном представители низшего звена, знавшие очень мало, а то и совсем ничего, о руководителях движения. Серьезной опасности аббасидская организация в Мервском оазисе подверглась в 117/735 г., когда вместе с большой группой пропагандистов был арестован глава этой организации Сулайман б. Касир. Рядовых смутьянов казнили или изуродовали; поступать так с Сулайманом и еще несколькими знатными людьми Асад

б. Абдаллах не решился, опасаясь реакции их соплеменников, и в конце концов освободил их[101]. Скорее всего, он не подозревал, что в его руках находился глава всей организации.

Понятно, что неоднородность состава участников аббасидского движения определяла различия в восприятии его целей и неизбежное при этом религиозно-идеологическое содержание пропаганды. Взгляды и чаяния мавлов-иранцев и арабской верхушки неизбежно разнились. Характерным в этом отношении был случай с Аммаром б. Йазидом, прозванным ал-Хидаш («Оскорбитель»). Он был одним из первых пропагандистов, посланных в Хорасан[102], но впоследствии стал проповедовать отказ от норм мусульманской религии. Узнав о таком кощунстве, Мухаммад б. Али послал в Хорасан Абу Хашима Букайра б. Махана для упорядочения тамошней организации, снабдив его посланием к хорасанским сторонникам, в котором, кроме прочего, содержалось предупреждение не верить Хидашу и не следовать его учению[103].

Нет никаких данных, чтобы определить время прибытия Букайра в Мерв. Упоминание в письме ложной проповеди Хидаша говорит о том, что оно писалось до получения известия о казни Хидаша Асадом б. Абдаллахом в 118 г. х.[104].

С приездом Букайра в Мерве была окончательно оформлена структура организации. Ссылаясь на действия пророка в Акабе (см. т. I, с. 86–88), Букайр выбрал 12 уполномоченных (*накибов*), которые, в свою очередь, выбрали себе помощников, чтобы общее их число достигло 70. Это ядро окончательно оформленной организации Букайр привел к присяге на верность. Главой этой организации был назначен тот же Сулайман б. Касир[105].

Из Мерва Букайр отправился в Джурджан, который почему-то стал вторым после Мервского оазиса объектом внимания аббасидской пропаганды, и путь эмиссаров из Куфы или ал-Хумаймы в Мерв и обратно обычно пролегал через Джурджан. Здесь Букайр занялся сбором *садаки* в пользу имама, а затем через какое-то время проехал через Куфу и, захватив там Абу Саламу ал-Халлала, явился к Мухаммаду б. Али с отчетом и собранными подношениями[106].

В Куфе в это время активизировались шииты, сторонники имамата Алидов, представлявшие опасность для деятельности сторонников Мухаммада б. Али. Вождем шиитов на этот раз стал внук Хусайна Зайд б. Али.

Как уже отмечалось в предыдущей главе в рассказе о смерти Абу Хашима Абдаллаха и начале аббасидской пропаганды, передача главенства в роду Али б. Абу Талиба не была столь простой и однозначной, как спустя примерно столетия ее стали излагать шиитские историографы. Главенство в роде достигалось не наследованием благода-

ти, а реальной значимостью того или иного члена рода из старшего поколения, в котором наряду с положением на генеалогическом древе имели значение личная энергия и талант, обеспечивавшие признание превосходства другими старейшинами. За понятием «старейшины» не скрываются глубокие старцы: мы видели, что почти все умайййадские халифы умирали, чуть перешагнув сорокалетие и даже не достигнув до него, продолжительность жизни алидской верхушки была примерно такой. После смерти Абу Хашима Абдаллаха соперничество внутри рода шло между потомками Хасана и Хусайна. Первые принадлежали к старшей линии и могли бы рассчитывать на естественное первенство, но их предок отрекся от власти, а его брат погиб мучеником в борьбе за нее, и это давало моральное превосходство Хусайнидам. А главенство, как мы видели выше, давало право распоряжаться значительными доходами с поместий, унаследованных от Али и Фатимы.

После смерти Али Зайн ал-Абидина первенство среди Хусайнидов перешло к его сыну Мухаммаду, прозванному его почитателями ал-Бакиром («Постигающим суть»). Он, действительно, был авторитетным знатоком религиозного предания и пользовался уважением среди правоведов Медины. Это положение его устраивало, и он не имел никаких политических амбиций. Его положение отличалось еще тем, что, будучи внуком Хусайна по отцу, он был в то же время внуком Хасана по матери, что, впрочем, не исключало существования длительного конфликта из-за права распоряжаться доходами с наследственных имений рода.

Мухаммад ал-Бакир скончался в Медине в 118/736 г., и главой потомков Хусайна стал не его сын Джа‘фар ас-Садик (признаваемый шестым имамом), а брат — Зайд б. Али. Он был человеком более решительным и честолюбивым. Последнее, может быть, подогревалось тем, что он в отличие от Мухаммада ал-Бакира, рожденного дочерью Хасана, был рожден рабыней из Синда, что ставило его в приниженное положение и заставляло восполнять этот недостаток возвышающими его действиями. Благодаря этому честолюбию и энергии Зайд еще при жизни ал-Бакира в каких-то случаях берет на себя задачу представлять свой род в конфликтных ситуациях, что должен был бы делать ал-Бакир. Именно он защищал интересы Хусайнидов в споре с Хасанидами о правах распоряжения доходами с наследственных поместий («вукуф Али»), в котором интересы противоположной стороны представлял Джа‘фар б. ал-Хасан б. ал-Хасан. Начало этой тяжбы относится еще к наместничеству Ибрахима б. Хишама, который был смещен в 114/732–33 г. Вместе с этим он был связан с какими-то финансовыми предприятиями в Ираке: по одной версии, он продал наместнику Халиду б. Абдаллаху участок в Медине за 10 000 динаров, а за-

тем присвоил его себе, не возвратив деньги, по другой — просто получил от Халида б. Абдаллаха какие-то деньги. Когда в 120/737-38 г. Халид был смещен и, как водилось, был отправлен его преемником Йусуфом б. Умаром в тюрьму, где из него выбивали покрытие денежного дефицита, Халид заявил, что давал Зайду деньги, которые тот не вернул.

Какие-то переговоры с Халидом Зайд, несомненно, вел и вел их в присутствии своего двоюродного дяди Мухаммада б. Умара б. Али и Дауда б. Али б. Абдаллаха ал-Аббаса, родного брата Мухаммада б. Али, душеприказчика Абу Хашима, возглавлявшего Аббасидское движение.

Когда наместником Ирака стал Йусуф б. Умар, Халид б. Абдаллах, попавший в тюрьму, где его, по обычаю, пытали для ускорения финансового отчета, заявил, что давал деньги Зайду (вероятно, пытаясь этим объяснить часть недостачи).

Получив это признание, Йусуф б. Умар сообщил об этом Хишаму, и тот потребовал к себе Зайда (по одной из версий, Зайд находился в это время в Русафе, ища у халифа поддержки в разрешении имущественного спора с Хасанидами). Зайд поклялся халифу, что никаких денег у Халида не получал, и был отправлен к Йусуфу б. Умару для очной ставки с Халидом б. Абдаллахом в сопровождении упомянутых выше лиц. Из тюрьмы привели Халида б. Абдаллаха, облаченного в грубую шерстяную одежду. Йусуф спросил Зайда, давал ли Халид ему деньги. Зайд ответил: «Как же, дал бы он мне деньги, когда он бранил моих предков с минбара!» Халид б. Абдаллах ответил в том же духе. По одной из версий, на вопрос Йусуфа, почему в таком случае он заявил на Зайда, Халид ответил, что был озлоблен пытками. Зайд был оправдан и возвратился в Медину, а Халид — в тюрьму.

Судя по всему, дело, разбиравшееся Йусуфом б. Умаром, касалось лично Зайда (и, может быть, упомянутых лиц из его сопровождения), а не вопроса о доходах с земель, названных у ат-Табари вакфами Али б. Абу Талиба. Но и в споре о доходах с этих вакфов между потомками Хасана и Хусайна Зайд являлся одной из главных фигур.

Начало этой тяжбы трудно определить, ясно только, что разбором тяжбы занимался Халид б. Хишам, назначенный наместником Медины и Мекки в 114/732–33 г. Еще одним хронологическим ориентиром может служить отсутствие упоминания об участии в нем Мухаммада ал-Бакира, умершего в 118/736 г.: по авторитетности он, конечно, превосходил Зайда и должен был бы представлять Хусайнидов. Процесс не был одноразовым актом, о чем свидетельствует тот факт, что внук Хасана, Джа‘фар б. ал-Хасан б. ал-Хасан, представлявший сторону Хасанидов, успел умереть и его место занял его брат Абдаллах. Согласно

шиитской исторической традиции, Мухаммад ал-Бакир передал имамат своему старшему сыну Джа'фару ас-Садику («Правдивому»), но главой рода стал Зайд.

Ат-Табари сохранил несколько вариантов рассказа об этом разбирательстве, но при довольно подробном изложении перебранки сторон ничего не говорится о предмете спора и аргументации сторон. Не пересказывая этого, можно сказать, что Зайд держал себя высокомерно по отношению к некурайшитам и получил в ответ замечание, что ему нечего гордиться своим происхождением, когда у него мать — рабыня. Оскорбленный Зайд напомнил о библейском Исмаиле, также рожденным рабыней. В этот или какой-то другой раз Абдаллах б. ал-Хасан, разозленный Зайдом, назвал его «сыном индуски», может быть, даже добавив какой-то нелестный эпитет. В конце концов, обиженный Зайд направился к Хишаму в Русафу, но и у него не нашел поддержки. Более того, Хишам, принимая его, будто бы сказал ему: «Дошло до меня, что ты, Зайд, поговариваешь о халифстве и тешишь себя надеждой на него, хотя ты сын рабыни». Зайд ответил тем же доводом, что Исмаил тоже был сыном рабыни. Параллелизм двух эпизодов с одинаковым обвинением и ответом заставляет думать, что один из них недостоверен. Ясно только, что большие претензии Зайда наталкивались на пренебрежительное отношение к нему чистокровных арабов.

Халиф отправил Зайда назад в Медину, но он оказался в Куфе. Дорога из Русафы в Медину через Куфу немного длиннее, чем через Дамаск, и выбор ее мог рассматриваться как ослушание, но этот выбор вряд ли был случайным — Куфа была главным оплотом шиизма, и здесь Зайд заведомо мог рассчитывать на сочувствие и поддержку.

То, что нам известно из неопределенных рассказов о тяжбе Зайда с Хасанидами, вроде бы говорит о том, что в тот момент он не заявлял претензий на халифство, разве что могли быть ни к чему не обязывающие высказывания о своем праве на него. Слух об этом мог дойти до Хишама, но в ту пору словам без дела не придавали серьезного значения. В Куфе Зайд оказался в центре внимания шиитов, увидевших в нем реального вождя, здесь тайные помыслы стали обретать черты реальности. Опасность слишком длительного пребывания Зайда в Куфе была очевидна Йусуфу б. Умару, и он, подкрепленный еще настоянием халифа, стал требовать от Зайда возвращения в Медину. После четырех или пяти месяцев пребывания в Куфе, весной 739 г., Зайд покинул город, но едва он достиг Кадисийи, как его нагнала группа наиболее решительно настроенных шиитов, которые сказали, что в Куфе его ждут 100 000 человек, а сирийцы малочисленны, и его ждет победа над Умаййадами. Зайд колебался, еще свежа была память о трагедии деда, слишком доверившегося обещаниям куфийцев, но соблазн стать

выше всех и расправиться с обидчиками преодолел доводы разума (будто бы даже Абдаллах б. Хасан писал ему, предупреждая о ненадежности куфийцев) — Зайд возвратился в Куфу.

Возвращение Зайда, конечно, не могло остаться в секрете, тем более, что первое время, кажется, он и не особенно скрывался. Он женился на дочери одного из своих сторонников и первое время жил в ее доме, но затем стал менять места своего жительства, останавливаясь у своих приверженцев, принадлежавших к разным племенам сторонников, приводя их к присяге. Зайду удалось даже втайне провести два месяца в Басре, вербуя сторонников. Отношение иракских шиитов к Зайду было неоднозначным: какая-то группа куфийцев обращалась к Джа‘фару б. Мухаммаду ас-Садику с вопросом, стоит ли присягать Зайду, и получила ответ: «Да, он самый достойный из нас». Агитаторы были разосланы по всему Ираку и даже в Мосул. Имена присягнувших заносились в списки. Данные о числе присягнувших значительно расходятся: наименьшее, следовательно наиболее близкое к действительности, — 15 000 человек. В конце 739 г. было принято решение начать восстание 1 сафара 122/6 января 740 г. Дата явно определялась концом мухаррама, когда нельзя было вести военные действия.

Как раз в эти дни из поездки к Мухаммаду б. Али, приурочивавшейся к сезону паломничества, в Куфу возвратился Абу Хашим Букайр, руководитель аббасидской пропаганды. Ему тотчас сообщили о готовящемся выступлении Зайда и о том, что один из его людей, его сосед, перешел к Зайду. Букайр предрек гибель перебежчику вместе с Зайдом и запретил участвовать в восстании.

Зайд призвал своих сторонников собраться в ночь на среду в главной мечети, где большое стечение людей к последней вечерней молитве не обратило бы на себя внимания. Букайру сообщили, что Зайд собирает людей в мечети. Букайр снова решительно предостерег от участия в восстании. И это понятно: он проигрывал и в случае поражения и в случае победы, так как победителем оказался бы не он, а Зайд.

Узнал о начале восстания и Йусуф б. Умар. Он тут же приказал амиру Куфы ал-Хакиму б. ас-Салту блокировать собравшихся в мечети. Стражники вошли в мечеть и заперли двери, а глашатаи объявили, что передвижение по улицам запрещается и виновных будут убивать. Город замер. А в это время Зайд с горсткой сподвижников вышел из дома Му‘авийи б. Исхака с зажженными факелами, возглашая условленный боевой клич «ал-Мансур» («Победитель»), но меры, принятые амиром, сделали свое дело: за ночь к Зайду присоединилось только 218 человек. Зайд потерял главное, чего нельзя вернуть, — время.

А Йусуф б. Умар времени не терял. Вечером он выслал в Куфу разведку, которая убедилась, что город спокоен, а утром Йусуф в сопро-

вождении курайшитов и другой знати расположился на холме между Хирой и Куфой и послал в Куфу начальника своей полиции ал-Аббаса б. Са'ида с двухтысячным отрядом, придав ему 300 знаменитых лучников из ал-Кикана и Бухары (см. т. III, с. 134, 178).

Зайд простоял на месте до утра, ожидая подхода сторонников и, кажется, большого пополнения не дождался. С рассветом он повел свой небольшой отряд в центр города, к главной мечети. Расположение большинства кварталов неизвестно, и проследить его путь можно только на одном отрезке — от Кунасы до квартала киндитов в юго-юго-западном углу города. После нескольких столкновений с полицией и сирийскими разъездами Зайд вышел к мечети. Повстанцы подошли к запертым воротам, размахивали знаменами на копьях, показывая их поверх ворот и призывая: «Куфийцы! Выходите из унижения к величию, выходите к вере и этому миру!» Но ворота не открылись, и подоспевшие сирийцы отогнали отряд Зайда. Он отошел на северную окраину города, к складам Дар ар-ризк. К этому времени ряды повстанцев пополнились, и они смогли не только выдержать удар сирийской конницы, но и отбросить ее к центру города, нанеся заметные потери. А вечером ар-Раййан вообще увел своих воинов из Куфы в Хиру.

Утром 7 января (четверг) Йусуф б. Умар отстранил ар-Раййана от командования и назначил на его место начальника полиции Аббаса б. Са' ида.

Ал-Аббас попытался атаковать Зайда в конном строю, но около Дар ар-ризка лежали штабеля леса, оставлявшие только узкий проход. Сирийцам пришлось спешиться. Потеряв в упорном бою около семидесяти человек убитыми, сирийцы отступили. В конце дня сам Йусуф б. Умар построил сирийцев в боевой порядок, и они снова атаковали Зайда, и на этот раз оттеснили его отряд в ас-Сабху, полосу солончаков между городом и Евфратом, а оттуда мимо квартала бану сулайм к какой-то дамбе. Наконец между Бариком и Раввасом Зайд остановился, чтобы дать бой. Его люди держались стойко и отбили все атаки пехоты и конницы ал-Аббаса. Йусуф б. Умар послал на помощь ему бухарских и киканских лучников, которые, оставаясь в безопасности от мечей противника, стали выбивать воинов Зайда. Несмотря на это, воины Зайда упорно держались до наступления темноты, когда одна из стрел пробила Зайду лоб. Превозмогая боль, Зайд, не слезая с коня, вывел своих воинов из боя. Сирийцы тоже вышли из боя, полагая, что он прекратился из-за наступления темноты.

В дом какого-то мавлы на Почтовой улице (Сиккат ал-барид) Зайда уже внесли, и он вскоре скончался. Чтобы скрыть место погребения Зайда, землю над могилой тщательно разровняли, а потом на это место пустили воду, окончательно замывшую все следы.

Остатки отряда повел из Куфы сын Зайда Йахйа, которому не хватило возможностей и авторитета, чтобы продолжить борьбу. Отряд дошел до пустоши Субай, а затем стал рассыпаться, и к утру с Йахйей осталось около десятка сподвижников отца.

Утром Йусуф распорядился обыскать дома в поисках укрывшихся раненых повстанцев. Женщин выводили во двор и начинали обыск дома. Еще важнее для властей было обнаружить захоронение Зайда. Место хитроумно замаскированного захоронения на следующий день указал гулам Зайда, родом из Синда. Тело извлекли, обезглавили и распяли в Куфе, а голову отослали Хишаму[107].

В обширном рассказе о восстании не упоминается, какие группы куфийцев поддержали Зайда, но, судя по упоминанию некоторых его сподвижников, можно думать, что значительную часть повстанцев составляли мавлы, и совершенно очевидно, что племенная верхушка в восстании не участвовала, и это обусловило нейтралитет большинства горожан. Выступление вместе с Зайдом сторонников другого «имама из рода Мухаммада», Мухаммада б. Али, вряд ли обеспечило бы в этих условиях победу восстания. Букайр б. Махан, видимо, лучше, чем Зайд, чувствовал настроения куфийцев и следовал совету своего имама — ждать удобного момента. А пока эмиссары из Куфы регулярно посещали Хорасан, вербовали влиятельных сторонников и собирали садаку Мухаммаду б. Али.

ПРИМИРЕНИЕ С СОГДИЙЦАМИ

После поражения восстания Йахйа б. Зайд с небольшой группой приверженцев направился в Хорасан, где можно было найти сторонников среди хариджитов и других оппозиционных элементов. Однако этот расчет, как мы увидим, не оправдался, так как власть наместника укрепилась по сравнению с тем, что было три-четыре года назад.

Между тем военно-политическое положение в Хорасане, на обострение которого рассчитывала аббасидская пропаганда, при Насре б. Сайййаре явно стабилизировалось. Покорение Ферганы и Шаша отвело угрозу неожиданных нападений из-за Сырдарьи, что лишало согдийцев надежд на помощь со стороны против арабов, да и тюрки после нескольких поражений погрязли в междоусобицах и не представляли в этот момент серьезной опасности. Появление в Хорасане ал-Хариса б. Сурайджа грозило большими неприятностями. Оставались еще согдийские дихканы, бежавшие к тюркам, спасаясь от преследования после подавления их восстаний. Теперь им трудно было рассчитывать возвратиться в свои владения с оружием в ру-

ках. Видимо, по их инициативе начались переговоры с Насром о возвращении на родину. Наср тоже был заинтересован в уменьшении числа внешних врагов. Дихканы были готовы возвратиться при условии, что их не будут преследовать за войну с арабами и отступничество от ислама, а также не потребуют уплаты налогов за минувшие годы. Наср принял их условия, и согдийцы возвратились в свои владения в 122/740 г. Где происходили эти переговоры и сколько человек возвратилось — неизвестно.

Многие в окружении Насра осуждали его за попустительство врагам ислама, на что тот отвечал, что если бы упрекающие так же хорошо, как он, знали, насколько опасен этот противник, то не стали бы его осуждать. Недоволен был и Йусуф б. Умар, который хотел видеть на посту наместника Хорасана другого человека. Он воспользовался случаем, чтобы объяснить Хишаму, что причиной странного решения Насра является его дряхлость и неспособность управлять Хорасаном. Не ограничившись письмом, Йусуф прислал к халифу человека из окружения Насра, который повторил ту же ложь о дряхлости Насра. Хишам все-таки не поверил этому и нашел хорасанца, заверившего его, что Наср, несмотря на преклонный возраст, бодр духом и телом. Интрига Йусуфа провалилась[108].

Объяснить это можно только тем, что Наср представлялся Йусуфу слишком независимым, а Салм б. Кутайба, которого он хотел видеть наместником Хорасана, был бы послушным исполнителем его воли.

Примирение с наиболее воинственно настроенными согдийскими дихканами избавило Насра от необходимости предпринимать в следующем году поход в Мавераннахр. Вообще, 124/742 г., видимо, был мирным для всего центра и востока Халифата, так как у арабских историков о нем сообщается чрезвычайно мало. Лишь на Крайнем Западе продолжалась ожесточенная война с восставшими берберами.

ПЛОДЫ СТАБИЛЬНОСТИ: МОНУМЕНТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Многочисленные войны, восстания и мятежи, истощавшие пограничные провинции Халифата, не касались его центра; накапливавшиеся там богатства способствовали развитию монументального строительства, прежде всего в вотчине Умаййадов — Сирии и Палестине.

Кроме хорошо датированных построек ал-Валида, упомянутых ранее, на полупустынных окраинах Сирии и Иордании насчитывается до трех десятков развалин построек разного назначения, относимых к умаййадскому времени[109]. Из них наиболее интересны три дворцо-

вых комплекса: Каср ал-Хайр* аш-Шарки (отождествляемый с резиденцией Хишама — Зайтуной)[110], Каср ал-Хайр ал-Гарби и Хирбат ал-Мафджар. Последние можно отнести к периоду между концом правления ал-Валида I и началом правления ал-Валида II, поскольку смутное время, начавшееся после смерти Хишама, как мы увидим далее, не благоприятствовало монументальному строительству.

Наиболее интересен как дворцово-усадебный комплекс Каср ал-Хайр ал-Гарби. Он расположен на магистральной караванной дороге из Дамаска на Евфрат, в 60 км западнее Тадмура (рис. 5). Возможность оседлой жизни в этом районе обеспечивала большая плотина (365 м в длину и 20,5 м в высоту в центре), перегораживавшая вади ал-Барда к востоку от дороги. Образовывавшееся ею водохранилище объемом около 3 млн. $м^3$ могло обеспечить орошение не менее 1000 га, но достоверно известен только участок в 300–400 га. Время возведения этой плотины, а соответственно, и время появления здесь оазиса неизвестно. Во всяком случае, судя по остаткам византийских, а может быть, и более ранних построек, дворцовый комплекс возник не на пустом месте.

Канал, начинающийся от плотины, идет на северо-запад; на пятнадцатом километре от него отведен влево рукав, снабжавший водой дворец и баню при нем. Далее канал пересекает дорогу, а за ней находится квадратный водоем (60 × 60 м), из которого, вероятно, выходили мелкие оросительные каналы. В 400 м за водоемом канал протекал мимо квадратной постройки, которая определяется как караван-сарай (*хан*). Внутри квадрата сырцовых стен на каменном цоколе находился обширный двор, вымощенный кирпичом, с бассейном в центре, окруженный со всех четырех сторон галереей. По стороне, противоположной входу, и по боковым сторонам были узкие помещения, длиной по 40 м, с двумя входами в каждом. Эти помещения явно служили стойлами для лошадей или мулов и могли вместить 60–70 животных. Лишь шесть помещений по обеим сторонам от входа можно считать предназначенными для людей. Такая планировка, отличная от планировки известных более поздних постоялых дворов, заставляет усомниться в том, что эта постройка была постоялым двором (*ханом*), скорее это — большая конюшня, принадлежавшая владельцу дворца.

В полукилометре ниже по течению от канала вправо отведен проток, на котором стояла водяная мельница, далее поток сливался с основным руслом. Затем канал пересекал обширный парк (*хайр*), обнесенный глинобитной стеной (1055 × 426 м). Канал был не единственным источником водоснабжения парка: левее его ложбина, являвшаяся продолжением вади, была перегорожена полукруглой дамбой с тре-

---

* *Хайр* — парк со зверинцем при дворце.

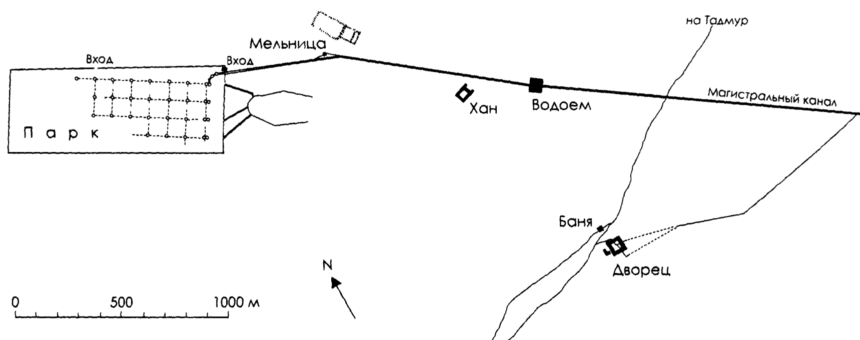

Рис. 5. Схема дворцового комплекса Каср ал-Хайр ал-Гарби

Рис. 6. Дворец Каср ал-Хайр ал-Гарби. План

Рис. 7. Образцы резного штука из дворца Каср ал-Хайр ал-Гарби

мя веером расходившимися стоками, изливавшимися в парк. Нам может показаться странным расположение парка почти в двух километрах от дворца, но в ту пору, когда все это было живо и все здесь было покрыто зеленью, это воспринималось иначе. Дворец представлял собой квадратную в плане двухэтажную постройку из кирпича-сырца с обширным внутренним двором, в который выходили все помещения (рис. 6). Внутрь вел единственный вход, фланкированный двумя полукруглыми башнями. Парадная часть находилась в стороне, противоположной входу. Она делилась на три одинаковых блока богато декорированных помещений. В каждом из них имелось отхожее место с керамическими трубками для стока нечистот, шедшими также и со второго этажа. Дворец снабжался водой не только из канала, но и сбором дождевой воды. Всего для хранения воды имелось три подземные цистерны.

В декорировке здания широко использовалась резьба по штуку. Наряду с геометрическим и растительным орнаментом в декоре широко использовались рельефные и мелкие статуарные изображения людей (рис. 7). Резной штук украшал не только интерьеры, но и ворота, и часть поверхности наружных стен. Часть интерьеров покрывала роспись в виде разноцветных полос, имитирующих мраморную облицов-

Рис. 8. Роспись из дворца Каср ал-Хайр ал-Гарби

ку, широко использовались растительные мотивы, а стены некоторых помещений украшали панно с изображением всадников и животных (рис. 8). Основная часть декора явно выполнена мастерами византийской школы, но встречаются фрагменты, выполненные руками месопотамских мастеров.

К северо-западу от дворца находилась баня. В ней, как и в планах всех известных нам бань того времени, выделяется своими размерами первое от входа помещение, которое по расположению можно было бы назвать предбанником, но назначение его не столь прозаично. Это — своего рода клуб или даже концертный зал, в котором владелец дворца кейфовал после мытья в кругу приближенных, потягивая разведенное водой вино и услаждая слух музыкой и пением, а зрение — созерцанием росписи стен. В противоположность Кусайр Амру, где роспись сохранилась во всю высоту, здесь были отмечены лишь только следы краски.

В отличие от этой степной резиденции дворцовый комплекс Хирбат ал-Мафджар («Развалины ал-Мафджара») расположен в густо населенном Приорданье, в северо-западной окраине Иерихона, что и определило более компактное расположение составляющих элементов комплекса, в который входят дворец, мечеть, баня и небольшой сад с павильоном. Весь этот комплекс обнесен каменной стеной, образующей не совсем правильный прямоугольник со сторонами 135 × 110–115 м (рис. 9). По-видимому, первым был построен дворец. Это типичное квадратное в плане здание с внутренним двором 65 × 65 м, окруженным галереями.

Северо-западнее дворца находилась баня, примечательная размером и планировкой своего аванзала. В плане это квадрат, с двумя или тремя апсидами (рис. 10). Эта совершенно уникальная для мусульманской архитектуры планировка, несомненно, родилась под влиянием византийской церковной архитектуры, отдаленным образцом могла быть даже константинопольская Святая София. Если взять на себя смелость пофантазировать, то можно даже предположить, что причиной появления такого подражания могла быть неудачная осада Константинополя. По сравнению с этим залом, щедро украшенным резьбой по камню и штуку, с мозаичными полами, часть бани, предназначенная для мытья, в пять раз меньшая по площади, выглядит жалким придатком (рис. 11, 12).

Здесь с особой очевидностью выступает публичная, парадная, функция аванзала. Он явно был рассчитан на большее число присутствующих, чем возможное число моющихся. По площади он превосходит даже мечеть, не говоря уж о помещениях дворца. Недаром Р. Гамильтон, описывая баню, называет аванзал диваном[111].

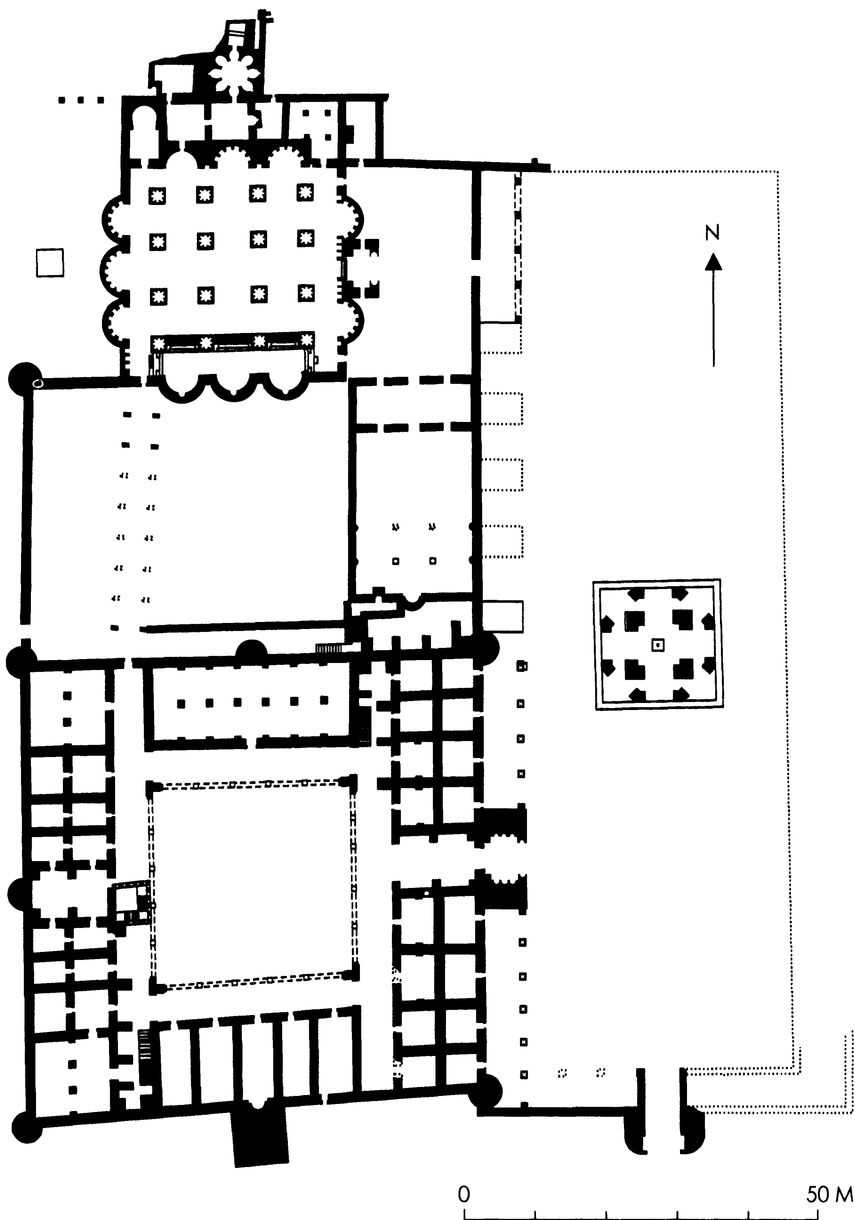

Рис. 9. Дворец Хирбат ал-Мафджар. План

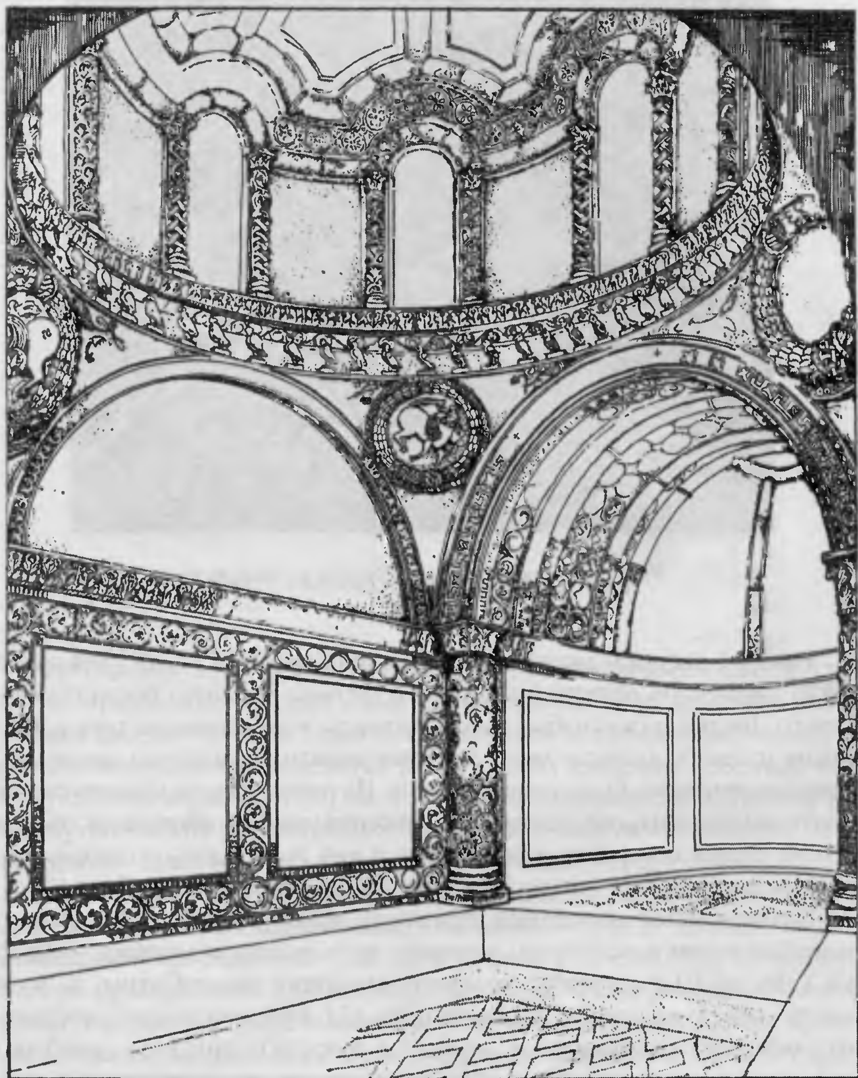

Рис. 10. Интерьер аванзала бани в Хирбат ал-Мафджар. Реконструкция

Рис. 11. Резная розетка из Хирбат ал-Мафджар

Рядом с дворцом находился парк площадью 60,7 га, что для такой густо населенной области было свидетельством большого богатства владельца. Дворец и сад снабжали водой каналы, выведенные из трех источников и переброшенные через глубокие овраги по арочным акведукам, которые, вероятно, были старше дворца. На одном из этих каналов стояла водяная мельница, обеспечивавшая многочисленных обитателей дворца мукой. Время постройки этого дворца и имя его владельца неизвестны. Р. Гамильтон считает, что он был разрушен землетрясением в 746 г.[112].

Единственный дворцовый комплекс, время сооружения которого известно точно и основатель которого не вызывает сомнений, — Каср ал-Хайр аш-Шарки, руины которого находятся около Сохны, в 75 км северо-северо-восточнее Тадмура (рис. 13). Найденная здесь надпись на каменной плите гласит: «…приказал соорудить этот город (*мадина*) раб Аллаха амир верующих Хишам, и это то, что сделали люди из Химса под руководством Сулаймана сына Убайда в сто десятом году»[113]. 110 г. х. соответствует 16.IV.728–4.IV.729 г. Эта надпись и дата должны относиться ко времени завершения строительства и, соответственно, начато строительство было в первые годы правления Хишама. О. Грабар предполагает, что этот Каср ал-Хайр — руины неоднократно упоминаемой в источниках резиденции Хишама Зайтуны[114].

Рис. 12. Мозаика из Хирбат ал-Мафджар

Этот дворец по размерам превосходит оба описанных выше. В плане это правильный квадрат со сторонами до 167 м, квадратным внутренним двором 70×70 м. План его отличается от других тем, что внутренняя застройка четко делится на 12 равных квадратных блоков или модулей, примерно по 1800 кв. м (с учетом толщины стен). Планировка внутри блоков различна в соответствии с назначением. Лишь юго-восточный блок, мечеть, увеличен за счет соседнего блока. Определить назначение всех помещений невозможно, но обнаружение маслодавильни позволяет предположить наличие и других хозяйственных помещений, необходимых для обеспечения повседневных потребностей по крайней мере 2000 обитателей здания[115]. Вне дворца, но рядом с ним, находилась непременная баня, не примечательная ничем, кроме того, что ее аванзал отличался меньшими размерами относительно помещений, предназначенных для мытья. Кроме того, неподалеку находилось еще несколько зданий обычного типа с внутренним двором, но значительно меньших размеров, чем дворец. Обширное пространство вокруг дворца пересекали оросительные каналы. Странным образом на руинах всех этих зданий и на обломках, заполнявших их, не было найдено ни следов росписей, ни резного штука; от последнего сохранились какие-то жалкие фрагменты, которые могут лишь свиде-

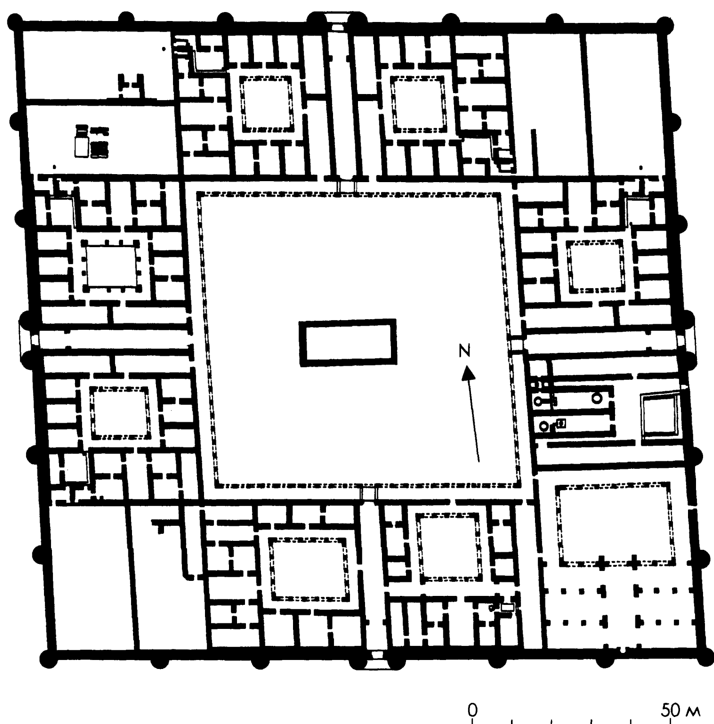

Рис. 13. Дворец Каср ал-Хайр аш-Шарки. План

свидетельствовать, что сколько-то его на стенах было. Трудно поверить, чтобы это объяснялось скаредностью Хишама, не пожелавшего нести лишние расходы на отделку.

Как правило, появление резиденции могущественного правителя на новом, малообжитом месте притягивает к ней многочисленное население обслуживающих специальностей: торговцев, ремесленников, разных рабочих, и таким образом около нее образуется город. В случае с Зайтуной этого не произошло, хотя резиденция просуществовала около 15 лет. Объяснить это можно только тем, что при ней не было большого воинского контингента, наличие которого и вызывает приток многочисленного обслуживающего населения. Халиф довольствовался теми несколькими сотнями дворцовой стражи, которые располагались в самом дворце. А это свидетельствует о значительной стабильности положения в Сирии и лояльности бедуинских вождей этого региона, прежде всего южноарабских племен, получавших большое жалованье.

Глава 5
КОНЕЦ СТАБИЛЬНОСТИ

ХАЛИФ-ПОЭТ

Шел двадцатый год правления Хишама, четвертого из сыновей Абдалмалика, занимавших халифский престол. Ему было 52 года[1], но какая-то внутренняя болезнь, сопровождавшаяся болями, изнуряла его, и 6 февраля 743 г.[2] он скончался в своем дворце в Русафе. Его наследник ал-Валид б. Йазид находился в это время в семистах с лишним километрах, в ал-Азраке[3]. Несмотря на его отсутствие и нелюбовь к нему сыновей Хишама, присяга преемнику была проведена в тот же день без осложнений и противодействия, из чего можно заключить, что в окружении Хишама было много сторонников ал-Валида, которые не считали его завзятым пьяницей и закоренелым грешником, недостойным возглавить мусульман.

Ал-Валид в своем далеке получал достаточно информации из Русафы и знал о болезни дяди-халифа, ждал его смерти и скорого своего вступления на престол, поэтому 11 февраля[4], завидев издали гонцов, сразу понял, что долгожданный час настал. Прочитав официальное послание из халифской канцелярии, он первым делом осведомился о судьбе своего секретаря и товарища по вечеринкам Ийада б. Муслима, арестованного Хишамом, и узнав, что он вышел на свободу, приказал опечатать сокровищницу, отчего Хишам не мог быть похоронен в достойном халифа саване[5]. Ал-Валид не поехал в ненавистную Русафу, а послал туда своего двоюродного брата, ал-Аббаса б. ал-Валида, поручив ему принять государственную казну и арестовать средства сыновей Хишама, кроме Масламы, который был ему близок по пристрастию к вину[6]. Сам ал-Валид 15 февраля[7] появился в Дамаске, где руководил пятничной молитвой и принял присягу жителей столицы.

Новому халифу было немногим более 30 лет, но голова его уже заметно поседела; источники отмечают, что у него были необычно длинные пальцы рук и ног. Более ничего примечательного о его облике не сообщается. Средневековых авторов больше всего привлекала тема пьянства и связанных с этим стихов, хотя, без сомнения, эта сторона

его жизни несколько преувеличена, во всяком случае она не была настолько предосудительна, чтобы сделать его недостойным сана халифа. Иное дело, что по характеру он не был создан возглавлять государство: повышенная эмоциональность, свойственная большинству поэтов, порождала непредсказуемость действий, не позволяла собрать вокруг себя влиятельных и надежных сторонников, а государство для него было только источником для удовлетворения своих желаний, а не организмом, о котором надо заботиться.

Начало правления было вполне благополучным и могло понравиться подданным: он восстановил размер жалованья, сокращенного Хишамом, и даже прибавил всем по 10 дирхемов в год (а сирийцам — по 20), возобновил выплату жалованья мединцам, которой их лишил Хишам, наконец, по примеру своего тезки ал-Валида б. Абдалмалика назначил содержание слепым и параличным сирийцам и приставил к ним услужающих[8] (если только историческая память не перенесла на него сделанное ал-Валидом I).

Одним из первых среди наместников свое удовлетворение приходом к власти ал-Валида выразил наместник Джазиры и Арминийи Марван б. Мухаммад. Поддержка этого влиятельного и энергичного деятеля имела для нового халифа большое значение. Марван писал, что рад окончанию правления Хишама, который в опьянении властью пренебрегал предписаниями Аллаха, и выражал надежду, что теперь этому наступит конец[9]. Приветствовали его приход также Йусуф б. Умар и Наср б. Саййар, оказывавшие ему моральную и материальную поддержку до прихода к власти[10]. Все они сохранили свои прежние посты.

Знакомясь с документами канцелярии Хишама, ал-Валид обнаружил письма, в которых некоторые наместники советовали лишить его права наследования; они, понятно, были смещены, как и сыновья Хишама.

Ал-Валид II, так долго дожидавшийся осуществления своего права на высшую власть, поспешил закрепить право наследования ее за своими сыновьями, ал-Хакамом и Усманом, хотя они еще не достигли совершеннолетия. В провинции были направлены послания с предложением провести им присягу, а также обосновывалась законность и полезность этого акта для мусульманской общины. Образец этого бюрократического велеречия, направленного Йусуфу б. Умару, сохранил для нас ат-Табари. Документ вышел из канцелярии через 99 дней после того, как ал-Валид узнал о своем воцарении: «во вторник, когда оставалось восемь дней месяца раджаба 125 года» (21 мая 743 г.). Йусуф, в свою очередь, разослал копии этого послания нижестоящим администраторам. В четверг 15 ша‘бана (13 июня) такая копия была отправлена Насру б. Саййару с таким сопроводительным письмом:

«Посылаю тебе копию письма амира верующих, в котором он пишет тем, кто мне подчинен, о том, что назначает наследниками после себя ал-Хакама, сына амира верующих, и Усмана, сына амира верующих, с Акалом, сыном Шаббы ат-Тамими, и Абдалмаликом ал-Кайни, которым я велел рассказывать об этом. А когда они прибудут к тебе, то собери тех, кто будет читать людям письмо амира верующих, и прикажи им собраться быстро, и прочти им то, что написал амир верующих, а когда окончишь чтение, то разреши тем, кто хочет, выступить с речью, потом приведи людей к присяге этим двоим во имя Аллаха и с его благословением, и возьми с них письменное подтверждение»[11].

Интересно, что между отправкой халифского послания и рассылкой копии из Куфы прошло более трех недель, хотя оно без всякой спешки прибыло к Йусуфу за 10 дней. Видимо, какое-то время ушло на обсуждение и принятие решения. Такое поспешное решение об утверждении наследниками двух несовершеннолетних вряд ли было всеми встречено одобрительно. Впрочем, о затруднениях с проведением присяги ничего не сообщается. По некоторым данным, эти малолетние престолонаследники были назначены наместниками Дамаска и Химса, реальное управление которыми осуществляли доверенные лица ал-Валида[12].

Одновременно с проведением присяги престолонаследникам ал-Валид сместил с почетного поста наместника Хиджаза Мухаммада б. Хишама б. Исма‘ила ал-Махзуми и назначил брата своей матери (племянника ал-Хаджжаджа) Йусуфа б. Мухаммада б. Йусуфа, поручив ему присматривать за Мухаммадом б. Хишамом и его братом Ибрахимом, которые советовали Хишаму лишить его права престолонаследования. Затем, получив донос о присвоении ими казенных денег, отослал к Йусуфу б. Умару, у которого они умерли в тюрьме от пыток[13].

А за пределами сравнительно узкого круга людей, вовлеченных в борьбу за места у власти, продолжалась та же, мало менявшаяся жизнь. В очередной раз был предпринят поход в Малую Азию. Очередной тур борьбы за обладание Кипром окончился, видимо, в пользу Византии, так как киприотам, желавшим переселиться в Сирию (т.е. мусульманам), было предложено сесть на суда, подошедшие к острову, и многие воспользовались этой возможностью[14].

В Хорасане покой и порядок нарушил один из Алидов, Йахйа б. Зайд б. Али б. Хусайн. За антиумайййадскую пропаганду он был арестован Насром б. Саййаром, но освобожден по приказу ал-Валида. Наср постарался удалить его из Хорасана, где было немало шиитов разных направлений, и отправил его в Дамаск, выдав на дорогу 2000 дирхемов и двух мулов. Йахйа доехал до Серахса и там задержался. Наср приказал амирам округов, расположенных на главной почтовой дороге, не

давать ему останавливаться и следить за ним. По дороге к Йахйе присоединились его почитатели, и в Байхаке, на границе подвластной Насру территории, у него собралось 70 человек. Чтобы превратить эту группу в подвижный боевой отряд, нужны были кони, и он отобрал их у какого-то каравана. Это был уже прямой вызов Насру. Наср приказал наместнику Нишапура нагнать и наказать мятежника, который направился на восток. Амр б. Зурара настиг его где-то в области Мерверруда, но потерпел поражение и погиб в бою. Другой отряд, посланный Насром из Мерва, настиг Йахйу, направлявшегося к Балху, в Джузджане и разгромил его. Йахйа погиб в этом бою, голову его Наср отправил вместе с победным донесением Йусуфу б. Умару, а тот, видимо, отослал ее ал-Валиду. Полюбовавшись на голову уничтоженного врага Умаййадов, он распорядился, чтобы Йусуф сжег ее, а обгоревшие остатки бросил в Евфрат[15].

Некоторое время при ал-Валиде находился бывший наместник Ирака Халид б. Абдаллах ал-Касри, впавший затем в немилость, по одной версии за то, что отказался присягать сыновьям ал-Валида, а по другой — из-за того, что, оберегая ал-Валида от опасности, которая могла его подстерегать в пути, отговорил от хаджжа, сказав, что хаджж в этом году отсрочен; ал-Валид разгневался, что это сделано без его ведома, и арестовал Халида[16]. Из последнего, полуанекдотического, рассказа мы узнаем, что уже к лету в среде куда‘итов возник заговор с целью убийства халифа.

Лояльность Йусуфа б. Умара не избавила его от неприятностей. Ал-Валиду захотелось назначить на доходное место другого своего дядю, сместив Йусуфа. Ему было приказано явиться с дарами к халифу. Предупрежденный одним из придворных, он согласился выкупить долг, числившийся уже пять лет за Халидом б. Абдаллахом, и гарантировать уплату 50 млн. дирхемов, сохранив свой пост. Халида он увез с собой, пытками выколачивая деньги. Получил ли он хоть что-то, не сообщается, известно только, что Халид умер от пытки, когда на грудь ему положили какую-то «зубчатку» (*мидраса*), в мухарраме 126/25.X.–23.XI.743 г.[17].

В конце лета 743 г. группа руководителей аббасидской пропаганды из Хорасана, среди которых были Сулайман б. Касир, Малик б. ал-Хайсам, Кахтаба б. Шабиб и, возможно, Букайр б. Махан, прикрываясь, как обычно, паломничеством в Мекку, посетили главу Аббасидов Мухаммада б. Али в Хумайме, привезли ему 200 000 дирхемов, собранных как *садака* его сторонниками, и подарки, получив от него необходимые наставления. Букайр задержался у него, присутствовал при его кончине в начале зу-л-ка‘да (конец августа) и передаче имамата его сыну, Ибрахиму б. Мухаммаду.

Конец 743 г. не был отмечен политическими событиями, зато дала о себе знать природа, наслав зимние холода, ливни, попортившие каналы в Джазире[18], и, наконец, чуму, спутницу голодных лет. Спасаясь от нее, состоятельные горожане покидали города, покинули их и арабские амиры, располагавшие, как мы видели, прекрасными имениями с дворцами в сирийских степях.

Амир Дамаска уехал в Катану, ал-Аббас, старший сын ал-Валида I, перебрался из Химса в Кастал, а ал-Валид II наслаждался весенним солнцем и воздухом в любимом ал-Азраке, где каким-то способом изгонял боли из руки с помощью молока. Жизнь была прекрасна: днем верховые прогулки по цветущей степи и охота, вечерами — упоение музыкой, пением и вином.

Но в благорастворении весенней пасторали, в разбросанных по весенней благодати многочисленных кочевнических и некочевнических шатрах формировался заговор против халифа.

Инициатором его стал не кто-то из сыновей и других близких родственников Хишама, ущемленных ал-Валидом, а сын ал-Валида I, Йазид. Он не был обездолен ал-Валидом II и по старшинству не мог претендовать на власть, когда имелся родной брат старше него: им двигала ненависть к образу жизни ал-Валида. В отличие от него он был благочестив, вечерами предавался не музыке, а молитвам и разделял идеи ранних му‘тазилитов (кадаритов) о свободе воли и ответственности человека за свои поступки. Отсюда следовал и принцип «наставлять на благое и препятствовать предосудительному» (*амр би-л-ма‘руф ва нахй ан ал-мункар*). Ал-Валид нес зло, и его надо было остановить.

Неизвестно, какие страсти рассказывал Йазид, разъезжая по степным соседям из своей ставки около Кастала. Вряд ли пристрастие халифа к вину особенно возмущало сирийских арабов, нужны были более страшные обвинения в безбожии и богохульстве. Не тогда ли появился рассказ о том, что пьяный ал-Валид прострелил Коран, да еще сочинил издевательское двустишие:

Грозишь тому, кто противостоит,
Вот, я такой, кто противостоит.
И встретив Господа, ты в день Страшного суда
Скажи Аллаху: «Меня поранил ал-Валид»[19].

При этом добавлялось, что вскоре после произнесения этих стихов ал-Валид был убит. Причина и следствие оказывались тесно увязанными.

Достоверность этого рассказа более чем сомнительна, неясно только, использовался такой рассказ в агитации Йазида или появился позже, как сочный мазок, дополняющий портрет разгульного и грешного халифа. Во всяком случае, у Халифы, ат-Табари и ал-Йа‘куби этот

рассказ отсутствует, и никто из врагов ал-Валида такое страшное богохульство ему не вменяет.

Йазида слушали, но не рвались в бой свергать халифа, обладателя законной власти, имевшего возможность направить против мятежников многочисленное войско. Ему посоветовали заручиться поддержкой ал-Аббаса, авторитет которого обеспечил бы приток сторонников и успех движения. Йазид обратился к ал-Аббасу и получил отповедь[20]. Это не охладило пыл Йазида, продолжавшего свою агитацию.

Это не могло остаться в совершенном секрете. Слухи дошли до окружения ал-Валида и ему доложили о происходящем, но он не придал этому значения. Зато это обеспокоило наместника северных провинций Марвана б. Мухаммада, сидевшего в Мосуле. Он написал своему двоюродному брату Са‘иду в Дамаск, прося успокоить это брожение умов своим авторитетом (Са‘ид славился праведным образом жизни и был признанным знатоком хадисов). Тот тоже проявлял озабоченность, но ограничился пересылкой письма Марвана ал-Аббасу[21].

Между тем, действуя вопреки предостережениям ал-Аббаса, Йазид приобрел сторонников в Дамаске и решился на рискованный шаг — захватить столицу. Он отправился в Дамаск в сопровождении спутников. Скромная группа путников на ослах не привлекла ничьего внимания и через четыре дня, дождливым вечером пятницы 9 апреля Йазид благополучно въехал в Дамаск[22]. Проехал через него в Меззу, где склонил на свою сторону главу жителей этого города, и так же беспрепятственно возвратился в Дамаск.

Губернатор Дамаска Абдалмалик б. Мухаммад, внук ал-Хаджжаджа, уехал от чумы в Катану, оставив город на попечение сына и начальника полиции. Время было ночное, начальник полиции под хмельком готовился спать и отмахнулся от сообщения, что в городе появился мятежный Йазид. Йазид с дюжиной сопровождающих вошли в ворота Фарадис, прошли в мечеть и вместе со всеми совершили вечернюю или ночную молитву, а когда все, кроме сторожа, оставили мечеть, взяли сторожа с собой и направились к дворцу. По дороге отряд постепенно увеличивался: у Ослиного рынка к нему присоединилось 40 человек, а у Пшеничного рынка в нем уже насчитывалось более 200 сторонников. Они подошли к двери дворца, требуя впустить посланца ал-Валида. Слуга открыл ворота, мятежники ворвались к Абу Адже и схватили его пьяного. Дальше уже не было никаких затруднений. Была захвачена казна и арестован начальник почты, к ничего не подозревавшему Абдалмалику б. Мухаммаду в Катану за 20 км от Дамаска были посланы люди арестовать его. Городские ворота были заперты цепями, и въехать в город можно было только по паролю. В мечети хранилось много оружия, его роздали восставшим, а утром в Дамаск вошли пол-

торы тысячи[23] воинов из Меззы, затем через Восточные ворота к мечети подошли 300 воинов бану сакасик, племени из южноарабской группы, которое преследовал ал-Валид, а через Малые ворота — воины из Думы, Дейр Муррана и других окрестных селений.

Для ареста Абдалмалика б. Мухаммада из Меззы в Катану был послан отряд из 200 человек. Абдалмалик приготовился к обороне, но вскоре понял безвыходность положения и сдался под гарантию неприкосновенности. В замке были найдены две переметные сумы с динарами, доставшиеся победителям. Начальник отряда устоял перед настоянием своих воинов поделить эту добычу и доставил ее Йазиду. Эти 60 000 динаров позволили выплатить участникам восстания полное жалованье, а тем, кто не состоял в списках, выдать по 1000 динаров «вспомоществования» (*ма‘уна*). Тем же, кто изъявлял желание участвовать в походе на ал-Валида, были обещаны полторы тысячи, и на это откликнулись полторы тысячи человек.

Немедленный арест начальника почты привел к тому, что ал-Валид не смог получить официальное сообщение о захвате Дамаска. Слух об этом дошел до мавлы ал-Валида во время поездки по степи. Он примчался к халифу с этой важной новостью, но вместо благодарности получил от повелителя, разъяренного своей оплошностью и бессилием, сто ударов плетью. Тут же ал-Валид поручил Зийаду б. Абдаллаху, правнуку Му‘авии (больше известному под именем Абу Мухаммад ас-Суфйани), отправиться в Дамаск и узнать, что там происходит. Абу Мухаммад остановился в Занабе под Дамаском и, когда к нему прибыл посланец Йазида, присягнул ему.

В ал-Азраке тем временем решали, что предпринять. Совет перебраться в Химс и оттуда созвать войско для войны с мятежником ал-Валид отверг, как неприемлемый для халифа, на которого не напали, отверг он и совет обосноваться в хорошо укрепленном Тадмуре и остановил свой выбор на ал-Бахра, бывшей римско-византийской пограничной крепости в нескольких милях от Тадмура. Покидая ал-Азрак, ал-Валид затребовал подкрепление из Химса, и на подходе к ал-Бахра к нему присоединились 500 кавалеристов. Из-за нехватки фуража ал-Валид закупил на корню недозревшие хлеба, но кавалеристы сказали, что на таком корме кони ослабнут и потребовали деньги для закупки фуражного зерна[24]. За это время к нему успел прискакать перебежчик, предупредивший о приближении опасности. Против полутора тысяч воинов Абдал‘азиза ал-Валид располагал максимум семью-восьмью сотнями. Тем не менее он вывел их из крепости, расположил в боевом порядке, а сам сел на кресло у ворот, что по понятиям того времени означало уверенность в победе своего войска. Для подъема боевого духа каждому, кто принесет голову убитого врага, было обещано по 500 дирхемов.

Первое столкновение не принесло преимущества ни одной из сторон, войска разошлись, готовясь к новому бою. Ал-Валид потерял около 60 человек убитыми, но у него оставалась еще надежда на приход ал-Аббаса с подкреплением, хотя он не знал, что один из командиров дамаскинцев, Мансур б. Джумхур, перехватил гонца ал-Аббаса и узнал о его маршруте и времени прихода. Приход небольшого (не более 150 человек) отряда мавл ал-Аббаса без кавалерии имел скорее моральное, чем военное значение. Но Мансур лишил его и этой поддержки: высланный им конный отряд встретил ал-Аббаса и доставил его под своим эскортом в лагерь Абдал'азиза[25]. Присягнул ал-Аббас Йазиду сразу, или нет, но глашатай возгласил, обращаясь к воинам ал-Валида: «Кто приедет к ал-Аббасу ибн ал-Валиду, тот помилован. А он — между ними и вами»[26]. Появление знамени ал-Аббаса в стане врагов и его объявление сломили боевой дух воинов ал-Валида: одни бросились сдаваться, другие побежали в крепость. Ал-Валид потребовал коня и сам вступил в бой, но это уже не могло спасти положение. Осыпаемый градом камней под крики: «Убейте врага Аллаха, как убили людей племени Лота»[27], он отступил в крепость. Все стало ясно, и ал-Валид приготовился достойно встретить смерть, сказав: «День, как день [убиения] Усмана», взял Коран и стал его демонстративно читать, затем вышел во двор с мечом на перевязи в ножнах. В это время осаждающие принесли лестницы и полезли через стену. Первый из перелезших сказал: «Обнажай меч». На что ал-Валид будто бы ответил: «Если бы я хотел меча, то дело между нами было бы другим». Йазид б. Анбаса хотел взять его за руку, чтобы объявить своим пленником, но тут подскочил еще десяток перелезших через стену, один из них ударил ал-Валида мечом по лицу, тот упал, ему тут же отрубили голову, а заодно и кисть левой руки. В толпе слуг и домочадцев нашли двух сыновей ал-Валида, объявленных наследниками, и забрали в плен. Гонец с главным трофеем, головой убитого халифа, помчался во весь опор в Дамаск. Ал-Валид был убит в четверг 16 апреля, а уже в пятницу[28], самое большее через 50 часов, гонец одолел 230 км от ал-Бахра.

Убедительное доказательство победы заставило дамаскинцев, в массе холодно встретивших мятеж Йазида, смириться со свершившимся. Йазид хотел выставить голову на копье на стене мечети, но остальные Умаййады воспротивились — на такое позорище выставляли головы хариджитов, а это все-таки был законный халиф и к тому же родственник. Мятежником и преступником был сам Йазид, впервые за столетнюю историю Халифата убивший предшественника. Об этом ему не говорили, но так думали многие.

Позже в Дамаск доставили пленных сыновей ал-Валида и поместили как почетных пленников во дворце ал-Хадра[29].

1 раджаба/19 апреля, в воскресенье[30], Йазид выступил с речью, в которой объяснял причины мятежа и давал обещания на будущее: «О люди! Я восстал не из-за злости и не из-за неблагодарности, и не из-за стремления к [благам] этого мира, и не из-за жажды власти, и нет у меня желания прославиться, а из-за угнетенности моей души тем, что Господь мой не помилует меня. И восстал я, ревнуя об Аллахе и его посланнике, — да благославит его Аллах и да приветствует, — и религии его, призывая к Аллаху и Книге его и сунне его пророка — да благословит его Аллах и да приветствует. А когда разрушились путеводные знаки правильного пути и погас свет праведников, и появился разрешивший все запретное и грешащий всякими новшествами, притом что он, клянусь Аллахом, не верил Книге и не был убежден в Дне Расчета. А ведь он сын моего дяди по родству и равный мне по происхождению. И когда я увидел это, осведомился у Аллаха о его дяде и спросил Его, не поручит ли он мне [это]. И призвал я тех, кто откликнулся на мой призыв из моей области, и старался я, пока Аллах не освободил рабов [Своих] и страну от него мощью и силой Аллаха, а не моей мощью и силой.

О люди! Для вас на мне лежит обязательство не класть камень на камень и сырцовый кирпич на кирпич, и не проводить каналов, и не накапливать деньги, и не дам их жене и ребенку[31], и не буду перемещать деньги из одной области в другую область для ее защиты…

…И будет у меня для вас каждый год жалованье и пайки каждый месяц, чтобы изобиловало пропитание у мусульман, и были бы отдаленнейшие из них как ближайшие»[32].

При общей пропагандистской направленности речи Йазид мог искренне верить, что устранение нечестивого разгульного халифа и добрая воля сменившего его праведного имама могут решить проблемы общества в том духе, как было заявлено в речи.

Йазид отличался от ал-Валида не только взглядом на жизнь, но и происхождением: у ал-Валида оба родителя были арабами, а у Йазида мать была иранкой, внучкой Йездигерда III, захваченной во время одного из походов Кутайбы. Такое происхождение не было унизительным, и Йазид гордился им, о чем заявил в стихотворной форме:

Отец мой — Хосрой и отец мой — Марван,
Мой дед — император и дед мой — хакан[33].

Трудно сказать, как происхождение матери могло повлиять на формирование мировоззрения, несколько отличающегося от мировоззрения Умаййадов чисто арабского происхождения. Пока это загадка для

историков, так как внутренняя жизнь человека не заслуживала в то время фиксации. Мы знаем, что потомки иноверцев, принявших ислам, сыграли большую роль в развитии идеологии этой религии, но что здесь было свойством индивидуального сознания, а что каким-то образом закладывалось неосознанным способом семейным воспитанием — понять нельзя.

Йазид был не просто благочестив, а разделял идеи, чуждые большинству арабов-мусульман, идеи ранних му‘тазилитов или мурджи‘итов о свободе воли человека и ответственности его за свои поступки и, как свидетельствует ал-Мас‘уди, был сторонником принципа «поведения должного и пресечения осуждаемого» (*амр би-л-ма‘руф ва нахй ан ал-мункар*)[34]. В этом отношении на него мог повлиять Гайлан б. Марван, и современники нередко называли его кадаритом, вкладывая в это определенный смысл — «еретик». Так что Йазид в глазах многих был совсем не лучше ал-Валида с его понятными человеческими слабостями.

Одним из его первых важных решений было смещение Йусуфа б. Умара, запятнавшего себя умерщвлением под пытками в застенке двух сыновей Хишама. Вместо него управлять востоком Халифата был назначен Мансур б. Джумхур ал-Амири, которого характеризовали как грубого бедуина и плохого мусульманина, но у него в глазах Йазида было два достоинства: враждебность к ал-Валиду и следование учению Гайлана[35]. Узнав об этом, Йусуф заметался. Сначала он арестовал йеменитов из своего окружения и попытался найти опору у мударитов: поддержки у них не получил и освободил йеменцев. Командиры заслонов, выставленных им на дороге из Сирии, не смогли или не захотели задержать людей, посланных Мансуром для ареста правителей крупнейших городов Ирака. Командиры сирийцев, стоявших в Хире, подчинились приказу нового наместника. По прибытии в конце апреля — начале мая[36] Мансура с небольшим эскортом Йусуф укрылся в доме одного из приближенных, нашедшего ему проводника через Сирийскую пустыню. Йусуф скрывался некоторое время в Сирии, затем перебрался в Заиорданье. О нем донесли, он пытался укрыться от отряда, присланного для ареста, в женской одежде среди жен и дочерей, но был опознан и увезен под стражей в Дамаск[37].

Мансур выплатил жалованье воинам, освободил арестованных, среди которых был Амр б. Мухаммад б. ал-Касим, наместник Синда и сын его завоевателя. Мансур отправил его в Синд, сменил наместника Сиджистана, но не тронул Насра б. Саййара[38].

Совершенно безболезненно прошла и смена наместника Хиджаза, которым управлял дядя ал-Валида по матери. Но это не значило, что приход нового халифа встретили с одобрением. Для очень многих он был

первым халифом, расчистившим себе путь к власти убийством предшественника — ведь ни Усман, ни Али, ни Му‘авийа не были повинны в смерти предыдущего правителя. Вдобавок ко всему Йазид отменил прибавку к жалованью, сделанную ал-Валидом; это не прибавило ему симпатии, а только добавило к имени прозвище «Убавитель» (ан-Накис)[39].

Весть об убиении ал-Валида возмутила жителей Химса. Они провели траурную церемонию с оплакиванием убиенного и заговорили о мести за него. Первой жертвой негодования химсцев стал ал-Аббас б. ал-Валид, ставший на сторону новой власти. Недовольные напали на его дом, разгромили его и ограбили, ограбив даже женщин, что считалось верхом наглости. Сыновей ал-Аббаса арестовали, а самого с позором изгнали из города, и он уехал к Йазиду в Дамаск[40]. Химсцы стали рассылать в другие города и округа письма не признавать власти Йазида, признать халифом того из детей ал-Валида, кто еще жив, а если никого нет — выбрать из своей среды лучшего, и чтобы жалованье платили за целый год (а не только за время нахождения в походе). Подобное послание получил и Марван б. Абдаллах б. Абдалмалик, наместник Химса, назначенный еще ал-Валидом. Он одобрил его содержание, но остался в стороне от движения. Возглавили его Му‘авийа б. Йазид б. Хусайн, ас-Саммит б. Сабит и Абу Мухаммад ас-Суфйани, недавно предавший ал-Валида.

Узнав о мятежных замыслах химсцев, Йазид отправил им послание, в котором, как и в тронной речи, утверждал, что не претендует на власть для себя и готов советоваться с ними. Представитель горожан заявил посланцу, что они желают халифом сына ал-Валида. Разгневанный посланец схватил его за бороду и закричал: «Чего захотел! Воистину, ты ошибаешься, и разум твой тебя покинул! Ведь то, чего ты хочешь, так же недопустимо, как отдать сироте, находящемуся под опекой в твоем доме, его состояние»[41].

Понятно, что после этого ни о каких переговорах речи быть не могло, и обе стороны стали готовиться к более решительным действиям.

Йазид отправил отряд, состоявший из калбитского племени амир, к Хувварину, а еще два отряда разместил на перевалах к северу от Дамаска. Командовать всеми войсками был поставлен Сулайман б. Хишам, непримиримо настроенный против ал-Валида, который наказал его 100 ударами кнутом, заточил в Аммане и конфисковал все имущество. Йазид возвратил ему конфискованное и мог надеяться на его непримиримость к сторонникам ал-Валида. Сулайман с основными силами встал у Азра на главной дороге из Химса в Дамаск, в 29 км от него.

Химсцы также собрали свое ополчение и решили идти на Дамаск. Перед воинами выступил Марван б. Абдаллах. Он напомнил им, что они идут на святое дело, желая отомстить за убийство халифа, однако

в конце опрометчиво добавил, что следовало бы подождать, когда враги сами подставят шею под удар. Ас-Саммит крикнул: «Клянусь Аллахом, это — ближний враг в доме, который хочет погубить всех вас! Он — представитель кадаритов!» Ас-Саммит хотел разжечь этим вражду между главными своими соперниками, Марваном и Му‘авией б. Йазидом, но результат получился неожиданный: разъяренные воины набросились на Марвана, убили его и его сына и вздели их головы на копья.

Взбодренные таким образом воины отправились к Дамаску, возглавляемые Абу Мухаммадом ал-Суфйани. Сулайману было отправлено послание, по краткости достойное Юлия Цезаря: «Мы идем к тебе. Стой на своем месте». Они подошли к Азра и заняли удобную позицию, естественно прикрытую с трех сторон, с холмом в центре лагеря. Бой начали химсцы. Обе стороны то атаковали, то отступали под контратаками. Были и поединки, один из которых интересен тем, что в нем со стороны Сулаймана участвовал Ирак ас-Сугди «из сыновей царей Согда»[42].

Тем временем от Укабы с трехтысячным отрядом подошел Абдал‘азиз б. ал-Хаджжадж, и это изменило ход боя. Его воины ворвались в лагерь и, пробиваясь к холму в центре, убивали без пощады всех встречных. Побоище прекратил Йазид б. Халид б. Абдалмалик ал-Касри, напомнив, что убивают своих же. Беспощадность Сулаймана и Абдал‘азиза вызвала недовольство даже среди их воинов, и едва не произошло столкновение бану закван, поддержавших Сулаймана, с калбитами бану амир.

Абу Мухаммад ас-Суфйани и Йазид б. Халид, внук Йазида I, были взяты в плен. Их повели к Сулайману; увидев по дороге ат-Туфайла б. Харису ал-Калби, они закричали: «О дядя по матери! Заклинаем Аллахом и родством!». Туфайл пошел вместе с ними к Сулайману. Тот арестовал их, а бану амир выставили около них пост, чтобы не дать их казнить. Затем оба руководителя мятежа были перевезены в Дамаск и содержались под арестом вместе с детьми ал-Валида.

Химсцы принесли присягу Йазиду, он распорядился выплатить им жалованье и отправить в Химс; возвратиться туда было разрешено и нескольким знатным химсцам, в том числе Му‘авии б. Йазиду б. Хусайну (назначенному наместником Химса) и ас-Саммиту, но многим пришлось поехать в Дамаск и доказывать свою преданность при подавлении других мятежей[43].

Другим очагом противостояния Йазиду стали Палестина и Урдунн. Вожди палестинских арабов, Са‘ид б. Раух б. Зинба‘ и ад-Диб‘ан б. Раух, узнав о гибели ал-Валида, решили предупредить возможную в период междуцарствия междоусобицу и обратились к авторитетному

в Палестине умаййаду Зийаду б. Сулайману с предложением взять на себя управление Палестиной, а когда он согласился, предложили наместнику ал-Валида оставить свой пост. Новый правитель призвал палестинцев к войне с Йазидом, который, кстати, был его племянником. Арабы Урдунна последовали примеру палестинцев, отстранили своего наместника и попросили править округом Мухаммада б. Абдалмалика, бывшего в молодости наместником Египта, а теперь доживавшего свои дни на покое в Табарийи.

К этому времени Сулайман б. Хишам расправился с химсцами, и Йазид направил его на подавление мятежа в Палестине и Урдунне. С большим войском[44], в которое вошли и химсцы во главе с Абу Мухаммадом ас-Суфйани, Сулайман проделал недальний путь и остановился в ас-Санбаре.

На этот раз дело обошлось без кровопролития. Вожди палестинцев, не собиравшиеся мстить за ал-Валида и наученные горьким опытом химсцев, предпочли сразу же согласиться на переговоры. Посланец Сулаймана предложил сыновьям Рауха б. Зинба‘ власть в Палестине и деньги, и они согласились присягнуть Йазиду.

За умиротворение Урдунна взялся Мухаммад б. Са‘ид, начальник финансового ведомства, только что назначенный Йазидом. Получив от Сулаймана по распоряжению халифа 5000 воинов, он отправился к Табарийи, где собралось урдуннское войско. В плодородной долине Иордана севернее Тивериадского озера халифское войско рассеялось и стало грабить имения, оставленные без присмотра хозяевами, собравшимися в Табарийи. Мухаммад б. Са‘ид с частью войска пошел на Табарийу. Собравшиеся там воины обеспокоились судьбой своих имений и разохотились сражаться за Табарийу. Они напали на дома Йазида б. Сулаймана и Мухаммада б. Абдалмалика и разошлись, чтобы защищать свои имения. Сулайман переправился через озеро в Табарийу, провел там пятничную молитву и принял присягу; вскоре присяга была проведена и в Рамле[45]. Таким образом, Палестина в широком географическом смысле без боя прекратила свою фронду, скорее всего к концу мая. Однако положение в дальних провинциях оставалось неустойчивым.

Наместник Джазиры, назначенный ал-Валидом, покинул вверенную ему область, не дожидаясь смещения, как только узнал о смене власти, и уехал в Сирию. Провинция оказалась без твердой власти, и это активизировало хариджитов, выступивших в разных районах. Первым, в конце мая — начале июня, в районе Кафр Тусы (между Дара и Рас ал-Айном) выступил Са‘ид б. Бахдал. Собрав вокруг себя около двух сотен сторонников и объявив себя халифом, он ушел за Тигр, а затем 1 рамадана/17 июня появился под Мосулом. Здесь он встретился с другим хариджитским халифом, Абу Карбом, тот согласился, что Са‘ид выступил

раньше его, и признал его главенство. Теперь с пятью сотнями воинов Са‘ид осадил Мосул. Через несколько дней мосульцы предложили ему отступное, и он ушел в Шахразур[46], в горный Курдистан.

Это отступление, скорее всего, было связано с возвращением в Харран из летнего похода на Византию Абдалмалика, сына наместника Арминийи Марвана б. Мухаммада. Он восстановил в Джазире твердую власть, поручил управление ею Сулайману б. Абдаллаху б. Уласу и известил отца о положении дел, советуя скорее появиться в Джазире. Марван прежде всего позаботился об укреплении гарнизона Дербента, послал туда Исхака б. Муслима, главу кайситов, и главу йеменитов Сабита б. Ну‘айма ал-Джузами, йеменита из Палестины, с посланием к дербентцам и деньгами для выплаты жалованья. Непосредственно ведать делами Дербента с ними был послан палестинец же Хумайд б. Абдаллах ал-Лахми, пользовавшийся расположением дербентцев. Сабит возвратился к Марвану, объявившему поход для отмщения за убийство ал-Валида, и стал подговаривать вождей сирийцев и палестинцев, составляющих значительную часть войска Марвана, отделиться от него и разойтись по своим округам. В одну из ночей часть войска пошла за Сабитом и стала отдельным лагерем. Опасаясь ночного нападения, Марван до утра не снимал оружия, а наутро выстроил оба войска и спросил, что заставило их отколоться. Ему ответили, что прежде подчинялись ему по воле халифа, теперь он убит, сирийцы присягнули Йазиду, и они, избрав предводителем Сабита, возвращаются по домам. В ответ Марван обвинил их в том, что целью их является грабеж зиммиев и что он не остановится перед применением оружия. Решительность Марвана, и, несомненно, численный перевес верных ему джазирцев сыграли свою роль: отколовшиеся сирийцы присмирели, выдали Сабита и четырех его сыновей, их заковали в кандалы и повезли, как пленников.

Джазирцы, которых в войске было около 20 000, потребовали денег. Марван роздал им деньги и двинулся дальше. В Харране он получил от Йазида предложение присягнуть ему и назначение наместником Джазиры, Арминийи и Азарбайджана. Это, видимо, расширяло подвластную ему прежде территорию, он сразу забыл о мести, принял предложение и присягнул[47].

Далекий Хорасан встретил смену высшей власти без потрясений и противодействия, но обстановка там была неспокойной. Здесь обострилось соперничество между южными арабами (йеменитами), представленными в основном аздитами, и северными арабами, персонифицированное в борьбе вождя аздитов Джудайа б. Али ал-Кирмани с главой северных арабов и наместником Насром б. Саййаром. Враждебность этих группировок племен, зародившаяся в Хорасане в годы

второй гражданской войны, постоянно подогревалась различными столкновениями интересов, прежде всего из-за предпочтений, отдаваемых сменяющимися наместниками из разных групп. Было бы неверно видеть в этой враждебности только противостояние этих этнических групп: в разных ситуациях формировались различные коалиции и иногда бóльшую роль в этом играла принадлежность к тому или иному административно-племенному формированию, состоявшему из представителей разных племен (см. т. III, с. 296–297) и определявшему многие стороны повседневной жизни, чем довольно условная принадлежность к северной или южной группам[48].

В качестве конкретных причин в данном случае называют арест ал-Кирмани, невыплату жалованья части войска и грамоту наместника Ирака о назначении Насра наместником. Что из этого было первопричиной, сказать трудно, так как более или менее точно определяется только получение грамоты: она была подписана Абдаллахом б. Умаром, сыном халифа Умара II, назначенным в конце рамадана (в первой половине июля) вместо Мансура б. Джумхура, смещенного за грубость и притеснения.

Очень важный момент в обострении конфликта — арест ал-Кирмани, который в одном случае отнесен ко времени до назначения Насра, в другом — оказывается следствием враждебности ал-Кирмани, вызванной назначением Насра[49].

Наиболее вероятна такая последовательность событий: узнав о гибели ал-Валида, Наср раздал часть даров, собранных для ал-Валида, в счет жалованья. Видимо, при этом были обделены йемениты, которые подняли скандал в мечети, также требуя выплаты жалованья. Наср ответил на это резкой и уничижающей речью, отказавшись платить. Дело, скорее всего, происходило в конце мая (в середине ша‘бана 126 г. х.), а регулярное жалованье платили в мухарраме, была середина мусульманского года, формально Наср и не обязан был платить, обида заключалась в дискриминации: одни получили дополнительную выплату, а другие — нет.

Оскорбленные йемениты обратились к Джудайу с предложением стать их вождем. Джудай согласился. Неясно, какую роль в разжигании страстей играла грамота о назначении Насра, пришедшая от Абдаллаха б. Умара не ранее второй половины июля, т.е. через два месяца после возможного времени скандала из-за жалованья. Конечно, это назначение уязвляло самолюбие ал-Кирмани, но нельзя исключить того, что йемениты могли надеяться, что калбит Мансур сместит Насра, но вместо него был назначен нейтральный курайшит Абдаллах б. Умар.

Наср пытался смягчить опасную конфронтацию, напоминал ал-Кирмани о прежних благодеяниях, предлагал породниться через браки детей, но тот был непримирим.

Люди из североарабского окружения Насра рекомендовали ему самый простой и радикальный способ справиться с упрямцем — убить его, и даже предлагали взять на себя выполнение этого замысла. Наср отказывался от такой крайней меры и кончил тем, что заточил его в цитадели Мерва, а для успокоения йеменитов, опасавшихся, что с их вождем там могут тайно покончить, разрешил быть при нем троим его сторонникам.

Цитадель Мерва, известная в археологической литературе как Эрк-Кала[50], была сложена из кирпича и глинобитных блоков, и это облегчало побег ал-Кирмани. Его сторонники обнаружили старый подземный водосток, расширили его и на двадцать девятый день помогли ему выбраться наружу. Вдобавок к страхам, вызванным возможностью застрять под землей, ал-Кирмани натолкнулся на змею, которая обвилась вокруг него, но, к счастью, не укусила. После один из спасителей с облегчением пошутил: «Наверное, эта змея — аздитка». Под цитаделью ал-Кирмани ожидал человек с лошадью, на которой он доехал до селения, где жили аздиты, и объявил, что выступает против Насра. Его поддержали 3000 йеменитов[51]. Это была сила, вполне способная доставить Насру серьезные затруднения.

Тогда же в наместничестве Абдаллаха б. Умара появилась тень еще одного человека, способного нарушить спокойствие в Хорасане, — вождя хариджитов Хариса б. Сурайджа, много лет воевавшего вместе с тюрками против своих собратьев-мусульман. Обострение отношений с ал-Кирмани побудило Насра искать контактов с Харисом, за что Йазид сделал ему выговор. Вскоре, однако, мнение Йазида переменилось. Делегация хорасанских сторонников ал-Хариса, заручившись рекомендательным письмом от прославленного уже тогда правоведа Абу Ханифы, попала на прием к халифу и ходатайствовала о помиловании ал-Хариса. Их аргумент был неотразим: ты ради укрепления веры пошел на убийство двоюродного брата, но и ал-Харис боролся за то же самое. Йазиду нечего было возразить, и он написал Абдаллаху б. Умару об амнистии ал-Харису и приказал возвратить конфискованную у того собственность; далее это распоряжение было передано Насру. Реализовано это распоряжение было не сразу, наверняка шли еще какие-то переговоры, и ал-Харис вернулся в Мерв только через полгода[52].

СМЕРТЬ ЙАЗИДА
И ПЕРЕВОРОТ МАРВАНА б. МУХАММАДА

Власть Йазида III, достигнутая кровавой ценой, оказалась недолгой: в конце пятого месяца правления он тяжело заболел и в предчувствии смерти назначил преемником своего брата Ибрахима, а после него — Абдал‘азиза б. ал-Хаджжаджа б. Абдалмалика. Ибрахим

(как и Абдал'азиз) был сыном невольницы, и его не чисто арабское происхождение было заметно по светлым волосам и цвету лица с румянцем. Он отличался храбростью и удостоился лестного прозвища «Ибрахим — два клинка»[53], но, несмотря на это, его кандидатура вызвала неодобрение многих Умаййадов, возможно, именно из-за его происхождения. Начавшаяся после смерти Йазида междоусобица стерла из исторической памяти точную информацию об этом событии: неясно, была ли проведена присяга преемником при жизни Йазида или это произошло де-факто после смерти халифа, неясно, был ли оформлен письменный указ о наследовании власти, а главное, когда умер Йазид III и началось правление Ибрахима. Указывается пять дат: последний день зу-л-ка'да 127 г., первый день зу-л-хиджжи, после 10 зу-л-хиджжи, за десять ночей до конца этого месяца и в его последний день[54]. Этот разнобой не позволяет правильно понять хронологию последовавших бурных событий, разыгравшихся в различных областях.

Египет и Ирак, а затем и области к востоку от последнего принесли присягу Ибрахиму; наступал мухаррам, месяц выдачи жалованья, и Абдаллах б. Умар заплатил его с добавкой 100 дирхемов, подкрепляя законность прихода к власти нового халифа. Однако прежние противники Йазида снова подняли голову: химсцы отказались присягнуть Ибрахиму, не признал его и могущественный наместник Арминийи и Джазиры — Марван б. Мухаммад. На усмирение химсцев Ибрахим послал Абдал'азиза б. ал-Хадджаджа, но те, наученные горьким опытом, остались под защитой городских стен и заставили Абдал'азиза начать осаду хорошо укрепленного города. Тем временем Марван, находившийся в Харране, собрал свое войско, состоявшее из 24 000 кайситов и 7000 раби'итов[55], выплатил ему жалованье и привел к присяге сыновьям ал-Валида; после этого, послав одного из своих сыновей с большим отрядом в Ракку для защиты фланга, сам направился в Сирию.

Под Халебом или Киннасрином ему попытались преградить путь два сына Йазида, посланные Ибрахимом. Марван легко справился с этим заслоном и взял в плен командующих. По пути к Халебу к нему присоединилось еще 4–5 тыс. кайситов. Приближение такой большой армии заставило Абдал'азиза снять осаду с Химса, его жители присягнули сыновьям ал-Валида и присоединились к Марвану, продолжившему марш на Дамаск.

Ибрахим собрал все свои силы и направил против Марвана столь же многочисленное войско под командованием Сулаймана б. Хишама[56]. Марван шел на Дамаск не прямой дорогой из Химса на Дамаск через Думайр, а через Баалбек. Оба войска встретились 1 ноября в 40 км

южнее Баалбека, у Айн Джарра (совр. Анджар), на противоположных берегах речки Нахр ал-Джарр. В сражении, длившемся до вечера, ни одна сторона не получила преимущества. Тогда Марван отправил 3000 конников в сопровождении рабочих с топорами в обход, к горам. Рабочие срубили деревья, навели мост через Нахр ал-Джарр, и этот отряд с тыла напал на лагерь Сулаймана, еще продолжавшего бой. Это неожиданное нападение обратило войско Сулаймана в паническое бегство. Химсцы, горя желанием отомстить за недавнее поражение, бросились преследовать и убивать бегущих, остальные воздержались от преследования: многие сдались в плен. Сулайман, Абдал'азиз, Йазид б. Халид б. Абдаллах ал-Касри и другие из окружения командующего поспешно покинули поле боя и к утру принесли Ибрахиму весть о гибели его войска. Ибрахим стал грузить на повозки свои ценности, а верхушка его окружения поручила Йазиду б. Халиду покончить с опасными заключенными, прежде всего с сыновьями ал-Валида. Он легко расправился с несчастными подростками, размозжив им головы палицей. С Абу Мухаммадом ас-Суфйани расправиться так же легко не удалось: он закрылся в своей камере, дверь не удалось взломать, ее решили поджечь, но слух о вступлении в город конницы Марвана обратил б. Халида и его людей в бегство[57]. Сулайман забрал, что было в казне, и бежал. Абдал'азиз б. Хаджжадж хотел увести семью и имущество, но мавлы ал-Валида напали на его дом, убили его и обезглавили, затем выкопали тело Йазида и распяли на воротах Баб ал-Джабийа[58].

Марван не слишком торопился вступить в столицу, только через четыре или пять дней после сражения подошел к ней, милостиво принял делегацию Умаййадов, просивших пощадить горожан, а затем вошел в город. По одной из версий рассказа об этих событиях, в Дамаске Марвану доставили тела убитых сыновей ал-Валида и принесли закованного ас-Суфйани, который впервые приветствовал его как халифа[59]. 25 ноября Марван принял присягу как халиф[60]. Вскоре к нему с изъявлением покорности и с отказом от сана халифа явился Ибрахим, он был помилован, для жительства ему была указана Ракка, где он заведомо не мог надеяться на поддержку. Помилован был и Сулайман, из осторожности просивший об этом в письменной форме[61].

Добровольное отречение Ибрахима в пользу Марвана делало власть последнего вполне законной, по крайней мере для того подавляющего большинства мусульман, которые признавали законность власти Умаййадов. Это должно было бы обеспечить спокойное начало правления нового халифа. Однако ослабление центральной власти в предшествовавшие годы поощрило все оппозиционные силы и усилило внутренние трения в самом мусульманском обществе.

Все халифы, начиная с Абдалмалика, опирались на сирийских арабов, посылая их в провинции для подкрепления власти наместников, и за пределами Сирии, в чужом окружении они держались как единая сила, забывая о противоречиях между северными и южными группами, между йеменитами и кайситами. Марван лишился поддержки этой силы, придя в Сирию с армией, состоящей в основном из кайситов, что сразу настроило против него южноарабские племена Сирии.

Египет поначалу спокойно отнесся к новому халифу. Его наместник, назначенный еще Хишамом, Хафс б. ал-Валид ал-Хадрами, изъявил покорность и был оставлен на своем посту. Оба священных города также спокойно приняли новую власть и нового наместника, внука халифа Сулаймана. Однако месяца через два арабы Химса восстали против Марвана. Восстание вспыхнуло в самом сердце Сирии, в Химсе, являвшемся цитаделью южных арабов в этом районе [Пиотровский, 1970, 1]. Марван, возвращавшийся в Северную Месопотамию, в Харран, повернул назад и осадил Химс.

Вероятно, именно это обстоятельство побудило Марвана заменить Хафса б. ал-Валида на посту наместника Египта сирийцем (племенная принадлежность не указывается) Хассаном б. Атахийей, но это не успокоило, а наоборот, взбудоражило Египет. Хассан б. Атахийа прибыл в Египет 12 джумады 127/21.III.745 г., но пробыл в нем всего 16 дней. Хафс принял свою отставку спокойно, но войско решительно воспротивилось новому наместнику. Во время пятничной молитвы, т.е., скорее всего, 27 марта, один из руководителей недовольных обратился к присутствующим с речью, в которой призывал заодно свергнуть и Марвана, и нашелся только один человек, решившийся возразить ему. Обстановку подогрело прибытие посланца из осажденного Химса, жители которого призвали египтян последовать их примеру. Недовольные осадили резиденцию Хассана и предложили ему убираться из Египта, куда хочет. Перепуганный глава финансового ведомства, прибывший вместе с Хассаном, бежал, не дожидаясь расправы. Увидев безвыходность своего положения, Хассан подчинился требованиям недовольных, и 27 джумады II/6.IV покинул Египет.

Марвану, занятому делами Сирии и Ирака, было не до Египта. Укрепить там свою власть силой было невозможно, и он уступил египтянам, восстановив на прежнем посту Хафса, однако и его правление на этот раз оказалось непродолжительным. Через два месяца в Египет возвратился из Ифрикийи Ханзала б. Сафван, смещенный за неудачи в войне с берберами.

Еще более беспокойным оказался Ирак, где куфийцы всегда были готовы встать в оппозицию к центральной власти. Первое известие о событиях в Сирии принес в Ирак Исма'ил б. Абдаллах ал-Касри, бежавший после поражения Сулаймана. Решив воспользоваться неясной обстановкой, он подделал грамоту от имени Ибрахима о назначении его наместником Ирака и тайно сообщил об этом йеменитам Куфы, которые его поддержали. Абдаллах б. Умар узнал об этом и сразу же послал отряд для подавления мятежа. После первого же столкновения Исма'ил, струсив, что раскроется его подделка, с хорошей миной при плохой игре призвал поверивших ему людей прекратить сопротивление, чтобы не проливать кровь собратьев, поскольку Ибрахим бежал и власть принадлежит Марвану.

Эта новость породила шатания среди куфийцев. Абдаллах б. Умар, законность власти которого теперь находилась под сомнением, поспешил выдать жалованье (внеочередное?) мударитам и раби'итам, но обошел двух влиятельных людей, что чуть не привело к вооруженному столкновению. В этой неопределенной ситуации шииты вспомнили об Абдаллахе б. Му'авийи б. Абдаллахе, правнуке Джа'фара, родного брата Али, приехавшем в Куфу с двумя братьями искать материальной поддержки у Абдаллаха б. Умара, и побудили его как человека, имеющего больше права на власть, чем Умаййады, объявить себя халифом. Ибн Му'авийа согласился, собравшиеся шииты привели его во дворец, а затем присягнули ему в соборной мечети. Среди присягнувших были Мансур б. Джумхур, один из вождей раби'итов Умар б. ал-Гадбан и Исма'ил б. Халид ал-Касри и сирийцы, находившиеся в Куфе. К Абдаллаху б. Му'авийи стали прибывать для присяги люди из ан-Нила и ал-Мадаина. Через несколько дней, уверившись в своих силах, Абдаллах б. Му'авийа повел своих сторонников на Хиру, где располагался Абдаллах б. Умар. В завязавшемся сражении Абдаллах б. Му'авийа потерпел поражение, отступил в Куфу, несколько дней держал оборону во дворце, а затем Умар б. Гадбан выторговал у Абдаллаха б. Умара помилование для своих раби'итов и всех остальных повстанцев с условием, что Абдаллах б. Му'авийа со всеми своими сторонниками покинет Куфу и беспрепятственно уйдет, куда захочет. Ибн Му'авийа направился в район Хамадана[62].

Изгнание Абдаллаха б. Му'авийи из Ирака не помогло установлению единства в его столице. Абдаллах б. Умар, остававшийся наместником и при Марване, сидел в Хире, опираясь на йеменитов и сирийцев, а Куфа находилась в руках ан-Надра б. Са'ида ал-Хараши, возглавлявшего северных арабов, и между их сторонниками нередко происходили вооруженные столкновения[63].

Гораздо опаснее, чем вспыхивающие и столь же быстро бросающие своих вождей и кумиров куфийцы, были сравнительно немногочисленные, но хорошо организованные, отчаянно и умело сражавшиеся отряды неистребимых хариджитов. Их тылом были предгорья Загроса, в которые уходили остатки разгромленных отрядов.

В последние годы этот район находился под контролем Са'ида б. Бахдала. В 744/745 г. отряд Са'ида б. Бахдала укрывался в Шахразуре (район современной Сулеймании). Серьезно заболев, Са'ид в предчувствии смерти в соответствии с хариджитским учением провел выборы нового главы общины. Сначала были выдвинуты десять выборщиков, которые выбрали из своего состава четверых, а уже те назвали имя преемника — ад-Даххака б. Кайсу. Новый вождь хариджитов оказался энергичнее предшественника. Возможно, его успехи определялись не только личными качествами, но и тем, что центральная власть утратила контроль над Ираком, где установилось двоевластие. Марван назначил наместником этой провинции главу кайситов ан-Надра б. Са'ида ал-Хараши вместо Абдаллаха б. Умара б. Абдал'азиза, опиравшегося на южных арабов. Абдаллах б. Умар отказался сложить полномочия. Образовалось два центра: ан-Надр был в Куфе, а Абдаллах б. Умар — в Хире. Кроме того, в распоряжении Ибн Умара было еще значительное число сирийцев[64]. Крупных столкновений между соперниками не происходило, но такое положение долго продолжаться не могло.

Ад-Даххак воспользовался удобным моментом и послал отряд к Тикриту. Этот важный центр на полдороги между Мадаином и Мосулом был захвачен без труда; другой отряд был направлен к Мадаину. Ибн Умар и ан-Надр перед лицом общей опасности примирились и согласились действовать сообща, но объединенного командования не появилось. Договориться об этом они не смогли. Заслон, высланный Ибн Умаром, столкнулся с хариджитами на канале Нахраване, у селения Хаулайа, был разгромлен, командир — убит, и остатки отряда бежали в Мадаин. Для защиты этого важного центра Ибн Умар послал дополнительные силы под командованием ал-Асбага б. Зуалы. Тот вошел в город, но когда к нему подступили оба отряда, из Хаулайа и из Тикрита, решил не вступать в бой, а оставить Ктесифон, переправиться через Тигр и разрушить за собой мост. Вслед за передовыми отрядами к Куфе подошел и сам ад-Даххак с тремя или четырьмя тысячами воинов и расположился в Дейр ас-Са'алиба[65], монастыре в округе Нахр Иса[66], западнее или юго-западнее Багдада, из чего следует, что он шел несколько иным путем, чем передовая часть войска.

Даже теперь, когда хариджиты подошли вплотную к Куфе, Ибн Умар и ан-Надр не пожелали выступить совместно против общего врага: первый с йеменитами и сирийцами стоял в Хире, второй с му-

даритами — в Куфе. Несколько вариантов сообщений о столкновениях под Куфой, собранных ат-Табари, не дают ясной картины происходившего, поэтому приходится ограничиться констатацией того, что до подхода ад-Даххака с основными силами, то по одну сторону моста через Евфрат, то по другую происходили мелкие столкновения. В среду 12 мая[67] к Куфе подошел ад-Даххак с тремя или четырьмя тысячами воинов, но даже и теперь Куфу прикрывали сирийские воины, окопавшиеся рвом. А куфийцы перекрыли входы улиц (Куфа не имела оборонительной стены). Передовой отряд хариджитов прорвался через ров, потерял 27 человек и отступил[68]. Ад-Даххак послал конницу, которая прорвалась через ров и обратила сирийцев в бегство. Хариджиты преследовали их до Куфы, а потом вернулись в свой лагерь. В четверг произошло серьезное столкновение[69], в котором погиб брат Абдаллаха б. Умара, а войско его бежало. На следующий день Ибн Умар отправил ал-Асбага б. Зуалу с 10 000 воинов, которые должны были сделать вид, что уходят в Сирию, обойти хариджитов и напасть на их лагерь сзади. Однако ад-Даххак узнал об этом, оставил часть войска в лагере, а с остальными неожиданно напал на Ибн Умара. Сражение продолжалось до ночи, а ночью часть сирийцев оставила Куфу и разошлась в разные стороны. Утром, обнаружив, что лишился единственной опоры в Куфе, Ибн Умар ушел из нее в Васит, а ан-Надр ушел из Куфы в Кадисийу, намереваясь степными дорогами пройти в Сирию. Наместник Куфы, назначенный ад-Даххаком, напал на него и был убит в бою.

Ад-Даххак торжественно вступил в Куфу в субботу. Его глашатай объявил, что никого не будут преследовать, а сирийцам будут предоставлены три дня, чтобы присоединиться к победителям или беспрепятственно уйти. В Куфе ад-Даххаку досталась вся казна и арсенал. Теперь он мог потягаться с самим халифом. Впрочем, сначала надо было добить Ибн Умара, что ад-Даххак попытался сделать. Можно предполагать, что это случилось в следующем месяце, шаввале, т.е. в июле[70].

Ад-Даххак был не единственным противником Марвана в Месопотамии, в Ираке восстал Сулайман б. Хишам. Когда Марван уходил из Русафы в Ракку, Сулайман попросил у него разрешения задержаться на несколько дней для улаживания каких-то дел. Марван разрешил. Вскоре к Русафе подошло войско из Сирии, шедшее вдогонку за Марваном. Было их будто бы около 10 000. Сулайман призвал их отречься от Марвана и выступить против него. Часть этих воинов признала Сулаймана халифом и последовала за ним. Кроме того, он обратился с тем же призывом к остальным сирийцам, и к нему будто бы прибыло много сторонников.

К этой части рассказа ат-Табари приходится относиться критически: от Русафы до Киркисийи менее 200 км, и Марван возвратился бы

к Сулайману (если только у Сулаймана не было с ними предварительной договоренности). В общем, в повествовании ат-Табари, несмотря на некоторую многословность, мало конкретного. Сообщается, что Марван приказал Йазиду б. Хубайре арестовать братьев Сулаймана и его мавл и идти в Васит, городок на Хабуре, в районе Киркисийи. Где был в это время сам Марван, не сообщается. На призыв Ибн Хубайры сдаться, засевшие в крепости ответили отказом, а когда Марван ушел из Джазиры, стали нападать на сторонников Марвана, грабить их и отбирать оружие. При известии об этом Марван возвратился. К этому времени крепость, видимо, стала центром сбора противников халифа, и собралось их немало. Они преградили путь авангарду Марвана и обратили его в бегство. Согласно рассказу ат-Табари, Марван прямо с марша атаковал противника, но тут же говорится, что сражение произошло «между двух лагерей»[71], значит, Марван успел стать лагерем.

Ход сражения не описывается, и неясно, руководил ли им Сулайман и где находился. Сражение окончилось полным разгромом сторонников Сулаймана: был убит его старший сын, Ибрахим. Победителям достался лагерь и много пленных. Начальник полиции приказал не приводить их в качестве добычи, а убивать. Всего будто бы погибло около 30 000 мятежников. Сулайман с остатками войска ушел в Химсу. Другая часть разгромленного войска укрылась в упоминавшейся крепости, заделав проемы в стене, сделанные Марваном. Им предложили сдаться, они ответили, что лучше умрут, но после обстрела камнеметами все-таки сдались. Марван отдал их в рабство жителям Ракки, разлучив семьи. Всего их было около 300 человек.

Сулайман воспользовался задержкой Марвана у этой безымянной крепости и объявился в Химсе, жители которого поддержали его выступление против Марвана, последовавшего за ним. На дальних подходах к городу, в горах ас-Саммах, Марвана встретили 900 всадников, бой с которыми шел от полудня до заката. Сражение с главными силами, несомненно, было ближе к городу, также закончилось победой Марвана. Сулайман и на этот раз избежал смерти или плена. Дорогой через степь, мимо Тадмура, он ушел в Ирак, чтобы найти поддержку у Ибн Умара[72]. Разгромив Сулаймана, Марван принялся за осаду Химса. Вероятно, это произошло незадолго до занятия Куфы хариджитами[73].

Ад-Даххак, подкрепленный переходом на его сторону части сирийцев, вскоре после завоевания Куфы в первый день рамадана (6 июня 745 г.) отправился добивать Абдаллаха б. Умара в Васите. В отличие от Куфы Васит имел оборонительную стену, и ад-Даххак не смог добиться быстрого успеха. Месяца через два стороны заключили соглашение, по которому за Ибн Умаром оставалась власть над областями от Васита до Фарса, а за ад-Даххаком признавалась власть над уже за-

воеванными землями. Сулайман, присягнув ад-Даххаку, присоединился к нему с 3000 своих сторонников[74]. Это демонстрирует, насколько далеко зашла деморализация общества, если представитель правящего рода счел возможным присягнуть идейному противнику рода.

До сих пор Абдаллах б. Умар б. Адал'азиз, назначенный Йазидом ал-Валидом, оставался наместником Ирака, но после его позорного соглашения с предводителем хариджитов Марван в зу-л-ка'да 127/24.VIII–2.X.745 г., уходя в Сирию, поручил Ирак Йазиду б. Умару б. Хубайре. Впрочем, Ирак ему еще предстояло завоевать.

Теперь ад-Даххак мог без опасений отправиться на завоевание Джазиры, тем более что его сторонники в Мосуле писали, что откроют ему ворота города. В зу-л-ка'да (августе) ад-Даххак с большим войском, в котором кроме его последователей были хариджиты (названные здесь *аш-шурат*)[75], как уже было сказано, и 3000 сторонников Сулаймана двинулись к Мосулу. Сообщению о том, что его армия насчитывала 120 000 человек, невозможно поверить; зная закономерности рождения преувеличений вполне можно говорить о 20 000.

Комендант Мосула, пытавшийся с небольшим отрядом преградить ему путь, был разгромлен и убит, а горожане, действительно, открыли ворота ад-Даххаку. Здесь стоит отметить любопытную деталь: комендант Мосула был из бану шайбан, как и ад-Даххак и многие его последователи, но они оказались в противоположных лагерях, что лишний раз доказывало, что далеко не все симпатии и антипатии в политических конфликтах той поры определялись племенной принадлежностью. Планы ад-Даххака явно не ограничивались овладением всей Месопотамией.

Вероятно, в это время ад-Даххак, опьяненный легкими победами, назначил наместником Арминийи одного из своих последователей, Мусафира б. Касира, мясника из Байлакана. Это могла быть просто присылка грамоты о подчинении человеку, уже добившемуся некоторых успехов в этой области. Утвердившись в Байлакане, ал-Мусафир с несколькими тысячами воинов пытался захватить Барда'а. Наместник Арминийи Асим б. Йазид вышел из города и стал лагерем на реке Тертер. Но один из жителей Барда'а ночью провел хариджитов к лагерю, и перед рассветом они напали на спящее войско. В этой ночной резне погиб и Асим. Остатки войска сын Асима увел в город. Хариджиты не пытались осадить город, а лишь пограбили поместья Асима и возвратились в Байлакан. Марван назначил новым наместником Арминийи и Азарбайджана Абдалмалика б. Муслима, прибывшего в Барда'а с пятитысячным отрядом. Его попытка расправиться с мятежниками закончилась неудачей: в двух днях пути от Барда'а по дороге к Байлакану в сражении с хариджитами он также был убит, но,

видимо, ни одна из сторон не получила перевеса, и оба войска вернулись в исходные пункты[76].

Узнав о захвате Мосула, Марван приказал своему сыну Абдаллаху, управлявшему Джазирой, укрепиться в Нисибине, чтобы прикрыть Руху (Эдессу) и Харран. Абдаллах оставил в Харране заместителя с 1000 воинов, а сам с семью или восемью тысячами воинов из пограничных гарнизонов (*рawaбита*) засел в Нисибине. Ад-Даххак осадил город, но в течение двух месяцев не мог его взять, а Абдаллах не имел достаточно сил, чтобы дать бой в поле. Все это время конные отряды хариджитов беспрепятственно грабили округу. Наконец ад-Даххак решил овладеть Раккой, которую обороняло 500 воинов. Против них был послан вдесятеро превосходивший их отряд. Но он столкнулся с Марваном, шедшим на помощь сыну, и был отброшен. Три десятка пленных, захваченных при этом, были демонстративно обезглавлены в Ракке. Из Ракки Марван прошел к Айн Варде (Рас ал-Айн), а оттуда — в Нисибину. В районе Кафр Тусы, в 70–80 км западнее Нисибина, его встретил ад-Даххак. Сражение было упорным и затянулось до темноты. На поле боя осталось 3000 убитых, из которых более половины составляли хариджиты; одних только аш-шурат погибло 800 человек. Убит был и ад-Даххак, но в темноте ни та, ни другая сторона не заметила этого сразу; только собравшись на ночь в лагере, хариджиты обнаружили, что потеряли вождя, узнали об этом и в стане Марвана. Наутро Марван прибег к проверенному средству морального разложения потрепанного боем противника: водрузил на поле боя «знамя помилования», придя к которому воины противника получают помилование. Пришел ли кто-то за помилованием, не сообщается. Зато известно, что хариджиты избрали новым вождем ал-Хайбари[77], и все, включая Сулаймана, присягнули ему.

По порядку изложения у средневековых авторов получается, что в тот же день ал-Хайбари возобновил сражение, хотя нужен был хотя бы один день для того, чтобы собрать и похоронить убитых. Начало нового сражения ознаменовалось успехом ал-Хайбари: с четырьмястами пятьюдесятью воинами из аш-шурат он прорвал строй центра войск Марвана и пробился к его ставке. Хариджиты повалили шатер Марвана, и ал-Хайбари воссел на него. Падение шатра и знамени командующего вызвало массовое бегство воинов центра. Бежал и сам Марван. Обычно разгром центра и бегство командующего вело к полному поражению. Однако на этот раз все повернулось иначе. Несмотря на разгром центра, фланги (правым из которых командовал сын Марвана Абдаллах) продолжали упорно сражаться, а воины ал-Хайбари рассеялись по захваченному лагерю. В это время начальник личной охраны Абдаллаха б. Марвана обратился к рабам с обещанием ос-

вобождения тем, кто пойдет за ним в бой. На этот призыв откликнулось три или четыре тысячи рабов. Это новоявленное подкрепление, хотя и плохо вооруженное, переломило ход сражения. Рассеявшееся войско ал-Хайбари не выдержало неожиданного удара, ал-Хайбари был убит и обезглавлен. К Марвану, успевшему отойти на 10–12 км, помчался гонец с вестью о победе. Узнав об этом, Марван возвратился в свой лагерь[78].

Второе подряд поражение не сломило противников Марвана. Они избрали новым вождем Шайбана б. Абдал‘азиза и были готовы к новым боям. Присягнул ему и Сулайман, сблизившийся с ним настолько, что женился на его сестре. Сулайман посоветовал Шайбану отойти к Мосулу, где можно было опереться на поддержку горожан. Шайбан предпочел не запираться в городе, а организовать лагерь на восточном берегу Тигра, соединившись с городом мостом. Последовавший за ним Марван тоже переправился через Тигр и стал лагерем выше течения. Когда началось это стояние под Мосулом и сколько оно длилось, установить не удается. Отдельные столкновения, иногда довольно значительные, не приносили перевеса ни одной из сторон.

Исход затянувшихся боев за Мосул был определен событиями в центре Ирака. Йазид б. Умар б. Хубайра, назначенный наместником Ирака еще до гибели ад-Даххака и сидевший в Киркисийи, получил приказ отвоевать Куфу, и с присланными ему 7000 воинов двинулся вниз по Евфрату. Соотнести это с каким-то этапом боев в Джазире не представляется возможным, скорее всего, все-таки это произошло после гибели ад-Даххака.

Узнав о движении Ибн Хубайры, наместник ад-Даххака в Куфе ал-Мусанна выслал ему навстречу Мансура б. Джамхура, который встал со своими воинами в ал-Анбаре. Ибн Хубайра не стал пробиваться через этот заслон, а свернул направо, к Айн ат-Тамру. Мансур поспешил наперерез ему. В завязавшемся сражении Йазид одержал верх, и разгромленные хариджиты бежали в Куфу. Тогда сам ал-Мусанна б. Имран вышел навстречу Йазиду б. Хубайре. Сражение у ар-Ракки, уже неподалеку от Куфы, также закончилось победой Йазида. Ал-Мусанна был убит, а остатки войска, бежавшего в Куфу, ночью тайно покинули ее. Йазид не стал сразу же вступать в город, а остановился в ан-Нухайле.

Через некоторое время откуда-то с севера, возможно, из Мадаина, против Йазида выступил хариджит ибадитского толка Убайда б. Сазар ат-Таглиби. Йазид разгромил его авангард и, преследуя его, дошел до канала ас-Сарат и разрушил мост через него, чтобы преградить Убайде путь в низовья Междуречья, в Каскар, а сам встал на канале. Примерно в то же время, когда Йазид б. Умар б. Хубайра выбивал хариджитов

из Куфы, в помощь ему за Тигром был послан четырехтысячный отряд, состоявший в основном из сирийцев, под командованием Амира б. Дубары. Первое столкновение с хариджитами, происшедшее на Тигре в районе ас-Синна, решилось не в его пользу, он вынужден был отступить, дождался подкрепления, переправился через Тигр и переломил ситуацию, преследуя хариджитов, отступавших на север[79].

Этот удар в тыл оказался для хариджитов, противостоявших Марвану под Мосулом, опаснее возможного генерального сражения с основной армией халифа. Сулайман б. Хишам посоветовал Шайбану уходить из-под Мосула, чтобы не оказаться между двух огней. В одну из ночей их войско, оставив на месте палатки и громоздкое имущество, налегке покинуло лагерь. Утром марванцы не сразу поняли, что противник ушел у них из-под носа. Мосульцы, брошенные союзниками, развели мост, чтобы обезопасить себя от неожиданного нападения, вступили в переговоры с Марваном, подошедшим к городу с запада, получили помилование и сдали город[80].

Все эти события, важные для судьбы Халифата, происходили в течение 128 г. х., окончившегося 21 сентября 746 г., но даже и в определении года средневековые авторы расходятся[81]. Логика вроде бы подсказывает, что при общей обстановке напряженности Марван не мог слишком долго стоять под Мосулом.

Разгром хариджитов на Тигре у ас-Синна позволил Йазиду б. Умару б. Хубайре освободить Васит от своего непокорного предшественника, Абдаллаха б. Умара. Тот к этому времени растерял свой авторитет, и как только горожане узнали о приближении Ибн Хубайры, то восстали и заблокировали его в резиденции, заложив ее ворота кирпичом. Куфийцы вышли навстречу законному наместнику. Абдаллах б. Умар был вызволен из замурованного дворца и отправлен в Харран к Марвану, который заточил его в темницу. За ним последовал еще один Умаййад, Бишр б. Абдалмалик б. Бишр б. Марван, бывшего наместника Басры при Абдалмалике (см. т. III, с. 264, 271). Он встретил Ибн Хубайру и, обнажив меч, предложил войти в какую-то комнату (чтобы поселиться в ней?). Ибн Хубайра сообщил об этом халифу, и тот приказал казнить Бишра. Ибн Хубайра не захотел убивать родственника халифа и отослал его к Марвану в Харран, где тот также был заключен в темницу[82]. Тем временем Марван направил Амира б. Дубару добивать Шайбана, ушедшего в Шахразур. Шайбан, не вступая в сражение, ушел через горы в район Хамадана, а оттуда — через ал-Байда к Истахру, где нашел прибежище Абдаллах б. Му‘авийа. Эти два противника существующей власти не смогли договориться о совместных действиях против общего врага, и Шайбан ушел дальше на восток к Джируфту. Ибн Дубара разгромил Абдаллаха б. Му‘авийу. Войско Ибн

Му‘авийи, составленное из разнородных элементов: хариджитов, остатков сирийцев, пришедших с Сулайманом б. Хишамом, и, конечно, шиитов, — не выдержало удара тысячного отряда, посланного Амиром б. Дубарой, и бежало, оставив в руках победителей чуть ли не тысячу пленных. Абдаллах б. Му‘авийа ушел то ли в Сиджистан, то ли в Хорасан, а по другим сведениям, оказался в темнице в Харране, где собрались не по своей воле весьма знатные обитатели[83].

Прямых указаний на то, что Ибн Дубара первым делом разгромил Ибн Му‘авийу, а потом продолжил преследование Шайбана, в источниках не имеется, но вряд ли он мог продолжить преследовать Шайбана, оставив позади себя Ибн Му‘авийу. Пока Ибн Дубара задерживался у Истахра, Шайбан ушел на восток до Джируфта. Здесь и настиг его Ибн Дубара. Шайбан потерпел поражение и бежал, бросив лагерь со всем имуществом. Направился он то ли в Оман, где вскоре был убит, то ли в Сиджистан, где ждал его тот же конец. В любом случае в середине 129 г. х., т.е. к весне 747 г., этого опасного для Халифата врага не стало[84].

МЯТЕЖ И ГИБЕЛЬ АЛ-ХАРИСА б. СУРАЙДЖА

Описанная выше борьба за власть в Ираке, которая могла решительно изменить судьбу правящей династии, затмевала происходившее в отдаленных провинциях Халифата. Между тем и в них накапливалось немало взрывчатого материала. Не был исключением и Хорасан. Здесь главную опасность представлял спор из-за власти между наместником, Насром б. Саййаром, и вождем южноарабских племен Джудайем б. Али ал-Кирмани. Пока, без вмешательства извне, он имел локальный характер, не выходя за пределы Мервского оазиса, и обе стороны воздерживались от вооруженных столкновений. Но так не могло долго продолжаться.

За три ночи до конца джумады второй, в воскресенье 4 апреля 745 г. равновесие в Мерве нарушилось прибытием из тюркских земель хариджитского вождя ал-Хариса б. Сурайджа во главе отряда испытанных воинов; отряд был невелик, но легко мог стать ядром, вокруг которого концентрировались бы недовольные, до того стоявшие в стороне от конфликта двух мервских вождей.

Ал-Харис получил помилование и гарантию неприкосновенности от Йазида б. ал-Валида, но пока он неспешно двигался через Мавераннахр, расстановка сил в Халифате резко изменилась: Йазид б. ал-Валид умер, а его преемника сверг Марван б. Мухаммад. Известие о при-

сяге Марвану должно было в любом случае дойти до Мавераннахра не позднее середины декабря 744 г. или, уж если работа почты совсем разладилась, — к концу декабря. Во всяком случае, ал-Харис должен был знать, что идет навстречу неизвестности.

Наср б. Саййар поспешил расположить ал-Хариса к себе и встретил его, как дорогого гостя: поселил его во дворце бухар-худата, прислал ковры, подушки и другие предметы обихода, установил ему содержание в 56 дирхемов в день, что в три раза превышало жалованье, установленное Умаром б. ал-Хаттабом ближайшим сподвижникам пророка. Но ал-Харис все делил со своими соратниками и вел спартанский образ жизни. Даже когда Наср через свою жену послал ему соболью шубу, ал-Харис продал ее за 4000 динаров и разделил их между соратниками. Насру он заявил, что мирские блага его не прельщают, но если Наср пообещает следовать Корану и обычаю, то он будет сражаться на его стороне против лютых врагов, а если это пообещает кто-то другой, то будет на стороне того. Это означало, что ал-Харис может стать на сторону врагов Насра, несмотря на всю его щедрость. Наср не откликнулся на призыв хариджита, но и ал-Кирмани не поспешил приобрести союзника-хариджита. Все осталось в прежнем неопределенном положении.

Оставаясь нейтральным, ал-Харис приобретал новых сторонников. Его призывы к борьбе за справедливость в сочетании со спартанским образом жизни и славой храброго воина привлекали к нему многочисленных новых сторонников. Вскоре их уже насчитывалось около трех тысяч. Между тем ситуация в центре менялась. Через два месяца после прибытия ал-Хариса хариджиты захватили Куфу, а к концу лета превратили Абдаллаха б. Умара, отступившего в Васит, в своего вассала. Затем Марван назначил наместником Ирака Йазида б. Умара б. Хубайру. Весть об этом могла прийти в сентябре 745 г. Наср б. Саййар присягнул ему. Это нарушило шаткое равновесие, сохранявшееся в Хорасане. Новая ситуация обеспокоила ал-Хариса, поскольку гарантия безопасности, данная ему Йазидом б. ал-Валидом через Абдаллаха б. Умара, была необязательна для Марвана, и ал-Харис мог надеяться на то, что вскоре весь мусульманский мир будет завоеван хариджитами. Тогда ал-Харис предпринял решительный шаг: он покинул дворец бухар-худата, стал лагерем около него и начал открытую пропаганду своих идей.

Эта демонстрация непримиримости вызвала сильное беспокойство сторонников Насра. Целая делегация явилась к ал-Харису просить его не разрушать единство мусульман и не развязывать кровопролитную междоусобицу. Ал-Харис соглашался лишь на то, чтобы власть была поделена между ал-Кирмани и Насром: первый ведал бы граждански-

ми делами, второй — военными. Наср на это, конечно, не соглашался, хотя и был вынужден пойти на создание совета из своих представителей и представителей ал-Хариса для решения, каких достойных людей следует выбрать правителями Тохаристана и Самарканда. Соглашения, видимо, так и не удалось достичь. К этому добавился какой-то конфликт между тамимитами и кайситами, из-за которого Насру пришлось сместить с поста начальника полиции верного Салма б. Ахваза. Салм просил Насра разрешить ему убить ал-Хариса, но Наср не дал согласия на это, все еще надеясь соблазнить упорного соперника обещанием богатства. Этот расчет снова провалился: ал-Харис отказался и от поста наместника Мавераннахра с 300 000 дирхемов в придачу, и от возможности приумножить славу борца за веру в походе, который Наср сулил щедро обеспечить. А его устраивал только совет (*шура*). Теперь даже некоторые из окружения Насра видели выход из образовавшегося тупика в формировании совета, решение которого было бы обязательным для всех. Среди сторонников такого решения был и Мукатил б. Хаййан ан-Набати, представитель военной верхушки мавл Хорасана, которому Наср доверил переговоры с ал-Харисом, другие мавлы в окружении Насра начали прислушиваться к хариджитской пропаганде. Насру пришлось напомнить им о своих благодеяниях и о том, что он никогда их не унижал.

Мы не знаем, каким числом воинов располагал в это время Наср б. Саййар, похоже, что их было немного, если на помощь к нему пришлось прийти сторонникам из Бухары и Тохаристана. Напряжение нарастало. Ал-Харис разослал проповедников по хорасанской дороге читать в мечетях его воззвание. Это взорвало долго накапливавшееся напряжение. Взрыв произошел почти точно через год после прибытия ал-Хариса в Мерв, в последнюю неделю марта 746 г. Какой-то из проповедников ал-Хариса осмелел настолько, что стал читать воззвание у ворот дворца Насра в западном пригороде Мерва на канале Маджан. Наср послал людей, его прогнали и побили. В отместку ал-Харис в ночь на 27 марта 746 г. с полусотней приверженцев проник в город через пролом в стене у ворот Балин, который ему указал какой-то мясник из местных жителей. Пройдя по городу с кличем «О Победоносный» (один из эпитетов Аллаха) и забрав коней и оружие из дома Салма б. Ахваза, этот отряд вышел из ворот Ник[85] и подошел к лагерю успевшего окопаться Салма. По-видимому, отряд ал-Хариса, пройдя через город, пополнился людьми, так как говорится о нападении и на другой отряд Насра. Оба командира известили Насра о происходящем, и тот запретил им что-либо предпринимать до рассвета, что не удержало наиболее воинственно настроенных от индивидуальных стычек.

Несмотря на распоряжение Насра, отдельные забияки вступали в схватки с хариджитами и ночью, а с рассветом Салм б. Ахваз разогнал противостоявших ему хариджитов и через ворота Ник вошел в город. Серьезного сражения не было, происходили стычки небольших групп. Ал-Харис в утреннем бою не участвовал, на него напали, когда он молился в какой-то квартальной мечети. Его не преследовали, и, видимо, бой на этом прекратился. Наср не был заинтересован в убиении ал-Хариса, не желая увеличивать число своих и без того многочисленных противников.

Неудачная попытка ал-Хариса разрешить разногласия с Насром силой оружия изменила соотношение сил в Мерве, и ал-Кирмани откликнулся на предложение Насра возобновить переговоры. Они встретились в мечети, каждый с несколькими приближенными, и были настроены миролюбиво. Наср призывал к восстановлению единства, и ал-Кирмани согласился, что Наср наиболее подходящий человек для этого. Едва наметившееся согласие разрушил воинственно настроенный Салм б. Ахваз, обозвавший ал-Кирмани грубыми словами. Его пытались образумить, но он не унимался. Ал-Кирмани заподозрил, что ссора подстроена, чтобы убить его, несмотря на данную гарантию безопасности, приказал подать коня, сел на него тут же в мечети и уехал. Это ободрило ал-Хариса. Он заявил, что Наср не может возглавлять мусульман, и поехал искать поддержки у ал-Кирмани. Они нашли общий язык, вместе помолились, причем на молитве предстоял ал-Кирмани. После отъезда ал-Хариса приближенные советовали ал-Кирмани держаться в стороне и предоставить тем двоим уничтожить друг друга. Однако ал-Кирмани не послушался совета и завязался вооруженный конфликт, который погубил всех троих.

Первое столкновение приверженцев ал-Хариса с воинами Насра произошло между старым городом и западным пригородом, у ворот Майдана Йазида. Сторонники ал-Хариса потерпели поражение и бежали, тогда в дело вмешался ал-Кирмани, стоявший лагерем у ворот Масарджисан, в фарсахе от старого города. Он послал подкрепление ал-Харису, отступившему в старый город, а сам вступил в бой с воинами Насра, который свелся в основном к перестрелке. Следующий день прошел мирно. Сражение возобновилось в пятницу. Поначалу верх одерживали сторонники Насра и аздиты побежали, тогда ал-Кирмани лично возглавил контратаку. На этот раз отступить пришлось воинам Насра. Сын Насра Тамим был сбит с лошади, но противники не стали его добивать, а только захватили двух его коней. Раздались радостные крики, что сын Насра убит. Это еще больше расстроило ряды воинов Насра. Бой происходил у западной стены города, с которой их не только осыпали стрелами, но и поражали камнями из камнеме-

тов. Один из камней попал в шатер Насра, который тем не менее не стронулся с места. Изрядно помятый в бою, Салм б. Ахваз укрылся под мостом через канал Разик. Теперь пришла очередь Насра личным участием в бою исправить положение. Его выручил ал-Харис, вышедший из игры, будто бы из-за того, что бегство воинов ал-Кирмани было позорно. Ал-Харис и Наср вновь примирились, и Наср решил уехать из Мерва, предписав ал-Харису разбираться с ал-Кирмани без него.

Покидая Мерв, Наср оставил женскую половину своей семьи под защитой вчерашнего противника. Подождать развязку он решил в Нишапуре, где его приняли без восторга. Амир Нишапура осуждал его за разжигание межплеменной вражды, но после переговоров с посланцами Насра все-таки организовал подобающую встречу при подъезде к городу. Тем временем ал-Кирмани переместился в старый город и начал разрушать дома своих противников, что вызвало недовольство даже в его окружении. Не были довольны своим предводителем и приверженцы ал-Хариса, упрекавшие его за близость с ал-Кирмани и за то, что он борется не за светлые идеалы, а за личные интересы. Дело дошло до того, что в одном из селений Мервского оазиса, Харкане, некий Бишр б. Джурмуз ад-Дабби поднял восстание и отделился за это от него; к нему будто бы присоединилось четыре или пять тысяч человек.

Примирение в Мерве длилось не более месяца и кончилось тем, на что и рассчитывал Наср, — вооруженным столкновением его соперников. Конфликт между ними возник так же неожиданно и нелогично, как и все повороты во взаимоотношениях этих трех мервских предводителей. Поначалу Ал-Харис вместе с ал-Кирмани выступил против Бишра б. Джурмуза, однако после нескольких стычек решил уладить дело мирным путем. Предупредив об этом своего союзника, ал-Харис поехал к Бишру, а тот убедил его, что ал-Кирмани недостойный человек, и они объединились против него.

Противостояние приобрело тот же характер, что и противостояние Насра и ал-Кирмани: на одной стороне южные арабы и раби‘иты, на другой — мудариты. И все же не стоит думать, что разделение шло исключительно по племенной принадлежности: в войске ал-Кирмани были и мудариты, которые стали тайком перебегать к ал-Харису. Это, видимо, и заставило ал-Кирмани начать войну с ал-Харисом. Поначалу успех сопутствовал ал-Харису, и, воодушевившись, он вывел свое войско из укрепленного лагеря и приказал проломить городскую стену, чтобы добить противника в его собственном расположении. Это было роковой ошибкой: бой в стесненных условиях города обернулся против ал-Хариса. И он, и Бишр были убиты, а их войско разбежалось. Обезглавленное тело ал-Хариса было распято. Произошло это, по сведениям ат-Табари, за шесть [ночей] до конца раджаба, в воскресенье,

т.е. 22 апреля 746 г. (правда, этот день приходится на четверг), так что эту дату приходится принимать с оговоркой[86].

Оказавшись хозяином положения, ал-Кирмани насладился местью врагам. Он завладел собственностью Насра и тех, кто уехал с ним, пострадали и те мудариты, что остались в Мерве. Наср б. Саййар, несмотря на это, не вернулся в Мерв, а продолжал управлять Хорасаном и Мавераннахром из Нишапура. Вероятно, к этому периоду относится рассказ ат-Табари о трех столкновениях Салма б. Ахваза с войском Джудайа б. Али[87].

Ал-Кирмани не удовлетворился тем, что после гибели ал-Хариса стал полновластным хозяином Мерва, а решил распространить свою власть на всю долину Мургаба, захватив Мерверуд. На защиту последнего был послан Салм б. Ахваз во главе тамимитов. После трехдневного сражения, не давшего решительного преимущества ни одной из сторон, было заключено перемирие, по которому Салм размещался в самом городе, а ал-Кирмани — в каком-то селении под названием «Ворота Абдалкайса». Затем сюда подошел Наср б. Саййар. Столкновения в этом районе продолжались шесть месяцев, до начала зимы 746/747 г. Ал-Кирмани оказался в трудном положении, и его сын Али отправил из Мерва обоз с одеждой и снаряжением. По дороге на него напали тамимиты и захватили весь груз. Известие об этом настолько воодушевило тамимитов, оставшихся в районе Мерва, что они восстали под предводительством Арфаджи б. ал-Варда ас-Са‘ди, осадили Али б. ал-Кирмани и изгнали его из города. Это изменило расстановку сил. Ал-Кирмани пришлось смириться с возвращением Насра в Мерв и даже несколько дней пробыть там вместе с ним, затем он ночью уехал в верные ему аздитские селения. Предположительно это могло произойти в конце зимы 747 г.[88].

Предложенный выше порядок событий может быть оспорен во многих пунктах, так как у ат-Табари различные версии приводятся с нарушением хронологического порядка и противоречат друг другу, ни одна из них не согласуется с рассказом Халифы; «Аноним» во многих случаях приводит рассказы, почти точно совпадающие с ат-Табари, но, как мы увидим дальше, в целом порядок изложения событий нельзя признать удовлетворительным.

Ситуация в Мервском оазисе еще больше усложнилась с появлением в нем Абу Муслима.

Глава 6
ГИБЕЛЬ ДИНАСТИИ УМАЙЙАДОВ И КОНЕЦ АРАБСКОЙ ИМПЕРИИ

НАЧАЛО ОТКРЫТОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ УМАЙЙАДОВ

В конце 128 — начале 129 г. х. полномочным представителем аббасидского имама Ибрахима б. Мухаммада в Хорасане был уже упоминавшийся в предыдущей главе Абдаррахман б. Муслим. Перед этим ту же миссию выполнял Абу Салама Хафс б. Сулайман ал-Халлал, теперь же Абу Муслим действовал самостоятельно, пересылая свои сообщения имаму через Абу Саламу, руководившего пропагандой из Куфы. В его обязанность входила не только вербовка новых сторонников, но и сбор заката в пользу имама. Это был редкий случай, когда претендент на престол не тратился на пропаганду, а даже наживался, и неизвестно, что в данный момент было важнее для Ибрахима: деньги или туманная перспектива захвата власти.

Находясь в Мерве, Абу Муслим получил приказ Ибрахима прибыть к нему, чтобы рассказать о положении в Хорасане. Он выехал в середине джумады второй 129 г. х., т.е. 3 или 4 марта 747 г., в сопровождении 70 человек и обоза, в котором везли все, что было собрано для имама. Такой караван не мог оставаться незамеченным, и на выезде из оазиса, в Данданакане, местный амир спросил, куда они направляются. Абу Муслим ответил, что едут в паломничество. Этот эпизод показывает, что, несмотря на междоусобицу, контроль за передвижением на больших дорогах сохранялся. Отправившись дальше, Абу Муслим не рискнул ехать по главной дороге через Серахс и Нишапур, а свернул на более спокойную дорогу через Абиверд, затем по краю степи, минуя Нису, направился к Реййу. Однако в Кумисе его встретило послание имама, который прислал ему знамя как благословение на начало открытого выступления против Умаййадов и приказ переслать собранные деньги с Кахтабой б. Шабибом (их было будто бы 300 000 дирхемов), а самому возвращаться в Мерв и начинать восстание. Он получил и верительную грамоту — письмо к мервским сторонникам, в ко-

тором сообщалось, что Абу Муслим является представителем имама и его приказы должны беспрекословно исполняться.

Прибыв в Мервский оазис в начале мая 747 г.[1], Абу Муслим поселился в селении Фанин у покровительствовавшего ему Абу Дауда Ибрахима, а затем в доме Сулаймана б. Касира предъявил в присутствии руководителей организации грамоту имама Ибрахима. Когда секретарь Сулаймана б. Касира огласил присутствующим послание Ибрахима, те были поражены: они полагали, что движение возглавит «человек из семьи пророка», т.е. кто-то из Аббасидов или Алидов, а над ними был поставлен неараб, да еще и бывший раб, пусть даже и мавла имама. Особенно возмутило это Сулаймана б. Касира, который считал себя главой мервских сторонников Аббасидов. Он закричал: «Мы сносили неприятности этого дела, были исполнены страхом, не спали ночей, нам отсекали за него руки и ноги, выкалывали глаза, отрезали языки и испытывали нас всякими тяжкими наказаниями: избиение плетьми и заточение в темницах было самым пустячным из того, что нас постигало! А когда мы почуяли веяние жизни, разверзлись наши взоры и созрели плоды наших наслаждений, на нас свалился этот чужак, о котором мы не знаем, из какого яйца он вылупился, из какого гнезда он выпорхнул» — и с этими словами швырнул в Абу Муслима чернильницей. Она рассекла ему лоб до крови. Абу Дауд и другие недовольные высокомерием Сулаймана бросились к Абу Муслиму, отерли ему кровь и заявили, что повинуются решению имама[2].

Прилюдное оскорбление полномочного представителя могло серьезно повредить подготовке восстания, и Абу Муслим постарался сгладить конфликт. Всячески выказывая почтение Сулайману, Абу Муслим показал ему очередное послание имама, в котором рекомендовалось прислушиваться к мнению Сулаймана, и в конце концов умиротворил последнего.

Из Фанина Абу Муслим разослал вестников сообщить о начале открытого выступления в первый день рамадана. К этому дню он перебрался в соседнее хуза‘итское селение Сафизандж (или Асфизандж), со второго же дня рамадана поселился в доме Сулаймана б. Касира, что должно было свидетельствовать о единении обоих вождей.

Начало рамадана должно было лишь ознаменовать начало открытого выступления, а реальный призыв к восстанию последовал в ночь с последнего четверга этого месяца на пятницу 9 июня 747 г.[3]. По обусловленному знаку из других селений и из Мерва к присланному имамом знамени, вздетому на древко длиной в 13 локтей (6,5 м), стали прибывать большие группы сторонников. Было и второе знамя, на еще более длинном древке. Знамена были черного цвета, и в такие же одежды стали одеваться прибывающие сторонники. С их помощью

Абу Муслим подремонтировал крепостную стену Сафизанджа и выкопал ров.

Возглавить праздничное моление Абу Муслим предоставил Сулайману б. Касиру, подчеркивая этим его особую роль. Обряд моления был изменен по сравнению с общепринятым: изменено количество поклонов между проповедью и чтением Корана, количество славословий «Аллах велик», и так далее. А главным новшеством стало то, что проповедующий не сидел на минбаре, как учитель, беседующий с учениками, а стал проповедовать стоя, возвышаясь над остальными[4]. Несмотря на то что это противоречило «обычаю пророка», за возвращение которого бились все ревнители веры, это нововведение Абу Муслима не встретило осуждения или противодействия: правящую династию ненавидели настолько, что любое отвержение существующих при ней порядков принималось с радостью.

Сулайман б. Касир, в свою очередь, позаботился о придании Абу Муслиму внешних атрибутов власти. Он посоветовал ему обзавестись личной охраной, а при поездке перед ним ехал специальный сопровождающий. Для поддержания порядка в лагере была сформирована полиция (*шурта*), назначен человек ведать хранением и распределением будущей добычи, и началось составление войсковых диванов.

Почти все сведения о происходившем в это время в Хорасане восходят к информаторам, стоявшим на проаббасидских позициях, поэтому нет ясных сведений о том, что творилось в противоположном стане. Упоминаются послания Абу Муслима Насру, которые тот не удостаивал ответа, но неясно, когда именно после открытого выступления в рамадане было отправлено первое. Ясно одно: Наср послал против восставших большой конный отряд на восемнадцатый день после открытого выступления[5], т.е., скорее всего, 13–14 шаввала/27–28 июня 747 г. Абу Муслим выставил против него 200 всадников. В бою, продолжавшемся весь день, ни та, ни другая сторона не получила перевеса, лишь прибытие к вечеру подкрепления от Абу Муслима принесло победу его воинам. Не исключено, что именно этот военный успех побудил Абу Муслима в письмах Насру ставить свое имя на первое место.

Наср не возобновлял попыток расправиться с Абу Муслимом силой оружия, хотя в его распоряжении, несомненно, имелось больше хорошо вооруженных воинов. Видимо, он считал Абу Муслима менее опасным, чем ал-Кирмани: из четырех или даже пяти тысяч собравшихся под черные знамена Абу Муслима сторонников Аббасидов большинство составляли плохо вооруженные люди, рядовые арабы, местные жители и даже беглые рабы, вооруженные одними дубинами. Показательно, что в одном из отрядов, пришедших в первые дни, из 1300 че-

ловек было только 16 конных. Единственную реальную силу могли представлять только хуза'иты Сулаймана б. Касира. Так что Наср до поры до времени мог не обращать на нового противника особого внимания, рассчитывая расправиться с ним, когда одолеет ал-Кирмани.

Как бы то ни было, на призыв встать под знамена праведного имама из рода пророка откликалось все больше людей, и через 42 дня, т.е. в начале зу-л-ка'да (около 20 июля 747 г.) Абу Муслим переместил свой лагерь в селение Махуван. Об этом населенном пункте известно только следующее: Махуван — селение с соборной мечетью, из селений Мерва, в нем выступил Абу Муслим, глава аббасидской пропаганды[6]. Вся совокупность сведений о событиях в Мервском оазисе в 128–130 гг. х. позволяет предполагать, что Махуван находился западнее Мерва и, вероятно, севернее дороги в Хорасан.

Находясь в более просторном и удобном лагере в Махуване, Абу Муслим столкнулся с неожиданным осложнением, связанным с притоком в ряды его сторонников значительного числа беглых рабов. Необходимо отметить, что аббасидское движение по сути своей не имело социальной направленности: его целью был захват верховной власти и обращено оно было к свободным мусульманам, прежде всего к арабам; сообщение о том, что имам Ибрахим предписывал Абу Муслиму уничтожить в Хорасане всех говорящих по-арабски не более, чем легенда, родившаяся позднее в иранской среде. Но обещания справедливости и благоденствия под властью имама из рода пророка находили отклик в сердцах рабов, и они стали приходить к Абу Муслиму. Он обратился за советом к ближайшему окружению, и те решили, что принимать рабов следует, так как это усилит движение и ослабит врагов. Все же смешивать рабов со свободными Абу Муслим не стал, а разместил их в отдельном лагере в соседнем селении, поручив командование ими Дауду б. Карразу[7].

Обеспокоенные хозяева рабов стали приходить к Абу Муслиму и требовать возвращения своей собственности. Кем бы ни были эти жалобщики, участниками движения или сторонними людьми, порождать недовольство значимых людей Абу Муслиму было ни к чему, и он послал глашатаев объявить рабам, чтобы они возвращались к хозяевам. Предводитель рабов заявил, что после такого тяжкого проступка, как бегство, они не могут возвратиться. Возможно, не только это, но и какая-то иная, более веская причина заставила Абу Муслима отказаться от своего решения. Чтобы сохранить лицо, он объявил через глашатаев, что имел в виду возвращение к единственно законным хозяевам — к роду пророка[8].

Первым серьезным успехом Абу Муслим был обязан Хазиму б. Хузайме, который в начале августа направился в Мерверруд. Тамимиты,

контролировавшие территорию, через которую пролегал путьХазима, поначалу отказались его пропустить, но после того как он напомнил им о своем родстве с ними и посулил, что после победы отдаст им Мерв, смягчились и позволили пройти беспрепятственно. Хазим сначала обосновался в Кенджрустаке, а затем, получив подкрепления, в ночь на 1 зу-л-ка‘да/14 августа напал на Мерверруд и захватил его[9].

Этот военный успех Абу Муслима должен был заставить Насра с большей серьезностью отнестись к опасности, которую несло его появление. За свою долгую политическую жизнь Наср повидал немало мятежей и восстаний, которые при всей их опасности были подавлены. Движение, возглавленное Абу Муслимом, не представлялось ему чем-то из ряда вон выходящим. Своим главным противником, как уже отмечалось, Наср считал Джудайа б. Али ал-Кирмани, а Абу Муслима рассматривал только как потенциального союзника ал-Кирмани. На худой конец Насра устроил бы временный надежный нейтралитет ал-Кирмани, который позволил бы расправиться с Абу Муслимом, а потом заняться главным соперником.

В течение какого-то времени Абу Муслим лавировал, стремясь не допустить примирения Насра и ал-Кирмани. Поскольку дошедшие до нас сведения не только не датированы, хотя бы относительно, но и явно перепутаны хронологически, не стоит пытаться изложить все эти переговоры систематически.

Сообщается, что Абу Муслим готов был вступить в союз с Насром, а по одной версии даже подчиниться ему при условии, что он будет «следовать Корану и обычаю пророков, признает власть угодного из рода Пророка». Наср будто бы даже был не против, но говорил, что не может пойти на это, так как его считают убийцей Йахйи б. Зайда[10]. Салм б. Ахваз, правая рука Насра, заметил, что обещанию Абу Муслима подчиниться Насру мог поверить разве что ребенок. Впрочем, самооценка Абу Муслима менялась по мере ощущения своей силы и значимости. И если вначале, обращаясь к Насру, он писал «Амиру Насру», — как низший высшему, то некоторое время спустя стал начинать послание со своего имени, как высший. Да и чисто внешне в Махуване он все больше обрастал атрибутами власти.

Более податливым на соглашение с Насром оказался Джудай б. Али ал-Кирмани. Он даже прибыл в Мерв на площадь, вероятно к дворцу наместника, в сопровождении сотни всадников и послал сказать Насру, чтобы тот вышел подписывать договор. По одной версии, Наср, увидев многочисленность эскорта своего противника, приказал ал-Мухарибу, сыну ал-Хариса б. Сурайджа, выступить с тремя сотнями воинов против убийцы его отца. Схватка была упорной, но численный пе-

ревес в конце концов сказался. Ал-Кирмани ударом копья был сброшен наземь, его воины бежали. Наср убил ал-Кирмани и распял его, прикрепив с ним рыбу как намек на позорное, по мнению арабов-степняков, занятие аздитов рыболовством. По другой версии, Наср послал чтецов Корана (*курра*) удерживать людей от войны «...и вот, когда дело обстояло так, вдруг напал [сын] ал-Хариса б. Сурайджа во главе бану ханзала, и разгорелась битва, и бежал ал-Кирмани, и настигли его, и убили. И принес его голову человек из бану муджаши‘ по имени Мухариб б. Хилал б. Али. И достиг Ибн ал-Кирмани раби‘итов и асадитов Серахса»[11]. Вторая версия представляется более правдоподобной. Во-первых, в ней упоминается имя убившего ал-Кирмани; во-вторых, становится понятно, почему тело ал-Кирмани досталось его врагам — он был сбит с лошади во время бегства отряда; наконец, из этой версии ясно, почему Али б. Джудай ал-Кирмани при всей непримиримости к Насру не выступает против него как мститель за отца.

В любом случае смерть Джудайа не упростила положения Насра: вместо соперника, с которым можно было хоть как-то договориться, он получил его более непримиримого сына; вдобавок в это время на сцене появляется новая значительная фигура — хариджит Шайбан б. Салама ас-Садуси, контролировавший с 30 000 сторонниками Серахс и область Нишапура[12]. В составе его войска наряду с хорасанцами были остатки хариджитских отрядов, разгромленных и вытесненных из Ирака, в частности из Басры. Вскоре сторонники Шайбана распались на несколько групп, и в его распоряжении осталось четыре-пять тысяч человек. После столкновения под Серахсом Ибн ал-Кирмани возвратился в Мервский оазис, а вслед за ним там появился и Шайбан.

За время отсутствия Ибн ал-Кирмани Насру удалось объединить мервцев для борьбы с Абу Муслимом. Какую-то роль в этом сыграли подозрения, будто Абу Муслим и руководимое им движение отступили от ислама: не зря упоминается посылка к нему людей для проверки истинности подобных слухов. Чтобы выбить из рук Насра идеологический козырь, Абу Муслим выступил с пространной речью, в которой доказывал, что следует Корану и заветам пророка, и принял у всех присутствующих присягу на верность. Будто бы после этого часть сторонников Насра, убедившись в его лжи, перешла к Абу Муслиму. Видимо, истина заключается в том, что при несомненном правоверии самого Абу Муслима и его сторонников из арабов из среды иранских его приверженцев жили самые различные верования, мало совместимые с исламом, что очень ярко проявилось через несколько лет в идеологии антиаббасидских восстаний.

Обеспокоенный тем, что Наср может перекрыть канал, подающий воду в район Махувана, Абу Муслим передвинул свой лагерь в Алин, находившийся на канале Харкана перекрыть который Наср не мог. Вероятно, именно тогда Абу Муслим переместил лагерь рабов в Абиверд. Было их будто бы 7000, и каждый получал жалованье по три дирхема в месяц, увеличенное затем до четырех дирхемов[13]. Эта нищенская плата, едва достигавшая половины минимального жалованья свободного воина, все же позволяла иметь ежедневно пару лепешек.

В Алине Абу Муслим обосновался 6 зу-л-хиджжа 129/18 августа 747 г. и через три дня отпраздновал там день жертвоприношения[14].

В этот момент в политическую игру включился новый предводитель хариджитов, Шайбан б. Салама ас-Садуси. Его позиция в разгоревшемся конфликте была определенной. Так, он легко пошел на заключение договора о ненападении с Абу Муслимом, а потом, прислушавшись к увещеваниям Насра, заключил такой же договор и с ним, и даже на более длительный срок, а именно на год. Когда Салм б. Ахваз прибыл к Шайбану для подписания договора, то застал у него Али ал-Кирмани. Али потом уговаривал Шайбана вместе выступить против Насра, но тот ответил, что вероломство недопустимо.

Убедившись, что Шайбан будет верен договорам и не объединится с Насром, Али начал переговоры о союзе с Абу Муслимом. Окончив переговоры с его представителем, Али не захотел ехать для подписания договора в лагерь Абу Муслима, а пожелал, чтобы тот приехал к нему. Это ставило Абу Муслима в приниженное положение, но как хороший политик, готовый поступиться чем угодно ради достижения главной цели, он пошел на это условие. Пробыв в лагере Али в доме одного из знатных аздитов два дня, Абу Муслим подписал договор и вернулся к себе 5 мухаррама 130/15 сентября 747 г.[15].

Пока все были заняты формированием союзов, Абу Муслим направил в Герат Надра б. Ну‘айма, который без труда овладел городом. Его амир бежал к Насру, но тот ничем не мог помочь. Сведений о том, какими силами он располагал в это время, не имеется. Во всяком случае, их было явно недостаточно, чтобы ответить врагу. Когда же Наср обратился за помощью к Марвану, то получил афористично краткий ответ: «Присутствующий видит то, чего не видит отсутствующий. Срежь бородавку сам». Убедившись, что помощи от халифа ждать бесполезно, Наср обратился к Йазиду б. Умару б. Хубайре и получил столь же неутешительный ответ, гласивший, что у него нет никого, кого можно было бы прислать на помощь[16]. Чтобы понять причину отказов в помощи, следует посмотреть, что происходило за пределами Хорасана в то время, когда в нем развернул свою деятельность Абу Муслим.

ЗАХВАТ ХАРИДЖИТАМИ СВЯЩЕННЫХ ГОРОДОВ

Восстание Абу Муслима не сразу привлекло внимание халифа, поскольку воспринималось как одно из многочисленных и привычных шиитских и хариджитских восстаний. Действительно, по сравнению с недавно подавленным восстанием хариджитов в Ираке мятеж в отдаленном Мерве мог показаться малозначительным. На противоположном конце империи положение было даже хуже: ал-Андалус, раздираемый борьбой различных этнических группировок мусульман, фактически не контролировался ни из центра, ни из Кайравана. Власть над западной частью Магриба тоже была шаткой из-за частых восстаний хариджитов. Очередное восстание хариджитов-суфритов произошло в начале 129/осенью 746 г. Оно было быстро подавлено, а вождь его убит и распят, но сразу же произошло другое восстание, на этот раз хариджитов-ибадитов, возглавленное неким Абдалджаббаром б. Ма‘ном в сафаре/22.X–19.XI.746 г. Выступивший против него Йазид б. Сафван был убит, а войско бежало. Так же плачевно окончилось для правительственных войск столкновение с мятежниками из Тлемсена, которое никак не описано. Войско, посланное из Кайравана, понесло большие потери и отступило, а мятежники отошли в Тлемсен[17].

Конечно, не события в Магрибе, не затрагивавшие территории восточнее Ифрикийи, отвлекали внимание Марвана от того, что началось в Хорасане. Положение было иным: когда к концу 129 г. х. восстание в Мерве набрало такую силу, что Наср б. Саййар запросил о помощи, произошли события в Йемене и Хиджазе, непосредственно угрожавшие Палестине и Сирии.

Хариджитские идеи будоражили умы людей не только в Ираке и Магрибе, их влияние было сильно и в Восточной Аравии, от Бахрейна (вернее, даже от Басры) до Хадрамаута, хотя значительных вооруженных выступлений, которые удостоились бы внимания средневековых историков, в первой половине VIII в. не происходило. В отличие от аббасидской пропаганды, управлявшейся из единого центра, хариджитские проповедники (за исключением ибадитов) действовали разрозненно, и только когда какому-то вождю удавалось объединить вокруг себя значительную группу вооруженных приверженцев и добиться военного успеха, первоначальное ядро последователей начинало быстро обрастать новыми сторонниками.

Такая разрозненность объясняет, почему даже во время наибольших успехов ад-Даххака в Ираке Аравия оставалась спокойной и местные хариджиты не поддержали своих собратьев — у них были свои вожди, которым они присягали как халифам. В описываемое время

таким вождем хариджитов-ибадитов в Хадрамауте был Абдаллах б. Йахйа ал-Кинди. В августе 747 г. он находился в Мекке, где вел проповедь своих идей среди паломников, собравшихся для совершения хаджжа (31.VIII–2.IX). Здесь с ним познакомился Абу Хамза Халид б. Ауф ал-Азди, не первый год призывавший в Басре к свержению Марвана и Умаййадов вообще. Проповеди Абдаллаха б. Йахйи, прозванного его последователями Талиб ал-хакк («Стремящийся к правде»), произвели на Абу Хамзу такое впечатление, что он стал его последователем и присягнул ему как халифу.

Талиб ал-хакк убедил Абу Хамзу вместе поднять восстание в Хадрамауте. По-видимому, Абу Хамза возвратился в Басру, которая в то время была центром ибадитского движения, и какое-то время вел там антиумаййадскую пропаганду, а затем ушел в Хадрамаут с большой группой сторонников из племен наср б. азд и наср б. захран, которую возглавлял Джабир б. Джабала[18].

Численность этих последователей Абу Хамзы не указывается, но вряд ли их было меньше нескольких сотен. С приходом Абу Хамзы Абдаллах б. Йахйа получил возможность открыто выступить против существующей власти. Наместник Хадрамаута не смог противостоять объединенным силам мятежников, они завладели его резиденцией в Даммуне, что по соседству с Таримом, а его самого заключили в тюрьму, но затем отпустили. Этот успех придал убедительности пропаганде Абдаллаха б. Йахйи и привлек новых последователей, что позволило ему решиться напасть на столицу Йемена. Абдаллах разослал послания с призывом к походу на Сан‘а и двинулся туда вместе с Абу Хамзой во главе двухтысячного отряда. Имеющиеся источники не сообщают ни даты овладения Хадрамаутом, ни продолжительности пребывания в нем, ни даты похода на Сан‘а. Во всяком случае, поход вряд ли мог состояться ранее середины 129 г. х. (весны 747 г.).

Наместник Йемена встретил ибадитов перед городом, в заранее подготовленном лагере, окруженном рвом; его войско было более многочисленным, чем у Абдаллаха б. Йахйи, хотя последнее, конечно, увеличилось по дороге за счет добровольцев. Не смущаясь численным превосходством противника, ибадиты ночью напали на лагерь и разгромили застигнутое врасплох войско[19]. Воины, бежавшие в город, и горожане не оказали сопротивления, и ибадиты беспрепятственно вступили в город. Абдаллах б. Йахйа милостиво обошелся с горожанами и роздал беднякам часть денег из захваченной казны[20].

Абдаллах б. Йахйа пробыл в Сан‘а несколько месяцев до наступления времени хаджжа (20–22 августа 747 г.). Для участия в нем он послал Абу Хамзу и Балджа б. Укбу ал-Азди, дав им от двух до десяти тысяч человек, среди которых были и басрийцы.

Видимо, с самого начала подразумевалось, что это не столько паломничество, сколько поход для расширения власти ибадитов на всю Аравию и далее на Сирию, потому что отряд Абу Хамзы прибыл не к началу обряда паломничества, а к середине. Паломники уже собрались у Арафата, и наместник Медины и Мекки Абдалвахид б. Сулайман б. Абдалмалик, руководивший хаджжем, приступил к проповеди, когда на дороге из Таифа показалась колонна ибадитских всадников, остановившихся в стороне от остальных паломников, что не предвещало ничего доброго. Паломники забеспокоились и обратились к Абдалвахиду с просьбой что-то предпринять против ибадитов. Но он не стал вмешиваться. Тогда к Абу Хамзе пошел Абдаллах б. Хасан, внук Хасана б. Али, прося не нападать на паломников. Абу Хамза спокойно дождался ухода Абдалвахида с сопровождавшим его отрядом к Мине, после чего провел собственное моление и прочитал проповедь. Абдалвахид же во избежание кровопролития на священной территории поспешил покинуть Мекку, оставив Абу Хамзу хозяином положения. Он сообщил халифу о потере Мекки и, вероятно, ничего не предпринял до получения его распоряжения. Получив ответ из Харрана недели через три, Абдалвахид направил против Абу Хамзы Абдаллаха б. Абдал'азиза б. Амра, правнука халифа Усмана. Значительную часть его восьмитысячного войска составляли курайшиты и мединцы, потомки ансаров.

Поход с самого начала омрачило дурное предзнаменование: командующий уронил копье с прикрепленным к нему знаменем, и оно сломалось, а это не могло не повлиять на боевой дух мединцев.

Узнав о движении мединцев, Абу Хамза пошел им навстречу и столкнулся с ними 9 сафара 129/29.X.747 г. у Кудайда, примерно в дне пути от Мекки (см. т. 1, с. 89, рис. 8). Силы противников были примерно равны[21], и сражение было очень упорным, но в конце концов понесшие большие потери мединцы были обращены в бегство. По сведениям Халифы, только курайшитов погибло 300 человек, среди которых было 12 потомков аз-Зубайра б. Аввама, праправнук халифа Усмана и потомки многих сподвижников Мухаммада. Даже если курайшиты составляли только половину войска, то общие потери были не менее 600 человек. Пленных, захваченных при Кудайде, Абу Хамза казнил[22].

Не теряя времени, Абу Хамза быстрым маршем за четыре дня дошел до Медины (13 сафара/23.X). Этот разгром и захват Медины были еще хуже, чем потеря Мекки, и Марван сместил Абдалвахида и назначил Абдалмалика б. Мухаммада б. Атийу ас-Са'ди, предоставив в его распоряжение не малоопытное курайшитско-ансарское ополчение, а закаленных непрерывной службой на византийской границе воинов (*рабита*) из кайситских племен. Эти 4000 всадников, хорошо экипиро-

ванных и получивших дополнительное жалованье, встали на пути Балджа, отправившегося завоевывать Сирию, в Вади-л-Кура. На этот раз ибадиты были разгромлены, и Балдж в этом бою погиб. Голова его была вздета на копье, а остатки войска откатились к Медине, но удержаться там, среди враждебного населения, не могли. Лишь несколько сот человек во главе с Саббахом б. Хамданом держали оборону в горах около Медины три дня, а потом горными дорогами ушли в Мекку, где с 15 000 воинов находился Абу Хамза.

Описанные события никак не датированы. Учитывая скорость передачи информации, время на сбор войска и возможную скорость его движения, возвращение Медины под власть халифа не могло произойти раньше, чем через месяц после занятия ее ибадитами, т.е. не ранее последней недели ноября 747 г.

Из Медины Ибн Атийа направился в Мекку, где находился Абу Хамза. Описание хода сражения в городе не очень ясно. Абу Хамза занимал укрепленный лагерь, который, понятно, не мог находиться внутри города. Бой шел весь день, Абу Хамза был убит, в руки сирийцев попали 400 пленных, которых Ибн Атийа обезглавил и распял вместе с Абу Хамзой, а остатки хариджитского войска отошли на юг, в Йемен. Теперь Абдалмалику б. Атийе предстояло подавить мятеж на его родине, в Йемене и Хадрамауте. Он направился в Сан‘а, где утвердился Абдаллах б. Йахйа. Последний, видимо, в свою очередь собрался напасть на Мекку, так как оба войска столкнулись ближе к Мекке, чем к Сан‘а, около Табалы. И здесь отборная сирийская конница одержала верх. Сражение было настолько упорным, что Абдаллах б. Йахйа для отражения атак сирийской конницы вынужден был с тысячью воинов спешиться, однако это не переломило ход сражения. Спешившиеся воины были перебиты, остальное войско обратилось в бегство и не воспрепятствовало Ибн Атийе занять Сан‘а. Йеменские ибадиты сгруппировались вокруг Йахйи б. Абдаллаха б. Амра ал-Химйари и избрали его своим халифом. Ибн Атийа послал против ибадитов, сконцентрировавшихся вокруг Адена, своего племянника. Но сил у того оказалось недостаточно, и обе стороны, понеся большие потери, разошлись ни с чем. Узнав об этом, Марван разрешил воинам из Джазиры, как и обещал, возвратиться в родные края. Через некоторое время Ибн Атийа, пополнив свое войско жителями Сан‘а, сам возглавил поход на Аден. Он разгромил мятежников, Йахйа был убит, остатки йеменских ибадитов бежали в Хадрамаут.

Овладение Аденом не означало установления контроля над югом Аравии, Хадрамаут по-прежнему оставался в руках ибадитов, а они избрали нового халифа и были готовы сражаться. Ибн Атийа вторгся в Хадрамаут, после двухдневного сражения захватил Шибам и жесто-

ко расправился с его жителями. Но завершить овладение Хадрамаутом ему помешал приказ Марвана возвратиться в Мекку, чтобы возглавить хаджж. Ибн Атийа заключил с хадрамаутцами мирный договор и поспешно выехал в Мекку в сопровождении всего десяти человек. По дороге какой-то разбойный отряд напал на него около Шибама и убил[23]. Это случилось примерно в середине зу-л-ка‘да 130/середине июля 748 г.

Как видим, у Марвана в середине 130/начале 748 г. были серьезные основания ответить Насру б. Саййару, что у него нет войск, чтобы идти ему на помощь.

БЕГСТВО И СМЕРТЬ НАСРА б. САЙЙАРА

Возвращаясь к событиям в Хорасане, отметим, что здесь они развивались менее интенсивно и кровопролитно, чем в Аравии, но вместе с тем более однозначно склоняли чашу весов на сторону противников Умаййадов. После сближения Абу Муслима с Али ал-Кирмани мервцы, поначалу занимавшие нейтральную позицию, постепенно стали переходить на сторону Абу Муслима. Он не предпринимал никаких решительных шагов, терпеливо дожидаясь полного ослабления противника. Ситуация была странной: Наср оставался наместником и располагался в резиденции в Мерве, в Мерве же внутри городских стен располагался и Али ал-Кирмани, и оба не предпринимали враждебных действий друг против друга, а за пределами города, в Махуване, сидел Абу Муслим и где-то неподалеку — Шайбан. Наср и Абу Муслим обменивались посланиями, Али и Абу Муслим наносили друг другу визиты. Рассказывать подробнее об этом нет смысла, последовательность эпизодов, сведенных ат-Табари из разных источников, не очевидна, а анонимный автор «Истории Аббасидов» и не пытался расположить материал строго хронологически[24]. Никто не решался нарушить это хрупкое перемирие. Все решил случай: в середине декабря 747 г.[25]. на базаре произошло столкновение между сторонниками Али и Насра, разросшееся в большую потасовку. На помощь дерущимся с обеих сторон были посланы воины. Одновременно Али послал гонца к Абу Муслиму сообщить о начавшемся столкновении с Насром. Абу Муслим, до того не откликавшийся на предложения Али о совместном выступлении из опасения, что в решительный момент он может перейти на сторону Насра, решился, наконец, вступить в вооруженный конфликт. На подходе к Мерву его встретила делегация горожан, в которой были и мудариты, поддерживавшие Насра. Делегаты приветствовали Абу Муслима и принесли ему присягу.

Войдя в город, Абу Муслим вспомнил, как в Коране повествуется о том, как Моисей (Муса) вошел в столицу фараона: «И вошел он в город в минуту небрежения обитателей и нашел там двух людей, которые бились: этот из его партии, а этот — из врагов. И взывал к нему о помощи тот, что из его партии, против того, что из врагов» (Кор., XXVIII, 14). Появление Абу Муслима прекратило сражение в городе. Информация об этом и последующих событиях противоречива, приходится строить изложение, опираясь на очевидные факты, совпадающие у разных информаторов. Так, по одним сведениям, Абу Муслиму оказалось достаточно обратиться к обеим сторонам с призывом прекратить столкновения, и они прекратились, по другим же — дело не обошлось без столкновения воинов Абу Муслима с конницей Насра. Ни у Насра, ни у его окружения не было представления о том, что следует предпринять. Наср вроде бы даже посоветовал своим сторонникам попытать счастья у нового господина. Абу Муслим тем временем принимал присягу у мервцев, а затем расположился в резиденции наместника.

Наср укрылся в своем доме, оставив в лагере (вероятно, вне города) Салма б. Ахваза. Появившись на людях, Наср должен был открыто продемонстрировать свою позицию: либо присягнуть победителю, либо подчеркнуть, что остается амиром. Первое было неприемлемо, второе — невозможно. Оставаясь дома, он под всякими отговорками отказывался встретиться с Абу Муслимом.

День, когда Абу Муслим вступил в Мерв, был четвергом, неясно только, какого месяца: называются три разных, но ни в одном случае число не согласуется с днем недели. Наступила пятница. Наср по указанной выше причине не появился на праздничной молитве, что уже само по себе было демонстрацией позиции. Видимо, после этого Абу Муслим арестовал, а потом и казнил главного своего недоброжелателя в окружении Насра, Салма б. Ахваза, и еще 24 сторонников Насра, и захватил лагерь со всем имуществом. Наср послал кого-то к Абу Муслиму получить гарантию неприкосновенности, а сам стал готовиться к бегству. Приближалось время вечерней молитвы, и Абу Муслим поручил людям из своего окружения доставить на нее Насра. Тот сначала отговаривался тем, что ждет возвращения своих посланцев с аманом, а когда тянуть время больше стало невозможно, сказал, что приедет, как только совершит омовение; сам же, пройдя сквозь внутренние покои, вышел через заднюю дверь или специально сделанный пролом во двор, сел на своего самого резвого коня и покинул город в сопровождении сына, а также *хаджиба* (домоправителя), одной из жен и небольшого эскорта. Не дождавшись Насра, посланцы вошли во внутренние покои и обнаружили, что наместник бежал. Узнав об этом,

Абу Муслим вместе с Али ал-Кирмани пустился в погоню, но время было потеряно, да и ночь не лучшее время для преследования[26].

Небольшой отряд Насра по пути значительно увеличился, и в Серахс вечером следующего дня, одолев за сутки 180 км, бывший наместник прибыл во главе двухтысячного войска. Увеличив свой отряд до трех тысяч человек, Наср ушел дальше на запад, в Нишапур. Он известил Марвана и Йазида б. Умара б. Хубайру о случившемся с ним, надеясь получить помощь, но помощи не дождался. Да и был ли смысл помогать человеку, который, располагая всеми ресурсами обширной провинции, не сумел справиться с немногочисленными поначалу мятежниками.

В Нишапуре Насру не удалось собрать сколько-нибудь значительное войско, с которым можно бы было добиться возвращения в Мерв.

После бегства Насра Шайбан оказался в одиночестве перед союзом Али и Абу Муслима. Он пробовал получить поддержку против Абу Муслима у Али, но получил отказ; сам же Абу Муслим, не считая его партнером, достойным стать союзником, потребовал, чтобы Шайбан принес присягу. Тот отказался и отношения между ними приобрели такой характер, что Шайбан предпочел уйти со своим войском в Серахс. С уходом Шайбана и Али также утратил возможность иметь союзника в противовес Абу Муслиму.

Став хозяином положения в Мерве, Абу Муслим начал наступление на всех направлениях. Информация об этом плохо связывается в цельную картину из-за отсутствия в ней дат. Первый удар, видимо, пришелся по Шайбану. Отряд, направленный против него, возглавил Ибрахим б. Бассам, мавла племени лайс (к которому принадлежал Наср б. Саййар).

Навстречу ему вышел Шайбан с отрядом в три тысячи воинов и потерпел поражение. Вместе с остатками войска он пытался найти спасение за городскими стенами, но победители ворвались в город и учинили жестокое побоище. Шайбан был схвачен в мечети и обезглавлен, а голова его была доставлена Абу Муслиму. Жестокая расправа над побежденными у многих вызвала недовольство, и Абу Муслиму пожаловались, что неоправданная жестокость Ибрахима б. Бассама в отношении бакритов, составлявших значительную часть сторонников Шайбана, была вызвана желанием отомстить за смерть отца, убитого каким-то бакритом. Абу Муслим в ответ на эту жалобу сместил Ибрахима б. Бассама[27]. Этот шаг определялся не неприятием кровопролития, в чем мы вскоре убедимся, а нежеланием создавать лишних противников в еще не определившейся ситуации.

Следующий удар был нанесен по Балху, важнейшему военно-политическому центру на границе с Тохаристаном. Эта ответственная задача была поручена одному из самых верных соратников Абу Муслима, Абу Дауду.

Наместник Балха Зийад б. Абдаррахман ал-Кушайри с войском, собранном в Балхе, Термезе, Хуттале и других подчиненных ему районах, вышел навстречу Абу Дауду, но его воины не выдержали удара и бежали. С остатками войска Зийад отступил к Термезу, и Абу Дауд без затруднений вступил в Балх. Абу Муслим счел его миссию выполненной и отозвал его, назначив наместником Балха Йахйу б. Ну‘айма аш-Шайбани, человека из окружения Джудайа, а затем — Али ал-Кирмани. Но, видимо, не все люди в этом окружении одобряли слишком тесный союз с Абу Муслимом, и Йахйа, прибыв в Балх, связался с Зийадом б. Абдаррахманом и заключил с ним союз для борьбы с «людьми в черном». К ним присоединились, без различия племенной принадлежности, арабы Термеза и других гарнизонных городов региона, а также владетели (*мулук*) Тохаристана и Хуттала. Командование войсками этой пестрой коалиции было единодушно доверено Мукатилу б. Хаййану ан-Набати как человеку наименее пристрастному, не принадлежащему ни к арабам, ни к местным феодалам.

Абу Муслиму пришлось снова посылать Абу Дауда на завоевание Балха. При известии о его приближении союзное войско заняло позицию между селением ал-‘Уд, в трех фарсахах (18 км) западнее Балха, и речкой ас-Серджненан. Исход сражения решило нелепое недоразумение: с началом сражения передовое охранение стало перемещаться назад для прикрытия тыла от внезапного нападения, а у этого отряда флажки на копьях были черного цвета. Когда балхцы увидели позади себя этот отряд, то испугались, что их обходят воины Абу Дауда, и пустились в бегство. Кавалерия Абу Дауда преследовала бегущих, многие из беглецов погибли, падая с крутого берега реки. Часть беглецов укрылась в Балхе, а основные силы отошли на восток и за Амударью. Балх вновь оказался в руках Абу Дауда.

Несмотря на измену Йахйи б. Ну‘айма, Абу Муслим назначил новым наместником Балха брата Али ал-Кирмани — Усмана б. Джудайа ал-Кирмани. С одной стороны, это было почетным назначением, с другой — способом разделить братьев и этим ослабить их.

Поражение под Балхом не заставило противников Абу Муслима отказаться от борьбы. Воспользовавшись тем, что Усман с основными силами находился в Мерверруде (вероятно, еще на пути к месту назначения), мудариты напали на Балх, охранявшийся комендантом, назначенным Усманом. Между Баруканом и Дастаджирдом произошло сражение, в котором мудариты одержали верх и заняли Балх, но затем, столкнувшись с Усманом, потерпели поражение и ушли за Амударью. Балх снова занял Абу Дауд, ставший его наместником. Уже от себя он назначил Усмана управлять Хутталом[28].

Главные события, естественно, разворачивались на западе. Несмотря на важность происходившего здесь для судеб государства, информа-

ция об этом в некоторых моментах противоречива. Так, существуют две версии событий, связанных с гибелью Шайбана и захватом Серахса: по одной, изложенной выше, Серахс был захвачен Ибрахимом б. Бассамом, по другой, к которой мы сейчас обратимся, — Кахтабой б. Шабибом. Может быть, между этими версиями и нет противоречия — Ибрахим мог действовать под верховным командованием Кахтабы, и одно и то же события связывали то с непосредственным исполнителем, то с командующим. Подробнее углубляться в дебри предположений на этот счет не стоит, ход дальнейших событий от этого не зависит.

Кахтаба б. Шабиб прибыл к Абу Муслиму вскоре после бегства Насра с очередными инструкциями от имама Ибрахима, с его благословением в виде знамени и будто бы с его распоряжением назначить самого Кахтабу командующим армией, направляемой на завоевание Ирака.

Переждав зиму с войском в Абиверде, Кахтаб якобы только в середине ша‘бана (19–20 апреля) получил приказ Абу Муслима идти на Серахс[29]. Это вызывает сомнение: если, как сообщается, он пережидал зиму, не начиная военных действий, то начинать их в этих краях вполне можно было бы даже в начале апреля. Не будем повторять рассказ о завоевании Серахса: он в целом в этой версии совпадает с тем, что было изложено выше, разница только в имени того, кто руководил операцией. Далее на пути армии Кахтабы неминуемо должен был стать Тус. Он направил свой авангард на Тус по двум дорогам: из Серахса и по горной дороге из Абиверда. В каждом из этих отрядов было по тысяче воинов, сам же Кахтаба с основными силами шел следом по дороге из Серахса.

Правитель Туса Нубата б. Сувайд обратился за помощью к Насру, и тот прислал своего сына Тамима с тремя тысячами воинов. Тамим и Нубата стали лагерем вне города, ожидая Кахтабу. К ним присоединилось еще некоторое число добровольцев из соседних областей, так что общая численность их войска будто бы достигла 30 000 человек (вероятно, она явно преувеличена ради возвышения победы Кахтабы). Кахтаба призвал своих противников признать благоугодного имама (*ар-рида*), но воины Тамима ответили насмешками, и тогда Кахтаба начал бой. В ожесточенном сражении Тамим был убит, войско обратилось в бегство. Нубата с частью воинов укрылся в городе, но воины Кахтабы проломили стену города, ворвались в него и перебили его защитников[30]. (В связи с этим сражением впервые упоминается Халид б. Бармак, сын главного жреца храма огня или буддийского храма в Балхе. Ему же был поручен раздел добычи, захваченной в лагере.)

Узнав о поражении и гибели сына, Наср, не пытаясь оборонять Нишапур, ушел еще дальше на запад, в Кумис, Кахтаба же в последний день ша‘бана/3 мая 748 г. вступил в Нишапур.

Наср тщетно взывал о помощи к Марвану и Йазиду б. Хубайре. Последний не только не откликался на его призывы, но однажды даже арестовал его посланцев. Жалоба халифу по этому поводу осталась без последствий. Насра словно не замечали: его не смещали за неудачи в Хорасане и в то же время не помогали исправить положение. Ибн Хубайра в противовес ему поддерживал Нубату б. Ханзалу, отличившегося в борьбе с хариджитами в Ираке и Иране, которого назначил наместником Джурджана. Нубата тоже игнорировал Насра. Упоминается не совсем понятный инцидент с исключением Нубатой Насра и его людей из каких-то списков[31]. Можно предположить, что Наср и его люди по распоряжению халифа или Хубайры были включены в диваны Джурджана для получения жалованья, а Нубата не пожелал тратить на них деньги. Понятно, что часть мударитов, оставшихся с Насром, перебралась в Джурджан.

Натура Нубаты б. Ханзалы как нельзя лучше проявилась, когда по его приказу столицу Джурджана вместе с пригородами окружали рвом: при проведении этого оборонительного мероприятия Нубата брал деньги с владельцев участков, не желавших, чтобы ров проходил по их земле. Можно догадаться, что и Насра он исключил из дивана не без корысти.

К тому времени, когда 1 зу-л-ка‘да 130/2 июля 748 г. Кахтаба подошел к Джурджану, в нем собралось внушительное войско, в составе которого была и сирийская конница. Это смутило воинов Кахтабы, и ему пришлось выступить с речью, объясняя, почему они обязательно победят нечестивцев. В его речи отчетливо выражена мысль о том, что эта война — реванш, предоставляемый Аллахом коренным жителям Хорасана: «О люди Хорасана! Эта страна принадлежала вашим праотцам, и они одерживали победы над своими врагами, благодаря своей справедливости и хорошему образу жизни, пока они не изменили его и не стали действовать несправедливо. Тогда Аллах, великий и славный, разгневался на них, исторг у них их власть и отдал власть над ними презреннейшему в их глазах народу, который только был на земле. И они отняли у них их страну, стали брать себе в жены их женщин и порабощать их детей. Но они при этом судили обычно по справедливости, были верны обещанию и помогали обиженным. Затем они изменили [это] и извратили, судя несправедливо и устрашая людей благочестивых и богобоязненных из родни посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует! Тогда он отдал вам власть над ними, чтобы отомстить им через вас, дабы это было для них жес-

точайшим наказанием, ибо вы преследовали их местью. И имам мне уже обещал, что вы встретите их в таком числе, в каком вы сейчас, и Аллах, великий и славный, дарует вам победу над ними, и вы обратите их в бегство и перебьете их»[32].

Тем не менее прошел целый месяц, прежде чем Кахтаба завязал решительное сражение. 1 зу-л-хиджжи 130/1 августа 748 г. он выступил с речью, в которой воодушевлял воинов тем, что первый день священного месяца непременно принесет им победу. Незадолго до начала сражения Кахтаба объявил, что все жители Джурджана, оставшиеся в домах, будут в безопасности, и это сократило число желающих защищать город.

Согласно существующей традиции, Кахтаба перед сражением предложил Нубате и его воинам перейти на сторону истинной веры и присягнуть праведному имаму. В ответ Нубата предложил Кахтабе перейти на его сторону и получать жалованье и пайки. Когда все возможности решить дело путем переговоров были исчерпаны, в субботу 3 зу-л-хиджжи 130/1 августа 748 г. Кахтаба начал строить войско в боевой порядок. Сам он встал в центре, а фланги поручил своему сыну Хасану и Халиду б. Бармаку, положение которого, судя по этому, значительно возвысилось. Бой оказался скоротечным. Не успел Кахтаба закончить построение, как его сын прорвал строй противника на своем участке и сирийская конница бросилась под защиту городских стен. Хасан на ее плечах ворвался в город, а потом подоспели и основные силы. Началось избиение, не коснувшееся только тех, кто благоразумно укрылся в домах. Всего будто бы было убито 10 000 человек. В этом бою погиб и Нубата[33].

Кахтаба обосновался в Джурджане, предоставляя сыну проводить к повиновению и присяге соседние города. Многие джурджанцы, убежденные победами Кахтабы и привлеченные обещанием жалованья, пополнили его войско. Наср, утративший всякое значение, переместился далее на запад, в область Реййа.

Вслед за далеко продвинувшимся на запад Кахтабой Абу Муслим ушел из Мерва в Нишапур, чтобы быть ближе к месту главных событий.

Теперь Марвану стало ясно, что движение, начавшееся в Мерве, не очередная вспышка хариджитского мятежа и не попытка какого-то Алида заявить претензию на халифство, а нечто более серьезное. Если верить имеющимся сведениям о происходившем в Мервском оазисе, то кажется странным, что халиф так долго не пытался узнать о таинственном имаме из рода пророка. По одной версии, некий неназванный человек пообещал Марвану выяснить, кто является главой мятежников, захвативших Хорасан и Джурджан. Он прибыл в лагерь Кахтабы

в Джурджане и представился желающим присоединиться к движению. Кахтаба предложил присягнуть анонимному имаму, но человек настойчиво требовал назвать имя. Кахтаба побоялся, что их препирательство посеет сомнения в войске и назвал имя имама, которое стало известно Марвану. Ибрахим б. Мухаммад был арестован и заключен в темницу в Харране. Более достоверной представляется версия, что имя имама стало известно из его послания, найденного у перехваченного гонца[34].

Арест имама не изменил ситуации. Движение набрало такую силу, что могло развиваться дальше без наставлений вождя из таинственного далека. В отсутствие имама должна была возрасти роль Абу Саламы, первого звена в приводной цепи аббасидской организации, через которого до этого шли к Абу Муслиму распоряжения имама. Но в отличие от Абу Муслима у него в распоряжении не было реальной силы, какая имелась у Абу Муслима, который отныне стал истинным вершителем судеб аббасидского движения.

НАСТУПЛЕНИЕ КАХТАБЫ НА ИРАК

Кахтаба задержался в Реййе на пять месяцев, посылая отряды для подчинения соседних городов. В Абхаре один из таких отрядов столкнулся с сопротивлением хариджитов, не пожелавших присягнуть аббасидскому имаму. Часть из них была перебита в бою, остальные отступили под защиту городских стен и после переговоров согласились присягнуть новому имаму. Хасан б. Кахтаба был отправлен на главную дорогу, ведущую в Ирак через Хамадан. Из этого становилось ясно, что следующий удар будет нанесен по Ираку, и Йазид б. Умар б. Хубайра стал готовить контрудар по слишком далеко зашедшей аббасидской армии. Был избран стратегически вполне разумный план. Предполагалось повести контрнаступление по трем направлениям: Нубата б. Ханзала должен был пойти на Кумис, а сам Ибн Хубайра и Амир б. Дубара — ударить по глубокому тылу противника через Табас и Сиджистан. Но на деле военные действия пошли иначе. Когда стало известно о движении Хасана б. Кахтабы к Хамадану, навстречу ему был послан небольшой отряд под командованием Малика б. Адхама. Когда он приблизился к Хамадану, оказалось, что город уже занят Хасаном. Малик б. Адхам не решился вступить в бой и отошел к Нихавенду. Хасан последовал за ним и осадил Нихавенд. Кахтаба для надежности прислал сыну еще 2000 воинов.

Положение, сложившееся на пороге Ирака, заставило Ибн Хубайру перебросить Амира б. Дубару из Южного Ирана в район Исфахана.

Этот удар мог отрезать аббасидские войска в Хамадане и под Нихавендом от основных сил. Но район Исфахана уже был занят войсками Кахтабы под командованием Абу Ауна. Ибн Хубайре никак не удавалось опередить Кахтабу, который узнавал о намерениях Ибн Хубайры от Абу Саламы, фактически управлявшего в это время аббасидским движением из Куфы. Первое столкновение решилось в пользу Ибн Дубары, но Кахтаба перебросил туда подкрепления, и все переменилось. В одном из последующих столкновений семитысячный конный отряд Ибн Дубары в разгар боя подвергся удару засадного отряда противника и бежал, понеся большие потери. Спастись от полного разгрома сирийцам удалось благодаря своим превосходным коням.

При известии об этом успехе Кахтаба с войском, значительно пополненным подкреплением от Абу Муслима, двинулся из Реййа в Исфахан. В раджабе 131 г. х. два войска заняли позиции друг против друга, но не спешили начать решающее сражение и стояли, убеждая друг друга в своей правоте. Войско Кахтабы было более многочисленным, а Ибн Дубара имел решительное превосходство в коннице и более однородный состав войска. В войске Кахтабы наряду с арабами были иранцы из разных областей Хорасана, упоминается, в частности, отряд *азатов* (свободных землевладельцев), правда, под командованием араба.

Обе стороны понимали, что исход сражения может решить судьбу Халифата. Наконец, 23 раджаба 131/18 марта 749 г. Кахтаба решился начать сражение[35]. Ход боя описывается кратко и хорошо известен только с момента, когда аббасидские воины ворвались в лагерь Ибн Дубары. Ибн Дубара, рассчитывая подогреть боевой пыл своих воинов обещанием наградить каждого, кто принесет голову убитого врага, тысячью дирхемов, сидел в шатре среди кошелей с деньгами. Раздать их он так и не успел: воины Кахтабы прорвали центр, ворвались в шатер Ибн Дубары и убили его. Знамя на копье повалили и воткнули наконечником вниз. А когда был обрушен шатер, началось паническое бегство. Победители бросились грабить лагерь, догоняли и обирали беглецов.

Стоит ли говорить, что весть о победе была послана Абу Муслиму с головой Ибн Дубары. Кахтаба, приведя к присяге исфаханцев и жителей других покоренных городов и дав отдохнуть войску, присоединился к своему сыну, осаждавшему Нихавенд.

Победа под Исфаханом решила судьбу сыновей Джудайа б. Али ал-Кирмани. Абу Муслима стал тяготить союз с ними, заключенный тогда, когда успех его дела был не очевиден и когда ему даже пришлось ради этого успеха лицемерно ставить Али б. Джудайа выше себя, титулуя его амиром. Теперь этот союзник был не нужен, и незачем было

притворствовать. Абу Муслим решил избавиться от Али и Усмана самым простым и кардинальным способом — убить. Убить Усмана он поручил Абу Дауду, а расправу с Али взял на себя. Убить их предполагалось одновременно, чтобы один брат не стал мстить за другого, убитого раньше. Абу Дауд поехал с Усманом в Хуттал, которым тот управлял, и где-то на Вахше убил его вместе с людьми из его окружения. В это же время Абу Муслим, усыпляя бдительность Али, всячески подчеркивал свое расположение к нему, а заодно выведал имена наиболее надежных сторонников, якобы для того, чтобы щедро наградить их. Ничего не подозревавший Али был убит без предъявления какого-либо обвинения в шаввале 131 г. х. (24.V–21.VI.749 г.), убиты были и все названные им преданные люди[36]. Это было только началом расправ над неугодными соратниками и союзниками.

В конце марта Кахтаба подошел к Нихавенду, который уже два месяца осаждал его сын. Несмотря на отсутствие помощи от Ибн Хубайры, крепость, которой командовал Малик б. Адхам, продержалась еще два месяца. Ибн Хубайра вместо того, чтобы послать для снятия осады с этой крепости двадцатитысячный корпус, которого хватило бы для деблокады, держал его в Ханикине в качестве заслона на случай прорыва Кахтабы через ущелье в Ирак. Через два месяца после прихода Кахтабы, изверившись в подходе помощи или из-за нехватки продовольствия, Малик б. Адхам, руководивший обороной Нихавенда, вступил в переговоры с Кахтабой о сдаче. Он получил гарантию беспрепятственного выхода из крепости со всеми его сирийцами с оружием и имуществом. Хорасанцы, отступившие с Насром б. Саййаром и нашедшие в Нихавенде последнее прибежище, не были поставлены об этом в известность; возможно, что это условие исходило от Кахтабы. Вечером хорасанцы с изумлением увидели, что сирийцы покидают город, и на вопрос, что случилось, услышали: «Мы получили от Кахтабы гарантию неприкосновенности». Растерявшиеся хорасанцы были взяты в плен и на следующий день казнены. Среди казненных был и один из сыновей Насра б. Саййара[37].

Узнав о падении Нихавенда, Убайдаллах б. ал-Аббас, командовавший войском, стоявшим в Ханикине, запросил Ибн Хубайру о дальнейших действиях и получил приказ отойти в Хулван, снова уступая инициативу Кахтабе. Правда, в то же время он переместился в ал-Мадаин и стал там собирать большое войско для нанесения контрудара по Кахтабе.

Явное превосходство противников Ибн Хубайры воодушевило противников Умаййадов в Ираке. Пользуясь этим, Абу Салама стал открыто рассылать своих пропагандистов с призывом надевать черные одежды. Эта пропаганда находила отклик как в городах (особенно

в Мосуле, несколько месяцев противостоявшем Марвану), так и у бедуинов. Ибн Хубайра фактически лишился тыла, а Кахтабу в Ираке ждали как освободителя.

Кахтаба без труда продвинулся на территорию Ирака и через месяц с небольшим без боя вступил в Хулван. Череду поражений и неудач иракского наместника перемежило единственное радостное для него событие: один из отрядов Убайдаллаха б. ал-Аббаса разгромил группу войск Кахтабы, направлявшуюся против него через горы. Ибн Хубайра сообщил об этом Марвану, как о большой победе. Но этот частный успех не менял положения в целом. Поражения следовали за поражениями, что бы ни предпринимали Ибн Хубайра и опытный военачальник Марван б. Мухаммад, словно династия была обречена заранее.

Марван, наконец, сам включился в борьбу с врагами династии. Он отправил из Джазиры в Шахразур Усмана б. Суфйана ал-Кинди с 10 000 воинов, чтобы перерезать дорогу в Нихавенд. Отряд Абу Ауна, посланный Кахтабой навстречу и подкрепленный добровольцами из Мосула, после некоторого колебания вступил в бой с более многочисленным противником и разгромил его, открыв себе дорогу на Мосул. Мосульцы доброжелательно встретили хорасанцев и присягнули аббасидскому имаму из семьи пророка.

Ибн Хубайра решил встретить противника у Джалула, где устроил окруженный рвом обширный лагерь, в который, рассчитывая на долгую позиционную войну, свез большие запасы зерна и фуража. Он совершил ту же ошибку и на том же месте, что и персы 110 лет назад (см. т. II, с. 67–68): укрывшись в лагере, стал ждать нападения Кахтабы. Кахтаба же сделал вид, что собирается поступить именно так, как рассчитывал Ибн Хубайра. Подойдя к Джалула, он по обычаю предложил противнику следовать Корану и сунне пророка и присягнуть благоугодному имаму из семьи пророка. Получив отказ, он пригрозил, что завтра они встретятся здесь в бою. Ибн Хубайра стал готовиться к предстоящему сражению, а Кахтаба с наступлением ночи переправил большую часть войска через Тамару (Диялу), делая вид, что направляется на ал-Мадаин. Сам же с лучшей конницей остался на месте. Утром разведчики сообщили Ибн Хубайре, что войско Кахтабы направилось к ал-Мадаину. Ибн Хубайра поспешил к Даскаре, чтобы перехватить противника, оставив в лагере в Джалула небольшое охранение. Тогда Кахтаба с оставшейся конницей напал на беззащитный лагерь и без особого труда овладел всеми припасами Ибн Хубайры.

В этот момент к восточному берегу Евфрата в районе Верхней Фаллуджи и головы канала Сарат подошел со своим войском Йазид б. Хубайра, чтобы преградить Кахтабе путь к Куфе, но все средства пере-

правы были в руках противника, и переправиться, чтобы встать на пути Кахтабы, он не смог. Тогда он отправил к Куфе часть войска под командованием Хаусары б. Сухайла ал-Бахили, а сам с основными силами пошел по восточному берегу параллельно Кахтабе. Два дня противники двигались так в виду друг друга. Наконец, Кахтаба нашел брод, и часть его сил напала на группу воинов Ибн Хубайры, готовивших лагерь для ночевки арьергарда. Сначала успех был на стороне нападавших, но потом подошел остальной арьергард и потеснил их. Кахтаба переправил все войско, но ему не сразу удалось одолеть противника. Бой кончился уже в темноте, победители-хорасанцы не сразу обнаружили исчезновение своего вождя. Как и когда он погиб — не заметил никто; то ли он сбился с брода при переправе и пошел на дно вместе с конем, то ли обрушился с частью берега, подмытого водой. Это произошло 8 мухаррама/27 августа. Потеря командующего могла свести на нет достигнутый успех, и военачальники немедленно собрались на совет и единодушно поручили командование сыну Кахтабы, Хасану. Кахтаба погиб 8 мухаррама/27 августа, и в тот же день, вероятно, в Куфу пришла радостная весть о переправе его через Евфрат. Она взбудоражила город. Абу Салама стал призывать надеть черные одежды и выступить против Умаййадов. Возглавил восстание Мухаммад б. Халид ал-Касри, сын наместника Ирака при Хишаме, которого пытками довел до смерти отец нынешнего наместника. 28 августа, еще не зная о гибели Кахтабы, он с тысячной армией направился к резиденции наместника. Располагавшийся в ней начальник полиции сбежал.

Торжества вскоре сменились беспокойством при слухе о приближении Хаусары б. Сухайла. Простонародье, составлявшее значительную часть войска Ибн Халида, при этой вести разбежалось. Сам он остался в укрепленной резиденции и послал сказать Хаусаре: «Мы повинуемся амиру», после чего тот, не заходя в Куфу, направился в Васит. По-прежнему не зная о случившемся, Мухаммад б. Халид отправил к Кахтабе гонца с сообщением об уходе Хаусары. Мухаммад б. Халид оставался хозяином Куфы с пятницы 29 августа до воскресенья 31 августа, а утром 1 сентября в город вошли хорасанцы[38].

В анонимной «Истории Аббасидов» рассказывается, как Абу Салама организовал парадное вступление хорасанского войска в Куфу, предписав надеть лучшие одежды. Но, видимо, рассказ излагал не то, как происходило прибытие победителей, а как ему полагалось происходить. Большее доверие вызывает сообщение о том, как представители хорасанцев шли через город, спрашивая, где живет Абу Салама[39]. Абу Салама стал теперь главнокомандующим до открытого появления обещанного имама — также и главы нового, нарождавшегося государ-

ства со статусом «вазира рода Мухаммада». Мухаммада б. Халида он назначил наместником Куфы, а сам обосновался в военном лагере в Хамам А‘йам в трех фарсахах от Куфы.

Через несколько дней сыновья Кахтабы отправились добивать врага: Хумайд в ал-Мадаин, а Хасан — в Васит, где укрепился Йазид б. Умар б. Хубайра. Небольшой отряд из 400 воинов был направлен к Айн ат-Тамру.

Долго не признавала новой власти вторая столица Ирака, Басра. Ее наместником от Ибн Хубайры был Салм, сын прославленного завоевателя Мавераннахра Кутайбы б. Муслима. Абу Салама назначил новым наместником Суфйана б. Му‘авийу, человека, несомненно, авторитетного в Басре: он был внуком Йазида б. ал-Мухаллаба и мог опереться на многочисленное в Басре племя азд. Посылая Суфйана, Абу Салама предписал ему непременно привести Салма б. Кутайбу к присяге новому, еще не названному халифу. Салм присягать отказался, нового наместника не признал и приготовился к войне с ним.

Полем битвы стал обширный пустырь в Мирбаде, западном пригороде Басры, где находился верблюжий базар. Салм объявил, что каждому, кто присоединится к нему, даст пятьсот дирхемов, а тому, кто приведет пленного — тысячу. Главной ударной силой была конница Салмы б. Кутайбы. Против него с войском, состоявшим в основном из мударитов, вышел сын Суфйана, Му‘авийа.

Исход первого столкновения решила гибель Му‘авийи, который упал с коня, пораженного копьем, и тот же воин, что сразил коня, убил его, отрубив голову и бросив ее к ногам Салма, за что получил обещанную тысячу дирхемов. После этого Суфйан прекратил сражение и отошел в центр города. Он и его родственники и приближенные некоторое время укрывались в резиденции («Белом дворце»), а потом ушли за Евфрат, в Каскар.

Йазид б. Хубайра прислал Салму в подкрепление 4000 воинов, которые окончательно разгромили аздитов. Одни из них были убиты, другие взяты в плен, пленниками стали и их женщины и дети. Победители ворвались в квартал аздитов, разрушили родовое гнездо Мухаллабидов и три дня громили и грабили их дома.

Салм б. Кутайба правил Басрой до начала ноября, а затем, узнав о неудачах Ибн Хубайры, покинул город со своими сторонниками. Басрийская верхушка выбрала себе амира, на смену которому через несколько дней пришел наместник, назначенный Абу Саламой, но еще через пять дней этого наместника вновь сменил Суфйан б. Му‘авийа, назначенный уже первым аббасидским халифом[40]. Последнее указание помогает приблизительно датировать гибель Ибн Хубайры 5–10 раби‘ II/21–26 ноября 749 г.[41].

Важнейшее событие в истории аббасидского движения — овладение Ираком — прошло без какого-либо участия и, скорее всего, без ведома того, от чьего имени все это свершалось. Как уже говорилось, имам Ибрахим б. Мухаммад находился под арестом в Харране и вряд ли мог получать информацию от Абу Саламы и посылать ему свои инструкции, они не упоминаются даже в самых содержательных источниках. Впрочем, он не был абсолютно изолирован: он находился не в тюрьме, а в каком-то доме, в котором содержалось еще несколько высокопоставленных мятежников (упоминаются ал-Аббас б. ал-Валид б. Абдалмалик, Абдаллах б. Умар б. Абдал'азиз, Мухаммад б. Му'авийа б. Абдаллах б. Джа'фар и др.). Арестованные могли посещать друг друга и имели слуг. При всем этом, конечно, посылать Абу Саламе какие-то инструкции или получать от него сообщения Ибрахим не мог, и Абу Салама действовал по собственному разумению.

Марван, не находя возможности исправить положение в Ираке силой оружия, решил уничтожить главу движения. По одной версии, Ибрахим был задушен, по другой — отравлен кислым молоком, будто бы присланным Абдаллахом б. Умаром. Наутро он почувствовал себя плохо; узнав, что Абдаллах молока ему не посылал, понял, что его отравили. (Впрочем, есть версия, что Ибрахим умер естественной смертью от чумы, случившейся в Харране.) Имам поторопился известить своих родичей в Хумайме о близкой кончине и о назначении преемником своего брата Абу-л-Аббаса б. Абдаллаха. Это письмо повез раб-хорезмиец Сабик, прислуживавший Ибрахиму. Каким-то путем данное послание было доставлено Абу Саламе[42].

Марван, арестовав, а затем и убив Ибрахима, не побеспокоился установить наблюдение за его родичами, и они беспрепятственно покинули Хумайму, направляясь в Куфу. Группа из 14 мужчин не могла проехать незамеченной по большой дороге, и они выбрали самый малоезжий пустынный путь через Думат ал-Джандал (Эль-Джауф). Проехать эти полторы тысячи километров можно было только на верблюдах с проводником-бедуином. И этот путь должен был занять дней двадцать.

В Куфу новый имам с братом и дядьями прибыл в конце сафара/середине октября. Торжественной встречи не было. Наоборот, его со всей родней под большим секретом поместили в доме одного из мавл Хашимитов. Имя нового имама, как и прежде, сохранялось в тайне. Небольшому кругу посвященных было сказано, что еще рано имаму появиться открыто. Поначалу такая скрытность не вызывала недоумения, но чем дальше, тем настойчивее звучал вопрос, когда же имам

будет явлен народу, а Абу Салама никак не мог принять решение, кому передать оказавшуюся в его руках власть.

В отличие от Ибрахима Абу-л-Аббас не приложил никаких усилий для торжества общего дела, и было обидно отдавать плоды победы такому человеку; в то же время было неясно, как примут его участники движения, многие из которых полагали, что «имам из рода Мухаммада» — один из потомков Али. У Абу Саламы была мысль передать решение вопроса о будущем халифе совету Алидов и Аббасидов, но было ясно, что они никогда не достигнут единодушия в таком вопросе. Видимо, последнее соображение побудило его обратиться к авторитетным представителям Алидов: Джа‘фару б. Мухаммаду б. Али б. Хусайну, Умару б. Али б. Хусайну б. Али и Абдаллаху б. Хасану б. Хасану б. Али. Джа‘фар сказал посланцу, доставившему письмо, что не может принять власть, которой добивались не для него, и сжег письмо со словами: «Вот мой ответ». Умар готов был принять предложение, но решил посоветоваться с Джа‘фаром, и тот отговорил его с тем же доводом. До третьего адресата сообщение не дошло[43].

Теперь у Абу Саламы не оставалось иного выбора, кроме проведения присяги Абу-л-Аббасу. Между тем подпольное существование нового халифа затянулось на 40 дней, и неизвестно, когда и как Абу Салама представил бы его народу, но все решил случай, вырвавший инициативу из рук руководителя движения.

Однажды один из хорасанских военачальников, Абу-л-Хумайд ал-Марвази, встретил в городе (в Кунасе) своего бывшего раба, упомянутого выше Сабика, который был им подарен имаму Ибрахиму. Естественно, Абу-л-Хумайд поинтересовался, где его хозяин. Тот ответил, что Ибрахим убит, а его преемник, Абу-л-Аббас, здесь в Куфе. Абу-л-Хумайд и его спутник, Абу Джахм, попросили провести их к нему. Сабик ответил, что должен получить на это разрешение. На следующий день Сабик привел их в дом[44]. Осведомившись, кто из присутствующих Абу-л-Аббас, они присягнули ему как халифу. Расчувствовавшийся Абу-л-Аббас не преминул пожаловаться, что Абу Салама обещал дать 100 динаров за наем верблюдов, но так и не дал. На следующий день Абу-л-Хумайд принес Абу-л-Аббасу не 100, а 200 динаров, вслед за ним присягать новоявленному халифу пришли хорасанские военачальники во главе с Хумайдом б. Кахтабой. Узнав о случившемся, к Абу-л-Аббасу поспешил Абу Салама, но было уже поздно: ситуация вышла из-под его контроля, и он утратил блестящую возможность стать главной фигурой в великом действе представления халифа. Теперь вместо того, чтобы представлять халифа, приходилось представляться ему самому наряду с другими. Мало того, Абу-л-Хумайд и Абу Джахм постарались сделать визит Абу Саламы к халифу возможно унизительнее для него: нахо-

дившиеся в доме военачальники оттеснили его свиту, и он вошел к халифу в одиночку. Когда же Абу Салама стал приветствовать халифа, Абу-л-Хумайд, сидевший в это время у Абу-л-Аббаса, сказал: «Вопреки твоему желанию, мразь» (употребив матерное выражение). Абу-л-Аббас остановил его, сказав, что Абу Салама очень дорог ему.

Вечером того же дня, в четверг, Абу-л-Аббасу подвели коня, и он торжественно проследовал во дворец, а в пятницу, 12 раби‘ II/28 ноября возглавил моление в главной мечети Куфы[45].

Встав на верхнюю ступень минбара, Абу-л-Аббас обратился к куфийцам с проповедью. Вознеся должную хвалу Аллаху, ниспославшему людям ислам и установившему справедливость, он помянул беззаконие Умаййадов, поправших божественные установления, и возвестил, что теперь, с приходом к власти правителей из рода Хашима, восторжествует справедливость. Закончил он эти общие слова конкретно и решительно: «Я увеличил вам жалованье на сто дирхемов, так готовьтесь [сражаться]. А я — проливающий (кровь и благо) очевидный и мститель истребляющий».

Эта речь обессилила Абу-л-Аббаса, измученного лихорадкой, и он сел на минбар. На смену ему поднялся сидевший тремя ступенями ниже его дядя, Дауд б. Али, и произнес речь, вдвое длиннее, в которой тоже говорилось о наступившем торжестве справедливости[46].

Объявленная прибавка в 100 дирхемов к годичному жалованью касалась, конечно, не всех куфийцев, а только внесенных в диваны, и это должно было подогреть в них желание сражаться. Прозвучавший в конце речи эпитет *ас-саффах* — «проливающий», которым Абу-л-Аббас охарактеризовал себя, стал его тронным именем — ас-Саффах, но оно не сразу стало употребляться официально.

По окончании проповеди началась всеобщая присяга, затянувшаяся до вечера. Этим днем можно датировать начало династии Аббасидов, хотя во всех справочниках оно датируется 750 г., т.е. временем гибели последнего умаййадского халифа.

Став халифом, Абу-л-Аббас сосредоточил в своих руках не только высшую политическую власть, но и верховное военное командование, послав во все основные группы войск своих братьев и дядьев. Он не стал обижать заслуженных военачальников смещением — просто над ними ставились представители династии потомков Хашима и родственники пророка.

Таким образом, Абу Салама лишался не только политического авторитета, но и влияния на войско, а своего личного круга сторонников у него не сложилось и опереться ему было не на кого. Даже лестный титул «вазир рода Хишама» стал пустым звуком, так как реальным вазиром вскоре стал Халид б. Бармак.

СРАЖЕНИЕ НА ЗАБЕ И БЕГСТВО МАРВАНА

Марван не смог быстро ответить ударом на удар, нанесенный ему в Ираке: для этого в его распоряжении не оказалось достаточно сил, их пришлось собирать медленно и трудно. Вскоре после получения известия о потере Куфы он покинул Харран и переместился в Макисин на Хабуре, где пробыл целый месяц, собирая войско. В понедельник 3 раби‘ I/20 октября он двинулся к Мосулу[47]; около этого города он разбил лагерь и окопал его рвом, и продолжил собирать войско. Пребывание под Мосулом затянулось, и лишь в начале января 750 г. Марван покинул свой лагерь и направился в Ирак (Ираком тогда называлась часть Месопотамии ниже Тикрита и Хита). В результате он появился на границе Ирака только через четыре месяца после утраты Куфы, в начале января 750 г.

Небольшое, из нескольких тысяч человек, хорасанское войско под командованием Абу Ауна, располагавшееся в Шахразуре, поначалу тоже не пыталось продвинуться в направлении Мосула. Абу Салама прислал ему 3000 воинов. С этими силами Абу Аун двинулся к низовьям Большого Заба. Затем уже Абу-л-Аббас прислал ему в несколько приемов еще 5500 воинов и назначил командующим своего дядю Абдаллаха б. Али. К этому времени к Забу подошел Марван, и тогда же Абу-л-Аббас отправил на помощь дяде Мусу б. Ка‘ба с 30 000 воинов.

Муса б. Ка‘б прибыл 2 джумады II/16 января 750 г. С этого момента началась подготовка к решающему сражению.

Определить численность сторон непросто. Средневековые авторы называют разные цифры с явной тенденцией преувеличить численность войска Марвана (100 000, 120 000 и даже 150 000) при 20 000 у Абдаллаха б. Али. Последнюю цифру можно признать близкой к действительности: 5–7 тысяч у Ауна, плюс 7 с половиной тысяч упоминавшихся подкреплений, да еще какой-то отряд, пришедший с Абдаллахом б. Али. Но тогда как быть с тридцатью тысячами, будто бы пришедшими с Мусой б. Ка‘бом? Может быть, здесь мы имеем дело с нередким случаем десятикратного увеличения первоначальной цифры?

Противники расположились на разных берегах Большого Заба, Марван — на правом, Абдаллах — на левом. Сражение начал Абдаллах, 5000 воинов которого переправились через реку и напали на лагерь Марвана. Бой длился до вечера, нападавшие вернулись в свое расположение при свете факелов. Как протекал этот бой, какие были потери и как, наконец, сумели нападавшие ночью благополучно выйти из боя и переправиться через реку, не сообщается. В ответ Марван навел наплавной мост в пяти милях ниже лагеря Абдаллаха б. Али и по

нему переправил на левый берег войско под командованием своего сына Абдаллаха. Переправившись, последний сразу стал окапываться, готовя надежный плацдарм для всего войска. Абдаллах б. Али направил против него четырехтысячный отряд под командованием ал-Мухарика б. Гаффара (?). Абдаллах б. Марван выслал ему навстречу ал-Валида б. Му‘авийу, который в упорном бою разгромил противника и захватил много пленных, среди которых оказался и ал-Мухарик. Его со всеми пленными доставили к Марвану. Ал-Мухарик, желая избежать позора предстать пленным перед своим врагом, а то и казни, при допросе у Марвана выдал себя за простого воина-кайсита из Куфы и даже сделал вид, что узнал среди отрубленных голов, принесенных Марвану с поля боя, голову ал-Мухарика; наступившей ночью он сбежал к своим[48].

Используя первый успех, Марван переправил свое войско на левый берег для генерального сражения 11 джумады II/25 января 750 г. Поначалу перевес в битве был на стороне сирийцев, которые, по выражению одного из хорасанцев, участника сражения, были как железные горы. Чтобы выстоять против натиска сирийской конницы, хорасанцы спешились и выставили копья, этот строй был трудно преодолим для конницы, и Марван приказал конникам бану сулайм в пешем строю атаковать хорасанцев. Однако йемениты не пожелали поддерживать Марвана, опиравшегося на кайситов, и отказались, сказав: «Прикажи это сакасик!»; те в свою очередь указали на сакун, а сакун — на гатафан. Атака сорвалась, и инициатива перешла к хорасанцам. Историки не говорят о причине такого массового неповиновения. Можно предполагать какие-то старые обиды на Умаййадов и лично на Марвана, против которого в Ираке четыре года назад воевали многие представители племени ас-сакасик, но сводить это только к племенным распрям трудно, так как в критических ситуациях соплеменники нередко оказываются в разных лагерях.

Как бы то ни было, сирийцы в результате не выдержали натиска хорасанцев и обратились в бегство. Марван не смог удержать их и сам отошел на другой берег. На мосту была страшная давка, многие падали и тут же тонули. Чтобы избежать преследования, Марван приказал обрубить мост. Но, оказавшись в безопасности на другом берегу, он не попытался или не смог собрать в укрепленном лагере свое дезорганизованное войско или хотя бы вывезти из него военное имущество. С остатками войска Марван прошел по восточному берегу Тигра до Мосула, где мог бы получить подкрепление, но комендант не открыл перед ним ворота города, притворившись, будто не узнает его голоса[49]. Тогда Марван уничтожил наплавной мост и пошел дальше по тому же берегу до Балада, где и переправился через Тигр.

Абдаллах б. Али не бросился немедленно преследовать Марвана: надо было дать отдых войску и разделить добычу, доставшуюся в лагере противника. Абу-л-Аббас, узнав о разгроме главного врага, пожаловал участникам сражения по 500 дирхемов и еще прибавку к жалованью по 80 дирхемов в год[50].

Через семь дней после сражения Абдаллах б. Али повел свое войско по следам Марвана. На подходе к Мосулу его встретила городская верхушка, одетая в черные одежды, и сдала ему город. Абдаллах б. Али сместил правителя, назначенного Марваном, и поручил управлять Мосулом Мухаммаду б. Сулу, сыну тюркского владетеля Дихистана, завоеванного Йазидом б. ал-Мухаллабом в 717 г. Вероятно, он был не единственным представителем тюркской и иранской знати, поднявшейся на волне аббасидского движения, нам только не всегда удается их опознать за мусульманскими именами.

Надеясь собрать в Харране новое войско, Марван пробыл в нем 20 дней. Однако сделать это не удалось, и при приближении Абдаллаха б. Али он ушел в Киннасрин, оставив оборонять Харран своего двоюродного брата и зятя — Абана б. Йазида б. Марвана. Киннасрин был центром военного округа, в котором формировались войска, воевавшие в Малой Азии с византийцами. Здесь также можно было надеяться собрать войско.

А в это время Абдаллах б. Али подошел к Харрану. Абан не стал рисковать жизнью ради неудачливого родственника и, надев черную одежду, вышел во главе горожан встречать победителя. Он был прощен, потерял пост, но сохранил жизнь.

Разрушив дом, в котором находился в заключении и погиб Ибрахим, Абдаллах б. Али направился к Киннасрину. По дороге он задержался на два дня в Манбидже, и там к нему явились посланцы из Киннасрина, уже покинутого Марваном, с изъявлением покорности. В Манбидже же к нему прибыло подкрепление в 4000 человек, присланное Абу-л-Аббасом. Движение аббасидской армии превращалось в триумфальное шествие.

А Марван уходил все дальше на юг. Жители Химса встретили его с подарками, но, когда он через два или три дня отправился в Дамаск, поняли, насколько невелико его войско, и, вспомнив недавние обиды, решили на него напасть. Издалека заметив пыль, поднятую конницей преследователей, Марван оставил засаду. Когда химсцы, несмотря на уговоры, все же атаковали Марвана, на них сзади из засады напали всадники. Химсцы обратились в бегство. Марван преследовал их до города, но для осады города у него не было ни сил, ни времени, и он продолжил свой путь к Дамаску. Дамаск был последней надеждой. Арабы Южной Сирии были опорой династии и их вряд ли могло обра-

довать появление на их землях чужаков. Марван оставил в Дамаске своего двоюродного брата и зятя ал-Валида б. Йазида, поручив ему оборонять город, пока не соберется сирийское войско, сам же ушел в Палестину. Найти там поддержку, однако, тоже не удалось. У него не было денег, чтобы купить ее, и не было достаточно войска, чтобы эти деньги добыть. Палестина в это время оказалась во власти некоего ал-Хакама б. Диббана, в руках которого находилась и палестинская казна. Более того, даже свободно выйти из Палестины, не получив согласия вождя бану джузам, обитавших на юге, Марван не мог.

Тем временем к Дамаску приблизился Абдаллах б. Али, к которому на подходе к городу присоединился брат — Салих б. Али с 8000 воинов, присланный Абу-л-Аббасом для подкрепления. Дамаск не открыл ворота перед войском Аббасидов, его плотно обложили со всех сторон, осада затянулась. В городе, возможно, ощутилась нехватка продовольствия, во всяком случае, там началась междоусобица, в которой был убит Валид б. Йазид, после чего в среду 10 рамадана/22 апреля 750 г. горожане открыли ворота[51]. Они получили прощение за то, что не сдались сразу, южная стена города была разрушена, чтобы впредь не сопротивлялись высшей власти.

Абдаллах б. Али задержался в Дамаске на 15 дней, не торопясь догнать и уничтожить Марвана. Пользуясь этим, Марван по приморской дороге через ал-Ариш ушел в Египет.

Из Дамаска Абдаллах б. Али через Байсан прошел в центр Палестины, к Рамле и, как незадолго до этого Марван, встал на реке Абу Футрус. По-видимому, это пришлось на первые дни шаввала, когда праздновалось окончание поста, и Абдаллах б. Али пригласил к себе Умаййадов якобы для вручения им подарков, обычных в эти дни. По ходу приема поэт начал читать стихи, оскорблявшие Умаййадов. Старейший из них возмутился, но Абдаллах велел читать дальше, а затем дал знак людям, и те стали проламывать головы Умаййадам. Один из сидевших где-то с края крикнул, напоминая о родстве Умаййадов с Хашимитами, но Абдаллах ответил, что убиение Хусайна уничтожило эти узы родства, и избиение было доведено до конца. Тела убитых были сложены вместе, Абдаллах приказал их накрыть ковром и воссел на них, как на троне, сказав, что это месть за Хусайна, но и она еще не достаточна[52].

Сообщается, что на Абу Футрусе было убито 72 человека, неясно только, были ли все они убиты на том приеме или в это число входят убитые при иных обстоятельствах. Известно, что Абдаллах отправил некоторых Умаййадов к Абу-л-Аббасу, и тот убил их и распял. Число 72 не случайно — считалось, что именно столько родственников и спутников Хусайна было убито в Кербеле.

Итак, во власти Аббасидов теперь были вся Сирия и Палестина, однако в Ираке все еще сохранялся очаг сопротивления. Его центр находился в ал-Мадаине, куда перебрались из Васита Ибн Хубайра и остатки его сторонников.

В конце мухаррама/середине сентября 749 г. Абу Салама послал против Ибн Хубайры Хасана б. Кахтабу. Тот в начале сафара (в начале третьей декады сентября) остановился в Махузе, т.е. в Селевкии, окружил его рвом, однако особой активности не проявлял. Инициатором большого сражения стал Ибн Хубайра. Оно произошло около лагеря хорасанцев (от даты сохранилось только указание дня недели — среда), длилось целый день и закончилось с наступлением темноты. Ибн Хубайра отошел в свой лагерь, и утром хорасанцы беспрепятственно подобрали своих убитых и похоронили их во рву. Среди знатных убитых был и Йазид б. Кахтаба.

Через два месяца военные действия против Ибн Хубайры возглавил Абу Джа‘фар Абдаллах, брат Абу-л-Аббаса, который тоже в течение трех месяцев не мог добиться успеха. В Сирии был уже захвачен Дамаск, Марван покинул Палестину, а здесь, под боком у нового халифа, никак не удавалось сладить с наместником халифа бывшего. Пришлось идти на переговоры. В конце шаввала (в первой декаде июля 750 г.) с предложением о заключении мирного договора к Ибн Хубайре явился Хасан б. Кахтаба, обещавший, что в договоре будут учтены все пожелания другой стороны. Переговоры затянулись на полмесяца. Наконец, в пятницу 15 зу-л-ка‘да договор был подписан. Всем, кто примет присягу новому халифу, гарантировалась полная амнистия, а Йазиду б. Хубайре предоставлялось право с 500 сторонниками оставаться в течение 50 дней в восточной части города, не принимая присяги, после чего он должен был сделать окончательный выбор. В субботу ворота были открыты, осаждавшие символически вошли в город и снова вышли. На следующий день город был уже по-настоящему открыт для всех.

Йазид б. Хубайра, усыпленный обещанием гарантии неприкосновенности, приехал к Абу Джа‘фару. Абу Джа‘фар обратился к нему в пренебрежительной манере и напомнил об особых правах своего рода на власть. Ибн Хубайра ответил ему, не выказав смирения, и Абу Джа‘фар приказал его казнить, невзирая на гарантию неприкосновенности, данную договором. Дело было, конечно, не в том или ином ответе Ибн Хубайры, а в желании расправиться с противником любым способом; в тот же день казнены были помимо Йазида и его брата, также секретарь и другие лица из окружения бывшего наместника. Одному из таких приближенных удалось укрыться в городе. Через три дня глашатай возвестил, что ему дается гарантия неприкосновенности, он поверил, объявился и тут же был казнен. Такое даже в те жестокие

времена было неслыханным. Нарушить данное слово считалось недопустимым, конечно, находили какие-нибудь уловки, но изменять ему так нагло избегали[53].

Марван перебрался в Египет, когда Ибн Хубайра еще держал оборону. В Восточном Хауфе (восточная сторона Дельты) он появился за восемь дней до конца шаввала/2 июня 750 г. Недели две он пытался найти поддержку у местных арабов, но они и прежде относились к нему прохладно, и поддержки в Фустате он не нашел — многие уже начали носить черное. В Александрии были те же настроения, и уйти на запад не представлялось возможным. А Салих б. Али уже подходил к Египту: он шел по той же приморской дороге, посадив часть войска на суда. У Марвана оставался один выход: уходить на юг, в Верхний Египет. Он переправился на западный берег, в Гизу, в буквальном смысле слова сжег за собой мосты, поджег запасы зерна и двинулся на юг. Во вторник 13 июня в Фустат вошел Салих б. Али.

Марван ушел за файюмский рукав Нила и разрушил мост. Здесь, за широким протоком, текущим между высоких берегов, в Бусире, можно было не опасаться внезапного нападения большой массы конницы и дождаться разлива Нила.

Салих б. Али сам возглавил войско, вышедшее добивать Марвана. После первых столкновений след Марвана исчез. Одному из разъездов Салиха удалось захватить пленного, который сообщил о месте, где укрылся Марван. Марван со своим небольшим отрядом принял неравный бой и был убит. Лишь немногим его сотоварищам удалось остаться в живых после этого боя. Среди них был сын Марвана, Абдаллах, который с остатками отряда отца с большими приключениями пробился через Нубию и Эфиопию к Баб эль-Мандебскому проливу и переправился в Йемен[54].

Последний умаййадский халиф погиб 1 или 5 августа 750 г. Первая дата, сообщаемая ал-Кинди на основании египетской исторической традиции, представляется более надежной[55]. Салих возвратился в Фустат в воскресенье 8 мухаррама 133/16 августа 750 г., но недолго оставался в нем, получив назначение наместником Палестины и Урдунна с непосредственным подчинением халифу. Наместником Египта стал Абу Аун. На этом, в сущности, закончилось завоевание Аббасидами Халифата. Другие важные провинции также были отданы в управление: Абу Джа‘фару были поручены Джазира, Арминийа и Азарбайджан, другому брату Абу-л-Аббаса, Йахйе, — область Мосула. Но никто из них не обладал такой властью, как Абу Муслим, правивший на территории от Хамадана до Самарканда. Абу-л-Аббас и Абу Джа‘фар с опасением смотрели на могущественного человека, которому были обязаны властью.

Приход Аббасидов к власти не был простой сменой одной династии другой, близкой прежней по происхождению, с тем же языком и религией. В силу обстоятельств, связанных с организацией пропаганды и составом участников движения, Аббасиды помимо своей воли оказались в отличие от Умаййадов ориентированы не на бывший византийский запад Халифата, а на иранский восток. Это не было заявлено, но поскольку главным противником в борьбе за власть были сирийцы, то Аббасиды не могли сделать своей резиденцией ни Дамаск, ни Харран, ни какой-либо другой сирийский город. Естественно было обосноваться в Ираке. Конечно, новой столицей должна была бы стать Куфа, но многолюдный город с беспокойным населением не прельстил Абу-л-Аббаса, и он разместился в его северном пригороде, ан-Нухайле, а потом построил новую резиденцию, ал-Хашимийу, около ал-Анбара. Но в любом случае центром Халифата стал Ирак.

Перенос столицы в восточную половину государства в некотором отношении аналогичен переносу Петром I столицы на берег Балтийского моря, только в одном случае в новый город вслед за монархом потянулись западноевропейцы, а в другом — хорасанцы и мавераннахрцы. Многочисленные мавлы, пришедшие с победной армией, не могли уже быть мусульманами второго сорта: утратив монополию на власть, арабы утратили и монополию на ислам. Это произошло без какого-то указа, да его и не требовалось, поскольку равенство всех мусульман было декларировано в самом вероучении. О болезненной проблеме налогового неравноправия мусульман-неарабов, нередко упоминавшейся в умаййадское время, при Аббасидах не говорится.

Интернационализация ислама, реально происшедшая после победы Аббасидов, имела огромное значение для его распространения. Эти изменения осознавались современниками и особенно следующим поколением, имевшим возможность оценить последствия случившегося во временной перспективе. Суть этих изменений прекрасно охарактеризовал историк середины IX в. Абу Тахир Тайфур: «И перешла власть от сынов Умаййи к сынам ал-Аббаса при этом [сочетании звезд], и отошла вера магов от дихканов, и приняли они ислам во время Абу Муслима, и был этот переход похож на начало новой общины [верующих] (*милла*)»[56]. В этом смысле аббасидский переворот действительно можно оценивать как революцию в истории мусульманского мира. Ислам перестал быть религией только арабов, и для его развития открылись большие возможности. В этом отношении не будет ошибкой сказать, что с падением Умаййадов Халифат из арабского превратился в мусульманский. Но произошло это помимо воли новой династии, под воздействием объективных причин.

* * *

В старинных романах авторы, закончив счастливой свадьбой повествование о приключениях своих героев, считали необходимым рассказать читателям, как сложились дальнейшие судьбы упомянутых лиц — и благородных, и мерзавцев. Попробуем и мы воспользоваться этим старомодным приемом, как-то неловко с разбега остановиться в разгаре событий.

Аббасиды, объявившие о наступлении с их приходом царства справедливости, оказались беспощадными не только к врагам, но и к тем, кто привел их к власти. Очень мешал им Абу Салама: невозможно было простить ему сорок дней неопределенности в Куфе. От него надо было избавиться, и только опасение, что Абу Муслим может вмешаться и отомстить за Абу Саламу, удерживало их от немедленной расправы. Но Абу Муслим не только не стал отговаривать братьев, но даже прислал из Мерва надежного человека, который ночью заколол Абу Саламу, возвращавшегося домой от халифа. Убийство списали на хариджитов, а Абу-л-Аббас остался вне подозрений. Это убийство прошло так малозаметно, что точная дата не запомнилась, ат-Табари относит его к 133 г. х. В том же году, но, вероятно, несколько позже, Абу Муслим собственноручно убил Сулаймана б. Касира, и это была не последняя расправа с сотоварищами по пропаганде и борьбе за светлое будущее в царстве справедливости.

Однако до наступления царства справедливости, во имя торжества которого сирийские арабы не пожелали помочь Марвану, было далеко; более того, положение борцов за приход этого царства только ухудшилось. Весной 751 г. восстали палестинские арабы, подавлением которых пришлось заняться Абдаллаху б. Али, и примерно в тоже время на севере Сирии произошло еще более опасное восстание, охватившее территории от Киннасрина до Тадмура и возглавленное Абу-л-Вардом, главой киннасринцев, год назад присягавшим на верность новой династии. Восставшие признали халифом Абу Мухаммада Зийада, правнука Му‘авийи б. Абу Суфйана, и надели белые одежды, символизирующие власть Умаййадов. Абу-л-Аббас послал против них своего дядю Абдассамада б. Али с семитысячным войском, подкрепленным затем еще пятью тысячами, но тот потерпел поражение и вынужден был отступить к Химсу. Абдаллаху б. Али пришлось, заключив какое-то соглашение с палестинцами, идти на помощь брату. Совместными усилиями им удалось в последние дни 132 г. х. (последние дня июля 751 г.) разгромить восставших. А за это время дамаскинцы, воспользовавшись уходом Абдаллаха б. Али, также подняли белое знамя, в вооруженном столкновении разгромили заместителя Абдаллаха, изгнали его из города, разграбили имущество, оставленное Абдаллахом, но не тронули

его семью. Правда, когда он возвратился победителем, мятежники покаялись, вновь присягнули и получили помилование.

На востоке, в вотчине Абу Муслима, тоже было неспокойно. В начале лета 751 г. восстали арабы Бухары. Их предводитель Шарик б. Шайх ал-Махри заявил: «Не затем мы последовали за семьей Мухаммада, чтобы проливать кровь и действовать беззаконно». Одновременно от халифа отпал и весь Согд. Зийаду б. Салиху после овладения Бухарой вновь пришлось покорять Самарканд и Кешш. Апогеем карательного похода Зийада б. Салиха стал разгром объединенной китайско-тюркской армии под Таразом, который оказался важен для мусульманского мира не политически, а культурно-исторически: благодаря захваченным китайским пленным в Самарканде, а затем и в других городах было освоено производство бумаги. Зийад б. Салих был назначен наместником Мавераннахра, но через год, подстрекаемый халифом, поднял восстание против Абу Муслима и был убит.

В 754 г. Абу-л-Аббас скончался, передав власть Абу Джа‘фару, принявшему тронное имя ал-Мансур («Победоносный»). В 755 г. ему наконец удалось, усыпив бдительность Абу Муслима, чуть ли не собственноручно убить того в своем дворце. Так сошел со сцены последний герой великого переворота, и на ней стали действовать иные персонажи, а в 756 г., словно ставя пограничный знак, обозначающий окончательное завершение старой и начало новой эпохи, независимым амиром Андалусии стал Умаййад Абдаррахман. С этого начинается постепенный распад Халифата.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Таб., II, с.1573.
[2] Анон., 1960.
[3] Анон., изд. Ад-Дури.
[4] Анон.
[5] Cahen, 1963; Shaban, 1970; Sharon, 1985; 1990.
[6] Strika, 1968; Schlumberger, 1986; Hamilton, 1959; Grabar, 1978.

Глава 1

[1] Колесников, 1998, с. 209–212.
[2] Халифа, с. 289–270.
[3] Балаз., А., т.11, с. 304–305.
[4] Зуб., с. 417.
[5] Балаз., А., т. 11, с. 279.

[6] Эту дату дает только ал-Балазури: [Балаз., А., т. 11, с. 282]. Ат-Табари упоминает этот мятеж под 76 г. х. до сражения у Рамхурмуза [Таб., II, с. 874]; Халифа упоминает его под 75 г. х. [Халифа, с. 269]. Датируя прибытие ал-Хаджжаджа в Рустукбад 75 г., он тут же упоминает о мятеже. Отсутствие увязки этого мятежа со сражением у Рамхурмуза не дает никакой относительной датировки для мятежа. Ал-Балазури определенно говорит о нескольких месяцах стоянки в Рустукбаде. Единственный подробный рассказ о нем у ал-Балазури [Балаз., А., т. 11, с. 280–290].

[7] Балаз., А., т. 11, с. 288. Конкретные данные сильно различаются: 6000 или 1600; не зная общей численности войска в Рустукбаде, трудно судить о том, какая из этих цифр реальна и какую часть войска составляет. Во всяком случае, силы сторон были примерно равны.

[8] Согласно ат-Табари, Аттаб был послан заменить командующего куфийским контингентом в войске ал-Мухаллаба, погибшего в бою под Рамхурмузом [Таб., II, с. 877] (см. т. III, с. 272), т.е. в самом начале 695 г. Однако, по сведениям Абу Михнафа, он прибыл к ал-Мухаллабу в один из двух месяцев джумада [И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 225], что соответствует 17.VIII — 14.X.695 г. и пробыл под его командованием 18 месяцев. Время прибытия близко ко времени мятежа в Рустукбаде (особенно, если говорить о джумаде I). Правда, обратный отсчет от времени прибытия Аттаба в Ирак осенью (сентябрь–октябрь 696 г.) дает начало восемнадцатимесячного срока в начале 695 г.

[9] Балаз., т. 11, с. 303–304.
[10] Балаз., т. 11, с. 295–301.
[11] Таб., II, с. 988–989.
[12] Таб., II, с. 913–914.
[13] Халифа, с. 273; М^{e}, т. 3, с. 147.

[14] У ат-Табари [II, с. 922] здесь какая-то путаница. Он сообщает (по Абу Михнафу): «И пришел он в Наджран, а это — Наджран Куфы в округе (*нахийа*) Айн ат-Тамра...». Затем Шабиб узнает, что отряды семи амиров собрались в Нижнем Бехкубаде в 24 фарсахах (около 150 км) ниже Куфы, идет туда и рассеивает их. Здесь явная ошибка: согласно Йакуту, Наджран находился в двух днях пути (80–90 км) на дороге в Васит [Йак., т. IV, с. 747]. Несомненно, упомянутый Наджран находился восточнее Куфы.

[15] Этот день, *йаум ат-тарвийа*, ат-Табари называет вторником [Таб., II, с. 933], хотя этот день, 8 зу-л-хиджжа, — суббота. Вторником было 11 зу-л-хиджжа, т.е. день, когда кончилось перемирие. Возможно, это и стало причиной ошибки.

[16] Первый раз монастырь с таким названием упоминается в связи с военными действиями в районе Бараз Руза и ан-Нахравана [Таб., II, с. 906–907], здесь же речь идет о районе, граничащем с областью Мосула [Таб., II, с. 934–939]. Нельзя исключить существование двух одноименных монастырей, но закрадывается сомнение, не расхожее ли это название, которое появляется в разных рассказах о борьбе с Шабибом.

[17] Ат-Табари [II, с. 941] называет Мах Бехзадан; Ибн Абу-л-Хадид [т. 1, с. 235] называет ан-Нахраван, что невероятно, так как это слишком близко к Мадаину, а главное — этот район не отличается летней прохладой, речь может идти только о верховьях Диялы.

[18] Таб., II, с. 988–989.

[19] Таб., II, с. 955.

[20] Таб., II, с. 964.

[21] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 237. Ат-Табари, приводя тот же текст, опускает несколько слов, в том числе о Мас‘аде и Газале [Таб., II, с. 965]; в другом рассказе о разгроме Шабиба говорится, что ал-Хаджжадж послал Халида в атаку, во время которой была убита Газала, ей отрубили голову, но Шабиб настиг воина, везшего голову, убил его, голову омыли и похоронили. Халид, вернувшись из боя, доложил о победе и бегстве хариджитов [Таб., II, с. 967]. Ибн Абу-л-Хадид не приводит этой версии, а сразу сообщает об отступлении Шабиба к Мадаину [т. 1, с. 238]. Ал-Куфи вообще не упоминает решающей роли Халида, зато сообщает о яростной атаке хариджиток под предводительством Газалы, отбросивших воинов ал-Хаджжаджа к центру города, ко дворцу. Затем вдруг сообщается о разгроме хариджитов [Куфи, т. 7, с. 89–91]. Гибель же Газалы относится им ко времени последнего сражения на Дуджайле [т. 7, с. 92].

[22] Таб., II, с. 968; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 238.

[23] Таб., II, с. 989–992. На то, что Мутарриф некоторое время выжидал исхода борьбы Шабиба с ал-Хаджжаджем, свидетельствует то, что во время прохождения его через Хулван к нему присоединился ал-Хаджжадж б. Джарийа, бывший участником или очевидцем сражения у Куфы [Таб., II, с. 992]. Это же является единственной косвенной датой в истории подавления мятежа Мутаррифа.

[24] Таб., II, с. 994.

[25] Таб., II, с. 995–996.

[26] Таб., II, с. 995–1000.

[27] Таб., II, с. 971–972.

[28] Таб., II, с. 974. Автор этой легенды — Фарва б. Лакит, главный передатчик апологетической информации о Шабибе.

[29] Таб., II, с. 972–976; И. Абу-л-Хадид; т. 1, с. 238–239; Куфи, т. 7, с. 91–92.

[30] Халифа, с. 275.

[31] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 225. Сабур (арабская передача персидского Шапур, или Бишапур), центр одноименного округа Фарса, располагался в 20 км севернее Казеруна, одна из резиденций сасанидских царей, известна наскальными рельефами. Город был хорошо защищен каменной крепостной стеной.

[32] Куфи, т. 7, с. 28; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 22.

[33] Куфи, т. 7, с. 29. В тексте год не назван, но по порядку изложения это может быть только зима 695/96 г., а не предыдущая.

[34] Колесников, 1998, с. 212. Изложенному ходу событий противоречит указание на драхмы, чеканенные на том же монетном дворе, датированные 76 г. х. [там же]. Единственное возможное объяснение (если не пересматривать всю хронологию событий этого периода) — их чеканили в Казеруне, указывая название провинции. Тот же вопрос возникает относительно драхмы, чеканенной в Истахре в 76 г. х.

[35] Куфи, т. 7, с. 17–26; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 224–225.

[36] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 225.

[37] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 225–226; Куфи, т. 7, с. 55–57. Куфи не упоминает провокационных действий ал-Мухаллаба, направленных на разложение азракитов, а начинает их с раскола на три группировки после взятия ал-Байда.

[38] Куфи, т. 7, с. 34. Ущелье Бавван, расположенное в 2 фарсахах от Наубанджана на дороге в Шираз [BGA, т. 1, с. 128; т. 5, с. 43–44, пер., с. 71], славилось изобилием плодовых деревьев, что позволяет предположить, что *йаум ал-бустан* («день сада») [Таб., II, с. 1003] и есть сражение в Бавване, хотя из его изложения кажется, что *йаум ал-бустан* относится к более позднему времени.

Издатель сочинения ал-Куфи и прим. 1 на указанной странице поясняет со ссылкой на Йакута, что Бавван находится на границе Фарса и Кирмана, но локализация его у ал-Истахри не вызывает сомнений.

[39] Куфи, т. 7, с. 42; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 226. Последний не упоминает осады ал-Байда.

[40] Куфи, т. 7, с. 42–44. Судьба ал-Байда не ясна: рассказав о боях под этим городом, ал-Куфи перескакивает к рассказу о расколе в стане азракитов и действие разворачивается вокруг Джируфта; Ибн Абу-л-Хадид вообще не упоминает этого города. Возможно, туда отступили не все азракиты, а только один из отрядов.

[41] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 226.

[42] Куфи, т. 7, с. 55–57; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 226–227. Согласно последнему, раскол произошел после изгнания азракитов из Сирджана. Ат-Табари [II, с. 1006] объясняет раскол тем, что ал-Мука‘тари, которого он называет наместником Кирмана (или главой его финансового ведомства — *амилом*), незаслуженно убил достойного азракита, возмущенные соратники потребовали его наказать, а когда Катари отказался, присягнули Абдраббихи Старшему.

[43] Куфи, т. 7, с. 33–40; И. Абу-л-Хадид Атийу в этой ситуации не упоминает.

[44] И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 227–228.

[45] Куфи, т. 7, с. 60–61.

[46] Куфи, т. 7, с. 61, Ал-Йа‘куби сообщает, что Катари ушел в Табаристан с 22 000 воинов [Йа‘к., т. 2, с. 329], но мы знаем, что после раскола у него осталось не больше четверти войска, да и то понесло потери в последнем сражении.

[47] Куфи, т. 7, с. 62–63.

[48] Куфи, т. 7, с. 63. По сведениям ал-Йа‘куби, ал-Мухаллаб вытеснил Атийу в Сиджистан, где тот и был убит [Йа‘к., т. 2, с. 329].

[49] Куфи, т. 7, с. 64–70; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 228–229; Таб., II, с. 1007.

[50] Беседа ал-Хаджжаджа с поэтом-краснобаем по всей вероятности апокрифична: два автора приводят совершенно разные имена, но ответы совпадают почти

полностью [Куфи, т. 7, с. 73–78; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 229] — для рассказчиков ценны были ответы, а не истинное имя посланца.

[51] Халифа, с. 275; Таб., II, с. 1003–1997. Правда, ат-Табари начинает повествование с рассказа о расколе между Катари и Абдраббихи Старшим. Более ранние события упоминаются в длинной поэме, прославляющей подвиги аздитов в этой войне [Таб., II, с. 1008–1017], но, естественно, без датировки.

[52] Колесников, 1998, с. 212.

[53] Таб., II, с. 1033; Куфи, т. 7, с. 77–78; И. Абу-л-Хадид, т. 1, с. 229.

[54] Йа‘к., т. 2, с. 329–330. Ни ат-Табари, ни ал-Куфи не упоминают изгнания испехбеда из Табаристана. В «Истории Табаристана, Руйана и Мазандарана» ал-Мар‘аши (XV в.) сообщается, что испехбед Фаррухан, узнав о появлении Суфйана, договорился с ним, что сам справится с Катари, если Суфйан не введет войско в Табаристан [Мар‘аши, с. 45], в более ранней «Истории Табаристана» Ибн Исфендийара (XIII в.) сообщается, что Катари погиб в поединке с местным дихканом, но также не говорится о захвате Катари Табаристана.

[55] Куфи, т. 7, с. 79–80.

[56] Таб., II, с. 1020–1021.

[57] Таб., II, с. 1018–1019.

[58] Халифа, с. 275; Таб., II, с. 1032.

[59] Халифа, с. 275–277.

[60] Балаз., Ф., с. 399. Дата у Халифы [с. 273], который сообщает, что Абдаллах б. Умаййа вынужден был заплатить деньги, чтобы благополучно вывести войско. В «Тарих-и Систан» все перевернуто наоборот: Абдаллах отрезал пути отступления правителю Кабулистана рутбилу и потребовал от него выкуп в 2 млн. дирхемов (из которых 500 тыс. — лично для себя), за что ал-Хаджжадж сместил его [Т. Сист., с. 108, пер., с. 127–128].

[61] В тексте [Таб., II, с. 1024] глагол в совершенной форме может означать совершенное действие в прошедшем или долженствующее совершиться в будущем. В переводе В.И. Беляева [Таб., пер., с. 73] глагол переведен в будущем времени и фраза означает, что те немусульмане, которые примут ислам, будут освобождены от хараджа, но не исключена возможность, что имелись в виду мусульмане из местных жителей, продолжавшие платить налог. Как явствует из дальнейшего, харадж платили даже некоторые мусульмане-арабы [Таб., II, с. 1029, пер., с. 76].

[62] Таб., II, с. 1029, пер., с. 76.

[63] Таб., II, с. 1022–1031, пер., с. 72–78.

[64] Таб., II, с. 1149, пер., с. 102.

[65] Таб., II, с. 1031, пер., с. 78.

[66] Таб., II, с. 1032, пер., с. 79.

[67] Таб., II, с. 1033, пер., с. 79.

[68] Таб., II, с. 1034–1035, пер., с. 80.

[69] Таб., II, с. 1035, пер., с. 80.

[70] Согласно ат-Табари, Убайдаллах прибыл в Сиджистан в 78 г. х. и пробыл там до конца года (февраль — начало марта 696 г.), а затем выступил в поход [Таб., II, с. 1036]. В «Тарих-и Систан» говорится о прибытии Убайдаллаха в начале 78 г. х./ апреле 697 г. Рассматривать эту дату всерьез невозможно, так как все события этого похода совершенно перепутаны: первым в Сиджистан прибывает Хариш б. Бистам, его войско, мучимое голодом и жаждой, сражается с хариджитами (!), и в этом бою погибает Шурайх б. Хани. Затем, в начале 78 г. х. в Сиджистан прибывает Убайдаллах, сражается с Зунбилем (рутбилом) около Буста и заключает

мирный договор, по которому обязуется уплатить 700 000 дирхемов [Т. Сист., с. 111, пер., с. 130]. Любопытно, что, по сообщению Халифы [с. 275], командующим армией, попавшей в окружение, также оказывается не Убайдаллах, а его сын Абу Барза‘а.

[71] Согласно ат-Табари, когда изголодавшееся войско вошло на мусульманскую территорию, встречавшие их мусульмане приносили еду, голодные набрасывались на нее и умирали, тогда им стали давать понемногу [Таб., II, с. 1038]. У ал-Балазури не упоминается происхождение этой пищи, но говорится, что когда Убайдаллах увидел бедственное положение войска, то купил пшеницу и стал продавать ее по дирхему за *кафиз* [Балаз., А., т. 11, с. 313]. Какой *кафиз* имеется в виду — неясно. Если это *кафиз* в восемь *маккуков* (около 48 кг), то это — в три-четыре раза ниже обычной цены. Если же имеется в виду так называемый *кафиз ал-хаджжаджи*, равный *са‘* (3,5 кг), то цена окажется в три-четыре раза выше обычной. В цитированных строках из поэмы А‘ши продажа по указанной цене входит в перечень осуждаемых поступков Убайдаллаха.

[72] Балаз., А., т. 11, с. 314.

[73] Балаз., А., т. 11, с. 315–317.

[74] Т. Сист., с. 112, пер., с. 130. Другие говорят о смерти от огорчения [Балаз., А., т. 11, с. 114; Балаз., Ф., с. 399; Таб., II, с. 76; Балаз., А., т. 11, с. 317]. По сообщению ал-Балазури, ал-Хаджжадж, узнав об этом, приказал ал-Мухаллабу послать в Сиджистан надежного человека с отрядом, и тот послал Ваки‘ б. Бакра или б. Ка‘ба ал-Аш‘ари. Абу Барза‘а дал ему взятку в 300 000 дирхемов и остался управлять Сиджистаном до прибытия Абдаррахмана б. ал-Аш‘аса.

[75] Таб., II, 1040–1042, пер., с. 81–82.

[76] Таб., II, с. 1041. Судя по рассказу о сражении ал-Джунайда с тюрками под Самаркандом в 730 г., ал-Мухтарака находилась на степной дороге из Кешша в Самарканд [Таб., II, с. 1733, пер., с. 220]. Скорее всего, она находилась где-то в районе селения Сарикул. У В.В. Бартольда [Соч., т. 1, с. 182] локализовано неверно.

[77] Таб., II, с. 1041–1042, пер., с. 81–82.

[78] Таб., II, с. 1077, пер., с. 85.

[79] Таб., II, с. 1078, пер., с. 85–86.

[80] Таб., II, с. 1080–1082, пер., с. 86–88.

[81] Таб., II, с. 1152, пер., с. 104.

[82] Таб., II, с. 1038.

[83] Балаз., А., т. 11, с. 318–319; Динав., с. 332; Таб., II, с. 1042–1043; Куфи, т. 7, с. 115.

[84] Балаз., А., т. 11, с. 121; Таб., II, с. 1046. В «Тарих-и Систан» Хумам б. Ади ас-Садуси оказывается главой хариджитского войска в Систане (Сиджистане) [Т. Сист., с. 113, пер., с. 131].

[85] Балаз., А., т. 11, с. 319; Ат-Табари говорит о двадцатитысячном войске (быть может, понимая под ним все войско) [Таб., II, с. 1043]; у ал-Йа‘куби все войско — 10 000 [Йа‘к., т. 2, с. 331].

[86] Балаз., А., т. 11, с. 324.

[87] Балаз., А., т. 11, с. 324.

[88] Балаз., А., т. 11, с. 322. У ат-Табари упоминается только согласие платить харадж [Таб., II, с. 1045].

[89] Таб., II, с. 1053; ал-Балазури приводит почти тот же текст письма, но с более резким обращением: «О сын вероломного предателя» [Балаз., А., т. 11, с. 323].

Такое оскорбительное обращение на первом этапе этой переписки вряд ли возможно.

[90] Таб., II, с. 1053. У ал-Балазури только пересказ содержания, а не цитата [Балаз., А., т. 11, с. 324], контекст позволяет предположить, что в подкрепление своего приказа ал-Хаджжадж одновременно послал в качестве подмоги из Табаристана Исхака б. Мухаммада, хотя упоминание его сразу после письма может быть случайным.

[91] Ал-Куфи не упоминает переписки с ал-Хаджжаджем, а сразу после сообщения о послании рутбила с изъявлением покорности пишет: «И решил сын ал-Аш'аса свергнуть [ал-Хаджжаджа] и восстать»; для этого он составил подложное письмо от имени ал-Хаджжаджа с приказом казнить некоторых из военачальников, по секрету показывал его соответствующим людям и этим склонил их поддержать мятеж [Куфи, т. 7, с. 116–117].

[92] Балаз., А., т. 11, с. 329, 332, 335, 336; Таб., II, с. 1042, пер., с. 82.

[93] Сведения об этом противоречивы: согласно ал-Балазури присяга Ибн ал-Аш'асу в Фарсе не означала выступления против халифа [Балаз., А., т. 11, с. 326, 334; Таб., II, с. 1057–1058].

[94] Балаз., А., т. 11, с. 327.

[95] Таб., II, с. 1062; в Тустаре: [Балаз., А., т. 11, с. 339; Таб., II, с. 1060], в семи фарсахах от ал-Ахваза: [Куфи, т. 7, ст. 130]; ал-Хаджжадж — в Рустукбаде, Ибн ал-Аш'ас — в Тустаре [Таб., II, с. 1062].

[96] Балаз., А., т. 11, с. 339–340; Таб., II, с. 1060. Убито сирийцев: 1500 [Таб., II, 1062], 2000 [Балаз., А., т. 11, с. 342]. Даты этого сражения и выступления ал-Хаджжаджа иногда смешиваются: днем сражения называют то «День Арафата», то «День жертвоприношения», указываемые при этом дни недели не совпадают с датами этих праздничных дней; даты пересчитаны по праздничным дням, как лучше запоминающимся.

[97] Табари сообщает о раздаче 150 млн. дирхемов [Таб., II, с. 1062]. Цифра представляется преувеличенной, так как в несколько раз превосходит сумму годичного поступления налогов Ирака в деньгах (сведения о хараджe Ирака в десять миллионов дирхемов включают стоимость натуральных поступлений), налог с Южного Ирана в этом году ал-Хаджжадж не мог получить, поскольку он находился в руках Ибн ал-Аш'аса.

[98] Таб., II, с. 1062–1063.

[99] Халифа, с. 280; Балаз., А., т. 11, с. 343. Сообщение о том, что подобный совет с тем же обоснованием давал ал-Мухаллаб в письме [Балаз., А., т. 11, с. 336], представляется маловероятным — переписка вряд ли могла поспеть за быстро менявшейся обстановкой.

[100] «В четверг, когда осталось семь дней зу-л-хаджжа» [Балаз., А., т. 11, с. 342].

[101] Балаз., А., т. 11, с. 344–348 (основной источник сведений); Куфи, т. 7, с. 134 (не упоминает атаки Суфйана, а пишет, что ночь разделила противников); Халифа, с. 280–282 (только упоминание об атаке и сведения о судьбе сторонников Ибн ал-Аш'аса).

Сражение датируется мухаррамом 82 г. х. [Халифа, с. 281, 285; Таб., II, с. 1064], более точную дату сообщает ал-Балазури: последнее воскресенье мухаррама [Балаз., А., т. 11, с. 349], т.е. 13 марта 701 г. Это расходится с рассказом участника событий, согласно которому бои на окраине Басры продолжались со среды до пятницы, когда был убит герой этого рассказа ал-Хариш в бою с отрядом Абдаррахмана. В другом месте он говорит, не называя чисел, что сражение за Басру произо-

шло в воскресенье в сафаре [Халифа, с. 284]. Поэтому дни боев, в которых отличился ал-Хариш, должны приходиться на конец мухаррама — начало сафара: среда — последний день мухаррама (16 марта 701 г.), четверг и пятница — 1 и 2 сафара, четвертым днем сражения была суббота, вечер, который, по тогдашним представлениям, был уже началом воскресенья. Но если это так, то между генеральным сражением (воскресенье 13 марта) и началом боев за Басру в среду был перерыв в два дня, о котором никто не говорит. По сведениям ал-Куфи [т. 7, с. 134], в бою погибло 500 верных сторонников ал-Аш'аса, значительные потери должно было понести и правительственное войско, такой перерыв был бы естественным для приведения войска в порядок.

[102] Продолжительность боев за Басру указывается различно: три дня [Халифа, с. 281; Таб., II, с. 1071], четыре [Балаз., А., т. 11, с. 349] или пять [Таб., II, с. 1066–1067]. Сказанное в предыдущем примечании позволяет, если считать, как арабы, по числу ночей, говорить о пяти днях сражения.

[103] Балаз., А., т. 11, с. 349.

[104] Так у ат-Табари [Таб., II, с. 1069]; ал-Балазури называет его главой администрации (или финансового ведомства — *амил*) [Балаз., А., т. 11, с. 353].

[105] Единственное подробное сообщение: Балаз., А., т. 11, с. 353–359; ср.: Таб., II, с. 1071.

[106] Один из участников сражения сообщает, что Ибн ал-Аш'ас прибыл в Дейр ал-Джамаджим во вторник раби' I 83 г. х., а через 100 дней, в среду 14 джумады I, произошло сражение [Таб., II, с. 1094]. 100 дней боев упоминает и ал-Куфи [т. 7, с. 139]. 1 раби' I в 83 г. х. действительно прихожится на вторник, но тем не менее год указан неверно: события около Басры, вне всякого сомнения, происходили в самом конце 81 — начале 82 г. х., известно, что ал-Хаджжадж пробыл в Басре сафар 82 г. х. и ушел к Куфе, да и сам ат-Табари помещает рассказ о событиях под Куфой среди других событий 82 г. х. [Таб., II, с. 1070–1077]. Кстати, упомянутая выше дата сражения соответствует 14 джумады II 82 г. х.

[107] Таб., II, с. 1072, У ал-Куфи несколько иные данные: ал-Хаджжадж остановился в Дейр ал-Джамаджиме, а Ибн ал-Аш'ас неподалеку от него, и ал-Хаджжадж приказал открыть водосброс [Куфи, т. 7, с. 136].

[108] Таб., II, с. 1073.

[109] Таб., II, с. 1073; Куфи, т. 7, с. 137.

[110] Таб., II, с. 1075; Куфи, т. 7, с. 149 (в обращении к воинам во время сражения).

[111] Куфи, т. 7, с. 134, 137, 139. Более вероятна цифра Халифы — 500 *курра'* [Халифа, с. 288].

[112] Таб., II, с. 1094; Халифа [с. 284] датирует 14 джумады, без указания, какой именно. Ат-Табари, следуя своему источнику, относит сражение к 83 г. х., вопреки собственным сведениям о том, что сражение под Басрой произошло в мухарраме 82 г. х. [Таб., II, с. 1064], и повествует о расположении противников и диспозиции родов войск под 82 г. х. Слепо положившись на текст ат-Табари, автор статьи о Дейр ал-Джамаджиме датировал сражение 83/702 г.

[113] Таб., II, с. 1076.

[114] Таб., II, с. 1095.

[115] Таб., II, с. 1096.

[116] Куфи, т. 7, с. 139.

[117] Таб., II, с. 1098; Куфи, т. 7, с. 144; А. Йус., с. 68.

[118] А. Йус., с. 87.

[119] Имеется в виду Кумайл б. Зийад [Куфи, т. 7, с. 141–142]; Таб., II, с. 1097–1098.

[120] Халифа, с. 288; Таб. II, с. 1112–1113; И. Абдрабб., т. 3, с. 14–15. (Два последних — один и тот же рассказ самого аш-Ша‘би.)

[121] Таб., II, с. 1098–1099, 1123–1125; Куфи, т. 7, с. 141, 145–146.

[122] Халифа [с. 285] указывает только месяц — ша‘бан, аз-Захаби, который для раннего периода широко использовал Халифу, указывает день недели и число: воскресенье 14 или 15 ша‘бана [Захаби, Т.И., т. 3, с. 232], число и день соответствует действительности, хотя не исключено, что «точная» дата могла появиться по аналогии с более известной датой сражения под Дейр ал-Джамаджимом. Ат-Табари не датирует сражение, лишь помещает рассказ о нем в разделе 83 г. х., что противоречит всему ходу событий.

[123] Локализация места сражения проблематична: в большинстве случаев называется Маскин на Дуджайле (Каруне), именно так определенно локализует его Йакут [Йак., т. 4, с. 569], а Халифа [с. 285] говорит о «ночи Дуджайла». Казалось бы все ясно, однако локализации сражения на Каруне противоречат два соображения: во-первых, чтобы преградить дорогу на Басру ал-Хаджжаджу, двигавшемуся по левому берегу Тигра и находившемуся около будущего Васита, Ибн ал-Аш‘ас должен был встретить его значительно западнее Каруна, во-вторых, после сражения Ибн ал-Аш‘ас отступал в Фарс через Сус (Шуш), следовательно, сражение произошло западнее Суса. Это предположение подкрепляется анонимным сообщением у ат-Табари [Таб., II, с. 1123–1124], что сражение произошло в Маскане, находящемся в Абаркубаде. Рустак Абаркубад орошался из Тигра [ЗВСА, V, с. 7, пер., с. 56] и поэтому никак не мог находиться на Каруне. Там же даются следующие уточнения: лагерь Ибн ал-Аш‘аса находился на канале Хадаш, являющемся низовьями Нахр Тира. Последний канал, выведенный из Керхэ, находился западнее этой реки, а одноименный город на этом канале, Тира, находился в дне пути (ок. 40 км западнее Ахваза на дороге в Васит [BGA, т. VII, с. 127]; лагерь ал-Хаджжаджа располагался на канале Африд (неизвестен) «и оба лагеря вместе между Диджлой (Тигр), ас-Сайбом и Кархом». Карх — современная Керхэ, ас-Сайб в этом районе неизвестен (географы знают два канала с таким названием в центре Савада). Однако примерно определить южную границу района военных действий помогает ал-Куфи, который вместо Маскина упоминает ал-Мафтах [Куфи, т. 7, с. 145], селение в области Басры, между Басрой и Earlier Васитом [Йак., т. 4, с. 586]. Таким образом, военные действия шли между Тигром и Керхэ, на северной границе административной области Басры, т.е. севернее Мазара (см. т. II, с. 88, рис. 9). Перемещение Маскина на Дуджайл может объясняться достаточно просто — сходством названия с Маскином на Дуджайле, где произошла решительная битва Абдалмалика с Мус‘абом б. аз-Зубайром (см. т. III, с. 264), что побудило превратить Диджлу в Дуджайл.

[124] Халифа, с. 285–288; подробнее: [Куфи, т. 7, с. 146–150].

[125] О высылке крестьян: [Таб., II, с. 1122; И. Абдрабб., т. 2, с. 92].

[126] Таб., II, с. 1101. Ал-Куфи, [т. 7, с. 151] также упоминает столкновение у Сабура, но как неудачное для Ибн ал-Аш‘аса, добавляя при том: «...и откололись от него его сторонники (*асхабуху*), и не стал Умара ибн Тамим преследовать их».

[127] Таб., II, с. 1103. Ал-Куфи излагает эти события несколько иначе: Зарандж не упоминается, Ибн ал-Аш‘ас сразу оказывается в Бусте, его освобождает не рутбил, а его соратники, прибывшие в Сиджистан [Куфи, т. 7, с. 151–152].

[128] Куфи, т. 7, с. 153.

[129] Таб., II, с. 1106; у Абдаррахмана б. Аббаса — 20 000.

[130] Таб., II, с. 1104–1106, пер., с. 90–91. Ал-Куфи излагает эти события совершенно иначе: он умалчивает о разногласиях в лагере мятежников и говорит, что Абдаррахман б. ал-Аббас был послан в Хорасан самим Ибн ал-Аш‘асом [Куфи, т. 7, с. 153].

[131] Таб., II, с. 1106–1109, пер., 91–93; Куфи, т. 7, с. 154–156.

[132] Васити, с. 43.

[133] Сафар, 1952, рис. 2.

[134] По всей видимости, здание собственно дворца занимало не всю площадь внутри дворцовой ограды, а по внутреннему ее периметру шла галерея.

[135] Балаз., Ф., с. 290.

[136] Васити, с. 44.

[137] Йакут сообщает, что строительство было начато в 83 г. х., длилось три года и завершилось в 86 г. х., в год смерти Абдалмалика [Йак., т. 4, с. 883], Васити тоже говорит о трех годах, но приводит другие даты: 75–78 гг. х. [Васити, с. 43]; ат-Табари сообщает о начале строительства в 83/702 г. [Таб., II, с. 1125–1126].

[138] Cahen, 1951, с. 123–126. Эти нормативы X–XI вв., выработанные тысячелетиями оросительных работ, вне всякого сомнения, существовали и в VIII в., и за много веков до этого.

[139] Это, конечно, минимальный расчет, в действительности трудовые затраты могли быть больше за счет дальней относки земли, когда могло потребоваться не два, а пять, семь и даже десять носильщиков, то же касается и сырцовых кирпичей, которые могли изготавливаться не около стены. Наконец, длина городской стены могла быть больше 2600 м.

[140] Васити, с. 43.

[141] BGA, V, с. 15.

[142] Васити, с. 44.

[143] Васити, с. 41–42, 44.

[144] Балаз., Ф., с. 290.

[145] Феоф., т. 1, с. 370, т. 2, с. 236. В тексте речь явно идет не о сдаче им Лазики арабам.

[146] Халифа, с. 267–269, 273; Йа‘к., т. 2, с. 336; Таб., II, с. 863.

[147] Халифа, с. 275; Таб., II, с. 1032 (только упоминание похода). Ал-Йа‘куби целью похода называет *атмар* (рвы, укрепления). Эти пограничные укрепления византийцев находились западнее Киликийского Тавра (позже они в арабских источниках назывались *матамир*) [Йа‘к., т. 2, с. 337].

[148] Халифа, с. 275; Таб., II, с. 1035. Согласно ал-Йа‘куби, Йахйа командовал походом 76/695 г. и достиг местности Мардж аш-Шахм («Луг жира», т.е. нагула жира животными) [Йа‘к., т. 2, с. 337], находившейся между Малатией и Масисой, т.е. того же района, до которого дошел ал-Валид в 77/696 г. Местность с таким названием упоминает Ибн Хурдадбех [BGA, V, с. 108, пер., с. 90], но она находилась в феме Анатолик(он) в центре Малой Азии (см. т. III, с. 135, рис. 2). Возможно, что Халифа и ал-Йа‘куби употребляют выражение «между Масисой и Малатией» для обозначения горного прохода, использованного для движения на запад, а не конечный пункт похода.

[149] Ист. Виз., т. 2, с. 45.

[150] Dowsett, 1961, с. 204, прим. 2; у З.М. Буниятова [1965, с. 106] — 704 г.

[151] Феоф., т. 1, с. 371; т. 2, с. 236; Ист. Виз., т. 2, с. 45; Тер-Гевондян, 1977, с. 73.

[152] Гевонд, пер. с. 12. Гевонд объясняет нападение византийцев намерением Смбата отомстить Византии за убийство отца Вараз Тироца, однако его гибель и рассматриваемые события разделяют шесть десятилетий, да и был ли он сыном Вараз Тироца? Гораздо вероятнее, что, согласно вассальному договору, Смбат, как прежде Теодорос Рштуни (см. т. II, с. 108–109), должен был выступать союзником арабов в войне с внешними врагами.

[153] Феоф., т. 1, с. 372, т. 2, с. 237.

[154] Халифа сообщает об этом походе дважды, под 82 и 83 г. х. почти одними и теми же словами: «И в этом году послал Абд ал-Малик своего брата Мухаммада в Арминийу и встретили его ее жители, и обратил он их в бегство, затем запросили они мира и заключили с ним мирный договор. И назначил он их правителем Нубайха ибн Абдаллаха ал-Анази, и изменили они ему и убили его» [с. 288–289]; «И в этом году послал Абд ал-Малик ибн Марван своего брата Мухаммада в Арминийу и заключили они с ним мирный договор и назначил он наместником над ними Абу Шайха ибн Абдаллаха ал-Ганави и Амра ибн ас-Са'ди (?) ал-Анази, и изменили они им и убили их» [с. 290]. Сходство этих двух сообщений становится еще больше, если учесть, что без диакритических точек Нубайх и Шайх выглядят одинаково, а Ганави и Анази вполне могут быть перепутаны. Ибн ал-Асир приводит первое сообщение, но наместника называет Абу Шайх и помещает его сообщение под 82 г. х. [И. А., т. 4, с. 482].

[155] Гевонд, пер., с. 12–17.

[156] Гевонд, пер., с. 17–22; Каланкатуаци, пер., с. 160; Феоф., т. 1, с. 372, т. 2, с. 237; Халифа, с. 291. Гевонд относит поражение византийцев и бегство Смбата ко времени правления ал-Валида, что противоречит всем остальным сведениям о событиях этого периода.

[157] Феофан относит измену Вагана к четвертому году правления Апсимара, который соответствует 702 г., поэтому мы вправе высказывать это предположение [Феоф., т. 1, с. 372, т. 2, с. 237].

[158] Гевонд, пер., с. 22–23; Каланкатуаци, пер., с. 160; Феоф., т. 1, с. 372, т. 2, с. 237 (четвертый год Апсимара = 703 г.). Халифа [с. 291] относит карательный поход и сожжение нахараров к 84 г. х., который целиком (за исключением 13 последних дней) укладывается в 703 г., совпадение с датировкой Феофана (пятый год Апсимара = 703 г.) позволяет доверять этой дате.

Хронологическая ошибка Гевонда (см. выше примеч. 155) повлияла на выводы некоторых исследователей: так, З.М. Буниятов (правда, без прямой ссылки на Гевонда) отнес карательный поход Мухаммада ко времени после 704 г. [Буниятов, 1965, с. 106–107], А.Н. Тер-Гевондян прямо следует Гевонду, не учитывая дату у Феофана (Халифа остался ему неизвестен) [Тер-Гевондян, 1977, с. 77], А.П. Новосельцев, ссылаясь на Тер-Гевондяна, повторяет его ошибки и добавляет на их основе новые (например, католикос превращается в арабского наместника Армении) [Новосельцев, 1990, с. 177].

[159] Халифа, с. 291.

[160] Тер-Гевондян, 1977, с. 73.

[161] Гевонд, пер., с. 19–21. Порядок событий в его изложении перепутан: о смерти Сахака (Саака) рассказывается до восстания и сожжения нахараров, хотя логичнее предполагать, что католикос обратился к наместнику, чтобы смягчить преследования.

[162] Каланкатуаци, пер., с. 160.

[163] Каланкатуаци, пер., с. 192.

[164] Халифа, с. 292.
[165] Гевонд, с. 24, 13–14.
[166] Феоф., т. 1, с. 372, т. 2, с. 237; Дион., пер., с. 206.
[167] Халифа, с. 289, 292; И. А., т. 4, с. 398.
[168] Балаз., Ф., с. 186.
[169] Халифа, с. 290.
[170] Халифа, с. 290.
[171] И. Абдх., с. 100, 103, 136, пер., с. 121, 124, 156, 157.
[172] Евтихий, с. 40–41.
[173] Север, с. 145.
[174] Евтихий [с. 41] объясняет, что такая рассрочка платежей применялась во время войны с Ибн аз-Зубайром, чтобы предотвратить недовольство и мятеж.
[175] Север, с. 141–143; Евтихий, с. 41. Ибн Абдалхакам сообщает (без даты), что Абдалмалик предписал Абдал'азизу взымать джизью с новообращенных, но один из благочестивых мусульман отговорил Абдал'азиза, и тот не исполнил распоряжения [И. Абдх., с. 156, пер., с. 174]. Конечно, освобождение от подушной подати значительного числа новообращенных в условиях солидарной ответственности должно было увеличить индивидуальную долю оставшихся христиан, но Север говорит о переходе в ислам вследствие усиления налогового бремени, а не наоборот.
[176] Халифа, с. 276. Ибн Абдалхакам приводит совершенно невероятную дату — джумада II 66/январь 686 г. [И. Абдх., с. 202, пер., с. 220]. Эта дата может быть связана с назначением Хассана в Ифрикийу, но никак не с его визитом к халифу. Вообще хронология этого автора, относящаяся к Ифрикийи, весьма сомнительна: так, назначение Хассана Марваном в Ифрикийу отнесено к 63/682 г., когда Марван еще не был халифом [И. Абдх., с. 200, пер., с. 218]. Грешат этим и другие: Ибн Изари датирует назначение Хассана 78/697–98 г. [И. Изари, т. 1, с. 18], перепутав дату первого назначения с датой отъезда, отчего сместились во времени война с Кахиной и взятие Карфагена. Поверив ему, ошибся и автор этих строк, приписав разрушение Карфагена Хассану (см. т. III, с. 274). Наиболее надежны в этом отношении Халифа и Псевдо-Ибн Кутайба.
[177] Халифа, с. 276 — Атрабулус (Триполи), И. Абдх., с. 203, пер., с. 222 — Антабусис (Пентаполис, Барка), Пс. И. Кут., т. 2, с. 97 — Барка. Слова Абдал'азиза, что Хассан недостоин управлять Баркой, поскольку позволил византийцам захватить ее (факт высадки византийцев в Барке известен и по Кинди, В., с. 52), подкрепляют вывод о том, что конфликт произошел из-за Барки [И. Абдх., там же].
[178] О конфликте Хассана с Абдал'азизом: [Халифа, с. 220; И. Абдх., с. 203, пер., с. 222; Пс. И. Кут., т. 2, с. 96–97]. У Ибн Изари вместо Абдалмалика в этой истории фигурирует ал-Валид [И. Изари, т. 1, с. 23–24].
[179] «Рассказывают, что когда Муса направился в ал-Магриб, то шел остаток сафара, раби' [I] и раби' [II], и пришел в понедельник пятого джумады первой семьдесят девятого года» [Пс. И. Кут., т. 2, с. 99]. От Фустата до Кайравана считали 1453 мили (ок. 2900 км) [BGA, V, с. 84–87, пер., с. 88–89] или два месяца пути. Два с небольшим месяца, которые потребовались Мусе, соответствуют длине пути, однако 5 джумады I 79 г. — суббота, а не понедельник, понедельником же было 5 джумады II/19.VIII.698 г. Большое войско, двигавшееся на последнем этапе медленно, опасаясь нападения берберов, могло затратить на этот путь и три месяца.
[180] Якобы только хумс составил 20 000 пленных [И. Абдх., с. 204, пер., с. 222] или 60 000 [Пс. И. Кут., т. 2, с. 101]. Эти цифры невероятны не только сами по

себе, но и в сопоставлении с численностью войска Мусы: 4000 воинов дивана и 2000 добровольцев и берберов [Пс. И. Кут., т. 2, с. 105].

[181] Пс. И. Кут., т. 2, с. 104.

[182] Халифа, с. 277; Пс. И. Кут., т. 2, с. 105.

[183] Халифа, с. 277.

[184] Халифа, с. 277, 280.

[185] Пс. И. Кут., т. 2, с. 106. Дата отсутствует, но по порядку изложения находится между завоеванием Тубны и походом Мусы в 83/702 г.

[186] Пс. И. Кут., т. 2, с. 106–107; Халифа, с. 291. Первый называет атакованную область Суджум, второй — Шукум, а проживавшее там племя — авраба.

[187] Пс. И. Кут., т. 2, с. 110.

[188] Пс. И. Кут., т. 2, с. 110–112.

Глава 2

[1] Йа‘к, т. 11, с. 334. Подозрение аш-Ша‘би в искажении правды ради самовозвеличения, вызывается, кроме прочего, его утверждением, будто Абдалмалик специально просил ал-Хаджжаджа прислать его из Ирака для посылки Абдал‘азизу.

[2] Кинди, В., с. 52, 55.

[3] Таб., II, с. 1167–1168.

[4] Кинди, В., с. 54; Динав., с. 332; Таб., II, с. 1167–1168; Халифа [с. 295] относит смерть Абдал‘азиза к 84/703 г.

[5] Кинди, В., с. 54.

[6] Таб., II., с. 1169.

[7] И. Са‘д, т. 5, с. 93–94: по инициативе наместника — 50 ударов бичом; Фас., т. 1, с. 473–477: в одном случае (Ирд по приказу халифа) — 100 ударов, в другом — 30, а если снова откажется — еще 30; Таб., II, с. 1169–1170.

[8] Кинди, В., с. 58–59.

[9] Кинди, В., с. 59. Ирдабб — мера объема, в ту пору вмещавшая около 25 кг зерна, а мудд — около 0,8 кг.

[10] Халифа, с. 301.

[11] Таб., II, с. 1132–1135. Согласно ал-Йа‘куби, Ибн ал-Аш‘ас пришел к рутбилу с 4000 воинов, которые рассеялись по Давару; ал-Хаджжадж послал для прямых переговоров с рутбилом Умайра б. Тамима; Ибн ал-Аш‘ас бросился с крыши дома или со стены в Руххадже [Йа‘к., т. 2, с. 333–334]; тот же конец упоминают и другие [Халифа, с. 289; Динав., с. 325; Т. Сист., с. 117, пер., с. 135; Халифа, с. 237а; Пс. И. Кут., т. 2, с. 74], у последнего из названных авторов рассказывается фантастическая история о бегстве после разгрома, когда Ибн ал-Аш‘ас укрылся в каком-то замке. Настигнув его, преследователи подожгли замок. Спасаясь от огня, Ибн ал-Аш‘ас спрыгнул с крыши, сломал ногу и повредил позвоночник, его добили и отрубили голову. Ход переговоров с рутбилом излагается различно.

Гибель Ибн ал-Аш‘аса датируется 83/792 [Халифа, с. 289], 84/703 и 85/704 гг. [Таб., II, с. 1132, 1138]. У Халифы датирована не сама смерть Ибн ал-Аш‘аса, а посылка Умары б. Тамима на переговоры с рутбилом, следует также учитывать, что иногда у него встречаются на год более ранние даты. По-видимому, наиболее вероятная дата — 84/703 г.

[12] Впервые Низек как правитель Бадгиса упоминается в связи с походом Ахнафа б. ал-Кайса в 31/650-51 г. [Таб., I, с. 2878, пер., с. 27] и, следовательно, дол-

жен был бы править более 50 лет, что сомнительно в условиях того беспокойного времени. Вероятно, как предполагал К. Клаусон, Низек-тархан не имя, а титул и читать его следует как Тирек [E. Esin. 1977].

[13] Таб., II, с. 1129–1130, пер., с. 93–94.

[14] Сначала Йазид будто бы отказался от похода, ссылаясь на холод Хорезма, а потом все-таки совершил его и захватил пленных; при наступлении холодов его воины надели на себя одежды пленных, и те умерли от холода [Таб., II, с. 1141–1142, пер., с. 98]. Никаких, даже косвенных подтверждений этого сообщения нет.

[15] Приближенный Йазида поэт Худайд упрекнул Йазида в стихотворной форме за то, что тот не послушался его совета. Кутайба спросил, в чем заключался совет, и тот ответил: «Чтобы он не оставлял ни желтого (динаров), ни белого (дирхемов), не отправив их ал-Хаджжаджу» [Таб., II, с. 1142, пер., с. 97–98].

[16] Таб., II, с. 1138–1141, пер., с. 95–97.

[17] Таб., II, с. 1145–1164, пер., с. 99–112; Балаз., Ф., с. 417–419.

[18] Балаз., Ф., с. 419.

[19] Таб., II, с. 1164, пер., с. 112.

[20] Йа‘к., т. 2, с. 342.

[21] Таб., II, с. 1162.

[22] Таб., II, 1182, пер., с. 115.

[23] Таб., II, с. 1209. О снижении требований: Куфи, т. 7, с. 298–209, 213–214.

[24] Куфи, т. 7, с. 205.

[25] Сведения о возрасте Абдалмалика расходятся в пределах 58–66 лет [Халифа, с. 293; Таб., II, с. 1173; Мас‘уди, М., т. 5, с. 210, М^{е}, т. 3, с. 99].

[26] Му‘джам, с. 190.

[27] Для сирийцев он был лучшим из халифов [Таб., II, с. 1271; Уйун, с. 11], а в иракской проаббасидской традиции он считался тираном и его даже обвиняли в том, что он дважды подверг бичеванию первого аббасидского имама Али б. Абдаллаха [Анон., Д., с. 77, 138, 139; Анон., 1960, л. 244аб, пер., с. 78], хотя эта экзекуция другими источниками не упоминается, скорее всего, это — житийный прием возвеличивания героя.

[28] В тексте: «В воскресенье, когда прошло семь дней раби‘ первого» [Таб., II, с. 1172], но этот день — пятница, следовательно, здесь следует видеть описку и читать «девять».

[29] Таб., II, с. 1183.

[30] Евтих., с. 42. Описанная ситуация вполне правдоподобна, хотя следует учитывать плохую информированность автора об этом периоде, поскольку несколькими строками ранее он приписывает постройку Куббат ас-Сахра ал-Валиду.

[31] Уйун, с. 4.

[32] Йа‘к., т. 2, с. 339–340; Таб., II, с. 1194; Уйун, с. 5. О смальте из развалин: [Евтих., с. 42].

[33] Таб., II, с. 1192–1194. Наиболее подробно: Самх., т. 1, с. 363–379.

[34] Таб., II, с. 1271; Уйун, с. 11.

[35] Уйун, с. 4. Согласно ал-Йа‘куби [т. 2, с. 339–340], Хубайб (так!) только упрекнул Умара и впоследствии, став благочестивым, Умар раскаивался в содеянном.

[36] Самх., т. 1, с. 368.

[37] Puttrich-Reignard, 1939.

[38] Уйун, т. 1, с. 11.

[39] Bell, 1912, № 1408, 1411.

[40] Таб., II, с. 1181, пер., с. 114.

[41] Балаз., Ф., с. 419–420; Таб., II, с. 1180–1181, пер., с. 114.

[42] Таб., II, с. 1181, пер., с. 114.

[43] Таб., II, с. 1184–1185, пер., с. 115.

[44] Куфи, т. 7, с. 215–216. Этот рассказ помещен после сообщения о речи Кутайбы перед войском, отправляющимся в первый поход после его прибытия, однако конфликт с Усманом не мог произойти сразу после прибытия: во-первых, Кутайба в этот момент не мог бы пойти на конфликт с влиятельными в Хорасане тамимитами, во-вторых, и времени для этого было мало. Порядок же изложения у ал-Куфи не всегда соответствует хронологической последовательности.

[45] Подробнее о развалинах Пайкенда и его раскопках см. [Семенов, 1996].

[46] Ал-Куфи [т. 7, с. 218, 219] упоминает тюргешей (Т-Р-К-С) и эфталитов, последние, вероятно, — дань письменной традиции, упоминавшей эфталитов в Хорасане в середине VII в.

[47] Таб., II, с. 1186–1187, пер., с. 116. У ал-Куфи [т. 7, с. 218–219] Танзара подкупает хакана с тем, чтобы тот сообщил Кутайбе, будто ал-Хаджжадж сместил его и назначил нового наместника Хорасана.

[48] Халифа, с. 303; Таб., II, с. 1187, пер., с. 117. Наршахи называет комендантом Пайкенда Вараку б. Са‘ида ал-Бахили, который стал отбирать у горожанина двух дочерей и тот возмутился, почему обеих берут у него, и это стало причиной восстания [Нарш. Р., с. 61–62, пер., с. 59].

[49] Таб., II, с. 1187–1189, пер., с. 117–118; Нарш. Р., с. 62–63, пер., с. 59–60. Оба автора указывают одинаковый вес выплавленного золота, но Наршахи еще упоминает серебряного идола весом в 4000 дирхемов; ал-Куфи [т. 7, с. 221] говорит о выплавке 2500 мискалей, что объясняется вполне понятной грамматической ошибкой.

[50] Таб., II, с. 1189; Нарш. Р., с. 63, пер., с. 60; Куфи, т. 7, с. 221.

[51] Большаков, 1973, с. 184. В Бухарском оазисе были два сходных по звучанию пункта: значительный город Рамитан и селение Рамтин.

[52] У ат-Табари и Наршахи — Курмаганун, см. Кюль Бога Чор, графическое искажение первоначально правильного написания вполне понятно: сокращение ствола *лама* превратило его в *ра*, утолщение зубца *ба* позволило прочесть его как *мим*, несколько более согнутая вправо косая черта *джима* превращала его в *нун*.

[53] Таб., II, с. 1195, пер., с. 119.

[54] Таб., II, с. 1198–1199, Халифа сообщает: «В этом году (89 г. х.) Кутайба совершил поход на вардан-худата, царя Бухары, не одолел их и вернулся» [Халифа, с. 305].

[55] Большаков, 1973, рис. 94.

[56] Таб., II, с. 1201–1224, пер., с. 120–123. Халифа: «В этом году Кутайба ибн Муслим вторично совершил поход на вардан-худата. Вардан-худат послал к Согду, тюркам и тем, кто вокруг них, просьбу о помощи. И столкнулся с ними Кутайба, и Аллах обратил в бегство их сборище» [Халифа, с. 306]. У Наршахи [Нарш. Р., с. 65–66] сведения о сражении на Харкане и отступлении Кутайбы (если только оно упоминается) не отделяются от победного похода 90/709 г. У ал-Куфи сведения об этих походах совершенно запутаны: правителем Бухары оказывается могущественный Марайум (явное искажение Курмаганун), пришедший с сорокатысячным войском (именно такое войско упоминает Наршахи у Курмагануна) и тут же рассказывается о купце, у которого Кутайба отказался принять выкуп и предпочел казнить — этот эпизод ат-Табари относит к взятию Пайкенда [Таб., II, с. 1188, пер., с. 117].

[57] Нарш., Р., с. 66.

[58] Таб., II, с. 1294–95, пер., с. 124–126; Куфи, т. 7, с. 225.

[59] Таб., II, с. 1204–1224, пер., с. 123–129.

[60] Куфи, т. 7, с. 231–233.

[61] Таб., II, 1226, пер., с. 130.

[62] Каланкат. пер. с. 160, англ. пер., с. 208; Халифа, с. 305. Хотя в первом случае командующим назван Марван, а во втором — Мухаммад б. Марван и целью похода названа Армения, совпадение дат не оставляет сомнения, что речь идет об одном и том же походе.

[63] Буниятов, 1965, с. 107; Новосельцев, 1990, с. 177. Сообщение ат-Табари, послужившее причиной этого заблуждения: [Таб., II, с. 1200].

[64] Халифа, с. 293. Завоевание тех же крепостей Хишамом б. Абдалмаликом ат-Табари относит к 87/706 г. [Таб., II, с. 1185]. В названии крепости تق لق у Халифы и لو لق у ат-Табари легко узнается لؤ لق.

[65] Халифа, с. 304; Таб., II, с. 1185. Оба автора приводят название одной и той же крепости, но в различном искажении: у Халифы قلوذ بعا علس, у ат-Табари بولس, в котором явно видно окончание греческого «…ПОЛИС». Отсюда напрашивается чтение قلوذ ييا بلس. Идентификация этого города мне не известна.

[66] Халифа и ат-Табари датируют взятие Туваны 88/707 г., к этому же году Халифа относит и поражение византийцев, потерявших 50 000 убитыми, но в следующем году снова говорит о разгроме огромного византийского войска [Халифа, с. 305: Таб., II, с. 1191–1192]. Феофан относит осаду Тианы, посылку на выручку ей двух преторов с большой армией, ее поражение с потерей 1000 воинов и взятии Тианы к четвертому году правления Юстиниана II [Феоф., т. 1, с. 376, 2, с. 241], т.е. к 708/709 г. Ту же дату (1020 г. «греческой эры» = 708–709 гг.) и сходные сведения, дополняя их сообщением о том, что осада длилась девять месяцев, приводит Дионисий Теллмахрский [Дион., пер., с. 208]; в так называемой «Хронике 819 года» эти события датированы 1021 г. [Хр. 819 г., с. 12, пер., с. 79].

Помогает понять причину хронологического расхождения замечание ал-Вакиди [Таб., II, с. 1192] о том, что подкрепление из Медины зимовало под Туваной (*би Тувана*), а потом она была завоевана. Следовательно, зимовка Масламы в Антиохии приходилась на зиму 707/708 г. Неясным остается, почему сражение, где византийцы понесли большие потери, отнесено арабскими авторами к году осады, а не к году взятия города, как у Феофана и Дионисия.

[67] Халифа, с. 305. У Дионисия Теллмахрского в сражении, решившем судьбу Туваны, погибло 40 000 византийцев [Дион., пер., с. 208].

[68] Таб., II, с. 1192.

[69] Феоф., т. 1, с. 376; т. 2, с. 241.

[70] Ал-Вакиди датирует взятие города джумадой II [Таб., II, с. 1191], ат-Табари, как было сказано, датирует взятие его 88/707 г., но поскольку мы показали, что Тиана вероятнее всего была взята в 708 г., то джумада II приходится на 24.IV–25.V.708 г.

[71] Халифа, с. 304; Таб., II, с. 1197.

[72] Халифа, с. 306; Таб., II, с. 1200; Йа‘к., т. 2, с. 350.

[73] Таб., II, с. 1201.

[74] Каланкат., пер., с. 160.

[75] И. А., т. 4, с. 421.

[76] Халифа, с. 307. Сообщив о смещении Мухаммада и назначении Масламы, Халифа далее в списке высших должностных лиц при ал-Валиде пишет, что Му-

хаммад б. Марван оставался наместником Джазиры, Армении и Азарбайджана до самой смерти (101/720 г.) [с. 315]; ат-Табари не упоминает ни смещения Мухаммада, ни назначения Масламы, зато дважды приводит слово в слово тот же текст сообщения о походе Масламы против хазар под 89/708 г. и 91/710 г. [Таб., II, с. 1200 и 1217], ему вторит Ибн ал-Асир [И. А., т. 4, с. 428 и 439]. Дионисий Теллмахрский сообщает о смене власти в 89 г. х. [Дион., пер., с. 208]; в «Хронике 819 г.» назначение Масламы датировано 1021 г. селевкидской эры (709/710 г.), но до взятия Туваны [Хр. 819 г., с. 12, пер., с. 79].

В том, что ат-Табари сдублировал одно и то же сообщение, сомнений нет: в 89 и 90 гг. х. Маслама вел активные военные действия в Малой Азии, следовательно, поход против хазар может относиться только к 91/710 г. Идентичность текста двух сообщений о походе на хазар не была замечена некоторыми исследователями, сделавшими из одного похода два [Буниятов, 1965, с. 107; Новосельцев, 1990, с. 178], совершенно неверна хронология у А.Н. Тер-Гевондяна [1977, с. 78–79].

[77] *Мин нахийа Азарбайджан*. З. Буниятов понял это выражение таким образом, будто Дербент (ал-Баб) относился к Азарбайджану [Буниятов, 1965, с. 107]. Однако, во-первых, в средние века никогда Дербент не относили к Азарбайджану, во-вторых, *мин нахийа* в сочетании с глаголом, передающим движение, определяет начальный пункт движения, и, кстати, в сообщении Халифы о том же походе употреблено выражение *мин нахвийа Азарбайджан* [Халифа, с. 307].

[78] Халифа, с. 306; Каланкат., пер., с. 160.

[79] Куфи, т. 7, с. 167–184, т. 6, с. 295–298, пер., с. 14–16.

[80] Кинди, В., с. 6–69. Официально статус наместника, подчиняющегося непосредственно халифу, Муса получил только в 88/707 г. [И. А., т. 4, с. 5].

[81] И. Изари, т. 1, с. 27; Пс. И. Кут., т. 2, с. 112.

[82] Пс. И. Кут., т. 2, с. 112; Халифа [с. 303] сообщает, что Абдаллах б. Муса захватил город Нирала (крепость в округе Мурсии) [Йа‘к., т. 4, с. 836]. Однако рейд на побережье Пиренейского полуострова на обратном пути в Кайраван после нападения на Сардинию представляется маловероятным, гораздо вероятнее, что тот же Абдаллах напал на этот город после набега на Балеарские острова в 708 г. [Халифа, с. 305].

[83] Пс. И. Кут., т. 2, с. 113; Халифа, с. 395.

[84] Халифа, с. 305; ср. конец прим.

[85] Халифа [с. 397] относит к 92/711 г. и занятие Танджи, и высадку в Андалусии; андалусская анонимная хроника XI в. относит завоевание Танджи Мусой (!) к 90/708 г. [Захбар, с. 4], в другом случае, при отсутствии точной даты, завоевание Танджи упоминается после завоевания Дальнего Суса [Пс. И. Кут., т. 2, с. 115].

[86] Ахбар, с. 5.

[87] Ахбар, с. 5–6; И. Абдхак., с. 205, пер., с. 223–224; И. Кутийа, с. 9.

[88] Пс. И. Кут., т. 2, с. 113–114.

[89] Пс. И. Кут., т. 2, с. 120–121.

[90] Creswell, 1958, p. 92, pl. 23-a.

[91] Ахбар, с. 6. Здесь сообщается о переписке Мусы с ал-Валидом касательно возможности высадки в Андалусии. Ал-Валид опасался, что арабы могут погибнуть в море, а Муса успокаивал его тем, что пролив очень узок и опасности никакой нет. Эта переписка, скорее всего, непременная шаблонная деталь — полководец должен испрашивать разрешения предпринять опасный поход, а халиф должен беспокоиться о безопасности мусульман. В действительности высадка десанта на расстоянии 35 км от базы (от Сеуты до Гибралтара) в это время не пред-

ставлялась чем-то чрезвычайным, особенно после того как сын Мусы совершал куда более дальние плавания до Сардинии и Балеарских островов.

[92] И. Абдх., с. 205–206, пер. с. 234; Ахбар, с. 6; Пс. И. Кут., т. 2, с. 116; Макк., т. 1, с. 142–143, 159–160. Сведения о числе воинов, с которыми высадился Тарик, также разноречивы: 1700 [Пс. И. Кут., т. 2, с. 116], 7000 [Ахбар., с. 6; Макк., т. 1, с. 142], 12 000 [Макк., т. 1, с. 160] (в процессе передач это оказывается числом одних только кавалеристов и к ним прибавили столько же пехотинцев [Макк., т. 1, с. 142]. По достаточно правдоподобному свидетельству, 7000 воинов у Тарика было до появления Родерика на юге полуострова; узнав о многочисленности его войска, Тарик запросил подкреплений и получил еще 5000 воинов [Ахбар, с. 6], с этими 12 000 он вступил в бой. Численность войска Тарика в 10 000–12 000 человек подтверждается сообщением, что добычу, доставшуюся после победы, он разделил между 9000 мусульман («кроме рабов и присоединившихся») [Макк., т. 1, с. 161].

[93] Приводятся две даты: суббота в ша‘бане [Макк., т. 1, с. 142, 160] и раджаб (без числа и дня недели) [Ахбар, с. 6], точнее — понедельник 5 раджаба [Макк., т. 1, с. 142, 160]. 5 раджаба 92 г. х. приходится на 28 апреля 711 г., который является вторником, но это расхождение слишком незначительно. Возможно, что суббота, относимая к ша‘бану, в действительности датирует посадку на суда в раджабе (суббота 2 раджаба / 25 апреля). Правда, в этом случае оказывается слишком большим промежуток между погрузкой и высадкой, даже если суда вышли из Танжера, отстоящего от Гибралтара на 70 км.

[94] Название «остров» не должно обманывать, в средневековом арабском употреблении *джазира* — не только остров в нашем понимании, но и часть суши, имеющая какие-то естественные границы (как Джазира — Северная Месопотамия). По-видимому этот «остров — мыс у впадения реки у Алхесираса [Химйари, с. 73–75]. Ибн Абдалхакам путает Алхесирас с Картахеной [И. Абдх., с. 206, пер., с. 232].

[95] Макк., т. 1, с. 144.

[96] Вади Лака (или Лакка) — озеро на р. Барбате; в «Ахбар» [с. 8] просто Бухайра (Бухайра — старо-исп.); у ал-Химийари [с. 169] — река и одноименный город. Подробнее см. [21, прим. 1, 2].

[97] И. Кутийа, с. 3. Здесь эти переговоры не связываются с исходом сражения, а сразу речь идет о поездке сыновей Витицы к Мусе для закрепления своих прав на наследование поместий.

[98] Ахбар, с. 8–9. Другие источники говорят об убиении Родерика Тариком. О дате сражения: [Макк., т. 1, с. 161].

[99] Ахбар, с. 9; Макк., т. 1, с. 163.

[100] Ахбар, с. 19. В тексте — *каниса*, т.е. церковь, но имеется в виду, несомненно, монастырь, судя по упоминанию его укрепленности и приспособленности к длительной обороне.

[101] Ахбар, с. 12–14; Макк., т. 1, с. 165. Ал-Маккари сообщает, что после бегства командующего Мугис перекрыл водовод, снабжавший монастырь водой, но осажденные и тогда отказались сдаться, после чего Мугис поджег монастырь, и его защитники погибли в огне.

[102] Ахбар, с. 12, 14.

[103] Ахбар, с. 13. Об аналогичной уловке, обманувшей Халида б. ал-Валида, см. т. 1, с. 199 и прим. 45. Почти наверняка это — бродячий сюжет о военной хитрости.

[104] Ахбар, с. 15–18.

[105] Ахбар, с. 11; И. Абдх., с. 210, пер., с. 288.
[106] И. Абдх., с. 211, пер., с. 229.
[107] Ахбар, с. 19.
[108] Lévi-Provençal, 1950, p. 27, fig. 3.
[109] И. Изари, т. 1, с. 29.
[110] В «Истории Систана» говорится об одновременном назначении Кутайбы наместником Хорасана и Сиджистана [Т. Сист., с. 119, пер., с. 138], что противоречит всем остальным имеющимся сведениям. У ал-Балазури передача Сиджистана в ведение Кутайбы связана со смещением предыдущего наместника, о времени правления которого нет сведений [Балаз., Ф., с. 400] (в «Истории Систана» указанный наместник оказывается ставленником Кутайбы [Т. Сист., с. 119, пер., с. 138]); Халифа упоминает Кутайбу в качестве наместника Сиджистана, но без дат [Халифа, с. 315]; остальные не упоминают этого назначения и не говорят, в качестве кого он совершил поход против рутбила.
[111] Балаз., Ф., с. 400.
[112] Т. Сист., с. 119, пер., с. 139.
[113] Куфи, т. 7, с. 244–245.
[114] Балаз., Ф., с. 400. Впрочем, в другом месте упоминается дань Кабулистана в размере 300 000 дирхемов [Балаз., Ф., с. 399].
[115] Кляшторный, 1954, с. 57–61.
[116] Йа‘к., т. 2, с. 345. Согласно ал-Балазури, ал-Хаджжадж прислал Мухаммаду б. ал-Касиму 6000 сирийских кавалеристов и проявил большую заботу о снабжении его войска, снабдив не только нитками и иголками, но и своеобразным концентратом любимого арабами уксуса в виде многократно вымоченной в нем и высушенной ваты [Балаз., Ф., с. 436].
[117] Балаз., Ф., с. 436.
[118] Йа‘к., т. 2, с. 336; Балаз., Ф., с. 437–438.
[119] О местонахождении его в четырех переходах от Дайбула — [BGA, I, с. 180].
[120] Халифа, с. 308; Йа‘к., т. 2, с. 346.
[121] У ал-Балазури переправляется «через реку по эту сторону Михрана (*дуна Михран*)» [Балаз., Ф., с. 308]); согласно ал-Йа‘куби, Мухаммад переправился через реку «Синда», т.е. Инд, называвшийся у арабов Михраном [Йа‘к., т. 2, с. 346]. Понять выражение ал-Балазури невозможно, если не учитывать, что в средние века нынешнее русло Инда, образующее на участке между Бампуром и Хайдарабадом большую дугу, считалось рукавом, а главным руслом считали ныне второстепенный проток, стягивающий эту дугу с востока, что хорошо иллюстрируют карты ал-Истахри и Ибн Хаукала. Таким образом, Мухаммад действительно переправлялся через реку «по эту сторону Михрана».
[122] Халифа, с. 308.
[123] Халифа, с. 308; Балаз., Ф., с. 438; Йа‘к., т. 2, с. 346. Халифа (рассказ со слов участника событий) сообщает, что Дахир не погиб в бою, а бежал. Это подкрепляется сообщением того же автора, что в 94 г. х. Мухаммад б. ал-Касим убил Сисийу [Халифа, с. 310], это — прозвище или отчество Дахира, во всяком случае, у ат-Табари упоминается убиение Мухаммадом б. ал-Касимом Дахира ибн Сиси «царя ас-Синда» [Таб., II, с. 1251] (дата неверна — 90 г. х.). Арабский *сад*, которым переданы обе согласные в имени, может соответствовать звуку «ч». Косвенным подтверждением правильности версии Халифы может служить непонятное в ином случае сообщение ал-Балазури, что Мухаммад послал к защитникам ар-Рура вдову Дахира, чтобы она сообщила им о гибели мужа и тем ослабила бы их боевой дух.

Ар-Рур был осажден через несколько месяцев после сражения под Брахманабадом, и осажденные давно знали бы о гибели царя в том сражении.

[124] Балаз., Ф., с. 430.

[125] Ар-Рур находился в четырех переходах от Мултана, на восточном берегу Инда [BGA, I, с. 179; BGA, II — карта к главе ас-Синд].

[126] С.П. Толстов [1948, с. 223–225] трактовал эти события как народное движение за возвращение к нормам первобытной демократии с общинной собственностью и групповым браком. Это оказало влияние и на других исследователей [ИНУ, т. 1, с. 161].

[127] Наиболее подробное изложение событий в Хорезме у ал-Куфи [т. 7, с. 135–137], на тот же источник опирается и персидский перевод Бал‘ами, который в данном случае не следует ат-Табари, пользовавшемуся иными источниками, — у него подробнее изложена предыстория похода и менее четко описаны события в Хорезме [Таб., II, с. 1237–1239]. Ал-Йа‘куби объясняет причину похода Кутайбы на Хорезм восстанием хорезмийцев, то есть упоминает не поход по приглашению хорезмшаха, а зимнюю карательную экспедицию [Йа‘к., т. 2, с. 343].

Имя хорезмшаха в первых двух источниках несколько разнится по написанию, но явно имеет одну и ту же основу. Она совершенно не совпадает с именами двух последних шахов у ал-Бируни [Бируни, А., с. 35, пер., с. 48], которые, в свою очередь, отличны от имен хорезмшахов на монетах этого времени [Вайнберг, 1977, с. 80–82].

[128] У ат-Табари хорезмийцев успокаивает хорезмшах (что вполне естественно в той ситуации), у ал-Куфи — Хурразад.

[129] Куфи, т. 7, с. 236–237. Аналогичный рассказ о завоевании Хорезма есть в «Тарих-и Табари» Бал‘ами, но ввиду многочисленности рукописей, содержащих его на разных страницах, конкретное указание здесь не дается. Таб., II, с. 1236–1240, пер., с. 134.

[130] Куфи, т. 7, с. 237; Бал‘ами, сообщение во многих рукописях. У ат-Табари о сражении и переговорах с Хурразадом не сообщается.

[131] Куфи, т. 7, с. 235.

[132] Таб., II, с. 1238–1239, пер., с. 134–135. Локализация Хамджерда в районе Курдера основывается на аналогии с событиями 727 г., когда арабам пришлось подавлять восстание в этом районе [Таб., II, с. 1328, пер., с. 217].

[133] Таб., II, с. 1249–1250, пер., с. 141. В сражении, по-видимому, участвовали тюрки под командованием Тонъюкука. Потерпев неудачу, этот командующий войском Восточного каганата покинул Согд [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 95]; о присутствии в Согде в 713 г. значительных сил тюрков сведений не имеется.

[134] Таб., II, с. 1242–1244, 1247–1248, пер., с. 136–138, 148–149; Куфи, т. 7, с. 240–241 — ферганцев будто бы возглавлял сын хакана. Ал-Балазури сообщает, что Гурек обратился за помощью к царю Шаша, резиденция которого была в Тарбанде (Отраре) [Балаз., Ф., с. 421].

[135] В послании Гурека китайскому императору в 718 г. упоминается совершенно невероятное число — 300 [Chavannes, 1903, p. 204–205].

[136] Балаз., Ф., с. 421; Йа‘к., т. 2, с. 344; Таб., II, с. 1243–1245, пер., с. 137–139; Куфи, т. 7, с. 243–244; Бал‘ами, сообщение во многих рукописях. Ад-Динавари приводит легендарный рассказ: Кутайба, сделав вид, что снимает осаду и уходит, попросил самаркандцев взять на сохранение сундуки с имуществом. Когда согдийцы согласились, он посадил в сундуки своих воинов, ночью они вылезли из сундуков, перебили охрану и открыли ворота [Динав., с. 330–331].

[137] Гурек был ихшидом Согда и афшином Самарканда.

[138] Кеш и Несеф не были рустаками Самарканда: в тексте явно пропущен союз «и».

[139] О.И. Смирнова, впервые проанализировавшая эти данные об эквивалентах замены денег [Смирнова, 1963, с. 50–51], пришла к выводу, что серебро в Согде в это время было примерно в 14 раз дешевле золота. Однако при этих подсчетах не были учтены два обстоятельства: во-первых, сопоставлялось нечеканенное золото с серебром в монете, а металл в монете дороже на стоимость чеканки плюс величину монетной регалии, что составляет обычно 2,5–3%, во-вторых, не была учтена проба, которая не превышала 80%. С учетом этих обстоятельств мы получим несколько иной вывод. Мискаль золота в зависимости от того, считать мискаль весящим 4,48 или 4,68 г [Большаков, 2001, с. 144] по достаточно хорошо известным ценам стоил бы 14,9 или 15,6 мусульманского дирхема с теоретическим весом около 3 г. Вес согдийской драхмы О.И. Смирнова приняла за 3,1 г, а, следовательно, цена его в драхмах должна быть никак не больше 15 драхм. Заменять 20 драхм мискалем золота, когда оно стоило 15, значило бы для арабов убыток примерно в 25%. Все дело в качестве металла. При пробе 80% 20 драхм по 3,1 г содержали 49,6 г чистого серебра, что дает в зависимости от величины мискаля соотношение цены золота к серебру 1:10,6–11, а при несколько меньшей пробе практически не отличалось бы от существовавшего на Ближнем Востоке соотношения 1:10.

[140] Куфи, т. 7, с. 244–246; Бал‘ами, сообщение во многих рукописях. Бахилиты во славу своему соплеменнику рассказывали, что Кутайба увел из Самарканда 100 000 пленных [Таб., II, с. 1246, пер., с. 139].

[141] Таб., II, с. 1246, пер., с. 139.

[142] Таб., II, с. 1252, пер., с. 142. Ал-Куфи [т. 7, с. 246; Йа‘к., т. 3, с. 344] сообщают, что в Самарканде был оставлен Абдаррахман. Остается неясным главный вопрос, что имелось в виду под «мединой Самарканда», откуда Кутайба выселил согдийцев: была ли это древнейшая северная часть города прямоугольной формы, или же более обширная территория, считавшаяся в начале X в. «внутренней мединой» [BGA, V, с. 322]. Площадь северной, хорошо укрепленной и изолированной части была достаточна для размещения гарнизона в 32 тысячи человек. Во всяком случае, ясно, что Кутайба выселил не всех горожан — гарнизону было необходимо наличие торгово-ремесленного населения.

[143] Таб., II, с. 1252, пер., с. 143.

[144] Таб., II, с. 1252, пер., с. 143; Йа‘к., т. 2, с. 343–344.

[145] После второго завоевания Кутайба поставил шахом Аскаджамука, сына Аскаджавара [Бируни, А., с. 35, пер., с. 48, об уничтожении хорезмийской науки — с. 48, пер., с. 65].

[146] Ал-Йа‘куби сохранил сообщение о том, что самаркандцы после ухода Кутайбы «изменили» оставленному там Абдаррахману б. Муслиму, на помощь им пришел хакан с тюрками. Кутайба переждал зиму, потом пришел и обратил тюрков в бегство [Йа‘к., т. 2, с. 344]. Отсутствие упоминаний об этом у других историков само по себе не может служить доказательством недостоверности сообщения одного автора, но в данном случае вся ситуация противоречит ему. Вероятно, сильно сокращавшийся текст дошедшего до нас сочинения исказил первоначальный смысл; выражение «изменили» (гадара) может означать не восстание самаркандцев, а лишь попытку Гурека и его дихканского окружения, выселенного из Самарканда, вступить в переговоры с тюрками.

[147] Таб., II, с. 1256, пер., с. 143–144. Касан назван *мадинат Фаргана*, что следует, скорее всего, понимать именно как «столица Ферганы», а не «город Ферганы». Халифа упоминает об осаде не названного им города Ферганы и посылке конницы в Шаш [Халифа, с. 310], здесь же по какому-то недоразумению сообщается об осаде и взятии им Кабула.

[148] Нарш. Р., с. 67, пер., с. 63.

[149] Таб., II, с. 1267, пер., с. 145. Сообщение ат-Табари о приказе ал-Хаджжаджа Мухаммаду б. ал-Касиму отправить находящихся в его войске иракцев к Кутайбе [Таб., II, с. 1265, пер., с. 144] не вызывает доверия.

[150] Балаз., Ф., с. 422.

[151] Балаз., Ф., с. 439; Йа‘к., т. 2, с. 447. Халифа (с. 311) датирует завоевание Мултана 95 г. х.

[152] Таб., II, с. 1267.

[153] «Завоевал Карту на побережье» [Халифа, с. 310]; в 95 г. х. ал-Аббас «завоевал, как говорят, три крепости, а это — Тавлас (Толос ?), ал-Марзбанайн и Хиркала» [Таб., II, с. 1267].

[154] Халифа, с. 309; Таб., II, с. 1235–1236.

[155] Кинди, В., с. 52–64.

[156] Becker, 1911; Abbot, 1938.

[157] Becker, 1911, № XIII, XIV.

[158] Там же, № III.

[159] Север, с. 148. Требование получить задолженность по джизье с епископа: [Abbot, 1938, № 1].

[160] Кинди, В., с. 64–65.

[161] Таб., II, с. 1217 (в пятницу, когда осталось девять ночей рамадана), с. 1268 (когда осталось пять ночей рамадана, или в шаввал); ал-Куфи [т. 7, с. 249] приводит иную дату — «в ночь пятницы, когда прошли семь (дней)». Первая дата ат-Табари, соответствующая 9 июня, наиболее вероятна, так как это — суббота (расхождение на один день несущественно), 7 рамадана также приходится на субботу, но в пользу первой говорит упоминание шаввала — значит, смерть ал-Хаджжаджа произошла в конце рамадана.

[162] Таб., II, с. 1268–1269.

[163] Куфи, т. 7, с. 250. Ат-Табари в этом году упоминает поход только на Шаш [Таб., II, с. 1267, пер., с. 145].

[164] Таб., II, с. 1268, пер., с. 145.

[165] Schaeder, 1925, S. 54–55.

[166] Куфи, т. 7, с. 249.

[167] Мас‘уди, М., т. 5, с. 402; М^{e}, т. 3, с. 175–176.

[168] Мас‘уди, М., т. 5, с. 289–290; М^{e}, т. 3, с. 132.

[169] BGA, V, с. 15; И. Хурд., пер., с. 60. Действительно, по различным данным, общая сумма хараджа Савада Ирака колебалась около 100 млн. дирхемов [Ashtor, 1976, с. 62], но эта сумма складывалась из двух частей: в денежной форме и в зерне, причем вторая часть в несколько раз превосходила первую. В единственной дошедшей до нас подробной росписи поступлений с Савада в 204/819-20 г. (два варианта с небольшими разночтениями: [BGA, V, с. 13–14; И. Хурд., пер., с. 57–59]) сумма денежных поступлений составляет 11 194,8 тыс. дирхемов, а стоимость пшеницы (77 300 курров = 228 035 т), ячменя и риса (102 750 курров= 303 112 т) по официальной цене того года 40 динаров за курр пшеницы и 20 динаров за курр ячменя составляла 77 205 тыс. дирхемов. Сюда следует добавить не упомянутые

в списке денежные поступления района нижнего Тигра и Басры (около 1 млн. дирхемов) и мы получим для не очень благоприятного года сумму денежных поступлений около 13 млн. Ясно, что противники ал-Хаджжаджа запомнили только размер денежной части, которая в свете сказанного выше свидетельствует о довольно высоком уровне сельскохозяйственного производства. О сокращении налоговых поступлений пишет и ал-Йа‘куби, но называет цифру в 25 млн. [Йа‘к., т. 2, с. 349].

[170] Таб., II, с. 1254.

[171] Тавхиди, т. 3, с. 178.

[172] Таб., II, с. 1122.

[173] Особняком стоит сообщение ал-Йа‘куби, что при ал-Хаджжадже сумма налоговых поступлений Ирака снизилась до 55 млн. дирхемов [Йа‘к., т. 2, с. 349], но не указывается, к какому времени относится эта цифра и имеются ли в виду только денежные поступления.

[174] Балаз., Ф., с. 425–426.

[175] Кинди, В., с. 64.

[176] Abbot, 1938, № 1, документ 182.

[177] Север, с. 146–148.

[178] Bell, 1912, № 1334, 1336–1338.

[179] Bell, 1912, № 1408.

[180] Beck, 1911, № 5; Bell, 1912, № 1333–1334.

[181] Beck, 1911, № 6.

[182] Beck, 1911, № 11.

[183] Кинди, В., с. 65–66.

[184] Кинди, В., с. 65; И. Абдрабб., т. 2, с. 92.

[185] 14 джумады в 96 г. х. [Йа‘к., т. 2, с. 349], в субботу в середине джумады II [Таб., II, с. 1269; Мас ‘уди, М., т. 5, с. 380, М^{e}, т. 3, с. 165] — в середине джумады II. У Халифы дата явно ошибочна — в субботу в середине раби‘ I [Халифа, с. 313]: так как 14 раби‘ I приходится на вторник, а 15 — на среду. Остается выбор между двумя джумадами: в первой 14-е приходится на четверг 25 января, во второй — на воскресенье 24 февраля. Ат-Табари сообщает, что большинство его источников говорит именно о джумаде II.

[186] Север, с. 155.

Глава 3

[1] Халифа [с. 314] сообщает, что молитву над ал-Валидом прочитал Сулайман, ал-Мас‘уди также подразумевает, что Сулайман находился в Дамаске, так как говорит о присяге ему в Дамаске в день смерти ал-Валида [Мас‘уди, М., т. 5, с. 397, М^{e}, т. 3, с. 183]; ал-Йа‘куби и ат-Табари сообщают, что молитву читал Умар б. Абдал‘азиз [Йа‘к., т. 2, с. 351; Таб., II, с. 1270], причем ал-Йа‘куби прямо говорит, что присягу Сулайману в Дамаске принимал тот же Умар. О принятии Сулайманом присяги в Иерусалиме см. [Му‘джам, с. 67]; сообщение о том, что Сулайман находился в тот момент в Ракке [Уйун, т. 1, с. 16] не вызывает доверия, тогда как нахождение Сулаймана в ал-Балка и принятие присяги в Иерусалиме для наместника Палестины вполне естественны.

[2] Сведения о возрасте Сулаймана очень противоречивы: по разным данным ему в год смерти было 33, 39, 45 или 53 года [Халифа, с. 322; Мас‘уди, М., т. 5,

с. 397–398, М[е], т. 3, с. 167]. В Му‘джаме [с. 67] приводится год рождения — 60 г. х., в этом случае ему исполнилось бы по лунному календарю 39 лет, а по солнечному — 38. Таким образом, в 96/715 г. ему было бы 36 лет. 53 года ему никак не могло бы быть, так как тогда он был бы старше своего старшего брата, ал-Валида.

[3] Уйун, т. 1, с. 34.

[4] Таб., II, с. 1337. Сходные характеристики см. [Уйун, т. 1, с. 16–17; Му‘джам, с. 67].

[5] Тавхиди, т. 3, с. 171; И. Абдх., с. 211, пер., с. 228.

[6] О предложении задержаться см. [И. Кутийа, с. 10–11; И. Изари, т. 1, с. 30–31]; ал-Йа‘куби об этом не упоминает, а говорит только о штрафе и приводит дерзкое высказывание Мусы [Йа‘к., т. 2, с. 353]. Ибн Абдалхакам говорит, что человек, ведавший у Мусы разделом добычи, сообщил Сулайману, что Муса не выделил из добычи хумс [И. Абдх., с. 211, пер., с. 229], что и вызвало гнев халифа; неясно об убиении Абдал‘азиза: [И. Кутийа, с. 11; И. Абдх., с. 212, пер., с. 229–230; Ахбар, с. 21; И. Изари, т. 1, с. 33].

[7] Уйун, т. 1, с. 17.

[8] Му‘джам, с. 15.

[9] Таб., II, с. 1275–1276, пер., с. 145–146.

[10] Таб., II, с. 1286–1288, пер., с. 150–151. Аналогичный рассказ: [Уйун, т. 1, с. 17–18].

[11] Куфи, т. 7, с. 253–258. Ал-Балазури тоже упоминает это письмо, в нем будто бы говорилось о назначении Кутайбы наместником Хорасана и предписывалось выплатить всем жалованье и отпустить тех, кто захочет уехать [Балаз., Ф., с. 423]. Кутайба выступил перед войском и заявил, что обещания Сулаймана не больше, чем костный мозг из плечевой кости комара.

[12] Кутайба мог получить известие о смерти ал-Валида не ранее середины марта, если сообщение доставлялось самым спешным эстафетным способом (от Дамаска до Мерва около 3200 км), его верноподданическое послание, доставлявшееся специальным посланцем, ограничивалось физическими возможностями одного человека: при такой дороге требовались и остановки для отдыха, то есть послание Кутайбы пришло бы в Дамаск примерно через месяц, к середине апреля. Если ответное посольство узнало о мятеже Кутайбы в Ханикине (конец апреля — начало мая), то мятеж должен был произойти, когда посланец Кутайбы был еще на пути к Дамаску. Если же ответ Сулаймана дошел до Кутайбы до мятежа, когда он был на пути в Фергану, то это могло быть только в июне. Это — при максимальной скорости движения, реально же еще один обмен письмами потребовал бы еще более двух месяцев.

[13] Городище Ак-Бешим (Ак-Пешим), расположенное в 80 км восточнее столицы Кыргызстана, Бишкека [МИА, № 14, с. 48–50; Кожемяко, 1961, с. 71–78; Семенов, 2003], долгое время отождествлялось с Баласагуном, в 1961 г. было отождествлено с Суябом [Clauson, 1961], и это предположение было подтверждено находкой на нем китайской надписи, подтверждающей пребывание здесь в VIII в. китайского гарнизона (и китайское название города Суйе).

[14] Таб., II, с. 1277–1279, пер., с. 146–148; Куфи, т. 7, с. 251.

[15] Балаз., Ф., с. 423–425; Таб., II, с., 1242–1247, пер., с. 154–157; Куфи, т. 7, с. 268–278.

[16] Балаз., Ф., с. 425.

[17] Балаз., Ф., с. 426; Таб., II, с. 1308.

[18] Халифа, с. 324; Т. Сист., с. 121, пер., с. 139.

[19] Таб., II, с. 1312, пер., с. 163; Куфи, т. 7, с. 278.

[20] Так у ат-Табари [Таб., II, с. 1310, пер., с. 162]; согласно Халифе [с. 324], ал-Джаррах был наместником Басры.

[21] Балаз., Ф., с. 440–441.

[22] Ни дата выступления из Ирака, ни дата прибытия в Мерв не сообщаются. Примерно определить это можно, учитывая два косвенных определения времени: сообщается, что Йазид пробыл в Мерве три или четыре месяца [Таб., II, с. 1318] и начал кампанию против Дихистана в том же, 97 г. х., кончавшемся 24 августа 716 г. [Халифа, с. 319], наконец, по некоторым сообщениям, после окончания этой кампании Йазид зимовал в Мерве [Балаз., Ф., с. 336]. Некоторый диссонанс вносит сообщение Халифы [с. 319], что Йазид «ушел от них в месяце рамадане», но в 97 г. х. он приходился на май 716 г., и не исключено, что эта дата должна была относиться к 98 г. х.

[23] Таб., II, с. 1324.

[24] Халифа, с. 319. Эта цифра, несомненно, ближе к действительности, чем сообщение об армии Йазида в 100 или 120 тыс., да еще без учета мавлей и добровольцев [Балаз., Ф., с. 335; Таб., II, с. 1318, пер., с. 164] — эти цифры были явно продиктованы стремлением аздитского племенного предания, лежащего в основе большей части рассказов об этих походах, восславить Йазида и весь род ал-Мухаллаба — главных героев племени азд.

[25] Массон В., 1969; Атагаррыев, 1975 (там же указана в ссылках предшествующая литература — в основном о более поздних мусульманских памятниках).

[26] Балаз., Ф., с. 336; Куфи, т. 7, с. 286.

[27] Балаз., Ф., с. 336; Куфи, т. 7, с. 287.

[28] Таб., II, с. 1325, пер., с. 167. Тюркский (или персидский) звук *ч* арабы на раннем этапе передавали через эмфатическое *с* («сад», отсюда Син вместо Чин и Саганйан вместо Чаганийан) — в данном случае в процессе письменной передачи конечное «ра» превратилось в «лам», и Чур превратился в Сул. Впервые это имя встречается у ат-Табари в сообщениях о событиях 22/642-43 г. в форме Рузбан Сул — имя человека, который будто бы заключил мирный договор с арабами [Таб., II, с. 2157, пер., с. 17], но это — явный анахронизм, и ненадежность этого сообщения подтверждается соединением усеченного титула (*ма*)*разбан* с собственным именем. Видимо, здесь в сильно искаженной форме передан рассказ о взаимоотношениях правителя Джурджана Фируза со своим двоюродным братом марзбаном и Сулом.

[29] Халифа, с. 319; другие сведения о 100, 120 и даже 200 тысячах воинов у Йазида [Таб., II, с. 1317, пер., 164, 1327, пер., с. 169; Куфи, т. 7, с. 288] безусловно преувеличены.

[30] Балаз., Ф., с. 336; Таб., II, с. 1217–1220, пер., с. 164–165. Согласно Халифе [с. 319], Сул обязался ежегодно платить 500 тыс. дирхемов, а по ал-Куфи [т. 7, с. 288] — 700 тыс. Рассказ о сдаче командующего с условием сохранения жизни себе и близким, притом что остальных он оставлял на произвол судьбы, довольно распространен и во многих случаях является фольклорным шаблоном. Во всяком случае, упоминание договора с определенной суммой дани (видимо, преувеличенной) свидетельствует, что Сул не бросил своих людей на гибель, а город на разграбление.

[31] Куфи, т. 7, с. 291–292. У Балазури он назван мавлой Маскалы из дейлемитских пленников [Балаз., Ф., с. 337], а ат-Табари упоминает в этом случае Хаййана ан-Набати [Таб., II, с. 1329]. Похоже, что для оформления сюжета о мавле, даю-

щем неверные советы близким соплеменникам, требовалось превратить Хаййана в дейлемита. В переводе В.И. Беляева [Таб., пер., с. 169] разговор испехбеда с Хаййаном и некоторые другие эпизоды, связанные с Табаристаном, были им опущены как не имеющие отношения к Средней Азии.

[32] 300 тысяч дирхемов «весом шести» [Балаз., Ф., с. 337], 700 тыс. [Халифа, с. 320; Таб., II, с. 1329], 2 млн. [Куфи, т. 7, с. 292]. Общим для этих сообщений является условие поставки 400 вьюков шафрана, которым славились эти области. Упоминаемое во всех случаях условие доставить 400 рабов в парадных одеждах с серебряным кубком на голове, с драгоценными дарами в каждом, скорее всего, относится к области фольклора — точно такое же условие [ср. т. II, с. 184] содержится в договоре с Сиджистаном.

[33] Четыре месяца [Куфи, т. 7, с. 293], семь месяцев [Балаз., Ф., с. 337; Таб., II, с. 1330].

[34] Халифа, с. 319; Балаз., Ф., с. 337; Таб., II, с. 1330–1333; Куфи, т. 7, с. 293–296. Рассказ об этом также имеет черты легенды о герое-победителе: Йазид, раздосадованный долгой осадой, клянется, что кровью побежденных врагов смелет зерно, испечет хлеб и съест его, и после победы кровь 12 000 казненных на берегу реки окрасила воду, она вращала жернова, и Йазид выполнил клятву. Аналогичная история рассказывается о Халиде б. ал-Валиде после сражения под Уллайсом [т. 1, с. 216].

[35] 24 млн. дирхемов [Балаз., Ф., с. 337], только хумс — 6 млн. [Таб., II, с. 1334], разделено между воинами — 20 млн. [Куфи, т. 7, с. 297]. Эти суммы могут иметь что-то общее с реальностью, если они включали кроме добычи налоговые поступления с Хорасана.

[36] Таб., II, с. 1306. Халифа [с. 319] упоминает под 97/715–716 г. захват Масламой крепости Хисн ал-Хадид.

[37] Таб., II, с. 1315.

[38] Халифа, с. 320; Таб., II, с. 1306.

[39] Таб., II, с. 1305.

[40] Йа‘к., т. 2, с. 352–353.

[41] Таб., II, с. 1338–1339.

[42] Йа‘к., т. 2, с. 358.

[43] Таб., II, с. 1313.

[44] Му‘джам, 160.

[45] Феоф., т. II, с. 251; Дион., пер., с. 211–212.

[46] М. Фахми датирует начало осады 2 мухаррама 99/5 августа 717 г. [Fahmy, 1980, с. 97], но не указывает источник, из которого взята такая точная дата. Осада явно началась раньше, во всяком случае, арабской армии пришлось перенести тяготы зимы 98 г. х., т.е. зимы 716/17 г.

[47] Таб., II, с. 1317, 1334; Халифа, с. 321. В «Китаб ал-‘уйун ва ал-хада’ик» завоевание «Города славян» относится к периоду до осады Константинополя: «...пошел он по дороге Мар‘аша и завоевал город славян, и застигла его зима, и перебрался в город Афик, где перезимовал. А когда прошла зима, пошел на Кунстантинийу и остановился в Аммурийи...» [Уйун, т. 1, с. 25].

[48] Таб. II, с. 1216. Подробнее: [Уйун, т. 1, с. 27–29] — здесь сообщается, что измученные блокадой константинопольцы начали переговоры с Масламой, а он ответил, что не отступится от них, пока они не сделают Льва своим царем. После этого Лев вступает в соглашение с горожанами и уговаривает Масламу сжечь запасы фуража.

[49] Феоф., т. 1, с. 397, т. 2, с. 251.

[50] Север, с. 151.

[51] Дион., пер., с. 215.

[52] Наубахти, с. 25, пер., с. 131–132.

[53] Анон., Д., с. 184–185; Анон., 1960, пер., с. 80–81; Jafri, 1989, с. 248 (со ссылкой на недоступные источники).

[54] Анон., Д., с. 174–175; Анон., 1960, пер., с. 81. Приводится также версия, согласно которой Зайд ездил в Дамаск, чтобы доставить донос. Сообщается также, что во время остановки в Медине ал-Валид на пирушке спросил Абу Хашима, почему, если он старше Зайда, борода его темнее. Зайд съехидничал: «Это благодаря мази (*галийа*), которую ему присылают из Куфы» [Анон., Д., с. 174–175].

[55] Анон., Д., с. 175. Аун будто бы обратился за помощью к Кабисе б. Зу'айбу, но этот очень влиятельный человек, ведавший хараджем и казной, хранитель печати, умер еще при Абдалмалике. Это обстоятельство само по себе не опровергает сообщения о попытке Ауна помочь брату — рассказчику запомнилось, что брат хлопотал за брата, а имя царедворца вспомнилось как одно из самых известных.

[56] Анон., Д., с. 177; Анон., 1960, пер., с. 182 (короче и без упоминания темы спора).

[57] Анон., Д., с. 177–183; Анон., 1960, пер., с. 182–183. Халифа, с. 321 («в халифат Сулаймана»), ал-Йа'куби также рассказывает о смерти Абу Хашима в связи с правлением Сулаймана [Йа'к., т. 2, с. 356].

[58] Анон., Д., с. 177–190; Анон., 1960, л. 248а–249, пер., с. 82–84; Йа'к., т. 2, с. 326–327. О годе слона (так!) упомянуто у ал-Йа'куби [см.: Бартольд, Соч., т. 2, ч. 1, с. 380–387].

[59] Перечень главных сторонников Абу Хашима: [Анон., Д., с. 191].

[60] Указывается только год смерти Аййуба (98 г. х.), несколько уточнить время в пределах года позволяет замечание, что Йазид б. Мухаллаб узнал о ней, прибыв в Рей после завоевания Джурджана, т.е. летом 717 г. [Таб., II, с. 1334].

[61] Приводятся две даты: 1) пятница 10 сафара (22.IX.717 г.) [Халифа, с. 322; Йа'к., т. 2, с. 361; Мас'уди, т. 3, с. 391, М^{e}, т. 3, с. 183; Таб., II 1336]; 2) «когда осталось 10 ночей» (того же месяца) [Таб., II, с. 1336; Мас'уди, т. 5, с. 396, М^{e}, т. 3, с. 182]. В первом случае указанный день приходится на среду, а во втором — на пятницу, 1 сентября 717 г.

[62] Лучшая характеристика Умара II дана В.В. Бартольдом (Соч., т. 6, с. 504–531).

[63] Йа'к., т. 2, с. 361; Таб., II, с. 1345.

[64] И. Са'д, т. 5, с. 244; М.И. Абдх., с. 43, 49, 109, 118.

[65] И.Са'д, т. 5, с. 297–298; М.И. Абдх., с. 139.

[66] И. Абдх., с. 49, 121; Север, с. 102; Куфи, т. 7, с. 310

[67] И. Са'д, т. 5, с. 249; Йа'к., т. 2, с. 367.

[68] И. Абдх., с. 37; Север, с. 152. Любопытно, что христианский историк говорит только об аресте Усамы, а мусульманский историк Египта [Кинди, В., с. 68] ареста Усамы не упоминает и о назначении нового финансового уполномоченного не говорит, называя лишь наместника (Аййуба б. Шарахила) и начальника полиции.

[69] Уйун, т. 1, с. 48–49; Иначе у ал-Куфи: Ади посылает из Васита в Басру Мусу б. Ваджха для поимки Йазида и тот настигает его в Ма'киле. Йазид повиновался приказу Ади и был привезен к нему в Васит [Куфи, т. 7, с. 212].

[70] Таб., II, с. 1350–1352; Куфи, т. 7, с. 318–320. Согласно ал-Куфи, Ади выслушал видных хорасанцев, дал Йазиду ответить на обвинения и отослал его к Умару. Короче у [Уйун, т. 1, с. 49–50]; добавлено лишь, что, когда Йазид заболел в тюрьме, Умар распорядился снять с него кандалы.

[71] Иа'к., т. 2, с. 362.

[72] Халифа, с. 321–322; Таб., II, с. 1346.

[73] Таб., II, с. 1346; Куфи, т. 7, с. 309.

[74] В «Сире» Умара б. Абдал'азиза приводится обширный текст послания наместникам [М.И. Абдх., с. 81–88], которое Х.А. Р. Гибб назвал «фискальным рескриптом», полностью перевел на английский язык и прокомментировал [Гибб, 1956, по каирскому изданию 1927 г.]. Несмотря на такой объем, это послание не является конкретным административным распоряжением, это, скорее, небольшой трактат общего этико-правового содержания. Оно вполне в духе идей Умара относительно приведения жизни общества к нормам раннего ислама. Стиль послания рекомендательный, а не приказной: «Мы считаем, что тебе надо отменить работу без оплаты...» и т.п. Другие послания наместникам, с указанием адресата, более конкретны.

[75] Таб., II, с. 1366–1367. «Дирхем веса семи» — стандартный послереформенный дирхем, десять которых должны весить семь мискалей (динаров). Подробнее об этом термине см.: [Большаков, 2001, с. 147–148], где в любом случае речь идет о взимании твердо фиксированных размеров налогов, без махинаций с разницей веса. Выражение *ахл ал-ард* не поддается однозначному переводу: согласно мусульманскому праву, хародж платили землевладельцы, а не реально работавшие на земле арендаторы, но перевести это выражение именно как «землевладельцы» значило бы придать ему слишком большую юридическую определенность.

[76] И. Са'д, т. 5, с. 251, 262, 280; М.И. Абдх., с. 63, 64, 108; Йа'к., т. 2, с. 336; Север, с. 152.

О том, что распоряжения Умара относительно иноверцев определялись не благорасположением к ним, а стремлением действовать согласно практике первых лет ислама, свидетельствует его распоряжение не брать их на государственную службу и не разрешать носить оружие [М.И. Абдх., с. 140]. Там же он называет их воинством шайтана, но это как-то странно для человека, ушедшего умирать в монастырь и пожелавшего быть похороненным на монастырской земле.

[77] И. Са'д, т. 5, с. 255, 257, 260, 277, 279, 296; М.И. Абдх., с. 63, 64, 129; Кинди, В., с. 68, 69; Йа к., т. 2, с. 367.

[78] И. Са'д, т. 5, с. 296; М.И. Абдх., с. 61, 63, 141; Таб., II, с. 1370.

[79] Так у ат-Табари [Таб., II, с. 1349]; ал-Йа'куби, говоря об отправке Амра б. Кайса в летний поход, добавляет, что ему дана была одежда, пшеница (та'ам) и жалованье для воинов Масламы [Йа'к., т. 2, с. 363], однако ат-Табари и Халифа относят отправку продовольствия и приказ о возвращении к 99 г. х. [Халифа, с. 326; Таб., II, с. 1346].

[80] О Хуттале см. [Таб., II, с. 1353–1354, пер., с. 171–172]. Сражение с тюрками см. [Балаз., Ф., с. 426; Йа'к., т. 2, с. 362]; суд с самаркандцами см. [Таб., II, с. 1364–1365].

[81] Бартольд, Соч., т. 2, ч. 2, с. 380–387.

[82] Арабские историки не упоминают царя Согда в течение десятилетия после завоевания Самарканда. О правителе Пенджикента Диваштиче как царе Согда, государе Самарканда, свидетельствуют документы из его архива, найденные на горе Муг [Лившиц, 1962]. Этот титул применяет не только он сам в своих распоряже-

ниях [Лившиц, 1962, док. В-18, А-10, А-2, А-3, А-16] и его подчиненные в обращении к нему [док. В-4, А-14, № 2, В-10], но и арабский военачальник Абдаррахман б. Субх [док. I-I]. Только в письме ал-Джарраху, написанном по-арабски, Диваштич называет себя лишь мавлой ал-Джарраха.

Естественно предположить, что Диваштич был сделан арабами номинальным царем Согда после изгнания Гурека из Самарканда и низложения его как узурпатора, убившего законного государя (об этой истории тоже молчат). Два документа с датировкой по годам правления Диваштича как царя Согда [док. А-16, А-18] упоминают только первый и второй год правления, что не позволяет определить время воцарения Диваштича.

[83] Балаз., Ф., с. 426; Йа‘к., т. 2, с. 362; Таб., II, с. 1352–1355, пер., с. 171–173. Об отказе самаркандских арабов переселиться в Мерв: [Йа‘к., т. 2, с. 362–363].

[84] Таб., II, с. 1358, пер., с. 174–175. Без даты, но значительно подробнее: [Та’рих, с. 203–205, пер., с. 88–89].

[85] Таб., II, с. 1348–1349; Йа‘к., т. 2, с. 368.

[86] Наиболее подробно: [А.И. Абдх., с. 75, 79–80, 111–114, 147; Узун, т. 1, с. 41–47], более кратко: [И. Са‘д, т. 5, с. 263–264; Йа‘к., т. 2, с. 368; Таб., II, с. 1340].

[87] И. Са‘д., т. 5, с. 299 (2 динара, 10 динаров); Агани, т. 8, с. 156 (2 динара); М.И. Абдх., с. 99 (20 динаров). Характерно, что все авторы, изображающие Умара образцом мусульманского благочестия, не находят ничего противоречащего этому образу в погребении на монастырской земле. В.В. Бартольд отмечает, что поздние авторы считали, что Умар был похоронен в монастыре Дейр ал-Мурран около Дамаска [Бартольд, Соч., т. 6, с. 534].

[88] Побег Йазида б. ал-Мухаллаба: [Таб., II, с. 1359; Куфи, т. 7, с. 321–322; Уйун, т. 1, с. 50–51].

[89] Сообщаются три даты смерти Умара б. Абдал‘азаза: пятница 20 раджаба 101 г. х. или, что то же, когда состоялось 10 дней раджаба [И. Са‘д, т. 5, с. 299], в пятницу, когда осталось пять ночей раджаба [И. Абдх., с. 213, пер., с. 231; Халифа, с. 328; Таб., II, с. 1361], и в пятницу, когда оставалось 6 ночей раджаба [Йа‘к., т. 2, с. 369]. Первая дата соответствует понедельнику 5 февраля 720 г., хотя этот день и назван пятницей, пятнице соответствует шестой день от конца раджаба — 9 февраля 720 г., нельзя исключить и 10 февраля, так как расхождение числа месяца с днем недели на одни сутки иногда встречается.

Болезнь и быструю смерть Умара иногда приписывали отравлению его Умаййадами, ненавидевшими его за ущемление в правах собственности [Та’рих, рук., л. 182].

[90] Халифа, с. 333; И. Абдх., с. 214–215, пер., с. 231–233; Таб., II, с. 1425; Изари, т. 1, с. 34–35. Все, кроме Халифы, датируют убиение Йазида б. Абу Муслима 102 г. х., Халифа относит его к 101 г. х., опровергая это своим же сообщением о назначении его в зу-л-ка‘да этого года [с. 342] (14.V–12.VI.720 г. — вряд ли за полтора–два месяца могло назреть такое серьезное недовольство).

Высказывание Мухаммада б. Али явно сделано задним числом, так как среди причин решения начать пропаганду (в 100 г. х.!) названа и смерть Йазида б. Абдалмалика (104 г. х.!) [Балаз., А., т. 3, с. 82].

[91] Таб., II, с. 1375; Уйун, т. 1, с. 64–65.

[92] Таб., II, с. 1390; Куфи, т. 8, с. 2; Уйун, т. 1, с. 51. Сообщение ал-Куфи, что Йазид в ал-Куткутане одновременно узнал о смерти Умара и аресте своих родственников в Басре вызывает сомнение: приказ об аресте Йазида последовал в рамадане [Йа‘к., т. 2, с. 370], т.е. при одинаковой скорости доставки почтой прибыл

бы в Куфу не ранее, чем через семь дней после извещения о смерти халифа. Когда бы ни прибыл Йазид в район Куфы, весть о смерти халифа уже была бы всем известна, а об арестах в Басре здесь стало бы известно не ранее, чем через неделю после получения приказа об аресте Йазида, и этот срок не сократился бы, будь приказ отдан не 1–2 рамадана, а позже. Таким образом, если Йазид прибыл в ал-Куткутану позже и мог узнать там о событиях в Басре, то о смерти Умара узнал бы раньше.

[93] Таб., II, с. 1380–1383; Уйун, т. 1, с. 52–54; Ал-Куфи излагает эти события, основываясь на том же материале Абу Михнафа, но у него речь идет об одноразовой раздаче двух дирхемов [Куфи, т. 3, с. 3–4].

[94] Таб., II, с. 1337.

[95] Таб., II, с. 1391–1392; Куфи, т. 8, с. 8–9; Уйун, т. 1, с. 58–59. Все три источника перелагают сведения Абу Михнафа (который, судя по ссылке у ат-Табари, записывал рассказ со слов собеседника ал-Хасана ал-Басри), различно сокращая его: так, у Табари отсутствует упоминание о раздаче денег после речи, перефразируются слова персонажей при сохранении общего смысла.

[96] Таб., II, с. 1387–1388; Уйун, т. 1, с. 67.

[97] Таб., II, с. 1390. Самый полный перечень назначений наместников: [Уйун, т. 1, с. 59–60].

[98] Хасан ал-Басри был не единственным религиозным авторитетом, осуждавшим Йазида. Менее значительный правовед Катада б. Да‘ама ас-Садуси [И. Са‘д, т. 7, с. 229] был с веревкой на шее вывезен в Ахваз и там заключен в тюрьму [Уйун, т. I, с. 66].

[99] Таб., II, с. 1397; Куфи, т. 8, с. 15; Уйун, т. 1, с. 69 (говорится о численности войска, с которым Йазид пришел из Басры в Васит; численность войска Масламы определяется тем же источником [с. 66, 68] в 80 000 человек, что, видимо, является преувеличением).

[100] Таб., II, с. 1400–1401; Куфи, т. 8, с. 13; Уйун, т. 1, с. 66.

[101] Все источники сходятся на том, что сражение, в котором был убит Йазид, произошло в пятницу, но ат-Табари и автор «Уйун» называют 14 сафара 102 г. х. [Таб., II, с. 1401; Уйун, т. 1, с. 71], а Халифа — 12 сафара [Халифа, с. 332], однако вторая пятница в этом месяце приходится на 13-е, т.е. на 23 августа 720 г. Ат-Табари говорит о противостоянии Йазида и Масламы в течение восьми дней [Таб., II, с. 1401], а ал-Куфи — трех [Куфи, т. 8, с. 15], второе, вероятно, относится к промежутку между первым столкновением и сражением.

[102] Описание сражения: [Таб., II, с. 1395–1405; Куфи, т. 8, с. 14–19; Уйун, т. 1, с. 68–74].

[103] Таб., II, с. 1406–1413; Куфи, т. 8, с. 20–25; Уйун, т. 1, с. 73–74.

[104] Таб., II, с. 1417.

[105] Таб., II, с. 1417–1420, пер., с. 175–177.

[106] Таб., II, с. 1420–1427, пер., с. 177–189.

[107] Балаз., Ф., с. 427; упоминаемые здесь военные действия происходили в среднем течении Зеравшана; упоминаемая ат-Табари в связи с теми же событиями река [Таб., II, с. 1428–1431, пер., с. 180–182] скорее всего и есть Зеравшан.

[108] Таб., II, с. 1436–1439, пер., с. 183–184. Ал-Балазури приписывает смещение Са‘ида Хузайны Масламе [Балаз., Ф., с. 427], но представляется более вероятным сообщение о смещении его Умаром б. Хубайрой [Таб., II, с. 1431].

[109] В имени ферганского царя, сообщаемого ат-Табари и транскрибируемого как ат-Тар (ал-Тар), первые две буквы следует рассматривать не как арабский ар-

тикль, а как часть имени и читать как Илтар или Ильтер. Правящий род племени сир в середине IV в. засвидетельствован китайским источником [Кляшторный, 1986, с. 156–157]. Другой источник ат-Табари говорит, что имя царя Ферганы — Балаз [Таб., II, с. 1440].

[110] У ат-Табари Исфарой оказывается наследник царя.

[111] В тексте Саскет это, вероятно, искаженное написание селения в двух фарсахах от Самарканда — Исбискет или Сибаскет [Йа‘к., I, с. 238].

[112] Таб., II, 1442–1446, пер., с. 186–189. Сообщение о 30 000 убитых.

[113] Таб., II, с. 1446–1447, пер., с. 189. Об условиях местности и раскопках на г. Муг: [Васильев, 1934].

[114] Таб., II, с. 1449, пер., с. 190. Гузар — районный центр на юге Узбекистана, южнее Кешша (Шахрисябса).

[115] Таб., II, с. 1453–1457, пер., с. 190–193. Тут же приводится и другая версия конфликта между Ибн Хубайрой и ал-Хараши, но в этом случае главной причиной оказывается недостаточная почтительность последнего.

[116] Халифа, с. 333; Йа‘к., т. 2, с. 376; Таб., II, с. 1435; И. Из., т. I, с. 34. Сведения этих авторов несколько расходятся, но ясно, что Йазид б. Абу Муслим притеснял новообращенных и вызвал возмущение берберского войска.

[117] Балаз., А., т. 3, с. 80.

[118] Евтихий, с. 43–44.

[119] Дата указана у Псевдо-Дионисия — 1035 г. селевкидской эры, который Ж. Шабо определяет как 723/724 г. н.э. /Пс. Дион., пер., с. 17/, но она явно ошибочна, так как смерть Умара б. Абдал‘азиза там же отнесена к 1034 г., на этом основании указ можно датировать 721 или 722 г.

[120] Север, с. 153; Пс. Дион., с. 19, пер., с. 17; Гевонд, пер., с. 71; Феоф., т. 1, с. 401.

[121] Creswell, 1945; Большаков, 1960, с. 145. Кресвелл упоминает распоряжение Умара б. Абдал‘азиза уничтожить росписи в бане [с. 220], сообщаемое «Сирой» Умара б. Абдал‘азиза, написанной в XII в., когда осуждающее отношение к изображению живых существ стало широко распространенным, но в «Сире», написанной в IX в. [М.И. Абдх.], и в пространном жизнеописании, составленном Ибн Са‘дом в том же веке, о враждебном отношении к живописи ничего не говорится.

[122] Феоф., т. 1, с. 401. О предсказании Йазиду каким-то евреем сорокалетнего правления (без условий) см. [Таб., II, с. 1463–1464].

[123] Пс. Дион., с. 19–20, пер., с. 17–18; Таб., II, с. 1464–1465; Мас‘уди, М., т. 5, с. 476; М^e, т. 3, с. 207.

[124] Йа‘к., т. 2, с. 376.

[125] Йа‘к., т. 2, с. 378; Халифа, с. 336; Куфи, т. 8, с. 23–29. Халифа связывает поражение с именем наместника Арминийи Ми‘лака б. Саффара, а у ал-Куфи командующим арабским войском назван Субайт б. ал-Бахрани, который будто бы доказал Йазиду, что войско сражалось упорно и сделало все, что могло, и халиф простил его. Возможно, это противоречие объясняется тем, что имеются в виду разные уровни командования.

Ал-Балазури, единственный, кто называет преемником Ми‘лака ал-Хариса б. Амра ат-Таи, который будто бы совершил поход на Лакз и завоевал рустак Хасмадан, и лишь после него наместником Арминийи стал ал-Джаррах [Балаз., Ф., с. 206]. Это сообщение явно анахронично, так как срок правления ал-Хариса был

бы всего лишь несколько месяцев: Ми‘лак потерпел поражение в рамадане 103 г. х., но должно было пройти какое-то время, прежде чем он был смещен, а ал-Джаррах в самом начале раби II 104 г. х. разгромил хазар [Халифа, с. 337], и это явно был не первый день его правления. Таким образом, срок правления ал-Хариса не мог быть более четырех месяцев.

[126] Балаз., Ф., с. 206.

[127] Хайдак, или кайтак, — район к северо-западу от Дербента с центром у селения Маджалис [Бартольд, Соч., т. 3, с. 410], о локализации Лакза: [Шихсаидов, 1980, с. 67], местонахождение Хасмадана неизвестно.

[128] Халифа, с. 337; Таб., II, с. 1453; Куфи, т. 8, с. 30–31, пер., с. 17–18. Расстояние, на которое продвинулся ал-Джаррах за Дербент, указывается различно: у Халифы — 2 фарсаха, у Куфи — шесть.

[129] Одно из этих селений носит явно арабское название — ал-Хиснайн («две крепости»), жителей которого переселили в ал-Хайзан; жителей второго селения, которое носит явно искаженное название ал-Бар‘уфа (вместо «айна» вероятнее всего следует видеть «гайн»), переселили в Кабалу [Куфи, т. 8, с. 32, пер., с. 18]. Ал-Балазури приводит несколько иные названия: после разгрома хазарской армии ал-Джаррах «сражался с жителями страны (*билад*) Хамзин» и, после заключения договора, переселил их в Хамзин, где они образовали два селения. Далее он пошел на Гумик, увел оттуда пленных и ушел в Шакки [Балаз., Ф., с. 206]. В первом случае явно упоминается тот же эпизод, что и у ал-Куфи, во втором совпадение менее очевидно, так как переселение не упоминается, но не упоминается и более важное событие — захват Баланджара.

[130] О взятии Баланджара см. [Халифа, с. 337; Куфи, т. 8, с. 32, пер., с. 19; Таб., II, с. 1453], обоснование даты см. прим. 125 в этой главе.

А.П. Новосельцев локализовал Баланджар около устья реки Уллучай, не отождествляя с каким-либо городищем [Новосельцев, 1990, с. 124]; вероятнее видеть остатки этого города в Верхнечирюртовском городище на Сулаке, у пересечения его железной дорогой [Магомедов, 1983, с. 46–51].

[131] Локализация Вабандара неизвестна. З.М. Буниятов отождествлял его с Варачаном армянских источников [Куфи, пер., с. 79, прим. 34], локализация которого тоже неясна. Его перевод фразы о численности тюрков: «там в это время имелось 40 тысяч домов» [Куфи, пер., с. 20]; «там» — т.е. в городе, но в тексте определенно сказано: «а их (хазар) тогда [было] сорок тысяч домов (*байт*)». Здесь речь явно идет не о числе домов в городе, а о численности кочевников, и арабское *байт* означает не только стационарное жилище, но и шатер или кибитку.

[132] Халифа, с. 330. Ат-Табари не упоминает эту битву, а сообщает об успехах ал-Джарраха в Алании, что явно относится к началу 105 г. х., т.е. к лету–осени 723 г. [Таб., II, с. 1462]. Ал-Куфи говорит о зимовке в Шакки, где ал-Джаррах ожидал подкреплений из Сирии, но не упоминает сражения с хазарами в феврале: по его сведениям, весть о смерти Йазида застала его в Шакки, откуда он по приказу Хишама идет против хазар к Байлакану [Куфи, т. 8, с. 35, пер., с. 21].

[133] Смерть Йазида датируют пятницей за пять дней до конца ша‘бана [Халифа, с. 340; Таб., II, с. 1461–1463], но пятый день от конца ша‘бана — четверг. Видимо, точная дата — четвертый день от конца, как сообщает ал-Йа‘куби [Йа‘к., т. 2, с. 377] — 28 января 724 г. Возраст в день смерти указывается в пределах от 33 до 40 лет [те же источники], может быть, стоит поверить дате рождения, указанной Халифой, — 71 или 72 г. х., что даст 33 или 34 лунных года (32 или 33 солнечных).

[1] Йа‘к., т. 2, с. 279; Таб., II, с. 1467. Упоминается поместье аз-Зайтуна и ар-Русафа, городок в 40 км южнее Ракки. Ал-Йа‘куби отмечает, что Хишам выехал оттуда в рамадане; то, что Хишам не присутствовал при похоронах Йазида, очевидно, но тенденция средневековых историков считать день смерти халифа днем присяги его преемнику была настолько сильна, что у Халифы [с. 340] встречается упоминание, что Хишам читал погребальную молитву над братом.

[2] Таб., II, с. 1466; Уйун, т. 1, с. 82.

[3] Мас‘уди, М., т. 5, с. 466–467, M[e]., т. 3, с. 217.

[4] Таб., II, с. 1468, 1478, пер., с. 198; Уйун, т. 1, с. 82–83.

[5] Кинди, с. 72–73. В тексте прибытие Мухаммада датировано средой 11 шаввала, но этот день (12 марта 724 г.) приходится на воскресенье, расхождение слишком велико, чтобы принять эту дату, вероятнее предположить описку переписчика, написавшего вместо *‘ишруна* (двадцать) *‘ашара* (десять), что встречается нередко, а 21 шаввала действительно приходится на среду.

[6] Таб., II, с. 1471–1472.

[7] И. Абдх., с. 213–215, пер., с. 231–233; И. Изари, т. 1, с. 35.

[8] Халифа сообщает о вторжении в Аланию дважды: под 105 г. х. (со ссылкой на Ибн ал-Калби) [с. 339] и под 106 г. х. [с. 410], но по нашему летосчислению разгром хазар и вторжение в Аланию относится к одному году — 724. Разгромив хазар в междуречье Куры и Аракса в феврале, ал-Джаррах весной и летом вел военные действия в Алании и вернулся, скорее всего, к осени, т.е. в 106 г. х. (начавшемся 20 мая 724 г.). А.П. Новосельцев скептически отнесся к сообщению о походе в Аланию, охарактеризовав его как «довольно странное и трудно комментируемое» [Новосельцев, 1990, с. 180]; такую оценку можно понять, если, следуя ему, датировать победу над хазарами 724 г.

[9] Балаз., Ф., с. 206; Халифа, с. 350, 351; Таб., II, с. 1526. Ал-Балазури помещает наместничество ал-Хариса сразу после Ми‘алака и говорит о смещении, а не о гибели ал-Хариса [Балаз., Ф., с. 206]; странным образом у ат-Табари сообщается, что прибывший в 112 г. х. Маслама, направляясь в поход за Дербент, оставил в Дербенте ал-Хариса ат-Таи [Таб., II, с. 1532]; то же сообщение, но со ссылкой на Ибн ал-Калби, приводит Халифа [с. 357], но сведения Абу-л-Бара о гибели ал-Хариса в 108 г. х., как и другая его информация, вполне надежны.

[10] Халифа, с. 352, 353; Таб., II, с. 1506.

[11] Халифа, с. 354.

[12] О разных вариантах отождествления и локализации ал-Байда: [Новосельцев, 1990, с. 125–129]. Судя по этому сообщению Халифы, ал-Байда могла находиться в районе современной Северной Осетии или несколько севернее ее.

[13] Халифа, с. 355; Балаз., Ф., с. 206; Таб., II, с. 1531; Куфи, т. 8, с. 38, пер., с. 21–22. Для всех, кроме Халифы, события предшествующего года отсутствуют, в повествовании ал-Куфи выпадает наместничество Масламы. В сведениях Халифы вызывает подозрение упоминание двух осад Ардебиля хазарами: в 111 и 112 гг. х.; возможно, речь идет все-таки об одной кампании.

[14] Халифа, с. 335 (дата); Балаз., Ф., с. 206; Таб., II, с. 1530–1531; Куфи, т. 8, с. 36–43, пер., с. 21–25.

[15] Таб., II, с. 1531.

[16] Халифа, с. 356–357; Йа‘к., т. 2, с. 381; Таб., II, с. 1531; Куфи, т. 8, с. 43–59, пер., с. 33–39. У ал-Балазури упоминается только один поход ал-Хараши до его

ареста, и по содержанию трудно понять, относится изложение к первому или второму походу [Балаз., Ф., с. 206].

[17] Халифа, с. 357 (по Ибн ал-Калби).

[18] Балаз., Ф., с. 206; Йа‘к., т. 2, с. 381; Куфи, т. 8, с. 59, пер., с. 39.

[19] Халифа, с. 357; Таб, II, с. 1537.

[20] Балаз., Ф., с. 207 (здесь упоминается обстрел цитадели Дербента железными ядрами, что очень интересно, так как железо на мусульманском Востоке было дорого и дефицитно); Куфи, т. 8, с. 61, 62, пер., с. 41–42.

[21] Гарнати, пер., с. 24.

[22] Таб., II, с. 1473–1476; пер., с. 196–197.

[23] Балаз., Ф., с. 428; Халифа, с. 349 (говорит о победоносном походе Муслима и гибели сына хакана); Таб., II, с. 1478–1482, пер., с. 199–201.

[24] Таб., II, с. 1485, пер., с. 201–202.

[25] Там же; Балаз., Ф., с. 428.

[26] Халифа, с. 351; Таб., II, с. 1488.

[27] Таб., II, с. 1490.

[28] Таб., II, с. 1492–1494, 1497–1500; пер., с. 203–208; Балаз., Ф., с. 428. О кознях аббасидских пропагандистов [Таб., II, с. 1488, 1492, пер., с. 203].

[29] Таб., II, с. 1501, пер., с. 206.

[30] Таб., II, с. 1516, пер., с. 212; ал-Балазури мимоходом упоминает, что Ашрас пренебрежительно относился к дихканам и увеличил налоги [Балаз., Ф., с. 429].

[31] Таб., II, с. 1515–1517, пер., с. 211–212.

[32] Таб., II, с. 1517–1525, пер., с. 212–217.

[33] Таб., II, с. 1525, пер., с. 217; Халифа, с. 354.

[34] Йа‘к., т. 2, с. 379–380; Балаз., Ф., с. 442. Оба автора, видимо, использовали один и тот же источник, но различно сократили его; текст ал-Балазури дает более связную картину, но ал-Йа‘куби сохранил некоторые детали, отсутствующие у него.

[35] Таб., II, с. 1527, пер., с. 218.

[36] Таб., II, с. 1528–1529, пер., с. 218–219.

[37] Таб., II, с. 1530, пер., с. 219. Согласно ал-Балазури, ал-Джунайд перед походом получил от Хишама огромное подкрепление: 20 000 куфийцев и столько же басрийцев, 30 000 копий и 30 000 коней [Балаз., Ф., с. 429]. Численность пополнения явно преувеличена, да и весь рассказ о «сражении в ущелье» свидетельствует о том, что ал-Джунайд не получил столь значительного подкрепления, оно пришло позднее. Халифа [с. 358] сообщает, что ал-Джунайд собирался в поход на Тохаристан, но известие о нападении тюрков на Самарканд заставило изменить первоначальные планы.

[38] В оригинале: *фа ’аṣхаба ‘алā ра’си ал-джабали*, что было переведено: «Утром он оказался на горе» [Таб., II, с. 1540, пер., с. 224]. Формально перевод дословно точен, но выражение *‘алā ра’си шай’* означает «в начале», здесь, несомненно, именно такой случай. Савра подошел к началу гор, это подкрепляется и тем, что в трех фарсахах от Самарканда гор еще нет.

[39] Ат-Табари определяет численность войска Савра в 12 000 человек [там же].

[40] Таб., II, с. 1542, пер., с. 225.

[41] О походе ал-Джунайда [Таб., II, с. 1543–1552, пер., 226–230]. В этих сведениях две противоречивые даты: с одной стороны, говорится, что ал-Джунайд достиг Кермине в первый день рамадана [Таб., II, с. 1550], с другой — что он прибыл в Бухару в праздник михраджана, т.е. в день осеннего равноденствия [Таб., II, с. 1552, пер., с. 230]. Ат-Табари относит эти события к 112 г., а Халифа — к 113 г.,

что, по-моему, вернее. В данном случае это неважно: и в том и в другом году рамадан начинался в январе (731 или 732 г.).

[42] Таб., II, с. 1548–1552, пер., с. 228–230. Судя по порядку изложения, ал-Джунайд обратился к Хишаму с просьбой о подкреплении из Самарканда (Таб., II, с. 1545, пер., с. 227), но они вряд ли могли прибыть туда.

[43] Таб., II, с. 1552, пер., с. 230.

[44] Халифа, с. 360.

[45] Т. Систан, с. 126, пер., с. 146.

[46] Халифа, с. 355; Таб., II, с. 1526.

[47] Халифа, с. 350.

[48] Кинди, В., с. 73–74. Любопытно, что Север [с. 159], сообщая об увеличении хараджа на $^1/_8$ (3 кирата) и о вызванных этим тяготах для населения, о восстании не сообщает, а говорит о смещении Ибн Хабхаба по жалобе египетских арабов. Похоже, что церковные историки, живописующие случаи притеснения клириков и монахов, на беды мирян обращали меньше внимания.

[49] Кинди, В., с. 74.

[50] Кинди, В., с. 76–77. Употребленный в сообщении о переселении термин *ахл ал-байт* в данном контексте явно означает семью.

[51] Халифа, с. 355.

[52] Халифа, с. 355, 356.

[53] Lévi-Provençal, 1950, t. 1, p. 53–56.

[54] Lévi-Provençal, t. 1, p. 57–63; Ахбар, с. 25; И. Из., т. 1, р. 37.

[55] Халифа, с. 361.

[56] Халифа, с. 361; Ахбар, с. 25; И. Из., т. 1, с. 38; И. Кутейба, с. 14. Наиболее четко приход к власти изложен у Халифы и Ибн Изари, хотя у второго Ибн ал-Хабхаб сменяет не Убайду б. Абдаррахмана, а оставленного там в шаввале 114/24.XI–22.XII.733 г. заместителя, Укбу б. Кудаму [И. Из., т. 1, с. 37], тогда как, согласно Ахбар [с. 25], получается, что Ибн ал-Хабхаб был преемником непосредственно Бишра б. Сафвана (текст здесь явно испорчен, так как халиф, назначивший Ибн ал-Хабхаба, назван Хишамом б. Абдал‘азизом), а ал-Гафики оказывается назначенным Бишром б. Сафваном, умершим за четыре года до этого. О наместнике Египта в эти годы — Кинди, В., с. 70–77.

[57] Халифа, с. 361–362; И. Из., т. 1, с. 38.

[58] Lévi-Provençal, 1950, t. 1, p. 63, латинский текст хроники в примеч. 1.

[59] И. Из., т. 1, с. 38.

[60] Халифа, с. 362–365.

[61] И. Из., т. 1, с. 38.

[62] Наиболее четкое изложение этих событий у Халифы [с. 368–369]. По какому-то недосмотру совершенно идентичное сообщение о восстании Абдала‘лы приводится также под 116 г. х. [Халифа, с. 361], изложение их у Ибн Изари несколько отличается: победу над Амром б. Абдаллахом (вместо «Амр» у него «Умар», из-за выпадения конечного вава) он приписывает самому Майсаре, Абдала‘ла у него оказывается подчиненным Майсаре, судя по тому, что тот оставляет его в Тандже, но об убиении Абдала‘лы сообщает Халифа, далее у Ибн Изари говорится лишь о том, что были многочисленные сражения [И. Из., т. 1, с. 38–39]. В «Ахбар» Умара (!) также побеждает Майсара, только в этом источнике сообщается о резне в Тандже [Ахбар, с. 28–29].

[63] Ахбар, с. 28–29.

[64] Халифа, с. 369.

[65] Кинди, В., с. 91.

[66] История войны Марвана с хазарами в арабских источниках излагается в двух версиях, краткой и пространной. Первая представлена Халифой б. ал-Хаййатом со ссылкой на Абу Халида и через него на Абу-л-Бара, сведения которого о событиях на Кавказе конкретны и хорошо датированы. Дословно то же сообщение приводит ат-Табари, а затем ал-Маусили [Халифа, с. 362–364; Таб., II, с. 1573, 1586; Куфи, т. 8, с. 75]. Эта версия дает четкую привязку основных событий к определенным годам, начиная с похода на Аланию и Туман. Пространная версия никаких дат не приводит, и можно только по упоминанию некоторых эпизодов, отмеченных в краткой версии, датировать основные сюжеты подробного рассказа. Наиболее подробное изложение содержится у ал-Куфи [Куфи, т. 8, с. 76–81; пер., с. 49–58]. Оно начинается с рассказа о походе на ал-Байда, столицу Хазарии, об убийстве хазарского военачальника Хазар-тархана, бегстве кагана куда-то в горы и принятии им ислама. В результате этого похода будто бы было захвачено 40 000 семей сакалиба (славян?), поселенных в среднем течении Самура. Далее детально повествуется о покорении горских княжеств (с явными фольклорными шаблонами). Ал-Балазури придерживается того же порядка изложения, что и ал-Куфи, следуя, вероятно, одному с ним источнику [Балаз., Ф., с. 207–209]. Отличительной чертой этого порядка изложения является то, что оно начинается с рассказа о походе на ал-Байда, который не мог состояться до подчинения горных княжеств. Алогичность этого порядка изложения наглядно демонстрирует текст ал-Балазури: после рассказа о походе Усайда б. Зафира в страну хазар и увода пленных сакалиба сообщается, что «набольший» (*азим*) хазар, испугавшийся войска Марвана, принял ислам «и ушел Марван с многочисленной группой (*халк*) хазар и указал им поселиться между Самуром и Ширваном» [Балаз., Ф., с. 208]. Повторное упоминание поселения пленных в районе Самура свидетельствует о том, что перед нами могут быть два варианта рассказа об одном и том же событии, слившиеся воедино. Лишь после этого ал-Балазури, как и ал-Куфи, начинает рассказ о походе на Сарир. О том, что сообщение о походе на Хазарию у обоих авторов расположено с нарушением хронологии, дополнительно свидетельствует ал-Йа‘куби, начинающий рассказ о прибытии Марвана с похода на Сарир [Йа‘к., т. 2, с. 382] и кончает завоеванием Лакза. А.П. Новосельцев [1990, с. 182] принимает порядок событий, предложенный краткой версией.

[67] Куфи, т. 8, с. 70, пер., с. 49.

[68] Куфи, т. 8, с. 70, пер., с. 49.

[69] Балаз., Ф., с. 208–209.

[70] Халифа, с. 362. Халифа не приводит названия области, завоеванной до Тумана, говоря только о трех завоеванных крепостях. Но три крепости упоминаются в более подробном рассказе ал-Куфи о Сарире, у ал-Балазури завоеванию Тумана определенно предшествует рассказ о Сарире. Наконец, Халифа под 121 г. приводит рассказ о завоевании ас-Сарира, в котором названа и столица этой области — Хунзах [Халифа, с. 367]. Очевидно, что описанные здесь события относятся к тому же 118/736 г., просто источник, откуда Халифа заимствовал этот рассказ, неверно датировал события, а Халифа не задумываясь поместил его в указанном году.

Название области ас-Сарир не является настоящим топонимом. Сарир по-арабски — «трон», правитель этой области имел золотой (или позолоченный) трон, будто бы подаренный кем-то из сасанидских царей, арабы стали описательно называть ее ард *ṣаҳӣби ас-сарӣр* («земля обладателя трона») — сокращенно ас-Сарир. Находился он, как следует из упомянутого рассказа, в Хунзахе.

[71] Балаз., Ф., с. 208–209.

[72] Менандян, 1940, с. 70; Большаков, 1984, с. 184–185.

[73] Халифа, с. 363; Балаз., Ф., с. 209; Куфи, т. 8, с. 70, пер., с. 56–57. Лакз — область в верховьях р. Самур и соседних долинах [Шихсаидов, 1980, с. 67], населенная народами лезгинской группы. Название связано с этнонимом «лак», но, вероятно, область называлась так не самими жителями, а соседями. Правитель у Халифы назван Вартанис, у ал-Куфи на первый взгляд совершенно иное имя (по З.М. Буниатову) [Куфи, пер., с. 56] — Арбис. По согласному скелету имена различаются только первой буквой. А.П. Новосельцев принял написание «Варнис» по Ибн ал-Асиру [Новосельцев, 1990, с. 18; И. А., т. 4, с. 226]. Халифа дает наиболее точную передачу имени Вартанис — Вартан. Это помогает осмыслить имя отца Вартаниса, переданное ал-Куфи в форме بشباش. Простая перестановка точек дает имя نستاس — Настас.

[74] Куфи, т. 8, с. 71, пер., с. 50; Балаз., Ф., с. 208.

[75] Обзор этих взглядов: Новосельцев, 1990, с. 184–185.

[76] Кляшторный, 2002, с. 210–211.

[77] Халифа, с. 362; Куфи, т. 8, с. 76, пер., с. 52; Балаз., Ф., с. 208.

[78] Таб., II, с. 1563, пер., с. 231.

[79] Таб., II, с. 1566–1580, пер., с. 231–236.

[80] Таб., II, с. 1573–1591, пер., с. 235–236.

[81] Таб., II, с. 1582–1588, пер., с. 236–240.

[82] Таб., II, с. 1593–1629, пер., с. 241–256.

[83] Первая половина имени явно арабизированно искажена, но восстановить подлинное тюркское звучание не представляется возможным.

[84] Таб., II, с. 1629–1632, пер., с. 256–258.

[85] Таб., II, с. 1636–1637, пер. с. 259.

[86] Таб., II, с. 1658, 1642, 1648. Сообщение о размере дара Тарику явно преувеличено, но ясно, что он был значительным, раз память о нем сохранилась.

[87] Таб., II, с. 1658. Предписанная цена продажи *кайладжа* (1,875 кг), т.е. 533 дирхема за тонну, соответствует катастрофически высокой цене голодных лет. Может быть имелась в виду большая мера, *маккук* (3 *кайладжи*), тогда мы получим высокую, но в пределах обычных лет, цену.

[88] Таб., II, с. 1641–1642. Сообщение о том, что приближенный слуга Хасан заинтересовал Хишама рассказом о говорящей собаке, и когда ее доставили во дворец, она сказала, что Халид получил доход в 13 млн. дирхемов, — скорее всего анекдот, и дело не обошлось без помощи чревовещателя. См. также Динав., с. 326, 328–329.

[89] Таб., II, с. 1654–1655. Ал-Йа‘куби сообщает, что Йусуф требовал от Абана б. ал-Валида, Тарика б. Абу Зийада и аз-Зубайра, наместников Исфахана, Рейа и Кумиса по 10 или 20 млн. дирхемов [Йа‘к., т. 2, с. 388], но это сообщение вызывает некоторые сомнения: во-первых, Тарик назван здесь наместником Фарса, тогда как в значительно более подробных сообщениях у ат-Табари он находился при Халиде, во-вторых, Абан б. ал-Валид у ат-Табари (его положение не определено) назван инициатором внесения девяти миллионов, чего не могло быть, если бы он сам находился под арестом.

[90] Йа‘к., т. 2, с. 388–389.

[91] Таб., II, с. 1659, пер., с. 262.

[92] Таб., II, с. 1663, пер., с. 264.

[93] Таб., II, с. 1688–1689, пер., с. 266.

[94] По рассказу ат-Табари, Наср возвратился в Мерв, а потом оттуда снова отправился в поход, намереваясь напасть на Шаш, но Курсул преградил ему дорогу [Таб., II, с. 1689; пер., с. 266]. Куда естественнее было бы непосредственно из Согда напасть на Шаш, не совершая полуторатысячекилометрового марша из района Самарканда в Мерв и обратно. Может быть, поход на Шаш был в 122 г. х., под которым нет никаких сведений о Хорасане?

[95] Таб., II, с. 1693, пер., с. 269; Нершахи, с. 84–85; Ср. Гарнати, пер., с. 50.

[96] Таб., II, с. 1667–1697, пер., с. 266–271.

[97] По одному сообщению, Кулсум прибыл в ша‘бане 123/21.VI–19.VII.741 г. [Халифа, с. 369], по другому — в рамадане 20.VII–18.VIII [И. Из., т. 1, с. 41]. В анонимном «Ахбар» сообщается, что каждый из четырех основных сирийских округов выделил по 6000 воинов, а пограничный округ Киннасрина — 3000 [Ахбар, с. 30–31], в Египте к этому войску присоединились еще 3000. Ту же численность сирийского войска называет и Ибн Изари [там же], но замечает, что воины взяли с собой семьи; может быть, указанная численность войска определяется именно этим, так как трудно представить, чтобы Сирия могла выставить такое многочисленное войско для столь дальнего похода.

[98] И. Из., т. 1, с. 32; вторая версия: Ахбар, с. 32–35; кратко о ситуации; Халифа, с. 370.

[99] Кинди, В., с. 82; Халифа, с. 376.

[100] Халифа, с. 370–372; И. Из., т. 1, с. 45–47. Ибн Изари подробно описывает сражение Ханзалы, но не упоминает предшествовавших поражений.

[101] Таб., II, с. 1586, пер., с. 239.

[102] Таб., II, с.1588–1589, пер., с. 241.

[103] Таб., II, с. 1588, пер., с. 240.

[104] Таб., II, с. 1640, пер., с. 261.

[105] Анон., 1960, л. 253а, пер., с. 89.

[106] Анон., 1960, л. 254б, пер., с. 90–91.

[107] О восстании Зайда б. Али и предшествовавших ему событиях: [Таб., II, с. 1668–1704; Анон., 1967, лл. 205б–209б].

[108] Таб., II, с. 1717–1725; пер., с. 176–271.

[109] Sauvaget, 1967.

[110] Schlumberger, 1939; 1986.

[111] Hamilton, 1959, p. 103–105.

[112] Hamilton, 1959, p. 8.

[113] Grabar, 1978, p. 292, No. 85.

[114] Grabar, 1978, p. 150.

[115] На первом этаже по крайней мере восемь блоков были жилыми и на втором должно было быть не меньше, что составляет в совокупности около 18–20 тыс. м^2, при плотности 10 м^2 на человека мы получим 2000 обитателей дворца. Реальность этой цифры подтверждается размерами мечети, которая могла вместить до 4000 человек. Кстати, в примерно таком же по площади Зимнем дворце в Петербурге до революции проживало 2000 человек.

Глава 5

[1] 53 года: [Халифа, с. 372; Йа‘к., т. 2, с. 394; Мас‘уди, М., т. 5, с. 464; М^c, т. 3, с. 214]; 52, 54, 55 лет: [Таб., II, с. 1729]. Выбрав, как наиболее вероятное, число 53, мы должны учитывать разницу в длине годов по хиджре и по солнечному кален-

дарю, из-за которой 53 года будут соответствовать возрасту в среднем (последний год может быть не полным) на 19 месяцев меньше, т.е. 51½–52 годам.

[2] Среда 6 раби‘ II 125 г. х. [Таб., II, с. 1728; Мас‘уди, М., т. 6, с. 1 М[c], т. 3, с. 225]; Халифа [с. 372] то же число относит к раби‘ I, но шестое в этом месяце не среда. Йа‘кут говорит о среде 9 раби‘ I [Йа‘к., т. 2, с. 394], которое также не среда, а четверг. Конечно, ошибки в датах на один день не чрезвычайная редкость, но еще чаще ошибки в определении парных по названиям месяцев.

[3] Таб., II, с. 1742, 1750. Халифа [с. 373] сообщает, что молитву над Хишамом читал ал-Валид, но это — явное недоразумение.

[4] Таб., II, с. 1750–1751.

[5] Йа‘к., т. 2, с. 394; Таб., II, с. 1751.

[6] В благодарность Масламе за то, что он заступался за него перед отцом, ал-Валид предложил Масламе скидку в размере пропитой им при жизни отца части наследства [Агани, т. 6, с. 113 (т. 5, с. 25)].

[7] Согласно ал-Йа‘куби, ал-Валид прибыл в Дамаск через 10 дней после смерти Хишама «в пятницу, когда осталось 10 дней раби‘ I» (21.II) [Йа‘к., т. 2, с. 397], но десятый день от конца месяца в раби‘ I — понедельник, а в раби‘ II — вторник. Надежнее отсчет от дня смерти Хишама (считая первым день смерти), тогда мы получаем 15 февраля, приходящееся на пятницу. Это не противоречит расчету времени прибытия гонцов в ал-Азрак 11 февраля, день-два на сборы и два-три дня на дорогу до Дамаска (310 км).

[8] Таб., II, с. 1754.

[9] Таб., II, с. 1752.

[10] Таб., II, с. 1766, пер., с. 278.

[11] Послание ал-Валида [Таб., II, с. 1756–1762], письмо Йусуфа [Таб., II, с. 1755].

[12] Йа‘к., т. 2, с. 197; Уйун, т. 1, с. 126.

[13] Йа‘к., т. 2, с. 397; Таб., II, с. 1768.

[14] Таб., II, с. 1769.

[15] Йа‘к., т. 2, с. 397–398; Таб., II, с. 1770–1774, пер., с. 280–282. Ал-Йа‘куби приводит как дополнительную версию сообщение о том, что Йахйа не был освобожден, а бежал из заключения, но тогда подробный рассказ о поездке на запад под контролем властей, со многими подробностями оказался бы выдумкой, что маловероятно, да и сам путь Йахйи, упоминаемый этим автором, говорит за то, что Йахйа двигался на Балх не из Мерва, а с запада. В указанном сообщении ат-Табари говорится, что Йусуф запрашивал ал-Валида, как поступить с головой Йахйи, но в другом месте [Таб, II, с. 1820] говорится о доставке ее ал-Валиду и торжественной демонстрации на приеме. Последнее сообщение позволяет заключить, что Йахйа был убит более чем за месяц до конца 125 г. х. [т.е. 24.X.743 г.].

[16] Сведения об этом противоречивы: в одном случае Халид навлекает на себя гнев отказом присягать несовершеннолетним [Таб., II, с. 1776], в другом — тем, что обманул ал-Валида со временем хаджжа [Таб., II, с. 1778], наконец, самый большой рассказ о злоключениях Халида [Таб., II, с. 1819–1822] не упоминает о близости Халида к ал-Валиду, но возможно, что в нем обращается внимание только на период немилости, а о встречах ранее в Дамаске говорится бегло.

[17] Таб., II, с. 1827.

[18] Таб., II, с. 1784; Пс. Дион., с. 33, пер., с. 30. В последнем источнике не очень четки даты и можно понять, что погодные бедствия приходятся на зиму 742/43 г., еще при жизни Хишама, но сведения ат-Табари определеннее и следует опираться на них.

[19] Агани, т. 6, с. 125. Характерно, что ат-Табари не упоминает этот эпизод среди прегрешений ал-Валида и в речи Йазида говорится только о неверии в Коран, но не о надругательстве над ним.

[20] Халифа, с. 281. Подробнее: [Таб., II, с. 1784].

[21] Таб., II, с. 1785–1787.

[22] «Стал править в Дамаске в ночь пятницы, когда оставалось семь [ночей] джумады второй» [Мас‘уди, т. 6, с. 18; $М^е$, т. 3, с. 233]. Ат-Табари датирует вступление Йазида в Дамаск также пятницей, не указывая ни месяца, ни числа. По обычным указаниям дат число дней, оставшихся от месяца, на единицу больше числа ночей, так как ночь последнего дня месяца относится уже к следующему месяцу. В данном случае установление точной даты осложняется тем, что неясно, включался ли вечер («ночь») в счет оставшихся ночей. Если не включался, то после дня пятницы оставалось не семь, а восемь ночей, если эту ночь считать, то окажется девять ночей. О частой путанице числительных «семь» и «девять» в арабском мы уже упоминали. Возможно, в данном случае имелась в виду ночь между четвергом и пятницей, между 9 и 10 апрелем, и реально власть была взята в пятницу 10 апреля. Подробный рассказ о захвате Дамаска: [Таб., II, с. 1788–93], он почти дословно (со ссылками на ал-Мадаини, а не на ат-Табари) повторен в анонимной истории [Уйун, т. 1, с. 135–138].

[23] Халифа, с. 381; Таб., II, с. 1790.

[24] Таб., II, с. 1832.

[25] Таб., II, 1790–1800. Халифа [с. 381] излагает его несколько иначе: ал-Аббас пришел без конницы, и Абдал‘азиз задержал его (*хабасаху*), и глашатай объявил о помиловании тем, кто перейдет к нему.

[26] Халифа, с. 381.

[27] Таб., II, с. 1798. Согласно коранической легенде (заимствованной из Библии), жители Содома, где жил праведный Лот (Лут), были побиты камнями с неба за мужеложество [Кор., 15: 61–79]; странным образом от имени праведного Лута было образовано прилагательное, позже субстантивировавшееся: *лути* — «педераст». Именно так называют враги ал-Валида у Халифы: «Убейте этого *лути* убиением народа Лута» [Халифа, с. 382]. В невнимании к женщинам ал-Валида трудно было упрекнуть: у него было 14 сыновей (не считая дочерей) и его еще обвиняли в сношениях с несколькими умм валад своего отца [Таб., II, с. 1777]. *Умм валад* — рабыня, родившая от хозяина и приобретавшая статус, близкий к положению законной жены, а поэтому сожительство с ней оказывалось таким же греховным, как с разведенной женой отца или его вдовой.

[28] Убит «в четверг, когда остались две ночи джумады второй» [Халифа, с. 380; Таб., II, с. 1810], в другом месте этот день неверно назван средой [Таб., II, с. 1836]; по данным ал-Йа‘куби [т. 2, с. 400] — «когда осталось пять ночей» без указания дня недели. В пользу более поздней даты свидетельствует воспоминание одного из участников нападения на ал-Бахра, что они ехали к ней темной безлунной ночью [Таб., II, с. 1801], именно такой и должна была быть ночь на 27 джумады второй, а тремя сутками ранее луна была в начале последней четверти и все-таки всходила в конце ночи.

Пятницей, в которую была привезена голова ал-Валида, могла быть только пятница на следующий день убийства (число не сообщается) [Таб., II, с. 1897], так как невозможно предположить, что такое важное свидетельство победы доставляли бы восемь дней — голова нужна была до присяги, которая прошла первого раджаба (воскресенье 19 апреля) [Халифа, с. 386].

Наиболее полное изложение событий, связанных с гибелью ал-Валида, в двух циклах рассказов у ат-Табари [Таб., II, с. 1795–1801, 1801–1810], почти дословно то же в анонимной истории [Уйун, т. 1, с. 130–144] со ссылками на ал-Мадаини, а не на ат-Табари; короче на основе тех же текстов: [Агани, т. 6, с. 127–139], хотя имеются некоторые добавления: так ас-Сакасики, первым перелезший через стену, предъявляет ал-Валиду целый список его прегрешений (в том числе сожительство с наложницами отца). В той обстановке времени для таких речей, конечно, не было [Уйун, с. 139]. Особняком стоит рассказ ад-Динавари, согласно которому инициатором борьбы против ал-Валида был Мухаммад б. Халид ал-Касри, мстивший за отца, отданного ал-Валидом на расправу Йусуфу б. Умару: он захватывает Дамаск и передает его Йазиду, осаждает ал-Балка [Динав., с. 349].

[29] Таб., II, с. 1830.

[30] Халифа, с. 386: «первого раджаба».

[31] Таб., II, с. 1834. На фоне различных обещаний благ обещание не выплачивать пособия на семьи выглядит странным, объяснить его можно только тем, что такие пособия получала верхушка войска, а основная масса воинов была этим недовольна. Йазид обещал восстановить справедливое равенство.

[32] Таб., II, с. 1834. Тот же текст с небольшими сокращениями у Халифы [с. 382–383].

[33] Таб., II, с. 1874.

[34] Мас‘уди, М., т. 6, с. 20; M^e, т. 3, с. 234.

[35] Таб., II, с. 1837.

[36] *Иẕā х̱алауна аййāму мин раджабин* [Таб., II, с. 1836]. Прошедшими считались дни до середины месяца. Следовательно, Мансур прибыл в Ирак не позднее 14 раджаба (2 мая).

[37] Таб., II, с. 1836–1841. И в этом случае у ад-Динавари главным действующим лицом оказывается Мухаммад б. Халид б. Касри [Динав., с. 349].

[38] Таб., II, с. 1839.

[39] Йа‘к., т. 2, с. 401; Таб., II, с. 1826; ал-Йа‘куби сообщает, что Йазиду после ал-Валида осталось в казнохранилище 48 млн. динаров [Йа‘к., т. 2, с. 400]. Конечно, прижимистый Хишам мог за 20 лет накопить большую сумму, которую ал-Валид не успел истратить, но эта сумма, выраженная в дирхемах, выглядит правдоподобнее; к тому же раздача даже такой суммы не вяжется с отменой надбавки, которая составляла 1–2 миллиона дирхемов в год.

[40] Ал-Йа‘куби [т. 2, с. 401], наоборот, называет ал-Аббаса руководителем восстания.

[41] Имеется в виду, что несовершеннолетний погубит свое состояние неразумно распоряжаясь им.

[42] Таб., II, с. 1826–1831.

[43] Таб., II, с. 1831–1834.

[44] Халифа, с. 360. Текст Халифы воспроизводит Абу Закарийа ал-Азди [А. Закарийа, с. 60], ат-Табари упоминает начало этого восстания под 127 г. х., как преамбулу к рассказу ад-Даххака, преемника Са‘ида [Таб., II, с. 1897].

[45] Таб., II, с. 1870–1873.

[46] Халифа, с. 394; А. Закарийа, с. 60.

[47] Таб., II, с. 1837.

[48] Naji, 1975.

[49] Таб., II, с. 1855–1865, пер., с. 285–292; Динав., с. 351–352.

[50] *Эрк* — тюркизированное иранское *арк* (крепость), так назывались цитадели некоторых средневековых иранских городов, например Бухары [см. также Бартольд, Соч., т. VII, с. 413–416].

[51] Таб., II, с. 1861–1862; пер., с. 289–290.

[52] Таб., II, с. 1867–1868.

[53] Му‘джам, с. 8.

[54] В последний день зу-л-ка‘да (13.IX) [Йа‘к., т. 2, с. 402], в воскресенье в первый день зу-л-хиджжи (14.IX, понедельник) [Мас‘уди, М., т. 6, с. 21–22; М[е], т. 3, с. 234], после дня жертвоприношения (10 зу-л-хиджжа/23.IX) [Таб., II, с. 1874], когда осталось 10 ночей зу-л-хиджжи [Халифа, с. 387; Таб., II, с. 1874], в последний день зу-л-хиджжи (10.XII) [Таб., II, с. 1874]. Указания на продолжительность правления дают точно такой же разнобой: 5 месяцев, 5 месяцев и 12 дней, 6 месяцев и 6 месяцев и 2 дня [Таб., II, с. 1874] и к тому же явно отсчитаны от приведенных выше дат; например, 6 месяцев и два дня соответствуют периоду от дня убиения ал-Валида до конца зу-л-хиджжа. Наиболее вероятна дата, привязанная к какому-то запоминающемуся событию, в данном случае — ко дню жертвоприношения.

[55] Халифа, с. 391.

[56] У ат-Табари указывается невероятная численность обоих войск: у Сулаймана 120 000, у Марвана 80 000, при этом еще оказывается, что Марван отправил 40 000 воинов в Ракку [Таб., II, с. 1887–1888]. 36–37 тысяч у Марвана, упоминаемые Халифой, ближе к действительности.

[57] Халифа, с. 391–392; Таб., II, с. 1889–1899.

[58] Это изложено в другой версии у ат-Табари [Таб., II, с. 1890–1991].

[59] Так у ат-Табари [II, с. 1889]; согласно Халифе [с. 392], ас-Суфйани сам освободился, выступил в мечети с призывами присягать Марвану, и ему в мечеть принесли голову Абдал‘азиза.

[60] Йа‘к., т. 2, с. 403.

[61] Халифа, с. 393.

[62] Халифа, с. 394–395; Таб., II, с. 1879–1881 (краткий вариант — 1881–1887). В первом случае выступление Абдаллаха б. Му‘авийи датировано мухаррамом 127 г. х., что совершенно невероятно, если верить истории с Исма‘илом б. Абдаллахом, а если ее принять, то и вступление Марвана в Дамаск придется отнести к мухарраму. Физически Марван не мог прибыть из Харрана в Дамаск за месяц с середины зу-л-хиджжи до середины мухаррама, но две хорошие последовательные даты ал-Йа‘куби трудно отвергнуть.

[63] Таб., II, с. 1898.

[64] Ат-Табари говорит о 30 000 сирийцев [Таб., II, с. 1899]. Эта цифра вызывает сомнение, тем более что предшествующий рассказ о действиях хариджитов не очень точен.

[65] Халифа, с. 395–396; у ат-Табари обе основные версии рассказа о военных действиях хариджитов до появления под Куфой [Таб., II, с. 1897–1899] ни о захвате Тикрита, ни о столкновении на Нахраване не упоминают, ад-Даххак как-то сразу появляется из Джазиры или Шахразура у Куфы, но зато у него рассказывается о соперничестве Ибн Умара и ан-Надра, чего нет у Халифы.

[66] Йа‘к., т. II, с. 660.

[67] Дата в некоторой степени предположительная. Ат-Табари сообщает о прибытии ад-Даххака в среду в раджабе без указания числа [Таб., II, с. 1899], указывая, что в четверг его войско готовилось к битве, в пятницу произошло сражение,

а в субботу ад-Даххак вступил в город. Халифа, пользовавшийся для изложения событий, связанных с захватом Куфы, тем же источником, что и ат-Табари (что доказывается не только одинаковым расположением событий по дням недели, но и некоторыми малозначительными деталями), также относит прибытие ад-Даххака к среде, но в другом месяце, ша‘бане; Халифа, как значительно более ранний автор, мог иметь в своем распоряжении более раннюю и более точную версию, и это склоняет к принятию его даты. В отличие от ат-Табари в его дате есть деталь, позволяющая определить место этой среды в пределах месяца, так как добавляет: «…когда прошли ночи ша‘бана». Это определение указывает на первую половину месяца, а в ней было две среды: 5 и 12. Предпочтение следует отдать первой, так как вторая могла быть названа серединой месяца, поэтому в тексте указана дата 5 ша‘бана/12 мая. Возможна еще одна версия датировки: ад-Даххак прибыл в последнюю среду раджаба, 5 мая, а в Куфу вошел в субботу 1-го ша‘бана, 8 мая.

68 Халифа [с. 396] сообщает о 17 убитых «мужчинах и женщинах», ат-Табари — «…четырнадцать всадников и тринадцать женщин» [Таб., II, с. 1901]. Оба автора явно использовали один источник, но сократили его сведения по-разному. В первоисточнике указывались две группы убитых, общим числом 27. Халифа взял общее число, но при переписках из двадцати семи получилось семнадцать (нередкая форма описки). Ат-Табари упомянул две группы погибших, но они странно разделены на кавалеристов и женщин, первое логично требует в качестве противопоставления упоминания пеших, а не женщин; более естественно разделение погибших на мужчин и женщин, но почему-то среди атакующих лагерь оказались женщины. У хариджитов женщины сражались наравне с мужчинами?

69 Халифа, с. 397; согласно ат-Табари [II, с. 1901], в четверг ад-Даххак готовился к сражению.

70 Ат-Табари упоминает, что Ибн Умар вышел из Васита в конце шаввала [Таб., II, с. 1913], правда, неясно, связано ли это с заключением перемирия. О договоре: Таб., II, с. 1913.

71 Таб., II, с. 1910; по краткому сообщению [А. Закарийа, с. 69], с иным исходом сражение произошло в местности Хассаф или Хусаф. У Сулаймана было 70 000 воинов и погибло 30 000 — эти цифры, скорее всего, надо уменьшить в 10 раз.

72 Таб., II, с. 1910–1913.

73 По сообщению ат-Табари, Марван ушел в Сирию в зу-л-ка‘да 12/августе 745 г. и назначил наместником Ирака Йазида б. Умара б. Хубайру [Таб., II, с. 1913], но это — явный анахронизм, так как последующие события противоречат этому.

74 Халифа, с. 397–398; Таб., II, 1913–1914; то же воспроизведено: А. Закарийа, с. 69.

75 *Аш-шурат* (множ. число причастия *шарин* «продавшие [душу Аллаху]») — одно из названий хариджитов [Прозоров, 2004, с. 28, 43]. У Халифы, ат-Табари, Абу Закарийи и ал-Куфи впервые встречается в рассказах о военных действиях против ад-Даххака [Йа‘к., т. 2, с. 405].

В некоторых случаях контекст позволяет подозревать, что *аш-шурат* не совсем идентично понятию «хариджиты». Так, Халифа, говоря о потерях в сражении, когда погиб ад-Даххак, сообщает: «и было убито около трех тысяч и большинство убитых — последователи (*асхаб*) ад-Даххака, и было убито из *аш-шурат* около восьмисот» [Халифа, с. 399–400]. Как бы ни понимать этот текст, *аш-шурат* оказываются только частью всех сторонников ад-Даххака: если потери сторонников ад-Даххака были больше половины от трех тысяч, то в них *аш-шурат* соста-

вят лишь часть. Примечательно, что в то же время в Хорасане и Сиджистане это название хариджитов не упоминается.

[76] Халифа, с. 432; Куфи, т. 8, с. 142–145. Рассказ, скорее всего, восходит к хариджитской устной традиции.

[77] Халифа, с. 400; ал-Йа‘к., т. 2, с. 404; ат-Таб., II, с. 1940–1941; А. Закарийа, с. 71–72.

[78] Так у Халифы, с. 401; по другим сведениям, Марван возвратился, когда узнал, что войско продолжает сражаться [Таб., II, с. 1941].

[79] Ат-Табари упоминает ас-Синн и Джазират ас-Синн, куда отступил Ибн Дубара [Таб., II, с. 1947]; в словаре Йакута это название не упоминается, но упоминание в другой версии этого рассказа ал-Мадаини позволяет локализовать район действия Ибн Дубары в среднем течении Тигра около впадения Диялы. Удар в этом направлении перерезал дорогу из междуречья Тигра и Евфрата к Хулвану и далее — на Иран.

[80] Халифа, с. 402–404; А. Закарийа, с. 72–75. У ат-Табари военные действия Йазида б. Умара б. Хубайры отнесены к концу 127/осени 745 г. [Таб., II, с. 1914–1915].

[81] О том, насколько противоречивы хронологические указания в изложении этих событий, свидетельствует сообщение ат-Табари о вступлении Ибн Хубайры в Куфу в рамадане 129 г. [Таб., II, с. 1947]. Если поверить этой дате, то окажется, что Марван пробыл под Мосулом почти полтора года, что невероятно, да и противоречит всему изложению хода событий у самого ат-Табари. Возможно, что дата появилась под влиянием сведений о вступлении в Куфу в рамадане (но 127 г. х.) ад-Даххака.

[82] Халифа, с. 405; А. Закарийа, с. 77, 107.

[83] Халифа, с. 405; Таб., II, с. 1976–1981 — ушел в Хорасан; Т. Сист, с. 133, пер., с. 147 — в Сиджистан, где и погиб, но хронологические ошибки в этом рассказе вынуждают относиться к нему с недоверием. О заточении в Харране пишет Абу Закарийа [с. 107] под 129 г. х. в связи с другим персонажем — такие упоминания, между прочим, обычно бывают достоверными.

[84] Халифа [с. 405] говорит о гибели Шайбана в Омане, ат-Табари [Таб., II, с. 1947–1948] говорит о его уходе в Сиджистан, о пребывании его там упоминает «История Систана» [Т. Сист., с. 123, пер., с. 147]. Точности указания даты гибели нет, но Халифа относит ее ко времени начала восстания Абу Муслима (рамадан 129 г. х.).

[85] Таб., II, с. 1921. В двух переводах на русский язык [МИТТ, т. I, с. 121 и Таб., пер., с. 300] неверно переведено «...и подошли к воротам Ник», хотя в тексте определенно сказано «вышли из...».

[86] Таб., II, с. 1933, пер., с. 307. У ат-Табари мы находим три хронологических указания: ночное нападение ал-Хариса на сторонников Насра — понедельник за две ночи до конца джумады II, гибель ал-Хариса за шесть [ночей] до конца раджаба и указание на то, что между отъездом Насра из Мерва и гибелью ал-Хариса прошло 30 дней; однако между двумя точно названными датами промежуток всего в 26 дней, если считать по дням недели, а если учесть, что столкновение между Насром и ал-Харисом продолжалось три дня, да и уехал он не сразу, то указанный промежуток оказывается еще меньше. Можно, конечно, предположить, что в первом случае были спутаны первая и вторая джумада — в этом случае указание на число месяца и день недели расходятся также на один день.

[87] Таб., II, с. 1967, пер., с. 323. По расположению в тексте рассказ об этих столкновениях можно счесть относящимся ко времени пребывания Абу Муслима

в Сафизандже или Махуване, но рассказ об этих столкновениях является зачином большого самостоятельного повествования, и в таких случаях повествователь заходит к нему издалека, часто с событий предыдущего года.

[88] Халифа, с. 409–410. В самом подробном описании борьбы Насра, б. ал-Кирмани и ал-Хариса, а затем начала открытой пропаганды Абу Муслима [Таб., II, с. 1917–1937 и 1938 и далее, пер., с. 298–311 и далее] рассказ о междоусобице в Мерве кончается гибелью ал-Хариса в конце джумады II 128 г., а далее в разделе о событиях 129 г. х. подробно описывается пропагандистская деятельность Абу Муслима и начало восстания 1 рамадана этого года; враждовали ли в течение года Наср и ал-Кирмани или примирились — остается неизвестным. Приведенное здесь изложение событий 129 г. х., имеющееся у Халифы, плохо определяемо во времени. Описание этих событий начинается словами: «И открыто выступил Абу Муслим в рамадане сто двадцать девятого года, и отправился ал-Кирмани в Мерверруд». Из этого можно было бы заключить, что между появлением Абу Муслима и уходом ал-Кирмани прошло немного времени, но далее говорится, что прошло шесть месяцев и настала зима, т.е. бои шли под Мерверрудом, и все последующее придется на 130 г. х. Но далее упоминается появление в Мерве ал-Хариса и ни слова не говорится о восстании Абу Муслима. В конце концов, после описания столкновений с хариджитами отмечается, что все описанное происходило в течение полутора лет [Халифа, с. 111]. Но где кончаются эти полтора года? Если считать, что повествование начинается с рамадана 129 г., то полтора года закончатся в первые месяцы 131 г. х., когда Абу Муслим явно одерживал верх над Насром, и отсутствие упоминания об этом было бы маловероятно. С другой стороны, если считать, что все сообщение предваряет начало открытого выступления Абу Муслима, то непонятно, почему ни один эпизод не совпадает с подробным рассказом ат-Табари о событиях 128 г. х. Отнесение рассказа Халифы о боях за Мерверруд к промежутку между гибелью ал-Хариса и появлением Абу Муслима в некоторой степени интуитивно.

Глава 6

[1] Приводимая ат-Табари дата прибытия 1 рамадана 129/16 мая 747 г. [Таб, II, с. 1954], судя по ситуации, сложившейся после его прибытия, являлась условленной датой начала открытых действий.

[2] Анон., 1960, л. 262б–263а; пер., с. 101.

[3] У ат-Табари [Таб., II, с. 1954; пер., с. 314]: «Когда была ночь четверга пяти оставшихся [ночей] месяца рамадана»; пятый день от конца рамадана приходился на субботу, поэтому в нашем тексте указывается дата, соответствующая четвергу, как более надежному указанию на соответствующий день месяца.

[4] Таб., II, с. 1955–56; пер., с. 315.

[5] Таб., II, с. 1957; пер., с. 316. В тексте: «после восемнадцати месяцев» — совершенно невероятно, так как, во-первых, Абу Муслим пробыл в Сафизандже не более полутора месяцев, а во-вторых, через 18 месяцев, в раби‘ I 131 г. х./ноябре 748 г. Абу Муслим был уже хозяином положения в Хорасане. Эту нелепую дату можно объяснить тем, что в ранних арабских источниках иногда опускалось исчисляемое: так вместо «через три дня» можно встретить «через три». В исходном тексте (IX в.?) «восемнадцать» также могло быть написано без исчисляемого, которое потом было добавлено при компиляциях и переписках.

[6] Йак., т. 4, с. 380. Далее в статье следует перечень лиц, связанных с этим селением.

[7] В переводе анонимной «Истории Аббасидов» отчество этого персонажа неверно транскрибировано как Гураз [Анон., 1960, л. 265б; пер., с. 104].

[8] Таб., II, с. 1060; пер., с. 364; Анон. Д., с. 280–281; Анон., 1960, л. 264б–265а.

[9] Таб., II, с. 1959–1960; пер., с. 318.

[10] Анон. Д., с. 288; Анон., 1960, л. 265б; пер. с. 105. Источник, сообщающий об этом, проаббасидски тенденциозен, и сообщение могло появиться для иллюстрации того, что даже такой непримиримый враг готов признать правоту дела Аббасидов.

[11] Халифа, с. 410. В тексте упоминается ал-Харис б. Сурайдж, но речь идет явно о его сыне. Первая версия: [Таб., II, с. 1975; пер., с. 328]. У Табари отсутствует имя сына ал-Хариса.

[12] Халифа, с. 410.

[13] Таб., II, с. 1969–1970; пер., с. 324.

[14] Таб., II, с. 1966; пер., с.322.

[15] Таб., II, с. 1966–1967; пер., с. 322–323. В тексте говорится, что Абу Муслим поехал к Али, пробыв в Махуване 14 дней. Понятно, что информация здесь искажена: за 14 дней до 5 или 3 мухаррама он был уже в Алине; более того, Абу Муслим был там если не с 6-го, то уж точно с 10-го зу-л-хиджжа. Видимо, в исходном тексте было: «двадцать четыре», ошибки подобного рода — не исключение. Действительно, от праздника жертвоприношения до 4 мухаррама включительно как раз 24 дня.

[16] Таб., II, с. 1973; пер., с. 326–327.

[17] Халифа, с. 411.

[18] По Абу Закарийи получается, что Абу Хамза вместе с Абдаллахом б. Йахйей поехал в Мекку. Согласно ему [А. Закарийа, с. 77–78] Абдаллах б. Йахйа говорит Абу Хамзе: «Отправляйся со мной, ведь я человек, которому повинуются в моем народе. И он вышел и достиг Хадрамаута, и присягнул ему Абу Хамза как халифу и на противление Марвану. И вышел с Абу Хамзой ас-Сулами Джабир б. Джабала…». Далее после длинной генеалогии Джабира перечисляются вышедшие с ним влиятельные роды (*бутун*). Вряд ли все они были с Абу Хамзой в Мекке и без всякой подготовки ушли в Хадрамаут.

[19] О ночном нападении см.: Халифа, с. 406. А. Халейфат безоговорочно принимает названную здесь численность войска наместника в 30 000 человек [Khaleifat, c. 120], хотя эта цифра маловероятна; Йа‘к., т. 2, с. 406 — 2000 человек.

[20] Халифа, с. 405–410; Йа‘к., т. 2, с. 406.

[21] Сообщение о тридцатитысячном авангарде Балджа у Халифы — явное преувеличение. При таком авангарде общая численность армии была бы никак не меньше 100 000 человек, а этого не могло быть. Здесь можно подозревать случающееся иногда десятикратное преувеличение.

[22] Халифа, с. 414–416.

[23] Халифа, с. 414–417; Йа‘к., т. 2, с. 406; Таб., II, с. 2012–2017; А. Закарийа, с. 110–115; Khaleifat, c. 120–126; Агани б., дж. 20, с. 109–113; А. Халейфат использовал также сведения ал-Балазури из недоступного мне второго тома «Ансаб ал-ашраф».

[24] Таб., II, с. 1986; пер., с. 330.

[25] Приводится несколько дат вступления Абу Муслима в Мерв, совпадающих по дню недели и числу, но относимых к разным месяцам: 9 джумады II, четверг

[Таб., II, 1985; пер., с. 329], 9 джумады I, четверг [Таб., II, с. 1986; пер., с. 330; с. 1987; пер., с. 321], 7 или 9 раби‘ II [Таб., II, с. 1990; пер., с. 332, с. 1993; пер., с. 335], 7 раби‘ I, воскресенье [Анон., 1960, л. 270б, пер., с. 111].

Поскольку ни в одном из указанных месяцев девятое число не приходится ни на четверг, ни на пятницу, определить, в каком месяце Абу Муслим вошел в Мерв, не удается, и приходится прибегать к использованию косвенных указаний. Так, ат-Табари приводит сообщение о том, что Абу Муслим, прибыв в Махуван в середине сафара 130 г. х., оставался там три месяца до отправления в Мерв, что может датировать прибытие в Мерв серединой джумады I (20–21 января 748 г.), по другой версии, он прибыл в Махуван 5 мухаррама [Таб., II, с. 1986; пер., с. 323] и, следовательно, вошел в Мерв 5 раби‘ II (13 декабря 747 г., среда). Это согласуется со свидетельством очевидца, что день во время бегства Насра был коротким [Таб., II, с. 1991; пер., с. 333], поэтому вступление Абу Муслима в Мерв датировано серединой декабря 747 г.

[26] По одной из версий, глава посланных за Насром процитировал ему фразу из Корана: «О Муса, знать совещается о тебе, чтобы убить тебя. Выходи же, я для тебя добрый советчик» [Кор., XXVIII, 19/20]. Наср понял, что грозит ему, и бежал. Потом Абу Муслим стал гадать, что указало Насру на грозящую опасность, и тогда вспомнили эту цитату. Абу Муслим казнил предателя [Таб., II, с. 1990, 1995; пер., с. 333, 336].

[27] Халифа, с. 112; Таб., II, с. 1996; пер., с. 336–337; Анон., 1960, л. 271б; пер., с. 113.

[28] Таб., II, с. 1997; пер., с. 337–339.

[29] Анон., 1960, л. 271б; пер., с. 113.

[30] Таб., II, с. 2000–2003; пер., с. 339–341; Анон., 1960, л. 271б–272б; пер., с. 113–114.

[31] Анон., 1960, л. 272б; пер., с. 116.

[32] Таб., II, с. 2008; пер., с. 342. В «Истории Аббасидов» приводится совершенно иная речь, начинающаяся с того, что сражение в первый день месяца величайшего праздника (т.е. зу-л-хиджжи) непременно принесет победу [Анон., 1960, л. 274а; пер., с. 116].

[33] Таб., II, с. 2004–2006; пер., с. 342–343.

[34] Таб., II, с. 1975; пер., с. 327–328; Анон., 1960, л. 286б; пер., с. 130.

[35] Различные источники приводят одну и ту же дату сражения под Исфаханом: суббота, когда осталось семь [дней] рабжаба, — т.е. 23 раджаба/18 марта 749 г. [Халифа, с. 419; Таб., III, с. 6; Анон. Д., с. 346; Анон., 1960, л. 278а; пер., с. 121]. Однако, как уже было отмечено П.А. Грязневичем [Анон., 1960; пер., с. 195], этот день приходится на вторник (прим. 579). Может быть, здесь следует видеть описку в рукописи источника, из которого через разные передачи заимствовали ошибочное написание саб‘а вместо тис‘а; при чтении «девять» указанный день окажется воскресеньем 21 раджаба/16 марта, что ближе к указываемому дню недели.

[36] Анон., 1960, л. 279а; пер., с. 122; Таб., II, л. 2004–2006; пер., с. 342–343.

[37] Таб., III, с. 6–7; Анон., 1960, л. 279а; пер., с. 122; Халифа [с. 420] датирует сдачу Нихавенда шаввалом.

[38] Таб., III, с. 18–19. В анонимной истории Аббасидов несколько иные даты: Мухаммад б. Халид по инициативе Абу Саламы занял резиденцию наместника 6 мухаррама, на следующий день после переправы Кахтабы через Евфрат, а 10 мухаррама, в пятницу, Абу Салама организовал парадное вступление хорасанского войска в Куфу [Анон. Д., с. 367–368; Анон., 1960, л. 271б; пер., с. 125]. Вместе

с тем, согласно данным ат-Табари, Мухаммад б. Халид захватил резиденцию через два дня после поражения Ибн Хубайры, в пятницу, и оставался хозяином положения до утра понедельника, когда к Куфе подошло хорасанское войско во главе с Хасаном б. Кахтабой. Кстати, в анонимной истории вместо Хасана, явно бывшего правой рукой Кахтабы, его преемником назван другой сын, Хумайд, ранее ничем не отличившийся. У ал-Йа‘куби рассказ об этих событиях сильно сокращен, и оказывается, что сражение с Йазидом б. Хубайрой произошло 5 мухаррама, сразу после переправы Кахтабы через Евфрат [Йа‘к., т. 2, с. 411–412].

[39] Таб., III, с. 19.

[40] Таб., III, с. 21–23.

[41] Согласно ат-Табари, он ушел, узнав о гибели Ибн Хубайры, но тот погиб несколькими месяцами позднее [Халифа, с. 427]. Приблизительно его уход можно датировать таким образом: Абу-л-Аббас принял присягу 13 раби‘ II / 19 ноября и, конечно, не в этот же день решил вопрос о назначении наместника в Басру. Положим на это пять дней, ведь между прибытием наместника, назначенного еще всевластным Абу Саламой, и назначением наместника халифа прошло именно пять дней, и примерно столько же потребовалось на дорогу в Басру — получим дату прибытия Суфйана — приблизительно 29 ноября; между бегством Салма и прибытием Суфйана один правитель продержался пять дней, другой «немногие дни», т.е. Салм бежал около того времени, когда Абу-л-Аббас стал халифом, а весть из Васита могла дойти до Басры за три-пять дней.

[42] Таб., II, с. 43–44; Анон., 1960, л. 286а–287а; пер., с. 130–132. У других историков сообщения об этом очень кратки.

[43] Рассказ об этом только: Анон., 1960, л. 290а, б; пер., с. 136–137.

[44] Ал-Йа‘куби сообщает, что Абу-л-Аббас и его родичи находились в подземной цистерне (*сирдаб*) [Йа‘к., т. 2, с. 413], чего не упоминают другие источники, даже проаббасидская анонимная история Аббасидов. Йа‘куби явно преувеличивает тяготы их секретного пребывания в Куфе.

[45] Так у ат-Табари и в анонимной истории Аббасидов [Таб., III, с. 23, 36–37; Анон., 1960, л. 292а; пер., с. 138]. Йакуби [т. 2, с. 418] называет пятницу 13 раби‘ I. У Халифы б. Хаййата день присяги — пятница, «когда осталось 13 дней раби‘ I» [Халифа, с. 424], но вторая дата явно ошибочна, так как, во-первых, 14 от конца день раби‘ I/3 ноября 749 г. приходится на понедельник, во-вторых, это противоречит указанию на то, что Аббасиды тайно жили в Куфе 40 дней (пусть это даже приблизительная цифра). Известие о захвате Куфы могло прийти в Хумайму не раньше, чем через две недели, следовательно, выехать Аббасиды могли не раньше конца мухаррама и, потратив еще минимум две недели, прибыли бы в середине сафара, когда до 16–17 раби‘ I оставался только месяц.

[46] Таб., III, с. 30–32; Анон., 1960, л. 292б–293а; пер., с. 138–139, речь Дауда здесь короче.

[47] А. Закарийа, с. 125.

[48] А. Закарийа, с. 127–128; Согласно версии, приведенной ат-Табари, Мухарик был тощим и невзрачным и поэтому смог выдать себя за раба; Марван отпустил его на все четыре стороны, и он возвратился к своим [Таб., III, с. 39]. Эта версия представляется менее достоверной: во-первых, сомнительно, чтобы человек того времени не отличил бы раба от свободного, во-вторых, отпустить пленного раба было просто невыгодно — он был частью добычи.

[49] А. Закарийа, с. 133. По рассказам, сохраненным этим автором, можно подумать, что Марван бежал до Мосула чуть ли не в одиночку, однако по сведениям

ат-Табари победители не нашли в лагере женщин, кроме невольниц Абдаллаха б. Марвана; значит, отступавшие взяли с собой жен, и при них был большой отряд сопровождения.

[50] Таб., III, с. 38–40.

[51] Таб., III, с. 48. По другой версии, город был взят штурмом [Таб., III, с. 47]. В пользу первой версии говорит отсутствие упоминаний о казнях после взятия города. Н.А. Медников перевел версию только с. 47, без даты, а дату указал в примечании — суббота 3 рамадана (по Ибн ал-Асиру) [Медников, 1897, с. 229–230].

[52] Йа‘к., т. 2, с. 424.

[53] Халифа, с. 424–425. Халифа датирует казни понедельником и вторником: «когда осталось тринадцать дней зу-л-ка‘да», но тринадцатый день от конца этого месяца — воскресенье, а если считать, что при таком определении даты указанным днем надо считать четырнадцать дней от конца, то он окажется субботой. Именно этот день, когда открыли ворота, мог скорее всего запомниться. Впрочем, эти расхождения не имеют существенного значения.

[54] Кинди, В., с. 96–97; Таб., III, с. 47–51; Йа‘к., т. 2, с. 415–417.

[55] «В пятницу, когда оставалось семь дней зу-л-хиджжи» [Кинди, В., с. 96]; в воскресенье, когда оставалось три дня зу-л-хиджжи» [Таб., III, с. 51]. В обоих случаях числа месяца не совпадают с днем недели: в первом случае этот день суббота, во втором — среда. Правда, счет дней от конца месяца: выражение «когда осталось семь дней (или ночей) подразумевает, что после текущего дня будет еще семь, т.е. речь идет о восьмом дне от конца, но в некоторых случаях текущий день включается в счет. Если исходить из последнего, то седьмой день в дате ал-Кинди окажется в самом деле воскресеньем 2 августа.

[56] Розен, 1888, с. 156.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ[1]

ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.
ПЛНВ	— Памятники литературы народов Востока. М.
ППВ	— Письменные памятники Востока. М.
ПС	— Палестинский сборник. СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
COA	— Colección de obras arábigos ... que publica la Real Academia de la Historia. Madrid
DI	— Der Islam. B.–Lpz.
JSAI	— Jerusalem Studies in Arabic and Islam. Jerusalem
JA	— Journal asiatique. P.
JAOS	— Journal of the American Oriental Society. New Haven
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
REI	— Revue des études islamiques. Damas.
Syria	— Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. P.
ZA	— Zeitschrift für Assyriologie. Heidelberg

[1] В списке сокращений и списке источников и литературы приводятся только те названия, которые отсутствуют в первых трех томах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

А. Закарийа — Та'рӣх ал-Мавṣил, та'лӣф Абӣ Закарийи Мухаммад ибн Иийāс ибн ал-Кāсим ал-Аздӣ. С. 334 х. — 945 м. Тахкӣк 'Алӣ Хабӣбийа. Ал-Кāхира, 1387 х. / [1967 м.].

Агани — Китāб ал-агāнӣ та'лиф Абӣ-л-Фараджа ал-Иṣфахāнӣ. Ал-Кāхира, 1967.

Агани б. — Ал-муджаз ал 'ишруна мин Китāб ал-агāнӣ ли-л-имāм Абӣ-л-Фарадж ал-Иṣфахāнӣ. Булāк, 1285 х. [1867 м.].

Анон., 1960 — Арабский аноним XI века. Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П.А. Грязневича. М., 1960 (ПЛНВ, т. VI).

Анон., 1967 — История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П.А. Грязневича. Указатели М.Б. Пиотровского и П.А. Грязневича. М., 1967 (ППВ, т. XI).

Анон., Д. — Ахбāр ад-даулат ал-'аббāсийа ва фихи ахбāр ал-аббāс ва валадихи… Тахкӣк ад-дуктӯр 'Абд ал-'азӣз ад-Дури. Байрӯт, 1971.

Ахбар — Ajbar Machmuâ... Cronica anónima del siglo XI dabia a luz par primera vez. Traducida y annotada por Don Emilio Lafuentay y Alcántara, Madrid, 1867 (COA, tom 1).

Балаз., А., т. 3 — Al-Baladhuri. Ansab al-Asraf. Teil 3. Hrsg. von Abdal aziz Ad-Duri. Beirut, 2001 (Bibliotheca Islamica. Bd. 28).

Бируни, А., пер. — Абурейхан Бируни (973–1048). Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений. Перевод и примечания М.А. Салье. Таш., 1957.

Бируни, А. — Chronologie orientalischer Völker von Alberuni. Hrsg. von C.E. Sachau. Lpz., 1878.

Васити — Та'рӣх Вāсит та'лӣф Аслам ибн Сахлар-Раззāз ал-Вāситӣ ал-ма'рӯф би-Бахшал ал-мутаваффӣ сана 292 х./902 м. Тахкӣк Куркӣс 'Аввāд. Багдāд, 1387 х./ [1967 м.]

Гардизи — Зайн ал-ахбāр аз Абӯ Са'ӣд 'Абд ал-Хайй бен Захāк бен Махмӯд Гардӣзӣ (Шамил та'рӣх-и Сасāнийāн ва сӣрат-и расӯл-и акрāм ва хулāфā ва ахбар-и умарā-йи Хурасāн та байāн-и давоа-йи ṣаффāрӣ). Ва таṣхӣх ва мукаддима ва фихрист ва хавāши Са'ӣд Нафӣсӣ. Техрāн, 1333 х./[1954 м.].

Гарнати, пер. — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. 1131–1153. Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971, с. 23–83.

Гарнати, рук. — Тухфат ал-азхāн фӣ 'аджā'иб ал-булдāн. Pertsch W. Die orientalischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Theil 3. Gotha, 1881. S. 164. Другое название: Ал-Му'риб фӣ ба'д 'аджā'иб ал-Магриб.

Зехир-Еддин, 1850. — *Sehir-Eddin.* Geschichte von Tabaristan. Persischer Text. Hrsg. von B. Dorn. St. Petersburg, 1850.

И. Абдрабб. — Ал-‘Икд ал-фарӣд ли-л-имāм ал-Фāḏил ал-вахӣд Шихāб ад-дӣн Аẖмад ал-ма‘руф би Ибн ‘Абд Раббихи ал-Андалусӣ ал-Мāликӣ. Дж. 1–3. Ал-Ḳāхира, 1283 х./[1876 м.].

И. ал-Кутийа — Historia de la conquista de España de Abenalcotía El Cordobés. Seguida de fragmentos históricos de Abencotaiba, etc. Traducción de Don Julián Ribera. Madrid, 1926 (COA, tom 2).

И. Из. — Histoire de l'Afrique et de l'Espagne, intitulée Al-Bayano 'l-Mogrib, par Ibn-Adhárí (de Maroc), et fragments de la chronique d'Aríb (de Cordoue)... Publ. ... par R.P.A. Dozy. T.I. Leyde, 1848–1851.

Макк. — *Maqqarī, Aḥmad ibn Muḥammad.* Analectes sur l'histoire et la littérature des Arabes d'Espagne. Publiés par R. Dozy, G. Dugat, L. Krehl et W. Wright. T. 1–2. Leyde, 1855–1861.

Му‘джам — Му‘джам банӣ Умаййа истиẖрāдж мин Та'рӣẖ Димашḳ. Байрӯт, 1970.

Мух. И. Абдх. — Сӣрат ‘Умар ибн ‘Абд ал-‘Азӣз ‘алā мā равāху ал-имāм Мāлик ва аṣẖāбуху, та'лӣф Абӣ Муẖаммад ‘Абд Аллāх ибн ‘Абд ал-Ḫакам ал-Ḳурашӣ сана 214, ривāйат ибнихи Абӣ ‘Абд Аллāх Муẖаммад ал-мутаваффӣ сана 268 хиджри. Насаẖахā ва ṣаẖẖаẖахā ва ‘аллаḳа ‘алайхā Аẖмад ‘Убайд. Димашḳ, 1346 х./[1927 м.].

Наубахти — *Ал-Хасан Ибн Муса ан-Наубахти.* Шиитские секты. Перевод с арабского, исследование и комментарий С.М. Прозорова. М., 1973.

Сафар, 1952 — Вāсиṭ ал-мавсим ас-сāдис ли-л-танḳӣбāт би ḳалам Фу'ад Сафар. Баġдāд, 1952.

Уйун — Fragmenta historicorum arabicorum. Tomus primus, continens partem tertiam operis Kitábo 'l-Oyun wa 'l-hadáïk fi akhbári 'l-hakáïk, quem ediderunt M. J. de Goeje et P. de Jong. Lugduni Batavorum, 1869.

Химйари — La péninsule Ibérique au moyen-âge d'après le Kitāb ar-rawḍ al mi‘ṭār fī ḫabar al-akṭār d'Ibn ‘Abd al-Mun‘im al-Ḥimyarī. Texte arabe des notices relatives à l'Espagne, au Portugal et au sud-ouest de la France / Publié avec une introduction, un répertoire analytique, une traduction annotée, un glossaire et une carte, par E. Lévi-Provençal. Leiden, 1938.

Литература

Атагаррыев, 1986 — *Атагаррыев Е.* Средневековый Дехистан. История и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л., 1986.

Большаков, 1969 — *Большаков О.Г.* Ислам и изобразительное искусство. — Труды Государственного Эрмитажа, т. X. Л., 1969, с. 142–156.

Вайнберг, 1977 — *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма, М., 1977.

Кляшторный, 1986 — *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках — Turcologica 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1986, с. 153–164.

Кляшторный, 2002 — *Кляшторный С.Г.* Праславянские племена в Поволжье. — История татар. Т. I. Казань, 2002, с. 210–217.

Кляшторный, Султанов, 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.

Кожемяко, 1959 — *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

Лившиц, 1962 — Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962.

Матвеев, 1993 — *Матвеев В.В.* Северная Африка (Развитие феодальных отношений в VII–IX вв.). М., 1993.

МИА 14 — *Бернштам А.Н.* Чуйская долина (МИА, вып. 14). М.–Л., 1950.

Прозоров, 2004 — *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. М., 2004.

Розен, 1888 — *Розен В.Р.* [Рец. на]: *E. Sachau.* Alberuni's India. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A.D. 1030. Edited in the Arabic Original by Dr. Edward Sachau, London, 1887. — ЗВОРАО. Т. III. СПб., 1888.

Семенов, 2003 — *Семенов Г.Л.* Ак-Бешим и города Семиречья. — Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003, с. 218–222.

Смирнова, 1963 — *Смирнова О.И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.

Толстов, 1948 — *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Чураков, 1990 — *Чураков М.В.* Народное движение под знаменем хариджизма. М., 1990.

Abbot, 1938 — *Abbott N.* The Ḳurrah Papyri from Aphrodito in the Oriental Institute. Chicago, 1938 (Studies in Ancient Oriental Civilization, No. 15).

Bashear, 1991 — *Bashear S.* Early Muslim-Bysantinic Wars. A Review of Arabic Sources. — JRAS, 3[d] ser., vol. 1, p. 173–207.

Becker, 1906 — *Becker C.H.* Arabische Papyri des Aphroditofundes. — ZA, 20, 1906, No. 1.

Becker, 1911 — *Becker C.H.* Neue arabische Papyri des Afroditofundes. — DI, Bd. 2, 1911.

Creswell, 1958 — *Creswell K.A.C.* A Short Account of Early Muslim Architecture. Harmondsworth, 1958.

Crone, 1994 — *Crone P.* Were the Qays and Yemen of the Umayyad Period Political Parties? — DI, Bd. 71, 1994, S. 1–57.

Dowsett, 1961 — *Dowsett C.J.F.* The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Translated by C.J.F. Dowsett, L., 1961.

Esin, 1977 — *Esin E.* Tarkhan Nisak or Tarkhan Tirek? — JAOS, vol. 98, 1977, p. 323–332.

Grabar, 1978 — *Grabar O.* City in the Desert. Qasr al-Hayr East. An Account of the Excavations Carried out at Qasr al-Hayr East on Behalf of the Kelsey Museum of Archaeology at the University of Michigan with the Help of Harvard University and Oriental Institute, the University of Chicago. Vol. 1–2. Cambridge (Mass.), 1978.

Hamilton, 1959 — Khirbat al Mafjar: An Arabian Mansion in the Jordan Valley by R.W. Hamilton, F.S.A. With a contribution by Dr. Oleg Grabar. Oxford, 1959.

Hasan, 1975–76 — *Hasan N.* The Role of the Arab Tribes in the East during the Period of the Umayyads (40/660–132/749). Baghdad, 1975–1976.

Khleifat, 1978 — Nashat al-harakat al-Ibadia by A.M. Khleifat. Amman, 1978.

Lévi-Provençal, 1950 — *Lévi-Provençal E.* Histoire de l'Espagne musulmane. T. 1. P.–Leiden, 1950.

Puttrich-Reignard, 1939 — *Puttrich-Reignard O.* Die Palastanlage von Chirbet el-Minje'. — Palästina-Hefte des Deutschen Vereins vom Heiligen Lande. Köln, 1939.

Sauvaget, 1939 — *Sauvaget J.* Remarques sur les monuments Omeyyades. — JA, 13e série, t. 231, 1939, p. 1–59.

Sauvaget, 1967 — *Sauvaget J.* Les châteaux Umayyades de Syrie. — REI, vol. 35, 1967, p. 1–42.

Schaeder, 1925 — *Schaeder H.H.* Hasan al-Basri. Studien zur Frühgeschichte der Islam. — DI, Bd. 14, S. 1–75.

Schlumberger, 1939 — *Schlumberger D.* Les fouilles de Qasr el Heir el Gharbi (1936–1938). Rapport préliminaire. — Syria, t. 20, 1939, p. 195–238, 324–373.

Schlumberger, 1986 — *Schlumberger D.* Qasr el-Heir el Gharbi par Daniel Schlumberger. Relevés et dessins de Marc Le Berre, contributions de Michel Écochard et Nessib Saliby, mise au point par Odile Écochard et Agnès Schlumberger. Texte et planches. Paris, 1986.

Sharon, 1983 — *Sharon M.* The Black Banners from the East. I. The Establishment of the 'Abbāsid State. Incubation of a Revolt. Jerusalem, 1983.

Sharon, 1984 — *Sharon M.* The Development of the Debate around the Legitimacy of Authority in Early Islam. — JSAI, vol. 5, 1984, p. 121–141.

Sharon, 1986 — *Sharon M.* Ahl al-Bayt — People of the House. — JSAI, vol. 8, 1986, p. 169–184.

Sharon, 1989 — *Sharon M.* The Umayyads as Ahl al-Bayt. — JSAI, vol. 11, 1989, p. 115–152.

Sharon, 1990 — *Sharon M.* Revolt. The Social and Military Aspects of the 'Abbāsid Revolution. Black Banners from the East II. Jerusalem, 1990.

Strika, 1968 — *Strika V.* Origini e primi sviluppi dell'architettura civile musulmana. Venezia, 1968.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

CONTENTS

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Большаков Олег Георгиевич

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА
IV

Апогей и падение арабского Халифата
(695–750)

Утверждено к печати
Институтом восточных рукописей РАН

Редактор *А.А. Ковалев*
Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректоры *Е.И. Крошкина, И.И. Чернышева*

Подписано к печати 03.12.2010
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 23,0. Уч.-изд. л. 23,6
Тираж 2000 экз. Изд. № 8395. Зак. № 2175

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21. www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036415-8

